

Псковский государственный педагогический
институт им. С.М.Кирова

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА

Проблемы, взгляды, люди

Под редакцией профессора
Е.П. Иванова

Псков 2004

**ББК 63.3(2)
И 907**

Печатается по решению кафедры отечественной истории и редакционно-издательского совета Псковского государственного педагогического института им. С.М. Кирова.

История Отечества. Проблемы. Взгляды. Люди.//Под редакцией профессора Е.П. Иванова. - Псков: ПГПИ, 2004. - 448 с.

Авторы: *З.А. Тимошенкова*, кандидат исторических наук, доцент (Раздел 1, §§ 1 -4); *А.А. Михайлов*, доктор исторических наук (Раздел 1, § 5); *И.К. Лабутина*, кандидат исторических наук, профессор (Раздел 1, § 6); *Е.П. Иванов*, доктор исторических наук, профессор (Раздел II, §§ 1 - 7,9); *А.В. Седунов* (Раздел II, § 8); *П.А. Николаев*, кандидат исторических наук, профессор (Раздел III, §§ 1 - 3,5); *Л.Д. Васильева* (Раздел III, § 4); *А.В. Филимонов*, кандидат исторических наук, доцент (Раздел IV); *М.Т. Маркова*, кандидат исторических наук, доцент (Раздел V); *С.В. Кускова*, кандидат педагогических наук, доцент (раздел V, § 1 - совместно с М.Т. Марковой).

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор *С.А. Иванов* (Псковский государственный педагогический институт); кандидат исторических наук *Т.В. Круглова* (Псковский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник).

Книга рассчитана на широкого читателя, в том числе учителей истории, учащихся средних и студентов высших учебных заведений. Она может быть использована всеми, кто интересуется историей России. В пособии излагается комплекс важнейших, на взгляд авторов, проблем истории нашей страны, точки зрения дореволюционных, советских и современных историков, а иногда и ученых-эмигрантов на эти проблемы. В ряде случаев помещен не только новый историографический, но и фактический материал по вопросам, которые совсем не рассматривались, рассматривались недостаточно полно или искажались в прежних, а иногда и современных, школьных и вузовских учебниках по истории России.

ISBN 5-87854-272-2

© Коллектив авторов, 2004

© Псковский государственный
педагогический институт
им. С.М. Кирова
ПГПИ им. С.М.Кирова, 2004

От авторов

«Сколько людей, столько и мнений», - гласит народная пословица. Разнообразие взглядов в исторической науке необходимо для того, чтобы шире и глубже отобразить прошлое. Без учета комплекса взглядов, существующих в исторической науке, нельзя постичь суть исторических процессов, а следовательно, и эффективно использовать опыт поколений.

Казалось бы, сказанное выше - это банальная истина, но она подчас не учитывается в исторических учебниках и учебных пособиях. В них по-прежнему исторический процесс предлагается лишь в одном - авторском - варианте. В этом отношении удивительно консервативны школьные и вузовские учебники. Кроме того, многие из них несут в себе старые структуры и старые оценки, а если же от последних авторы и отказываются, то не приводят, как правило, новых или ограничиваются лишь внешним камуфляжем, заменяющим необходимость коренных изменений в содержании исторического образования. Именно эта цель - внести свой вклад в обновление содержания исторических знаний у людей - и стоит перед авторами настоящего издания.

Необходимость решения указанной задачи очевидна кроме всего еще и потому, что в условиях обостренного интереса к родной истории в последние годы появилось (особенно - в публицистике) множество ненаучных или поверхностных взглядов. Выискиваются, иногда и специально, различные исторические «сенсации», извращаются или фальсифицируются факты и т.д. Одна из задач настоящего издания - дать научные, аргументированные оценки по многим проблемам отечественной истории.

В нашу задачу не входит стремление дать систематический курс истории России. В центре внимания авторов оказались лишь важнейшие, на наш взгляд, ее проблемы с древнейших времен до 1990-х годов. При этом, освещение этих проблем, чаще всего, сопровождается изложением различных взглядов и точек зрения, спектр которых, конечно, неполный из-за ограниченного объема издания.

Авторы видят свою задачу и в том, чтобы ознакомить читателей с наиболее значимыми, с их точки зрения, оценками по

представленным в книге проблемам. В ряде случаев рассматриваются взгляды ранее забытых или запрещенных историков, в том числе русских эмигрантов. Иногда воссоздаются и взгляды дореволюционных ученых.

Среди проблем, рассмотренных в настоящем издании, в первую очередь надо выделить проблему российской государственности. Она рассматривается применительно ко всем периодам нашей истории, причем вместе с нею предметом анализа являются и личности монархов, а в советское время - высших партийно-государственных руководителей. Отметим, что главное здесь в том, что они характеризуются не просто как символы верховной власти, а как живые люди, личные качества которых сыграли ту или иную роль при осуществлении ими управления страной.

Не обойдены вниманием и социально-экономические процессы, особенно - периода средневековья и первых трех десятилетий XX века. Заметное место занимают также вопросы развития сословно-социальной структуры российского народа, в том числе - социальных процессов на рубеже XIX - XX веков. Впервые в рамках такой книги поднимается проблема национально-го характера, без которой сейчас не обойтись. Большое внимание уделено характеристике всех основных направлений общественно-политической жизни - либеральному, революционному и консервативному - в XIX - XX веках, а также их лидерам.

Авторы стремились уйти от мировоззренческой однобокости, а также от прежних стереотипов и тем более от догматических оценок событий, явлений, фактов и личностей. Они надеются на то, что настоящее пособие будет способствовать творческому изучению родной истории и стимулировать стремление читателей к осмысленному и глубокому усвоению поставленных в нем проблем.

В заключение выражаем большую признательность ученому секретарю Государственного исторического музея в Москве А.А. Смирнову за ряд ценных замечаний.

Раздел I

Проблемы истории феодальной России

---

1. Поиски в области методологии

Перемены, происходящие в мире и в нашей стране, политические страсти и заботы повседневного бытия не только не ослабили интерес к истории, а наоборот, привели к еще более острому восприятию прошлого. Это закономерно. В начале XX в. Н.А. Бердяев отмечал, что «исторические катастрофы и переломы... всегда располагали к размышлениям в области философии истории, к попыткам осмыслить исторический процесс». Но, критически оценивая прошлое, следует избегать нигилизма. Однако как этого добиться, каким ориентиром отдать предпочтение? Как всегда, на переломном этапе заново встают мировоззренческие и методологические проблемы исторического познания.

Сейчас отечественные обществоведы активно критикуют теорию формации и в целом марксизм. Исследователи же Запада, отмечая ограниченность многих положений марксизма, вместе с тем считают, что как метод познания марксизм не может быть отброшен. Ведь при анализе событий не обойтись без изучения интересов классов, сословий, социальных групп как реальных их участников.

Суд над марксизмом, характерный в первую очередь для нашей публицистики, фактически приводит к отрицанию исторической науки последних 70 лет, рассмотрению трудов историков как сплошной фальсификации. Такой подход скорее политический, чем научный. Хотя определенно можно считать, что абсолютизация марксистского метода в современной исторической науке приводила к забвению многих достижений в российской, в первую очередь дореволюционной науке, и затуханию национальных особенностей исторического процесса.

К рассмотрению развития советской историографии надо подходить весьма дифференцированно. В ее арсенале многие яркие труды, особенно по истории дореволюционной России.

В целом советская наука многие годы развивалась в традициях русской исторической науки. Это прежде всего русская источниковедческая школа. Советская аграрная школа - это традиции А.М. Гневушева, К.А. Неволина, архимандрита Сергия, А.М. Андрияшева, академика Н.К. Никольского. Беда же советской науки в том, что были преданы забвению целые направления исторической науки, например краеведение, являющееся необходимым звеном между академической наукой и народом. Оказалась деформированной до абсурда или совершенно отброшена история церкви, в зачаточном состоянии находится генеалогия.

Современный период развития отечественной исторической науки характеризуется постепенным отказом от классового критерия как единственного, через призму которого можно познать все - от судеб страны до мыслей отдельной личности, и признание необходимости многофакторного подхода. В связи в этом ведется активный поиск новых методологических подходов, идет оживленная, подчас острая дискуссия о соотношении таких методологических понятий, как формация и цивилизация, культура, о том, что дает каждое из них в отдельности и вместе взятые для понимания исторического процесса, можно ли объединить при анализе общества формационный и цивилизационный подходы.

Большинство исследователей при этом отмечает, что разработка К. Марксом и Ф. Энгельсом теории формаций означала не только борьбу против идеалистического истолкования человека в историческом процессе, но и переход к рассмотрению общества как сверхсложной системы, организующейся вокруг определенных принципов. Отмечается также влияние этой теории на все последующее развитие исторических знаний независимо от того, признавали или отрицали ее те или иные историографические направления.

К сожалению, в практике историков учение о формациях в ряде случаев оказалось не средством социально-экономического анализа, а целью, т.е. гипотеза превратилась в непогрешимую догму.

В определении соотношения понятий «формация» и «цивилизация» наметились три основных подхода: 1) эти понятия не сопоставимы; 2) цивилизация есть часть формации; 3) формация есть часть цивилизации.

Большей плодотворности этих дискуссий мешает недостаточная разработка обоих понятий. Теория формации мало продвинулась вперед после смерти ее создателей. Теория цивилизаций разрабатывалась в первую очередь на материале Востока. Она имеет множество определений и отличается недостаточной проработкой структурообразующих признаков (принципов). Наряду с цивилизационным, попыткой преодоления европоцентризма является и культурологический подход, широко распространенный на Западе, но не получивший еще достаточного освещения и применения в отечественной историографии. При антропологическом понимании культуры под ней понимается вся жизнь. При социологическом подходе понятием культура охватывается часть жизни общества, а сама культура рассматривается как система, сложная данность ценностей, мнений, знаний и основных норм поведения в обществе. При философском - культура предстает не как синоним общества и не как определенная часть или сторона общественного развития, а как явление, выделяемое из процесса только аналитически и могущее стать предметом изучения лишь на уровне самой высокой абстракции,

Наряду с вышесказанным в арсенале современной отечественной исторической мысли есть подходы и методы, которые не получили пока широкого распространения, например, теория этногенеза Л.Н. Гумилева, опирающаяся на учение о биосфере В. И. Вернадского. По мнению Л.Н. Гумилева, в этногенезе главную роль играет биологическая энергия. Она накапливается в человеческих коллективах, возникают избыточные ее проявления, взрывы, которые он называет пассионарностью*, в результате чего появляются новые этносы. Этническая история прерывиста: вспышка пассионарности - существование на отрезке времени (1,5 тыс. лет) - распад и гибель. Этнос тесно связан с

---

* Пассионарность - внутреннее стремление к действию, независимое от разума человека.

ландшафтом. Радикальное изменение ландшафта, по мнению Л.Н. Гумилева, приводит к появлению нового этноса. В целом следует отметить внимание ученых к историко-географическому синтезу как на уровне общетеоретических построений, так и решения конкретно-исторических проблем, что в определенной степени связано с возвращением к традициям «государственной школы», хотя современные авторы не всегда упоминают о своих предшественниках.

При изучении прошлого следует избегать излишней универсализации методологии, ибо в этом случае даже при верной в целом методологии трудно избежать искусственной подгонки под выработанные с ее помощью типовые явления конкретных событий и процессов и даже искажения исторической действительности. Задача историка не в том, чтобы апологизировать то, что вчера огульно зачеркивалось. Задача историка в том, чтобы наши представления были адекватны историческому прошлому. В стремлении к этой цели историк на основании тщательного анализа должен выделить из совокупности имеющихся философско-исторических теорий и подходов все то, что позволяет углубить изучение и мирового, и российского исторического процесса. Как справедливо отмечает И.Д. Ковальченко, нужен синтез идей и методов, а не механическое отбрасывание одних и замена их другими, чаще всего субъективно идеалистическими. В целом следует отметить, что в современных исторических исследованиях центр тяжести в изучении перенесен на конкретного человека.

Отрадно, что в наше время постепенно исчезает взаимное недоверие между отечественной и зарубежной исторической наукой. В отечественной историографии происходит движение к многофакторному пониманию прошлого, чем сильна свободная от жестких социально-экономических схем западная наука. А на Западе определилась такая дисциплина, как социальная история, уделяющая большое внимание роли народных масс. В современной историографии при анализе известий источника исследователи стремятся исходить из образа мыслей человека изучаемой эпохи, его воззрений на власть и способы ее приобретения, на вопросы войны и мира, что позволяет видеть новые грани в давно известных текстах.

Литература

Актуальные теоретические проблемы современной исторической науки /

- / Вопросы истории. - 1992. - №8-9.
- Бердяев Н.А.* Смысл истории. - М., 1990.
- Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. - Л., 1990.
- Гуревич А.Я.* Теория формации и реальность истории // Вопросы философии. - 1990. - № 11.
- Карпов Т.М.* Некоторые вопросы культуры и школьный курс истории СССР // Преподавание истории в школе. - 1991. - № 3.
- Ковальченко И.Д.* Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и Новейшая история. - 1995. - № 1.
- Кертман Л.Е.* История культуры стран Европы и Америки. 1870-1917: Учебное пособие. - М., 1987.
- Общественные науки сегодня // Свободная мысль. - 1992. - № 13.
- Панченко А.* О специфике славянской цивилизации// Знамя. - 1992. - № 9.
- Соколов Э.В.* Понятие, сущность и основные функции культуры: Учебное пособие. - Л., 1989.
- Тоинби А.Д.* Постижение истории. - М., 1991.
- Шапиро А.Л.* Историография с древнейших времен по XVIII век. - Л., 1993.

2. «Да знаете ли Вы , что такое Россия?»

Проблема государства, формы политической власти, характер взаимоотношения его с обществом в целом и отдельными его составляющими сегодня вновь в центре научных споров. Применительно к Древней Руси это проблема происхождения государства и его названия, а также статуса русских князей. В современной отечественной историографии обращено внимание на принципиальное различие и независимость вопросов происхождения правящей династии и государства. Опираясь на источники, историки показали, что возникновение древнерусского государева стало возможным лишь в результате экономического и социального развития, внутренних процессов, которые внешние влияния могли лишь несколько ускорить или замедлить, но не отменить. При этом отмечается полиэтничность господствующего слоя нарождающегося государства.

По вопросу о происхождении названия Русь по прежнему идут

споры между сторонниками «скандинавской» и южнорусский гипотез. Анализируя их аргументацию, А.А. Горский отмечает, что первые большее значение придают лингвистическим параллелям, но не учитывают ряда противоречащих их концепциям исторических известий и выводов историков. Вторые же, опираясь на надежные исторические свидетельства, не нашли пока убедительного лингвистического обоснования. Но, участвуя в этой дискуссии или следя за ней, следует учитывать, что само по себе происхождение названия страны не является решающим для проблемы генезиса государственности. Так, славяноязычные болгары носят имя тюркского племени, бесследно растворившегося среди славянских племен.

Форма политической власти в Древней Руси определяется в зависимости от характеристики, которую дают исследователи социально-экономическому строю этого периода в целом. Долгое время в историографии господствовала концепция Б.Д. Грекова о чисто феодальном строе Киевской Руси. Сторонниками этой концепции в последующие годы являются Л.В. Черепнин, Б.А. Рыбаков, В.Т. Пашуто, М.Б. Свердлов. Но на протяжении 70-80-х годов представления о древнерусской истории перестали быть однозначными благодаря работам И.Я. Фроянова, В.И. Горемыкиной и других. И.Я. Фроянов считает, что древнерусское общество до XII в. было дофеодальным, а В.И. Горемыкина рассматривает его как рабовладельческое, в котором сохранялись пережитки родового строя. Большинство же историков считает, что возникновение первых ростков феодальных отношений можно датировать IX веком. В это же время формируется государство. Киевская Русь рассматривается как время, когда в экономике наличествовали три уклада: первобытнообщинный, рабовладельческий и феодальный, причем каждый из них обладал определенными перспективами сохранения или развития.

Представление о параллельности развития исторических форм, достаточно распространенное в современной западной историографии, следует рассматривать как весьма перспективное. Если учитывать это обстоятельство, то не только социально-экономические и политические процессы в период Киевской Руси, но и взаимное переплетение старых и новых производственных отношений, а до известного момента развитие и тех и других, не будет нужды рассматривать как парадокс российской истории.

Великокняжеская власть реально способствовала укреплению крупного феодального землевладения и феодальных форм зависимости. На протяжении XI-XIII вв. на Руси формируется крупное землевладение князей, бояр и церкви, хотя в домонгольский период процесс развития вотчинного землевладения бояр шел медленно и большая часть земель еще находилась в руках свободных общинников. Развитие феодальных отношений во всех сферах общественной жизни как основной процесс социально-экономической и политической истории Руси XI-XII вв. отмечал В.Г. Алексеев.

На протяжении длительного времени ведется дискуссия о том, было ли государство верховным собственником земли. Представляется, что эта конструкция может быть лишь умозрительной.

В современной историографии вновь привлечено внимание к вопросу о централизации, причем на данном этапе более оживленно обсуждается проблема не уровня развития причин, а вопрос о том, прогрессивен ли был процесс централизации на Руси, а также вопрос об истоках русского деспотизма.

Хотя термин «деспотизм» широко применяют при характеристике русского государства, следует отметить некоторую искусственность и публицистичность в таком подходе. В полной мере Россия никогда не была ни деспотическим, ни тоталитарным государством*. Деспотизм означает абсолютный суверенитет над личностью и имуществом подданных, при этом государство является верховным собственником земли и распоряжается всем национальным продуктом. Частная собственность развита слабо. Политический режим неспособен к политическому и социальному развитию.

Государственная централизация, как показал исторический опыт, является необходимым этапом поступательного развития общества и внутренней закономерностью эволюции самой государственности. Как справедливо отмечает В.М. Панеях, оптимальное

---

* *Тоталитарное государство* - государство, установившее контроль над всеми сторонами жизни его подданных.

Демократия - форма правления, которая обеспечивает при определенных условиях максимально возможное участие граждан в управлении обществом в качестве субъектов исторического творчества.

Максимум участия масс определяется уровнем развития производительных сил.

соотношение между централизацией и децентрализацией сложная теоретическая и практическая проблема, которая, по видимости, должна решиться по-разному для разных обществ и разных стадий их истории.

Определяя политическую систему русского государства, В.Б.Кобрин и А.Л.Юрганов большое внимание уделяли тому фактору, что в конце XV в. для служилых людей любого ранга стало обязательным титуловать себя холопом, а великого князя государем. В.Б. Кобрин и А.Л. Юрганов считают также, что кроме вышеназванных причин победы отношений подданства в холопской форме над вассалитетом следует указать на то, что ход централизации опережал созревание ее социально-экономических предпосылок. Этот путь не встретил сопротивления со стороны феодалов и горожан, чему способствовала тесная связь феодалов с сюзеренами и значительная холопья прослойка в среде мелких феодалов. Феодальный характер русского города привел к тому, что на Руси не сложилось специфическое «городское право». Тип подданства в холопской форме способствовал возникновению и длительной стабилизации крепостничества. Л.В. Милов наоборот считает, что на форму организации государственной власти, взаимоотношения внутри класса феодалов повлияли отношения земельной собственности и соответствующий им тип общин.

В установлении русского деспотического самодержавия В.Б. Кобрин и А.Л. Юрганов большое место отводят недостаточному развитию системы вассалитета*, что привело в период создания централизованного государства (XV-XVI вв.) к установлению подданства-министериялизма вместо подданства государственного.

Вассалитет на Руси генетически был обусловлен княжеско-дружинными отношениями и являлся преемником военной

* Вассалитет - система отношений личной зависимости одних феодалов от других. Это служба договорного характера, предусматривавшая обязательства с обеих сторон: вассал должен был служить сеньору, выказывая личную верность и преданность; сеньор обязывался покровительствовать вассалу, защищать его, быть справедливым по отношению к нему.

Подданство государственное - подчинение верховному сюзерену напрямую, а не через вассалитет. Подданство - министериялизм - служба, в которой отсутствует договорная основа, т.е. слуга находится в прямой и безусловной зависимости от господина. Это обстоятельство не дало возможности классу феодалов сохранить свои политические права и привилегии, а также гарантии против монарха.

демократии. Авторы согласны с А.А. Горским, что дружина - это уже отрицание родового деления общества, поскольку избирается и строится по принципу личной верности, а не по родовому принципу и оторвана от общинной структуры общества как социально, так и территориально. Русский вассалитет обладал наиболее существенными своими чертами: иерархичностью и гарантиями прав и привилегий господствующего класса. Ю.М. Эскин считает, что для русского типа вассалитета характерна значительная степень коллективности: не только «статус», но и отношения господства-подчинения шли в значительной степени и через корпоративную группу.

По мнению В.Б. Кобрин и А.Л. Юрганова, возможности альтернативного развития сохранились до начала XIII века. Установление татарского ига сказалось губительным для вассалитета, поскольку положение русских князей под властью Орды по форме зависимости напоминало подданство. В ходе ордынского нашествия погибла и основная масса дружинников. Некоторое время вассальные отношения сохранялись внутри княжеского дома и регулировались окончательными грамотами.

На характер отношений между государством и подданными, по мнению исследователей, повлияло пополнение двора за счет выходцев из феодальных систем «азиатского гнета» («царевичей» и «князей», мурз) - носителей министеральной, и в весьма грубой форме, традиции и психологии. Это «пополнение» постоянно «понижало» и общий культурный уровень «иммунитетного самосознания» русского служилого сословия. Справедливо отмечая, что процесс централизации русского государства был сложным и длительным, А.Л. Юрганов считает, что централизация на Руси консервировала сугубо феодальный тип отношений внутри общества, не давая простора независимости и свободе. В России это привело к установлению подданства в рабской форме, что в условиях отсутствия оппозиции позволило развиваться деспотизму, надолго сковавшему русское общество. При этом следует отметить, что поиск истоков русского деспотизма все более удревяется. Если в статье «Иван Грозный: Избранная рада или опричина:?» В.Б. Кобрин относит его ко времени на несколько десятилетий старше опричины (ко времени Ивана III

и Василия III), то в совместной статье с Юргановым время, когда закладываются эти основы, датируется началом XIII в.

Наряду с историками, сосредоточившими основное внимание на изучении истоков деспотизма, ряд исследователей продолжал традицию, заложенную Н.И. Костомаровым, Ф.И. Леонтовичем и другими в изучении различных форм русского народного средневекового демократизма. Предпринимаются также попытки проследить соотношение самодержавных и демократичных начал на разных этапах российской истории.

В связи с определением формы политической власти на Руси, характера русского феодализма исследуется ныне и проблема местничества, которая рассматривается как специфически русская форма служебно-вассального регламентирования. При этом обращается внимание на первоначально исключительно служилый характер этого института, и добавления к нему «родословного» принципа в период расцвета института.

Утверждение местнических норм совпадает с завершением процесса создания единого государства, изменение местнических норм - с процессом перераспределения феодальной собственности, усиления зависимости последней от служебного положения феодала, возрастанием роли самодержца и бюрократического начала.

Внимание исследователей и читателей в настоящее время привлечено и к проблеме альтернативности исторического развития, хотя поставлена она не сегодня. Так применительно к XVI в. этот вопрос был поставлен в конце 60 - начале 70-х годов Н.Е. Носовым.

Ряд авторов полагает, что возможности альтернативного развития существовали и в XIV-XV вв. В этой связи вновь привлечено внимание к истории Великого княжества Литовского, 9/10 территории которого были населены предками нынешних украинцев, белорусов и русских, а сами литовцы являлись «национальным меньшинством», хотя и привилегированным. Это обстоятельство привело к тому, что, по выводам И.Б. Грекова, Великое княжество Владимирское и Великое княжество Литовское (до момента официального крещения литовцев по католическому обряду) фактически

выступали с одной программой - программой объединения всей русской земли. Представляется однако, что С.В. Думин несколько преувеличивает заслуги литовских князей в развитии объединительного процесса на Руси. Однако чрезвычайно позитивно и плодотворно сосредоточение внимания исследователей на роли компромисса, соглашения между литовской знатью и западнорусским боярством в период возникновения Литовского государства и в первые века его существования, а также на поддержке этого соглашения со стороны горожан. В то же время более высокий уровень развития феодальных отношений, характерный для славянских земель, традиции древнерусской культуры позволили им не только полностью сохранить свою самобытность, но и оказать весьма существенное влияние на строй коренной Литвы. Литовские князья принимали местные обычаи, управляли «по старине», сохраняли ранее сложившуюся систему собственности. Великое княжество Литовское сложилось как федерация отдельных земель и княжеств. Степень их зависимости от центральной власти была различна. Формы этой зависимости, сложившиеся исторически (это во многом определялось обстоятельствами вхождения тех или иных земель в Великое княжество), в большей или меньшей степени обеспечивали местному боярству и городам, и иногда и представителям старых княжеских династий значительную внутреннюю автономию и, как правило, неприкосновенность социально-экономических и политических структур, сложившихся в предшествующий период. Положение о консервации древнерусских порядков в Литовском государстве было общепризнано в дореволюционной историографии. Современные историки также поддерживают этот тезис. Это обстоятельство позволяет использовать материал по истории развития западнорусского региона для анализа социально-экономических и политических отношений в Древней Руси.

С точки зрения альтернативного развития русской государственности (как противоборства старых древнерусских традиций народовластия и новых веяний, укрепляющих великокняжескую власть) рассматриваются в последнее время и события второй четверти XV в.

Образование в конце XV-начале XVI в. Российского

государства было заметным явлением не только в истории России, но также Европы и Азии.

Первый государь всея Руси Иван III - мудрый политик, умевший строить свою политику на дальновидном расчете. Об этом свидетельствует, например, отношение к Новгороду, оказывавшему ему упорное сопротивление, но не подвергнутому разграблению, что обеспечило прочное вхождение Новгорода в состав Русского государства и успех земельной реформы Ивана III, приведших к созданию дворянского ополчения - опоры великокняжеской, а затем царской власти. Результатом политики объединения была ликвидация ордынского ига и подъем экономики страны, в первую очередь сельского хозяйства и торговли.

Иван III владел как искусством войны, так и искусством дипломатии. Его войны на западе были результатом стратегического выбора, политического решения. В ходе их были возвращены исконно русские земли (70 волостей и 25 городов). Практически ежегодные походы Казани и Крыма на Русь, в результате которых разорялись волости и уводилось в рабство население, заставили Ивана III ужесточить свою политику в отношении этих государств. Ему удавалось сажать ханов на Казанский трон по своему выбору и предотвращать походы крымчан, иногда использовать последних для борьбы с Польско-Литовским государством.

Успехам в деле создания Российского государства, его внешней политики способствовала плеяда виднейших деятелей, входивших в состав Боярской думы и Государева Двора. Одному из них - Андрею Михайловичу Плещееву посвящена статья Ю.Г. Алексеева. Род Федора Бяконта, к которому принадлежали Плещеевы - один из самых влиятельных в окружении Московских князей со времён Ивана Калиты. Но богатство и слава предков - лишь начальная предпосылка для продвижения по службе. Только ревностная личная служба, собственные способности и заслуги позволяли ее реализовать. А.М. Плещееву это удалось. Он ездил за невестой для старшего сына Ивана III Еленой Стефановной в далекую Молдавию. Успех этой миссии обеспечил династический союз с молдавским господарем, удачно боровшимся за независимость своей страны

против Польши и Турции - существенный инструмент во внешней политике Ивана III. А.М. Плещеев известен также как член судебной коллегии Ивана III, наместник в Переяславле. Высокая честь стоять ближе всех к своему государю на приеме посла Священной Римской империи летом 1490 г. - признание многочисленных заслуг А.М. Плещеева перед государством. Выполняя ответственные поручения великого князя, он пользовался личным доверием Ивана III, был его советником.

По мнению Ю.Т. Алексеева, усиление роли бояр и окольничих как непосредственных советников - думцев великого князя, а также то, что они составляли высшую судебную коллегию при великом князе, есть свидетельство изменений в структуре управления. Аристократия постепенно отходит от непосредственной административной деятельности в связи с образованием среднего звена управления в лице дьяка.

Духовная грамота А.М. Плещеева позволяет раскрыть такие его качества, как ясность мышления, известного рода щедрость и великодушие. Он заботился о том, чтобы его процветающая вотчина, большая часть которой им же самим и приобретена (это пожалования великого князя и личные «купли»), не перешла в чужие руки («и тому моему сыну своего села мимо братью не продавати, не променити, ни в закуп не давати, ни монастырю не отдати»). Если отпуск части холопов на волю, земельные и денежные вклады по душе типичны для духовных грамот этого времени, то полное прощение долгов зависимым крестьянам не имеет аналогий. Сто двадцать рублей - сумма прощенных долгов. Это стоимость большой вотчины.

Усиление великокняжеской власти нельзя назвать становлением деспотизма. Традиции сословного представительства имели в России длительную, многовековую историю, а в ходе реформ 50-х годов XVI в. стали общегосударственной нормой.

Справедливости ради следует отметить, что как в отечественной, так и зарубежной историографии есть исследователи, не признающие в истории Русского государства существования периода сословно-представительной монархии.

По-прежнему исследователей привлекает загадка опрични-

ны. До конца 70-х годов опричнина в основном рассматривалась как политика по ликвидации препятствий на пути объединения страны, причем исследователи, по-разному определявшие состав оппозиции (удельные князья, Новгород и церковь, по мнению А.А. Зимина, боярство - по мнению Р.Г. Скрынникова), довольно успешно разбивали аргументацию друг друга. В последующее время опричнина все более рассматривается как борьба вокруг разных форм правления в едином Русском государстве (Д.Н. Альшиц). Негативные последствия проведения этой политики для страны убедительно показали историки-аграрники. Ввергнув страну в экономический кризис конца XVI в., опричнина подстегнула закрепощение крестьян и была одной из причин поражения России в Ливонской войне. В настоящее время активно дискутируется вопрос о дальнейшей судьбе опричнины: закончилась ли она в 1572 г., когда было строжайше запрещено вспоминать о ней, или умерла со смертью Ивана Грозного.

Для уяснения расстановки политических сил в XVI-начале XVII вв., а также смысла политической борьбы в верхах необходимо изучение состава и социального облика того круга лиц, в чьих руках была сосредоточена реальная власть в государстве. Исследования последних десятилетий в этом направлении позволили отказаться от упрощенного представления о политической истории России этого периода как борьбе боярства и дворянства. В это время, как и позднее, происхождение далеко не всегда определяло политические позиции того или иного лица. Большое значение имели также родственные связи, служебно-местническое положение и землевладение. Проанализировав разрядные книги, боярские списки и данные писцовых книг о составе и земельных владениях отдельных феодалов, А.П. Павлов пришел к выводу, что к концу XVI в. произошла внутренняя эволюция боярской верхушки: из старинной вотчинной аристократии она превратилась в аристократию служилую. Служилая московская знать и приказная администрация являлись политической опорой монархии. Это обстоятельство, а также разобщенность уездного дворянства и горожан, не сумевших противостоять московской знати, по мнению автора, были основной причиной незавершенности развития сословного представительства. Автор обращает внимание на недостаточ-

ную четкость в литературе понятий «боярство» и «дворянство». Противопоставления боярства и дворянства в том смысле, как это принято в современной науке, источники XVI-XVII вв. не знают. Под дворянством документы того времени подразумевают не рядовые массы служилых людей «по отечеству», а верхнюю группу служилых людей, связанных с государевым двором. Боярами источники именовали тех лиц, которые имели высший думный чин боярина. Но нельзя ограничить изучение боярской знати только боярским чином, следует иметь в виду и многочисленных их родственников, которые по социальному и политическому облику мало от них отличались и в силу происхождения могли претендовать на думные чины. Необходимо также учитывать и окольных, так как большинство думских бояр прошло через этот чин.

Характеризуя русское боярство, Ю.Т. Алексеев также отмечает, что оно не было ни потенциальным противовесом сильной государственной власти, ни бесправными и беззащитными «холопами». Но являясь необходимым и важным элементом государственной структуры, бояре серьезно зависели от благосостояния страны. Политический кризис, личные неуспехи, немилость государя подрывали социальную силу и экономическое состояние не только отдельных бояр, но и целых родов, становилось трагедией, что и проявилось в годы опричнины.

Заметный вклад в раскрытие реального образа русского дворянства, слабообеспеченного, но чрезвычайно редко пренебрегавшего государственной службой, внес В.М. Воробьев. В конце XV – начале XVI вв. и среднем на владение новгородского помещика приходилось 22 крестьянских двора, что давало ему 22 руб. доходов в год. Расходы же на покупку коня и доспехов в это время составляли 5-7 руб. В середине XVI в. на одно поместье приходилось 25 крестьянских дворов. Боеготовность поместного ополчения начинает снижаться с 70-х гг. XVI в. В начале 20-х гг. XVII в. полноценную полковую службу («конно, людно и оружно») могло нести менее 1% новгородских дворян и детей боярских, некогда одной из самых мощных корпораций служилых людей. К 60-м годам XVII в. более 38 % новгородских дворян и детей боярских не имели поместий, а у 15% в поместьях совсем не было крестьян. Основные причины «нетства»

(неявки на службу) по данным псковского смотра 1665 г. бедность, тяжелые ранения, увечья, болезни (в том числе скорбь «полная»), старость.

Статья Л.И. Ивиной, показавшей на примере Углицкой земли пути пополнения служилых людей за счет «выезжих иноземцев («панов», «литвинов», «немчинов», греков) и «новокрещенов», пополнила ряд работ по генеалогии провинциального дворянства XVI-XVII вв.

Одной из проблем изучения истории России в XVII в. является проблема становления абсолютизма.

Абсолютистские тенденции усиливаются с середины XVII века, что проявляется в первую очередь в падении роли Земских соборов и изменении состава Боярской думы.

В последнее время серьезное внимание уделяется роли бюрократии в развитии этого процесса. Н.Ф. Демидова отличает два этапа в формировании бюрократии: 40-50-е годы XVII в., когда в рамках сословно-представительного государства оформлялось общее законодательство, определявшее основы функционирования государственных учреждений, штаты, размеры содержания и внутренний порядок работы центральных учреждений; 70-е годы - создание многочисленных временных учреждений на местах, как бы отделений московских приказов, что привело к возрастанию численности приказных людей. Приказные не были монолитной группой. Если думные дьяки и часть дьяков из приказов сливались по своему имущественно-правовому положению с феодальной знатью, принимали участие в подготовке законодательных актов и выработке внутренней и внешней политики, то среднее и низшее звено приказного дьячества и московские подьячие являлись послушными исполнителями и полностью зависели от верховной власти.

Местные подьячие были близки по сословным и имущественным интересам к служилым или посадским мирам своих городов и уездов, нередко стояли на страже их интересов, но сильно ограничивались сверху. Свое завершение процесс становления абсолютизма находит в эпохе Петра. Осуществляя реформаторскую деятельность, Петр I искренне верил, что вовре-

мя изданный и последовательно осуществленный закон может сделать почти все, начиная от снабжения армии хлебом и кончая исправлением нравов.

Реформируя государственный строй, Петр I использовал шведский опыт подобных преобразований. Е.В. Анисимов считает, что это связано не только со сходством социально-экономических условий обеих стран, но и обусловлено личными пристрастиями Петра, который стремился превзойти Швецию не только на поле брани, но и в мирной жизни. Общий принцип подхода к шведским образцам хорошо прослеживается в указе от 28 апреля 1718 года:

«Всем коллегиям надлежит ныне на основании шведского устава сочинять во всех делах и порядках по пунктам, а которые пункты в шведском регламенте неудобны, или с интуицией сего государства несходны и оные ставить по своему рассуждению. И, поставя об оных, докладывать, так ли быть».

Вырабатывая более эффективные методы государственно-го управления Петр большое внимание уделяет унификации, централизации и дифференциации функций аппарата управления. Поэтому значительное место в исследованиях уделяется проблеме бюрократии, вопросу о соотношении знати - боярской или дворянской аристократии и аристократии новой. Отечественные и зарубежные исследователи пришли к выводам, что в окружении Петра было больше древних аристократов, чем в Боярский думе. Политика же Петра заключалась в превращении ее из «привилегированной» в «квалифицированную». Н.Н. Покровский в своей рецензии на монографию Е.В. Анисимова обратил внимание на противоречивость самого «наследия», «дела Петра» - создание жесткой бюрократической системы управления империей и отчаянные попытки внедрить начала коллегиальности, найти новые формы опоры на городские сословия, всяческое укрепление основ дворянского могущества и требование прилежной обязательной службы дворян, европеизация страны и укрепление крепостнических отношений, провозглашенных еще Соборным Уложением 1649 г.

Процесс же оформления в XVIII в. дворянских прав и привилегий создавал условия для появления первого поколения бор-

цов с этой системой. В елизаветинское время уже родились те, кто позже стал под знамена Пугачева.

Литература

- Алексеев Ю.Г.* Псковская судная грамота и ее время. - Л., 1980.
- Алексеев Ю.Г.* «К Москве хотим». Закат боярской республики в Новгороде.- Л., 1991.
- Алексеев Ю.Г.* Государь всяя Руси. - Новосибирск, 1991.
- Альшиц Д.Н.* Начало самодержавия в России. - Л., 1988.
- Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. - Л., 1989.
- Багер Х.* Реформы Петра Великого: Обзор исследований. -М., 1985.
- Буганов В. И., Медушевский А.Н.* Административные реформы в России и проблемы их изучения в современной западной историографии // Отечественная история. - 1992. - № 3.
- Воробьев В.М., Дегтярев А.Я.* Русское феодальное землевладение. - Л.,1986.
- Воробьев В.М.* «Конность, людность и сбруйность «служилых городов при первых Романовых // Дом Романовых в истории России. - СПб., 1995.
- Горемыкина В. И.* О генезисе феодализма в Древней Руси // Вопросы истории. - 1987. - № 2.
- Горский А.А.* Проблема происхождения названия «русь» в современной советской историографии // История СССР. - 1989. - № 3.
- Горский А.А.* Древнерусская дружина. - М., 1989.
- Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. - М., 1964.
- Данилова Л.В.* Сельская община в средвековой Руси. - М., 1994.
- Дворниченко А.Ю.* Эволюция городской общины и генезис феодализма на Руси // Вопросы истории. - 1988. - № 1.
- Дворниченко А.Ю., Кащенко С.Г., Кривошеев Ю. В., Флоринский М.Ф.* История России с древнейших времен до начала XX века: Пособие для абитуриентов. - СПб, 1992.
- Дегтярев А.Я.* Трудный век Российского царства. - Л., 1988.
- Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. - М., 1987.
- Думин С. В.* Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // История отечества: люди, идеи, решения: Очерки истории России IX-начала XX вв. – М., 1991.
- Игрицкий Ю.И.* Концепция тоталитаризма: Уроки многолетних дискуссий на Западе // История СССР. - 1990. - № 6.

- Истоки и контуры демократии // Свободная мысль. - 1992. - № 10.
- История России. Народ и власть / Составитель Ю.А. Сандулов. - СПб, 1997.
- Исторический опыт русского народа и современность: Мавродинские чтения. - СПб, 1994.
- Зимин А.А. Источники по истории местничества в XV-первой половине XVI в. // Археографический ежегодник за 1968 г. - М., 1969.
- Кобрин В.Б. Иван Грозный: Избранная рада или опричина? // История Отечества: люди, идеи, решения: Очерки истории России IX-начала XX в. - М., 1991.
- Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (к постановке проблемы) // История СССР. - 1991. - № 4.
- Кристенсен С.О. История России XVII века: Обзор исследований и источников. - М., 1989.
- Любавский М.К. Очерк истории Литовского государства до Люблинской унии включительно. - М., 1915.
- Маньков А.Т. Законодательство и право России второй половины XVII в. - СПб. 1998.
- Медушевский А.Н. Российское государство XVII-XVIII веков в освещении современной немарксистской историографии (Обзор литературы) // История СССР. - 1988. - № 3.
- Мельников Ю.Н. Ликвидация двора (опричины) // Вопросы истории. - 1991. - № 11.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX-X вв.) // Вопросы истории. - 1988. - № 8.
- Милов Л.В. Великорусский пахарь. - М., 1998.
- Милов Л.В. О причинах возникновения крепостничества в России // История СССР. - 1985. - № 3.
- Милов Л.В. Общее и особенное российского феодализма. (Постановка проблемы) // История СССР. - 1989. - № 2.
- Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. - Л., 1969.
- Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605 гг.). - СПб, 1992.
- Панеях В.М. Панорама истории России XV-XVI вв. А.А. Зимина. К выходу в свет книги «Витязь на распутье» // Отечественная история. - 1992. - № 6.
- Покровский Н.Н. Аиисимов Е.В. Россия в середине XVIII века. Борьба

- за наследие Петра. - М., 1986 // Вопросы истории. - 1988. - № 3.
- Скрынников Р.Г.* Царство террора. - СПб, 1992.
- Средневековая и новая Россия: Сборник научных статей к 60-летию профессора И.Я. Фроянова. - СПб, 1996.
- Торке Х.И.* Так называемые земские Соборы в России // Вопросы истории. - 1991. - №11.
- Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. - Л., 1990.
- Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города - государства Древней Руси. - Л., 1988.
- Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI-XVII вв. - М., 1978.
- Шapiro А.Л.* Русское крестьянство перед закрепощением (XIV-XVI гг.) - Л., 1987.
- Шмидт С.Ю.* У истоков русского абсолютизма. - М., 1996.
- Эйдельман Н.* «Революция сверху» в России. - М., 1989.
- Эскин Ю.М.* Местничество в социальной структуре феодального общества // Отечественная история. - 1993. - № 5.
- Юрганов А.Л.* У истоков деспотизма // История Отечества: люди, идеи, решения. - М., 1991. Очерки истории России IX- начала XX вв. - М., 1991.
- Янов А.* Три лика «русского деспотизма». Российская политическая традиция в зеркале западной историографии // Свободная мысль. - 1992. - № 10.

3. Крестьяне средневековья.

Особенности положения и менталитета

Одной из центральных проблем отечественной историографии остается история крестьянства и в целом аграрная история России, в рассмотрении которых наметился ряд нетрадиционных подходов.

В 70-е годы Дж. Скотт, изучая организацию и функционирование крестьянской экономики, природу крестьянства как социального явления, ввел понятие «моральная экономика». В.П. Данилов, высоко оценивая вклад исследователя в изучение проблем аграрной истории, справедливо отмечает, что

концепция Скотта является развитием взглядов ученых русской организационно-производственной школы (А.В. Чаянов, А.Н. Челищев, Н. П. Макаров). Скотт продолжил анализ натурально-потребительского хозяйства (то есть хозяйства, которое ведется силами крестьянской семьи и непосредственно направлено на удовлетворение ее собственных потребностей) и распространил его на всю крестьянскую общность, на характеристику крестьянской экономики как целого, а также на систему социально-политических и социально-психологических свойств крестьянства, на его поведенческие мотивы и представления о должном и справедливом. Что подразумевает Дж. Скотт под понятием «моральная экономика»? Он считает, что определяющим в деятельности крестьянства является стремление обеспечивать само свое существование. И его взаимоотношения с соседями, с земельной аристократией, с государством следует рассматривать с точки зрения того, насколько они способствуют или препятствуют реализации этой исконной крестьянской задачи. Поскольку в центре аграрной организации стоит проблема выживания, боязнь оказаться за нижним пределом потребления, то крестьяне предпочтут придерживаться традиционной системы земледелия, если она сводит к минимуму такой риск. Но там, где они видят гарантии от риска, - охотно идут на инновации.

В том случае, когда урожай оказывается ниже потребностей, крестьяне обращаются к обычным формам самоподдержки: мелкая торговля и ремесло, поденщина и отходничество. Крестьяне глубоко убеждены, что государство и землевладельцы не должны изымать у крестьянина то, что жизненно необходимо ему и его семье. Моральное недовольство, возникающее на этом негодовании, явилось причиной многих восстаний. Это требование предполагает определенные обязательства помещиков и государства по отношению к бедным во время голода.

Общий принцип, унифицирующий все разнообразие социальных проявлений докапиталистической деревни, таков: «Всем деревенским семьям гарантируется минимальный прожиточный уровень в тех размерах, в каких это позволяют сделать находящиеся в распоряжении деревни ресурсы», то есть крестьянство

рассматривается как социальный феномен, для изучения которого требуются особые аналитические приемы и методы, благодаря которым крестьянское общество, крестьянская культура осмысливается как бы изнутри.

В современной отечественной литературе такой подход характерен для работ К. Мяло, которая на основе наблюдений историков и литераторов, собственных впечатлений от непосредственных встреч с крестьянами, помнящими традиционный уклад, пришла к выводу, что «крестьянское хозяйство, крестьянский быт вовсе не были враждебно непроницаемы для техники и усовершенствования жизни». И хозяйство старообрядцев, где за традиции держались чрезвычайно крепко, тому пример. Автор при этом обращает внимание на органическую связь между хозяйственным укладом и мировоззрением крестьян, отмечая, что новации не должны были разрушать мировоззренческое ядро крестьянской культуры, отвоєванной и защищенной в столкновениях XVII-XVIII вв. «Сутью этого мировоззрения была принципиальная космоцентричность, стремление любой новый порядок вещей и любое техническое нововведение приводить в соответствие с моделью идеального равновесия Вселенной. Нам нужно было дожить до эпохи глобальных нарушений экологического равновесия и озоновой брешы, дабы понять, что интуиция наших предков, подсказывающая им идею такого равновесия, была безупречна».

Конкретно-исторический анализ крестьянского общественного сознания - одна из задач современной исторической науки. Важнейшей его стороной являются религиозные представления крестьянства. Для крестьянского мышления характерен известный консерватизм. «Старина», «обычаи предков» - вот ключевые понятия, открывающие тайны духовной жизни и поведения крестьянства, идет ли речь об общинных распорядках, технических усовершенствованиях или религиозных верованиях.

Эти особенности крестьянского мышления и значительной степени способствовали сохранению элементов язычества в русском православии. Сосуществование византийского христианства со славянским язычеством в русском православии - факт, на

который указывают все исследователи, обращавшиеся к этой теме, хотя по-разному определяют место, удельный вес этих компонентов и характер их взаимоотношений.

Менее же замечена исследователями глубина различия между крестьянским и официальным православием, а также то влияние, которое оказывали массовые крестьянские верования на местную администрацию и низшее духовенство. Эту особенность и живучесть крестьянских верований А.Я. Гуревич объясняет тем, что под покровом религиозного сознания, будь то христианство или язычество, располагается мощный пласт архаических «исконных» стереотипов практического или интеллектуального «освоения мира», вряд ли поддающихся описанию. Так, за языческим культом как таковым скрывалась система представлений и навыков мышления, относительно независимая от веры в то или иное божество. И искоренение святилищ, замена языческих праздников церковными само по себе еще не вело к отказу населения от традиционных взглядов на мир и правившие им силы. «В сознании массы сельского населения помимо веры в богов и в известном смысле независимо от нее... сохранились совсем иные установки, проистекавшие не из экстраполяции человеческих свойств на остальной мир, а скорее, из распространения признаков природы на человека». А.Я. Гуревич определяет такое отношение людей к миру как магическое и считает его важной чертой мировоззрения и практики сельского населения раннего средневековья. Предпосылкой такого поведения было постоянное интенсивное взаимодействие и единство с природой. Элементы новой религии переплетались в них и синтезировались с мощным слоем архаических верований и представлений о мире, во многом и определявших поведение крестьянства.

Одной из дискуссионных проблем по-прежнему остается проблема крепостного права. При этом главное внимание уделяется причинам принятия закрепостнительного законодательства в конце XVI-начале XVII вв., которые рассматриваются через призму рентных отношений. В период дискуссий 70-80-х годов произошло некоторое сближение точек зрения спорящих сторон, что заключается в признании целого комплекса экономи-

ческих, социальных и политических причин, приведших к закрепощению.

Иной является точка зрения Л.В. Милова, который считает, что в становлении крепостничества в России ведущее и определяющее место принадлежит природно-географическому фактору*. Он отмечает, что природно-географические условия Восточной Европы сдерживали развитие производительных сил. В этих условиях отдельный индивид не мог удовлетворить даже минимальные жизненные потребности, что приводило к необходимости объединения в общину и определяло ее тип. Тип же общины оказывал серьезное воздействие на характер внеэкономического принуждения, форму организации государственной власти. По мнению Л.В. Милова, крепостничество в России было вызвано потребностями развития прежде всего вотчины. Эту форму владения он считает не только наиболее сильной экономически, но и более благоприятной в конечном счете для непосредственного производителя. В концепции Л.В. Милова, на наш взгляд, привлекательны два момента: постановка вопроса о роли общины на этапе становления крепостничества и стремление высветить роль крепостничества в разные периоды его существования в русской истории. В изучении общины основное внимание сосредоточено на деятельности и роли общины XVIII-XIX вв., реже - второй половины XVII в., когда закрепостнительное законодательство уже сформировалось. Само крепостничество в большинстве работ рассматривалось как символ отсталости и реакции на всем протяжении существования. Необходимо дальнейшее исследование этих вопросов как с правовой, так и с экономической и бытовой точек зрения. Но при этом не следует забывать, что борьба крестьян за свободу, а также общественное мнение резко отрицательное по отношению к крепостному праву в значительной степени определили деятельность правительства по его отмене.

При определении положения крестьянства следует иметь в виду, что в основе отношения феодала и крестьянина лежат не только вза-

---

* Л.В. Миллов фактически возвращает географическому фактору то место, которое он занимал в концепции историков государственной школы, в первую очередь в концепции С.М. Соловьева.

имоотношения эксплуатации и насилия со стороны феодала и сопротивления этой эксплуатации и этому насилию с другой, но и временами стремление феодального собственника к укреплению, поддержке крестьянского хозяйства, а также стремление крестьянина использовать эту поддержку в интересах развития своего хозяйства, повышения своего благосостояния. Если бы действовала лишь первая тенденция, то для физического уничтожения русского крестьянства хватило бы и 2-3 поколений. Однако эта верная мысль требует статистического обоснования, которое невозможно без изысканий в области метрологии, учета изменения курса рубля и особенностей ценообразования.

В последние годы в публицистике получило широкое распространение мнение о том, что не только крестьянству, но и верхам общества была присуща психология раба. При этом публицисты, а также ряд исследователей буквально и узко трактуют формулу обращения челобитных. Важные свидетельства содержат и документы первых широкомасштабных этнографических исследований, проведенных в конце XIX - начале XX вв. Этнографическим бюро В.Н. Тенишева. Ответы показывают, что предметом гордости крестьян было знание дела, ловкость и сила. Взаимопомощь в труде считалась нормой повседневности. Крестьянин стремится к достатку, предпочитая хороший дом и скотину всякому иному богатству, и для этого продает зачастую самое необходимое, даже хлеб. Накапливать богатство в деньгах было не принято. В крестьянской среде презирались скупость, распутство, пьянство (превращение выпивки в обряд). По мнению крестьян, употребление нецензурных слов столь же грешно, как употребление скоромного в пост или засев хлеба без благословения. И в то же время обман не считается грехом. Анкеты не отражают подобоострастия, раболепства основной массы крестьян перед богатым и начальством, хотя и не проявляется к нему неуважения. В крестьянской среде бытовало представление, что без начальства нельзя обойтись, но предпочтительно держаться от властей на расстоянии: «может и исполним, а не подойдет, так ведь над тобой и повыше начальство есть, и жаловаться можно в случае чего». Основной причиной недоверия к властям было взяточничество. Сильной была вера в царя. Анкеты

отмечают преданность основной крестьянской массы престолу.

Литература

- Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV-начала XVI вв. - Л., 1971.
- Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины. - Л., 1974.
- Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития Севере-Запада. - Л., 1978.
- Аграрная история Северо-Запада России XVII века (Население, землевладение, землепользование). - Л., 1989.
- Гуревич А.Я.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. - М., 1990.
- Копанев А.И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. - Л., 1978.
- Копанев А.И.* Крестьянство Русского Севера в XVII в. - Л., 1984.
- Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. - М., 1997.
- Маньков А.Г.* Уложение 1649 г. Кодекс феодального права России. - Л., 1986.
- Милов Л.В.* Общее и особенное российского феодализма (Постановка проблемы) // История СССР. - 1989. - №2.
- Милов Л.В.* О причинах возникновения крепостничества в России // История СССР. - 1985. - №3.
- Мяло К.* Оборванная нить. Крестьянская культура и культурная революция / Новый мир. - 1988. - №8.
- Назаров В.Д.* Крестьянство России в XVI - середине XVII вв. // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. - Т.1. - М., 1986.
- Покровский Н.Н.* Материалы по истории магических верований и быта сибиряков XVII - XVIII вв. // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII - нач. XX вв. - Новосибирск, 1975.
- Сахаров А.Н.* Русская деревня XVII века. - М., 1966.
- Современные концепции аграрного развития (Теоретический семинар) // Отечественная история. - 1992. - №5.
- Фроянов И.Я.* Начало христианства на Руси // Курбатов Г.Л., Фролов Э.Д., Фроянов И.Я. Христианство. Античность. Византия. Древняя Русь. - Л., 1988.
- Фирсов Б.М., Киселева И.Т.* Структура повседневной жизни русских крестьян конца XIX века. (Опыт этносоциологического изучения) // Со-

циологические исследования. - 1992. - №4.

Шапиро Л.Л. Русское крестьянство перед закрепощением (XIV -XVI вв.). - Л., 1987.

4. Вопросы изучения народных движений

Внимание к изучению борьбы народных масс против феодального гнета - одна из традиций советской историографической науки. И оно оправдано исторически. Народно-демократические традиции, уходящие корнями в далекое прошлое, влияние религиозных институтов, а позднее зарождение сословного представительства в лице земских соборов во многом ограничили и «облагородили» всевластие правителей, сыграли определенную роль в регулировании общественных отношений, но у России в отличие от стран Запада не было исторического времени и внешних условий, чтобы отдельные явления общественной жизни, могущие привести к созданию демократических институтов, получили соответствующую эволюцию. Поэтому вместо легальной, кропотливой борьбы за свои права для русской истории чаще характерна скорая и яростная расправа с неугодными верхами.

Апогеем этой необузданной «воли» стало восстание под предводительством Степана Разина, который призывал «изменников выводить», обещал волю» и «животы» т.е. собственность феодалов, свободу «в крепостях, и в кабалах, и в налогах, и в вере любой».

Спустя сто лет сходные по пафосу призывы мы находим в манифестах и указах Е. Пугачева.

В последнее время мы наблюдаем более осторожное отношение к понятию классовая борьба. Ряд авторов полностью исключает из этой среды социальные конфликты происходившие в Киевской Руси и в целом в домонгольский период русской истории. Характеризуя народные движения Древней Руси И.Я. Фроянов отмечает сложность их характера, они зачастую не поддаются однозначной трактовке. Нередко в одних и тех же событиях присутствовали элементы социальных, политических и религиозных противоречий.

К первым автор относит столкновения в период смены хозяйственных укладов, связанные с ломкой старых общественных институтов, переменами в религиозной сфере. Ко вторым - соперничество за лидерство в межплеменном союзе, борьба между князем и вече (волостной общиной) за верховную власть. Значительное место в этот период занимают внутриволостные конфликты. Ю.В. Кривошеев, разделяющий концепцию И.Я. Фроянова о дофеодалном характере Киевской Руси, рассматривает социальные конфликты XI в. (восстания 1024, 1071 гг. и др.) как внутриобщинные конфликты, а восстания второй половины XII в. как межобщинную, межгородскую борьбу в связи с формированием публичной власти. Изменения внутри городской общины, ее дифференциация, а соответственно и изменение модуля социальной борьбы между условиями А.С. Дворниченко относит ко второй половине XV в. Общественное устройство древнерусского города как территориальную общину с чертами дофеодалной демократии определяет Ю.Г. Алексеев. Но дифференциацию общины относит к более раннему времени. Изучая историю Новгорода, исследователь отмечает, что «образование посаднического управления, независимого от князя, свидетельствует о достаточном развитии феодальных отношений внутри городской общины, о выделении слоя местных феодалов, занимающих руководящее положение в этой общине и использующих его для борьбы против других, чужих феодалов, прежде всего князя и его дружины». Такое положение в Новгороде сложилось в XII в. Бесспорны достижения в отечественной историографии в анализе причин и хода событий, уточнена хронология и география движений, проанализированы требования восставших. Большое внимание уделялась процессу формирования личностей вождей, даны их социально-психологические портреты. Велико значение публикаций источников. Большое внимание также уделялось типологии крестьянских движений, особенно крестьянским войнам, (выработке самого понятия «крестьянская война» применительно к русской истории, выявлению их общих черт и отличительных особенностей). На данном же этапе развития историографии в качестве таковых признаются движения под предводительством Ст. Разина и Е. Пугачева, которые характеризуются широким размахом и охватом обширных районов феодального землевладения с

огромной массой подневольного крестьянства. Содержание «прелестных» писем и повстанческих указов и сам характер действий восставших, направленных против помещиков, вотчинников и самого государства, ожесточенность столкновений повстанческого войска с правительственными войсками позволяет рассматривать эти движения как крестьянские войны.

Доказательству же того, что народные движения начала XVII в. не были крестьянской войной большое внимание уделяет Р.Г. Скрынников. Отмечая, что критический анализ источников не подтверждает наличие у И.И. Болотникова программы уничтожения крепостничества и преобладания антикрепостнических элементов в его войске, Р.Г. Скрынников рассматривает движение как один из важнейших этапов гражданской войны начала XVII в. По его мнению, отряды как И. Пашкова, так и И. Болотникова мало отличались друг от друга по составу и характеризуются социальной пестротой. Он считает, что сила движения И. Болотникова как раз и состояла в том, что она объединила различные группировки и слои общества. Изучая сложные перипетии социально-политической борьбы в русском государстве начала XVII в., автор возвращается к понятию «смуты» и рассматривает ее как единый комплекс внутренне связанных событий.

Такой подход наметился в нашей историографии еще в конце 50-х годов. Так Н.Е. Носовым было высказано суждение о Смуте как о гражданской войне, представлявшей собой сложное переплетение классовой, внутриклассовой и межнациональной борьбы. Однако в последующее время события начала XVII в. рассматривались в основном с точки зрения классовой борьбы крестьян и холопов.

Основательную аргументацию в подтверждение того, что нельзя считать крестьянской войной восстание К. Булавина, выдвинул Н.И. Павленко. На его взгляд, это было прежде всего казачье выступление, преимущественно на территории Дона, главной целью которого было восстановление сословных привилегий казаков.

Наряду с уточнением типологии движений в историографии признается необходимым вернуться к вопросу о сущности крестьянских войн, их роли, месте и исторических последствиях. П.Г. Рынд-

зюнский считает, что массовые крестьянские выступления той поры не могли выйти за внутрiformационные пределы. В связи с этим важным является вопрос об их влиянии на эволюцию феодальных отношений, политику государства. Противодействуя крепостничеству, крестьянские войны в то же время были тесно переплетены со всеми сферами тогдашней социальной реальности, их развитие было обусловлено не только потребностями и пробуждениями масс, свободолюбивыми традициями народной жизни, но и феодальными институтами, политической и юридической надстройкой и соответствующими ей формами общественного сознания. Поэтому одной из задач является изучение социальной психологии. Это особенно важно для углубления представлений о причинах и поводах народных движений, о характере их требований. В отечественной историографии в определении последних наличествуют два подхода: одни исследователи оперируют при анализе «прелестных» писем и повстанческих манифестов понятиями «программные требования», «идеология» (В.И. Лебедев, В.В. Мавродин, Е.И. Индова, А.А. Преображенский), другие считают, что составители этих воззваний действовали на уровне обыденного сознания (Н.Г. Рындзюнский, М.А. Рахматуллин, Н.И. Павленко, Б.Г. Литвак, Л.В. Милов и др.). Характер движения, разворот событий в значительной мере был обусловлен составом участников, движущими силами восстания. Этот вопрос основательно изучен историками, однако обычно упор делается на социальную и национальную пестроту повстанцев, без достаточно глубокой характеристики отдельных слоев крестьянства или городского населения, географических, этнических и других местных особенностей. Недостаточно внимания уделялось ментальности, внутреннему миру поднявшихся на борьбу людей - их психологии, складу ума и традиционной линии поведения. При этом абсолютизировалась дружба народов в XVII-XVIII вв. и закрывались глаза на имевшее место проблемы противоречия в сфере национальных отношений. Лишь немногие авторы (В.Д. Назаров, М.А. Рахматуллин) отказались от традиционного сглаживания углов в этом плане.

Вновь обращая внимание на более высокую социальную напряженность в XVII веке по сравнению с предшествующим временем, исследователи связывают ее с определенным «ментальным сдвигом»,

вызванным постепенной выработкой понятия о царе, избранном «землей», народной массой, что, по выражению В.О. Ключевского, «научило порой не только бегать от притеснений, но и бунтовать».

Вновь привлечено внимание к вопросу о роли казачества как в народных движениях, так и в целом в истории России. Донское и украинское казачество рассматривается как явление типологически близкое к таборитам в Чехии и граничарам в Хорватии как проявление общих закономерностей в становлении образа «вольного» населения. Велика роль казацких идеалов и в развитии социальной активности крестьянских масс. Крестьяне, не отрываясь от земли, стремились получить казачьи привилегии (личную свободу, право на землю, собственную юрисдикцию). Начало формирования казачьих сообществ обычно относили к концу XV в., хотя не исключено, что предыстория казачества охватывает и более ранние времена.

А.Л. Станиславский показал, что важное место в становлении «вольного» казачества как особого сословия принадлежит периоду Смуты. В это время казачество вышло на арену общерусской политической борьбы и превратилось в одну из наиболее активных ее сил. Они не только составляли ядро армий Лжедмитрия I, И. Болотникова и «тушинского вора», но претендовали на власть в стране и в этом отношении выступали как соперники дворянства. По мнению А.Л. Станиславского, казаки сыграли решающую роль в избрании на царство Михаила Романова. Однако вступление его на престол означало фактически не победу, а поражение казачества - отныне новая власть делала все возможное для обуздания «вольного» казачества. Им было найдено место в традиционной структуре русского общества.

Исследователи по-разному отвечают на вопрос, что такое казачество (сословие, национальность, народ, этнос или одно из состояний русского народа), а также вопрос о причинах его появления. Одной из главных причин его возникновения является бегство крестьян, холопов, посадских людей и представителей других групп населения из центра России в связи с усилением феодального гнета. Не следует также не учитывать и внешний фактор.

Основой хозяйства казаков были промыслы и скотоводство,

значительный доход они получали от походов к берегам Черного и Азовского морей, на Волгу и Каспий. Военные трофеи продавались купцам, у которых покупали хлеб и другие продукты.

Но постепенно с последней четверти XVII в. земля на Дону начинает приобретать значение основного условия хозяйственной жизни. Рядом жалованных грамот, особенно грамот от 1793 г., государство передавало земли казачьих обществ в их вечное пользование, а общества или войска передавали их в такое же пользование казачьим станицам, от которых казаки получали ее по паям. Области расселения казачества входили в состав Российского государства, но были на особом положении, играя роль своеобразной буферной зоны между «государственными вотчинами» и соседними владениями вассально зависимого от Османской империи Крымского ханства, Ногайской Орды и калмыцких тайшей (князьков). Царское правительство не в силах было постоянно держать на юге войско. Выходом стало привлечение к государственной службе казачества. Но сначала служба не носила систематического характера (сопровождение посольств, добывание разведывательных данных). К служебным обязанностям донских казаков в XVII веке относились все их действия, которые соответствовали интересам Российского государства. Это борьба с отрядами татар, ногаев и азовцев, завоевавших южные русские уезды, и походы на них по указанию Москвы; поддержание мира по указанию правительства с Азовом (поскольку в этом случае казаки лишались военной добычи - важнейшего источника своего существования) и борьба с казачьим воровством на Волге. В царствование Михаила Федоровича разрозненные казачьи станицы были объединены и оформлены в единую военную организацию - Войско Донское, члены которого стали ежегодно получать жалование деньгами, хлебными запасами, вином, сукном, порохом, свинцом, оружием и т.д. Атаманы и другие влиятельные лица периодически получали от царского имени дорогие подарки и денежные суммы сверх жалования.

Остро нуждаясь в казачестве как своего рода пограничном корпусе, правительство вынуждено было предоставить ему ряд льгот и привилегий. Так, в 1615 г. «за службу, разъезды по шляхам, перевозов» донскому казачеству была жалована свобода торговли и «нигде

никогда з казаков пошлин не имано».

Социальная организация казачества была порождена экстремальными условиями их бытия и наилучшим образом к ним приспособлена. Для нее характерна была личная свобода, социальное равенство, поголовное вооружение, демократизм в принятии решений в сочетании со строгой дисциплиной и единоначалием.

Г. Котошихин так характеризовал степень политической самостоятельности донских казаков: «и дана им на Дону жить воля своя, и начальных людей меж себя... избирают, и судятца во всяких делах по своей воле, а не по царскому указу». Военной, политической и социальной формой организации явилось «войско». В XVII в. оно упоминается применительно к Дону, Тереку и Яику. Высшую законодательную власть осуществлял «круг» - собрание полноправных казаков «всей реки». Он ведал дележом воинской добычи и жалования, судопроизводительством, давал санкции на военные походы и постройку новых городков. Исполнительная власть принадлежала «войсковому атаману», избираемому кругом. На время похода избирался «походный атаман» с неограниченной властью, а войско делилось на «станции» - отряды в 100 человек. Постановления круга были обязательными для всех. Главная роль в принятии решений принадлежала «старым казакам», но социальная дифференциация первоначально не была глубокой. По мере становления сословной организации казачества все явственней происходило расхождение его интересов с интересами других сословий - не только дворянства, но и основной массы крестьянства.

До середины XVII века сношение казаков с Россией осуществлялось в формах отношений между самостоятельными государствами: «им честь бывает такова, как чужеземским нарочитым людям». Н.А. Миненков, вслед за С.Г. Сватиковым и А.П. Пронштейном, считает, что с 1614 по 1671 г. Дон представлял собой республику, связанную с Россией системой вассалитета.

В вопросах внешних сношений (в первую очередь войны и мира) казаки руководствовались собственными интересами, которые не всегда совпадали с планами московской дипломатии. Окраинное положение казачьих сообществ определяло характер

взаимодействия с коренным населением. Мирные в своей основе вследствие экономической взаимозависимости, участия выходцев из соседних народов в формировании казачества, куначества, взаимообогащения в культуре и быту, они изменялись под влиянием разных обстоятельств. Как соседи, они ссорились друг с другом и мирились, угоняли скот и дарили лихих скакунов, обменивались оружием и торговали хлебом, вместе пировали на свадьбах и мстили кровным врагам. На Северном Кавказе союзнические отношения с северокавказскими владельцами, поддержка Русского государства, а также преимущества войсковой казачьей структуры позволили вольным казакам во II половине XVI века укрепиться на Тереке, и не только сохранить район своего обитания, но и расширить его.

Казаки дорожили своей свободой и независимостью и сопротивлялись попыткам царской администрации подчинить их. Принцип «с Дона выдачи нет» в XVII в. оставался незыблемым.

Однако Дон и другие регионы расселения казачества, не являлся для беглецов благословенным раем, т.к. казаки не представляли собой однородной массы. Зажиточные (домовитые) из «дедов казаков» группировались вокруг войскового атамана и старшины. В их руках находилась большая часть скота, рыбные промыслы, струги, им перепадала большая часть военной добычи.

Территориально домовитые казаки проживали в городах и станицах низовья Дона. Центром был Черкасск. Все денежные и натуральные поступления из Москвы шли туда. Голутвенные казаки в основном проживали в верховьях Дона. Это был пришлый люд, часто работавший у «добрых» станишников по найму.

С конца XVII в. правительство приступило к уничтожению некоторых наиболее опасных с его точки зрения, казачьих вольностей и привилегий: запрещено было принимать в состав казачьего общества новых членов. Оно также требовало выдачи беглых, «прибыльных» крепостных их хозяевам. Да и само казачество не хотело их принимать. Была отменена выборность войсковых начальников. После разгрома разинского восстания Войско Донское было приведено к присяге. Окончательная ликви-

дация свобод донского казачества была связана с подавлением раскольников на Дону в 1686-1689 гг., утверждением России в Приазовье с 1696 г. и особенно с подавлением булавинского восстания.

Казачество постепенно превращается в замкнутое сословие. Нормализуя свои отношения с правительством, оно оказалось под его контролем. Казачество участвовало практически во всех войнах, которые вела Россия в XVI-начале XX веков. В XVIII-нач. XIX в. правительство все более привлекает их к несению военной службы вне областей их постоянного проживания, то есть утверждается постоянная воинская служба. В казачьих областях закрепляется сословное деление, узаконивается частное землевладение у верхушки в виде частновладельческих пожалований. С начала XVIII в. донское казачество активно привлекается для подавления народных и национальных движений. Таким образом, на протяжении своего существования казачество прошло путь от «вольного общества» к замкнутому военному сословию. Несмотря на то, что «казачья вольница» в отдельные периоды доставляла немало хлопот «Москве» и даже вступала с ней в вооруженные столкновения, что было вызвано как причинами социально-экономического свойства, так и неумеренной подчас централизацией сверху и столь же неумеренным свободолюбием снизу, оно являлось важным элементом общерусской государственности, проводником культуры и языка на окраинах России. Не следует однако идеализировать прошлое казачество. В нем действовало не одно только «начало равенства и братства», но и проявлялись и довольно резко противоречия между верхними и нижними его слоями со всеми неизбежными последствиями.

При изучении народных движений необходимо также учитывать отличие мышления людей XVII в. В первую очередь их религиозность и наивный монархизм, широко распространенный не только в крестьянской среде. Общественная функция и социальный смысл крестьянского монархизма освещены в литературе на большом фактическом материале. Однако П.Г. Рындзюнский указывает и на сохранение в народе стойкой антимонархической традиции, отрицавшей принудительное следование установленным гражданским законам и вмешательство в «самовластье» простых людей (традиция своеобразно уживавшаяся порою с крестьянским монархизмом).

На современном этапе в литературе, особенно в публицистике, большое внимание уделяется нравственному аспекту народных движений. Ныне, когда насильственное ниспровержение одного строя другим, экспроприация экспроприаторов не признается раз и навсегда установленной истиной, когда авторитет оружия и революционного насилия не провозглашается выше всякой нравственности, христианских заповедей и устоев гражданского общества, роль и место крестьянских войн должны быть рассмотрены сквозь призму этого нового политического мышления. С другой стороны вряд ли исторично ставить под сомнение само право крестьян на силовой протест, когда другие (мирные) возможности изменить свою участь к лучшему (побеги, подача челобитных, массовый уход в раскольничьи скиты и т.п.) себя исчерпали. Восстания, крестьянские войны - это сложный сплав двух противоположных начал: тяги к справедливости и бытийной тьмы бессознательного. Сложными, неоднозначными личностями были их предводители. В то же время неоспоримо, что они несли на своих знаменах избавление от гнета, деспотизма, произвола, привлекая этим обездоленных людей и поэтому оставили по себе в народе грозную, но добрую память.

Литература

- Алексеев Ю.Г.* Псковская судная грамота и ее время. - Л., 1980.
Анкета о казаках // Военно-исторический журнал. - 1992. - № 3.
Головатенко А. Деидеологизация преподавания или обновление догм // Преподавание истории в школе. - 1991. - № 2.
Дворниченко А.Ю. Эволюция городской общины и генезис феодализма на Руси // Вопросы истории. - 1988. - № 1.
Заседателева Л.Б. Терские казаки. - М., 1974.
Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. - М., 1988.
Ключевский В.О. Сочинения. - Т.3. - М., 1957.
Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества. (XVI - XVIII вв.). - СПб, 1996.
Кривошеев Ю.В. Социальная борьба и проблема генезиса феодальных отношений в северо-восточной Руси XI - начала XIII вв. // Вопросы истории. - 1988. - № 8.
Лейберов И.П., Марголис Ю.Д., Юрковский Н.К. Традиции демократии и либерализма в России // Вопросы истории. - 1996. - № 2.

- Миненков Н.А.* Россия и Дон: отношения сюзеренитета-вассалитета в XVII в. // Исторический опыт русского народа и современность. Мавродинские чтения. - СПб, 1994.
- Назаров В.Д., Рахматуллин М.А.* Факторы и формы совместной борьбы народов России в Крестьянской войне под предводительством Е.И. Пугачева (К постановке проблемы) // Народы в Крестьянской войне 1773 - 1775 гг. - Уфа, 1977.
- Никитин Н.И.* О формационной природе ранних казачьих сообществ (К постановке вопроса) // Феодализм в России. - М., 1987.
- Павленко Н.И.* Историческая наука в прошлом и настоящем (некоторые размышления вслух) // История СССР. - 1991. - № 4.
- Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605 гг.). - СПб, 1992.
- Павлов А. П. Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории // Отечественная история. -1992. - № 5.
- Предводители крестьянских войн в России XVII - XVIII вв.: Страницы биографии: Указатель литературы / Науч. ред. В.И. Буганов. - М., 1979.
- Рындзюнский П.Г.* О некоторых спорных вопросах истории крестьянского движения в России // Вопросы истории. - 1987. - № 8.
- Сахаров А.Н.* Демократия и воля в нашем Отечестве // Свободная мысль. - 1991. - № 17.
- Скрынников Р.Г.* Социально-политическая борьба в русском государстве в начале XVII в. - Л., 1985.
- Скрынников Р.Г.* Спорные вопросы восстания Болотникова // История СССР. - 1989. - № 5.
- Соловьев В.М.* Поход за утраченной волей. - М., 1990.
- Соловьев В.М.* Актуальные вопросы изучения народных движений (Полемические заметки о крестьянских войнах в России) // История СССР. - 1991. - № 3.
- Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. - М., 1990.
- Ткаченко П.И.* «Бранное житье...» // Военно-исторический журнал. - 1992. - № 6-7.
- Усенко О.* Бунтари и заговорщики // Родина. - 1992. - № 5.
- Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII - XIX вв. - М., 1967.
- Фроянов И.Я.* Древняя Русь. - М.-СПб, 1995.
- Фроянов И.Я.* Мятельный Новгород. - СПб, 1992.

5. Вечный интерес, вечные споры : Иван Грозный и Петр Великий

Личность и деятельность царя Ивана IV Грозного вызывала и по сей день вызывает у историков крайне противоречивые оценки. Во многом это объясняется сложностью самого исторического материала. Правление Ивана Васильевича (1547-1584) вместило в себя развитие русского централизованного государства, крупные административные реформы и страшный террор опричнины, победы над Казанским и Астраханским ханствами и разорение подмосковных земель крымскими татарами, впечатляющие достижения в области культуры и изнурительную Ливонскую войну, начавшуюся для России победоносно, но закончившуюся очень неудачно.

Противоречивой личностью был и сам государь. Это и несомненно высокообразованный человек, «книжник», умный политик и в то же время сыноубийца, изувер, который не только лично участвовал в расправах над политическими противниками, но и предавался самым жестоким развлечениям, пытая заведомо невиновных людей.

Следует также иметь в виду, что большинство историков, оценивая деятельность Ивана IV, руководствовались собственными политическими убеждениями и идеалами. Именно это зачастую вызывало ту поляриность оценок, с которой неизбежно сталкивается читатель, желающий познакомиться с исторической ролью первого русского царя.

Сходная ситуация сложилась и в отношении еще одного русского государя - Петра I (1672-1725). Одним историкам он представлялся идеальным правителем, дальновидным реформатором, гениальным полководцем, законодателем и дипломатом. Другим - человеком, нарушившим естественный ход русской истории и ввергшим страну в небывалые бедствия. В связи с этим, представляется полезным дать краткий обзор взглядов отечественных историков на деятельность этих двух незаурядных правителей.

И ван Грозны й

Дискуссию о личности и политике Ивана Грозного начали уже его современники. В 50-е годы XVI в. в Москве был составлен «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича» Его автором, по-видимому, был сподвижник Ивана IV, руководитель Избранной Рады А.Ф. Адашев. «Летописец» представляет собой хвалебный панегирик царю и настойчиво проводит мысль о богоизбранности его власти. Особо подчеркиваются также превосходство самодержавия над боярством и закономерность победы русского государства над Казанским ханством.

Описание событий в «Летописце» отличается большой подробностью, но все, произошедшее в 60-80-е годы XVI в., остается за временными рамками этого сочинения. Составляя его, А.Ф. Адашев не мог и предположить, что в скором времени сам он будет отстранен от дел, а затем начнется опричнина.

Яркую попытку осмыслить большую часть царствования Ивана Грозного представляет собой «История о великом князе Московском», написанная в 1570-е годы князем А.М. Курбским. Как и Адашев, Курбский входил в Избранную Раду и в 1550-е годы был одним из наиболее близких сподвижников царя. Однако после падения правительства Адашева Курбский, опасаясь опалы, бежал в Литву (1564), чтобы возглавить одну из польских армий в войне против России.

Во время пребывания за границей он написал Ивану IV три письма, в которых подверг его правление жестокой критике. В отличие от этих посланий «История о великом князе Московском» адресовалась зарубежному читателю. Главной целью ее

написания было не допустить избрания Ивана Грозного на польский престол после смерти короля Сигизмунда.

А. Курбский настойчиво проводит мысль, что государь должен управлять страной, всегда и во всем советуясь с вельможами. В противном случае он превращается в злодея и тирана. Согласно своей концепции Курбский делит царствование Ивана IV на два периода: добрые годы Избранной Рады, когда царя окружали разумные советники (Адашев, протопоп Сильвестр и др.) и злое время опричнины, когда Иван приблизил к себе дурных людей.

При этом Курбский подчеркивает, что влечение ко злу, жестокость, своеобразие проявлялись у русского царя еще в детстве, но до поры до времени приближенные сдерживали развитие этих качеств. Однако, после взятия Казани, царь вместо того, чтобы вознаградить верных воевод, стал стремиться к неограниченной власти. Этим-то стремлением и воспользовались ищущие личных благ «ласкатели», которые потворствовали скверным наклонностям царя.

При описании чинимых опричниками жестокостей Курбский не жалеет самых мрачных красок, многократно повторяет, что «лютость» Ивана IV была бессмысленной и направлялась против ни в чем неповинных людей, что она принесла только вред, ослабляя государство.

Как и его современник, видный публицист И. Пересветов, Курбский верил в силу убеждения, в силу разума, в то, что добрые советники могли бы исправить царя.

Своеобразный ответ А.М. Курбскому дал сам Иван Васильевич. Он написал своему бывшему соратнику два письма, в которых обличал бояр и доказывал правоту своих действий. В основе сочинений Ивана IV лежит тезис о превосходстве неограниченной царской власти над всеми иными формами правлениями, а также идея о том, что ни бояре, ни даже православная церковь не могут покушаться на права монарха, дарованные самим Богом. Только самодержавие, по мнению Ивана Грозного, может спасти страну от внутренних раздоров. «Если царю не повинуются подвластные, - пишет он, - то никогда междуусобицы не прекратятся».

В качестве доказательства Иван IV приводит множество

примеров из всемирной истории от Древнего Рима до падения Константинополя. Все они подчинены главной идее: при единодержавии царства процветают, при самоуправстве какого-либо одного сословия гибнут. Следовательно, все чинимые русским царем жестокости не бессмысленны, а необходимы. Они сохраняют «строй земли», служат общегосударственным интересам, не позволяют стране прийти в то ужасное состояние, когда «каждый только о своем печется».

В начале XVII в. Россия пережила тяжкие годы Смутного времени. Народные восстания, борьба политических клик, заговоры и перевороты, иностранная интервенция заставляли, конечно, людей задумываться о причине всех этих бедствий, сравнивать свое время с предыдущим. Такие писатели, как дьяк И. Тимофеев и князь И. Катырев-Ростовский, ратовали за сильную царскую власть. Осуждая излишнюю жестокость Ивана Грозного, они подчеркивали, что тот был все же истинным царем, в отличие от явившихся в Смутное время самозванцев. Довольно благожелательно оценивали деятельность Ивана IV и официальные хронисты второй половины XVII в., стремившиеся доказать преемственность династий Рюриковичей и Романовых.

XVIII в. стал в России временем, когда история окончательно оформилась как наука и бурно развивалась. Большой вклад в этот процесс внес выдающийся ученый-энциклопедист М.В. Ломоносов. Им были составлены такие труды, как «Древняя Российская история» и «Краткий Российский Летописец». В последнем содержатся сведения и о царствовании Ивана Грозного.

М.В.Ломоносов положительно оценивает внешнеполитическую деятельность царя, в особенности присоединение Сибири и победу над Казанским ханством, но порицает Ивана IV за жестокость.

Более подробное освещение деятельности Ивана Грозного дано в трудах В.Н. Татищева. Будучи последовательным сторонником абсолютной монархии, В.Н.Татищев благожелательно характеризует все правление царя, включая и опричнину. По мнению этого историка, опричнина укрепила монаршеское правление и позволила государю справиться с «бунтом некоторых беспутных вельмож».

Противоположной точки зрения держался князь М.М. Щербатов, выражавший в своих политических и исторических сочинениях интересы родовитой аристократии. Нужно заметить, что идеалом государственного устройства, по мнению М.М.Щербатова, была монархия, ограниченная советом из представителей «лучших фамилий». Он упорно противился расширению власти своей современницы императрицы Екатерины II и уж, конечно, не мог симпатизировать самовластному правлению Ивана IV.

Все заслуги русского царя, по мнению М.М.Щербатова, все внешнеполитические успехи меркнут перед ужасами опричного террора. Гонения на бояр М.М.Щербатов объясняет необоснованными подозрениями Ивана, «подлостью его сердца». С возмущением пишет историк о государе, который «ужасный пример самовластия показуя, мужей заслуженных, почтенных... без суда, без обличения жизни лишил».

Вслед за Курбским М.М.Щербатов согласен признать более или менее удачными лишь первые годы царствования Ивана IV, когда тот правил совместно с боярами.

В полемику с М.М.Щербатовым вступил И.Н. Болтин, ставший одним из родоначальников теории русского феодализма. И.Н.Болтин выделил отдельные этапы развития феодального строя в России и сопоставил их с общеевропейскими тенденциями. В свете этого он акцентировал внимание на том, что именно в XVI в. в России была окончательно ликвидирована политическая раздробленность страны, чему способствовала и политика Ивана Грозного. Болтин сравнивал русского царя с французским королем Людовиком XI, подчеркивая прогрессивность курса, избранного этими монархами.

Выдающийся русский историк начала XIX в. Н.М. Карамзин, будучи убежденным сторонником абсолютизма, отождествлял исторический прогресс с укреплением самодержавия. Однако, его отношение к деятельности Ивана IV носит двойственный, более сложный, чем у В.Н.Татищева, характер. Н.М. Карамзин делит правление Ивана IV на две части. Начало царствования представляется этому историку временем крупнейших успехов и достижений, среди которых лучшим было упрочение царской

власти. После смерти Анастасии Романовой (1560 г.) в душе государя произошла страшная перемена. Окружив себя злодеями-опричниками, царь начал безжалостно губить бояр, которые ему даже не сопротивлялись.

Опричнина, по мнению Н.М.Карамзина, не преследовала никаких целей, кроме обеспечения личной безопасности царя и была вызвана его чрезмерно пугливым воображением. Н.М. Карамзин высказывал сожаление, что из-за своей подозрительности Иван IV превратил монархию в тиранию, исказил ее суть.

Историческая концепция Н.М.Карамзина встретила решительные возражения со стороны молодых публицистов, ставших впоследствии декабристами. Н. Муравьев, М. Лунин, К. Рылеев осуждали Ивана IV не столько за личную жестокость и другие душевные качества, сколько именно за усиление самодержавия, воплощение «царского деспотизма».

К середине XIX в. в русской историографии сложилось направление, отражавшее взгляды развивавшейся буржуазии. Одним из ярких его представителей был К.Д. Кавелин. По его мнению, политика Ивана Грозного имела глубокие, объективные причины. Она знаменовала победу государства над «вельможеством» и, следовательно, была прогрессивной. В опричнине, согласно взглядам Кавелина, царь пытался создать «служебное дворянство», чтобы заменить им отжившее свой век патриархальное боярство.

Эти идеи К.Д.Кавелина были восприняты и развиты одним из крупнейших русских историков XIX в. С.М. Соловьевым. Стремясь выделить в многообразии исторических событий некую основную линию, Соловьев пришел к выводу, что таким «стержнем» является борьба между государством, как прогрессивным явлением, и родовыми началами, как явлением патриархальным. Государство при этом понималось как «необходимая для народа форма», а правительство, как «произведение жизни известного народа». С.М.Соловьев отрицал возможность конфликта между государством и широкими народными массами, а в мятежах и восстаниях видел либо «бунт ленивого человека» против общегосударственных и общенародных интересов, либо про-

иски какой-либо узкой корпорации.

Процесс объединения русских земель вокруг Москвы представлялся С.М.Соловьеву в виде поступательного расширения системы вассальной зависимости, «собирания власти» в одних руках. Правление Ивана IV, соответственно, изображалось, как завершение долгой борьбы за торжество государственного начала. В опричнине С.М. Соловьев видел последний, роковой удар по политической силе боярства, являвшегося носителем родового, антигосударственного начала. В отличие от Карамзина, считавшего опричнину порождением больной психики царя, Соловьев давал глубокое обоснование опричного террора, характеризовал его как акт сознательной и исторически оправданной деятельности.

Давая в целом положительную оценку правлению Ивана IV, С.М.Соловьев в то же время осуждал его жестокость и подчеркивал, что тех же целей можно было добиться более мягкими средствами. При этом историк часто прибегал к психологическому обоснованию поступков царя. Он писал о «нравственном перевороте», происшедшем в молодом Иване под влиянием восстания 1547 г., когда тот решил «покончить окончательно с князьями и боярами, искать опоры в лицах другого происхождения». Описывая разгром царем в 1570 г. Новгорода и Пскова, С.М.Соловьев пытался объяснить их тяжелым душевным состоянием государя, измученного борьбой с политическими противниками.

С критикой концепции С.М.Соловьева выступили некоторые историки-славянофилы. К.С. Аксаков, например, отвергал саму возможность борьбы между государством и боярами, стараясь доказать полное единство власти и всех общественных групп в допетровской Руси.

Своеобразную точку зрения заняли и революционно настроенные деятели. А.И. Герцен признавал, что «тирания» Грозного оправдывалась государственными целями, и считал, что истребление «дерзкой аристократии» и «крамольных бояр» было благом для страны. В то же время он осуждал произвол царской власти и чрезвычайно сожалел о разгроме Новгорода, как последнего очага народовластия.

Заметный вклад в изучение правления Ивана Грозного внес

В. О. Ключевский. Особенно много внимания уделял он опричнине, которую оценивал как результат противоречия между нарождавшейся абсолютной монархией и правящим боярством. По мнению В.О.-Ключевского, не умея найти соглашения, стороны попытались разделиться, в результате чего и возникли опричнина и земщина. Царь не мог сокрушить неудобный для него политический строй и стал уничтожать отдельных подозрительных лиц. Опричнина, таким образом, была направлена не против порядка, а против конкретных людей. В этом-то, по мнению В.О.Ключевского, и заключалась ее историческая бесцельность.

Вообще В.О.Ключевский оценивал деятельность Ивана IV очень критично, призывал своих читателей не преувеличивать созидательной роли этого монарха в русской истории. «Грозный царь, - писал он, - более задумывал, чем сделал, сильнее подействовал на воображение и нервы своих современников, чем на современный ему государственный порядок... Вражде и произволу царь пожертвовал и собою, и своей династией, и государственным благом».

Иная точка зрения была высказана С.Ф. Платоновым. Оценивая борьбу Ивана IV с боярством, С.Ф.Платонов утверждал следующий факт:

при разделе опричных и земских земель Иван Грозный взял в опричнину те территории, где располагались вотчины потомков удельных князей. В итоге царю удалось «подвергнуть систематической ломке вотчинное землевладение служилых княжат» и довершить «полный разгром удельной аристократии».

Опричнина, по мнению С.Ф.Платонова, была крупной реформой. В то же время историк осуждал жестокость царя. «Сложное политическое дело, - писал он, - было еще более осложнено ненужными казнями, пытками и грубым развратом... Таким образом направленная против высшего служилого строя опричнина отозвалась на всем русском обществе». С.Ф.Платонов считал Смутное время непосредственным результатом опричнины и подчеркивал, что если бы нужное дело (ограничение власти бояр) осуществлялось иными средствами, результат был бы гораздо лучшим.

В целом для дореволюционной русской историографии

были характерны чрезвычайно острые споры о деятельности Ивана Грозного и в особенности о политике опричнины. Одним опричнина представлялась бесцельным террором, другим - мудрой реформой, третьим - хорошим замыслом, плохо претворенным в жизнь.

Новый этап в исследовании проблемы начался после Октябрьской революции. Работавшие в Советской России историки стали уделять повышенное внимание экономическим проблемам, а также борьбе между различными социальными группами (классами). Центральное место заняли проблемы развития государства, крепостного права, народных движений против власти. В 1920-40-е гг. изучение правления Ивана IV было связано с именами Р.Ю. Виппера, И.И. Смирнова, С.В. Бахрушина, П.А. Садикова, С.Я. Веселовского, И.И. Полосина и др.

В 1922 г. Р.Ю. Виппер опубликовал небольшую книгу «Иван Грозный», в которой представил явно идеализированный портрет русского царя. Идеализация эта была во многом связана с ностальгией автора по рухнувшей империи. Не называя имени Николая II, Р.Ю.Виппер как бы противопоставляет «настоящую», волевого государя Ивана IV мягкому, безвольному императору.

Ради сохранения государственного порядка историк готов был простить Ивану Грозному все жестокости, все казни. «Московская оппозиция XVI века, - пишет он, - обвиняя Грозного в неистовых зверствах, относит их происхождение его порочной натуре. Никому из судей не приходит в голову видеть в казнях и погромах Ивана IV дельную, обдуманную систему политики». Опричнина оценивается Виппером как единственно верная мера, направленная на укрепление государства, реформа, в результате которой правительство смогло «стать над классами и держать их в строгом повиновении».

Источник взглядов Р.Ю.Виппера определил в критической статье на его книгу Ю.В. Готье: «Автору, изучая происхождение великодержавной России, жаль ее падения. Скорбя о страданиях России теперешней, он склонен, быть может, преувеличивать достоинства одного из ее созидателей - царя Ивана»

Первые обобщающие труды по истории России в марксистском духе были созданы М.Н. Покровским. Вся русская история

представлялась этому автору как постоянная борьба классов. Покровский считал, что в XVI в. в России уже появился торговый капитал, произошло разрушение вотчинного хозяйства и утверждение хозяйства помещичьего. Иван IV, следовательно, предстает выразителем интересов дворянства. Он, по мнению М.Н.Покровского, «экспроприировал» путем опричнины богатых бояр в пользу дворян. Разумеется, все симпатии автора были на стороне крестьянства и городских низов, восстаниям которых он уделял повышенное внимание.

Для советской историографии 30-40-х гг. характерна безудержная идеализация Ивана Грозного. На первый взгляд, это может показаться странным: человек, боровшийся за упрочение самодержавия, царь, стремившийся к неограниченной власти, неожиданно полюбился историкам-марксистам. Объяснение заключается в том, что к образу Ивана IV был весьма неравнодушен И.В. Сталин. Вождю советского народа импонировали идеи о неограниченной власти, «сильной руке», правившей якобы в интересах всего общества, о терроре.

Интересное свидетельство на этот счет сохранилось в мемуарах актера Н. Черкасова, описавшего встречу Сталина с создателями кинофильма «Иван Грозный» и 1947 г. «Говоря о государственной деятельности Грозного, - вспоминает Черкасов, - Сталин заметил, что Иван IV был великим и мудрым правителем, который ограждал страну от проникновения иностранного влияния и стремился объединить Россию... Коснувшись ошибок Ивана Грозного, Иосиф Виссарионович отметил, что одна из его ошибок состояла в том, что он не сумел ликвидировать пять оставшихся крупных феодальных семейств, не довел до конца борьбу с феодалами - если бы он это сделал, то на Руси не было бы Смутного времени». Так что если раньше историки спорили, обоснованны или необоснованны были проводимые царем репрессии, то Сталин порицал Ивана Васильевича за недостаток казней, а все прочее причислял к успехам царя.

В 1942 и 1944 гг. была переиздана книга Р.Ю.Виппера, которая всего 20 лет назад была раскритикована, как монархическая. Правда, теперь автор вставил в нее несколько подходов

к случаю сталинских цитат.

В 1942 г. вышла брошюра С.В. Бахрушина «Иван Грозный». В ней подчеркивалось, что «опричнина была направлена против тех слоев феодального общества, которые служили помехой сильной государственной власти», должна была «с корнем вырвать все пережитки феодальной раздробленности». В книге Бахрушина Иван Грозный представлен как создатель русского централизованного государства, виднейший исторический деятель. Сходную характеристику давал царю И.И. Смирнов.

Одним из немногих противников идеализации Ивана Грозного оставался С.Б. Веселовский. Он призывал отказаться от старого предрассудка о победе Ивана Грозного над боярством, доказывая, что опричнина не изменила общего порядка в стране.

Заметную лепту в идеализацию Грозного внесли военные; историки В. Федоров и Е. Разин. Они явно переоценивали успехи военной реформы, приписывая Грозному чуть ли не создание регулярной армии.

Только после смерти Сталина стал возможен взвешенный подход к проблеме. В 1956 г. на страницах журнала «Вопросы истории» появилась статья С.М. Дубровского «Против идеализации деятельности Ивана IV». Автор убедительно доказывал, что формирование русского централизованного государства началось раньше воцарения Грозного, а закончилось позже, что внешнеполитический курс царя изобилует просчетами и Ливонская война закончилась провалом. Однако, главное, по мнению Дубровского, заключалось в том, что И.И.Смирной, С.В.Бахрушин, П.А. Садиков недостаточно внимания уделили закреплению крестьян в XVI в., не поняли «марксистско-ленинского учения о сущности царского самодержавия как диктатуры крепостников». Таким образом Дубровский возражал против тезиса о том, что Иван IV действовал в «общенациональных интересах, интересах всей страны».

Последнее заявление Дубровского вызвало дискуссию. Многие историки справедливо замечали, что ко всякой проблеме надо подходить конкретно-исторически и что на определенном этапе развития общества самодержавная власть имела прогрессивное значение.

В 1960-1970-е г. активное исследование России в царствова-

ние Ивана IV развернули А.А. Зимин, В.Б. Кобрин, С.М. Каштанов, Р.Г. Скрынников и др. Особое значение эти историки придавали проблемам опричнины. А.А. Зимин, вслед за Веселовским, считал, что опричнина вовсе не покончила с боярским землевладением. Однако, он все же признавал ее мощным ударом по противникам централизации России. Дело в том, что основными «носителями удельной раздробленности», по мнению Зимина, были Старицкое княжество и Новгород.

С этим мнением не согласился Р.Г. Скрынников, считавший, что носителем традиций удельной раздробленности была все-таки княжеско-боярская знать. Правление Ивана IV Скрынников оценивал отрицательно, особо подчеркивая, что опричный террор привел к Смутному времени.

С конца 1970-х гг. опричнина все чаще рассматривалась советскими историками как борьба вокруг разных форм правления в едином русском государстве. По мнению Д.К. Альшица, опричнина способствовала консолидации феодалов вокруг царя, подчинению различных прослоек феодального класса интересам самой большей его части - служилого дворянства. Признав над собой неограниченную власть царя, феодалы получили взамен закрепощение крестьян. Так началось, говоря словами Альшица, «похолопление» всего общества в пользу царской власти.

Избранная рада, по мнению историка, могла предложить такому пути свою альтернативу - создание сословно-представительной монархии. Однако, в силу объективных причин этого не случилось.

Д.К.Альшиц с горечью - замечает, что понимание исторической необходимости, закономерности развития тогдашней Руси не имеет, естественно, ничего общего с одобрением, а тем более восхвалением тех «отвратительных деспотических форм, которые приобрело самодержавие».

Сходные идеи, но в еще более энергичной форме высказал Н. Эйдельман в работе «Революция сверху в России». Величайшей трагедией представляется ему именно то, что в эпоху Ивана Грозного Россия пошла по пути закрепощения крестьян и подчинения всех слоев общества царской власти. Сами по себе жес-

токости возмущают Эйдельмана гораздо меньше, чем это «похолопление» царем подданных. Варфоломеевская ночь, по его мнению, была гораздо менее ужасна, чем опричнина, ибо происходила на фоне «вольных городов, судов и университетов».

Сегодня в отношении Ивана IV историки по-прежнему демонстрируют очень разные мнения. Однако, хотелось бы отметить, что при разборе деятельности этого государя на школьных уроках и в студенческих аудиториях крайне важен нравственный подход. Еще С.М. Соловьев замечал, что понимать историческую обоснованность деятельности того или иного политика и «произнести ему слово нравственного оправдания» совсем не одно и то же.

Литература

- Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. - М., 1963.
Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. - М., 1960.
Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. - М., 1964.
Скрынников Р.Г. Начало опричнины. - Л., 1966.
Скрынников Р.Г. Опричный террор. - Л., 1969.
Скрынников Р.Г. Иван Грозный. - М., 1983.
Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. - М., 1962.
Шмидт С.О. Становление российского самодержавства. - М., 1973.

Петр Великий

Споры о личности и деятельности Петра I так же, как и споры о личности и деятельности Ивана IV, начали уже современники. Автором целого ряда исторических и историко-философских трактатов стали сподвижники императора Ф. Прокопович, П. Шафиров, А. Манкиев и др.

Феофан Прокопович являлся заметным политическим деятелем, одним из учредителей Синода, ярким публицистом. Такие его работы, как «Слово о власти и чести царской» и «Надгробное слово о Петре I», были пронизаны восхвалением всех проводимых государем реформ, всей его внешней и внутренней политики. В «Слове о власти», кроме того, настойчиво проводилась мысль о превосходстве абсолютной монархии над всеми иными

формами государственного правления. Противники Петра подвергались безусловному осуждению. «Не может народ, - писал Ф. Прокопович, - повелевать что-либо монарху своему».

Петр I предстает в трудах этого автора, как «попечительный отец» своего народа, идеальный государь, наделенный чуть ли не божественным могуществом и проницательностью.

К трудам, освещавшим внешнюю политику Петра I, относятся «История Свейской войны» и «Рассуждения, какие законные причины его царское величество Петр Первый... к начатию войны против короля Карла XII Шведского в 1700 г. имел». Обе эти работы были составлены известным дипломатом, президентом Коммерц-коллегии П.П. Шафировым. П.П.Шафиров трактует Северную войну, как вполне закономерное следствие экономических и политических преобразований, шедших в России с начала XVIII в. Он подчеркивает, что русские вели справедливую борьбу за свои исконные, «наследные» земли. Все успехи в войне относятся за счет личных достоинств Петра I.

Высокую оценку деятельности Петра I давал также выдающийся историк В.Н. Татищев. Карьера этого ученого началась именно в петровское время. Он хорошо знал реалии эпохи, ее положительные и отрицательные стороны. Тем не менее В.Н.Татищев безоговорочно одобряет все проведенные преобразования и считает, что именно этот государь привел Россию к невиданному доселе могуществу.

М.В. Ломоносов посвятил Петру I целый ряд работ. Наиболее ярко свое отношение к деятельности императора он выразил в «Слове похвальном Петру Великому», произнесенном на торжественном заседании Академии наук в 1755 г. Для него Петр - это «человек богу подобный», это тот идеал просвещенного монарха, который был так популярен среди философов XVIII века. Ученый одобрял и внешнюю и внутреннюю политику Петра I, его социальные преобразования и в особенности меры в области просвещения, распространения наук. Любопытно, что М.В. Ломоносов написал также «Примечания» на рукопись Вольтера «История Российской империи при Петре Великом».

Иную, нежели В.Н. Татищев и М.В. Ломоносов, позицию

занял князь М.М. Щербатов. В 1782 г. им была создана работа «Смотрение о пороках и самовластии Петра Великого». В ней автор, с одной стороны, признает за императором заслуги в области хозяйственного и культурного развития страны, а с другой - решительно критикует социально-политическую сторону его деятельности. М.М. Щербатов обвиняет Петра в унижении бывшего значения родовой аристократии, ущемлении ее законных прав и привилегий, возмущается возвышением «подлых» людей и подчеркивает, что расширение промышленности и торговли нарушили патриархальную чистоту сельского быта. Таким образом этот историк как бы противопоставлял древнюю «благословенную» Московскую Русь и новые порядки, созданные произвольной волей императора, порвавшего связь с родовой знатью. Как и в оценке Ивана IV, М.М.Щербатов в своем отношении к Петру I остается верен идеям, отражавшим интересы родовой аристократии.

Большой вклад в изучение петровской эпохи внес другой русский историк XVIII в. - И.И. Голиков. Им был составлен 12-томный труд «Деяния Петра Великого» и 18 томов «Дополнений» к нему. В первом томе «Деяний» И.И.Голиков рассмотрел экономическое развитие России в XVII в. и пришел к выводу, что действия Петра были подготовлены всей предшествующей историей страны. Оценка реформ носила в трудах И.И.Голикова исключительно положительный характер.

Особый взгляд на историческую роль императора высказал А.Н. Радищев. Не отрицая заслуг государя во внешнеполитической области, он обвинил Петра в чрезмерном усилении самодержавной власти и порабощении крестьян (рекрутские наборы, налоги). Поясняя свою позицию, Радищев указывал, что «самодержавство» Петра I привело к конфликтам между властью и народом.

Н.М. Карамзин наиболее обстоятельно изложил свои взгляды на царствование Петра I в «Записке» О древней и новой России», составленной в 1811 г. Он решительно осудил Петра за слишком старательное подражание европейским образцам. По мнению историка, введение новых обычаев и культурных традиций лишило Россию ее самобытности. Петр, говоря словами

Карамзина, «захотел сделать Россию Голландией» и «унижал россиян в собственном их сердце». В результате русские люди «стали гражданами мира, но перестали быть, в некотором смысле, гражданами России».

Н.М.Карамзин порицал и перенесение столицы из Москвы в Петербург, и ликвидацию патриаршества, и введение табели о рангах. Гораздо правильнее действовал, по его мнению, отец Петра царь Алексей Михайлович, который тоже поощрял сближение России с Западной Европой, но делал это «постепенно, тихо, едва заметно... без порывов и насилия».

Такой взгляд был во многом обусловлен той конкретной ситуацией, в которой создавалась «Записка». По ряду европейских стран тогда прокатилась волна революций и убежденный монархист Карамзин не без оснований опасался любой решительной ломки общественных отношений, с одной стороны, и «тлетворного» влияния европейских идей - с другой. Тем не менее историк не мог не признать заслуг Петра I во внешней политике, в деле развития промышленности, торговли, просвещения. Высоко оценил, он и личные качества императора, которого называл «великим мужем».

Среди декабристов в отношении к Петру I единства не было. А. Бестужев и А. Корнилович давали ему исключительно положительную характеристику. Однако, М. Фонвизин, например, считал, что методы, которыми император проводил свою политику, были слишком жестоки. «Пытки и казни, - писал он, - служили средством нашего славного преобразования государственно-го». Этот автор также отмечал, что обратной стороной реформ было усиление крепостного гнета. Вообще, по мнению Фонвизина, «Петр не столько обращал внимание на внутреннее благосостояние народа, сколько на развитие исполинского могущества своей империи».

Двойственно оценивал политику Петра и А.С. Пушкин, Поэт восхищался энергией монарха, его военным и политическим талантом, но осуждал петровский деспотизм, сожалел о страданиях народа.

В середине XIX в. споры об исторической роли Петра I

вспыхнули с новой силой. Убеденными панегиристами императора выступили М.П. Погодин и И.Г. Устрялов. Иную, очень специфическую позицию заняли славянофилы К.С. Аксаков, И.В. Киреевский и др. Их взгляд на петровскую эпоху был тесно связан с общепризнанной философской концепцией, основанной на идее разграничения функций государства и народа.

Государство, по мнению славянофилов, обладает «полной внешней властью». Оно может принимать политические законы, но не должно вмешиваться во внутреннюю, духовную жизнь народа. Русский народ представлялся славянофилам аполитичным, стремящимся не к власти, а к самосовершенствованию. «Свобода действий и закона - царю, свобода мнения и слова - народу», - писал по этому поводу К.С. Аксаков. Однако, Петр I, считали славянофилы, нарушил естественное равновесие между правительством и народом, попытался полностью подчинить народ себе и навязывал ему чуждые европейские обычаи.

В результате Россия разделилась надвое. Дворянство и часть горожан переняли новые нормы, а вместе с ними и растлевающую тягу к политической суете. Большая часть крестьян осталась верна заветам предков, хотя в какой-то мере тоже поддавалась «нравственному разложению». Дальнейшее следование по европейскому пути могло, по мнению славянофилов, привести Россию в «бездну революции».

Таким образом славянофилы подходили к осуждению Петра I, к выводу о неправомерности сближения России и Западной Европы и об особом, специфическом пути развития русского общества.

С.М. Соловьев посвятил царствованию Петра I многие страницы своей фундаментальной «Истории России с древнейших времен» и несколько отдельных работ, в т.ч. «Публичные чтения о Петре Великом» (1872).

В ранних трудах историка эпоха Петра выступает как переломное время, как грань, разделяющая историю отечества на два периода. С.М.Соловьев даже называл петровские реформы «революцией начала XVIII века». Позже, в 1870-е г., он писал и об исторической подготовленности реформ, определенной преем-

ственности между событиями второй половины XVII в. и петровской эпохи. Так, характеризуя ситуацию накануне воцарения Петра Алексеевича, С.М.Соловьев замечал: «Народ поднялся и собрался в дорогу, но кого-то ждали; ждали вождя - вождь явился».

Основную причину всех петровских преобразований историк видел в объективных потребностях русской экономики. Именно экономическими нуждами страны (выход к морям) была вызвана, по мнению этого историка, Северная война.

Даже в культурной политике государя Соловьев усматривал экономический аспект: «Бедный народ сознал свою бедность и причины ее через сравнение с народами богатыми и устремился к приобретению тех средств, которым заморские народы были обязаны своим богатством».

Вообще С.М. Соловьев считал, что европеизация русской жизни была закономерна и не только не повредила национальной культуре, но обогатила ее.

Историк полагал также, что все реформы Петра I осуществлялись по заранее составленному плану и были взаимосвязаны. К народным восстаниям петровской эпохи он относился крайне негативно, видел в них «случайный бунт» людей, не понимавших общенациональной пользы. Подчеркивая бесперспективность этих движений, С.М.Соловьев писал: «Все неудовольствия, которые обнаружились в разных сферах, не были, однако, довольно сильны... Причина заключалась в том, что на стороне преобразования были лучшие, сильнейшие люди, сосредоточившиеся около верховного преобразователя... машина была на всем ходу, можно было кричать, жаловаться, браниться, но остановить машины было нельзя».

В середине XIX в. целый ряд статей посвятил Петру I В.Г. Белинский, известный литературный критик и публицист, отличавшийся радикально-революционными убеждениями. По мнению Белинского, реформы Петра I легли тяжким бременем на плечи народа, стали «годиной трудной и грозной». Сочувствуя антиправительственным мятежам, автор тем не менее подчеркивал необходимость проведенных царем мер. Главным результатом реформ, по его мнению, был рост военного могущества страны перед лицом уже набравших силу европейских держав.

В.Г. Белинский считал, что если бы не Петр I, то Россия вполне могла бы превратиться в колонию. Полемизируя со славянофилами, он писал: «И без реформ Петра Россия, может быть, сблизилась бы с Европой и приняла бы ее цивилизацию, но точно так же, как Индия с Англией».

Сходных взглядов держался и 1840-50-е годы и А.И. Герцен. Однако, затем его позиция переменялась. В 1860-е годы А.И. Герцен стал довольно резко критиковать петровские реформы. Он настойчиво подчеркивал стремление императора к усилению государственной машины и забвение интересов отдельной человеческой личности. Для Петра, по мнению Герцена, «государство было все, а человек - ничего». Эти взгляды Герцена получили впоследствии широкое распространение среди историков и писателей либеральной ориентации.

Чрезвычайно критически оценивал деятельность Петра В.О. Ключевский. Не отрицая ни огромного влияния реформ на все стороны жизни русского общества, ни того, что преобразования были подготовлены всем ходом русской истории, но одним из первых заявил, что принятые Петром меры не были подчинены единому плану, а скорее носили спонтанный, бессистемный характер. Главной движущей силой преобразований Ключевский считал Северную войну. «Служа главной движущей пружиной реформы, - писал он, - война оказала самое неблагоприятное действие на ее ход и успехи. Реформа шла среди растерянной суматохи... Война сообщила реформе нервозный, лихорадочный пульс, болезненно ускоренный ход».

Двойственно оценивал В.О. Ключевский и личность Петра I, он находил в ней немало антипатичных черт: жестокость, неуравновешенность, мелочность.

Еще дальше пошел в критике петровских реформ П.Н. Милюков, работавший на рубеже XIX и XX вв. П.Н. Милюков был не только известным историком, но и крупным политическим деятелем, одним из основателей партии конституционных демократов. В 1892 г. он опубликовал работу «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого». Как и В.О.Ключевский, П.Н.Милюков считал,

что главной причиной реформ стала Северная война и связанные с ней финансовые трудности. Никакого единого плана преобразований у царя, по мнению этого автора, не было. Более того, многие реформы представлялись Милюкову ошибочными, противоречившими друг другу. Они являлись как бы спонтанной реакцией на требования момента.

Ценой петровских нововведений, по словам историка, было «страшное разорение страны» и обнищание народа. Величие же самого императора представлялось ему более чем сомнительным.

П.Н. Милюков не раз подчеркивал, что Петр не осознавал всех возможных последствий своих действий, и даже писал, что в России начала XVIII в. шли «реформы без реформатора». Вообще, по мнению Милюкова, только внешнеполитическая деятельность Петра I имела положительные стороны, вся же его внутренняя политика была подчинена нуждам войны, плохо организована и несвоевременна.

Выводы П.Н.Милюкова вызвали бурный протест у историков самых разных школ и направлений и тем самым послужили толчком к напряженной дискуссии. Товарищ Милюкова по кадетской партии, известный ученый Н.П. Павлов-Сильванский оценил его работу, как «желчный памфлет на Петра I». В своем исследовании «Проекты реформ в записках современников Петра Великого» (1897) он подчеркивал, что император сам разрабатывал проекты своих законов и недооценивать его личность - большая ошибка.

В тоже время Н.П.Павлов-Сильванский писал о том, что реформы Петра не были каким-то нелогичным переворотом, что они органично входят в контекст русской истории. «Петровская реформа, - писал он, - не перестроила заново старое здание, а дала ему только новый фасад... Время Петра Великого есть только один из этапов развития государства нового времени, которое в основных своих устоях сложилось у нас в XVI в. и просуществовало до половины XIX в.».

Чрезвычайно жестко критиковали Милюкова историки официального направления, для которых Петр I оставался абсолютным идеалом государственного деятеля.

В советское время интерес историков к петровской реформе не угасал. Однако, основное внимание - ученых стало теперь сосредотачиваться на экономических процессах и социальной борьбе. Одной из главнейших задач исследования стало считаться выяснение того, интересам какого класса соответствовала политика Петра и к каким социальным последствиям она привела.

В 1920-е годы М.Н. Покровский сделал попытку рассмотреть с позиций марксизма всю историю России. Петровское время в его трудах охарактеризовано как «весна капитализма», период, когда торговый (купеческий) капитал создает новый экономический базис жизни русского общества. Как следствие этого власть, по мнению М.Н.Покровского, должна была переходить от дворян к купцам. Петр I, соответственно, представлялся историку выразителем интересов купечества, а вся его внешняя и внутренняя политика объяснялась потребностями молодого капитализма. Самой личности государя внимания уделялось немного. Для Покровского самым важным было выявить «классовую сущность» петровских реформ.

Оппонентом Покровского в 1920-е годы выступил Н.А. Рожков. По его мнению, реформы Петра I были продиктованы в первую очередь интересами дворян, хотя и потребности буржуазии в какой-то мере учитывались.

Взгляд на правление Петра I, как на «диктатуру дворянства», был доминирующим в советской историографии с середины 1930-х до середины 1960-х годов. Такой точки зрения держались В.И. Лебедев, К.В. Базилевич, В.В. Мавродин, С.В. Юшков и, в особенности, С.В. Бахрушин, написавший в 1944 г. специальный очерк «О классовой природе монархии Петра I». При этом большинство историков считало, что преобразования были естественным продолжением процессов XVII в. Хотя сами реформы оценивались исследователями положительно, постоянно подчеркивалась их тяжесть для народных масс, а мятежи и бунты трактовались как прогрессивное явление.

Особое место в советской историографии занимает работа Б.И. Сыромятникова «Регулярное государство Петра I и его идеология», вышедшая в 1943 г. В ней автор дал несколько от-

личную от своих коллег интерпретацию классового фундамента русского государства в первой четверти XVIII века. По мнению Сыромятникова, неограниченная власть Петра основывалась на конкретной ситуации: дворянство и буржуазия достигли в этот период равенства экономических и политических сил. Это позволило государству стать своего рода посредником между ними, добиться независимости от обоих классов.

Независимость власти, конечно, не означала еще ее беспристрастности. По мнению Б.И.Сыромятникова Петр I, однако, проводил политику в интересах крепнущей буржуазии и даже стремился ограничить крепостное право. Эти выводы не получили поддержки других историков. Большинство исследователей остались верны тезису о продворянском характере политики Петра I.

В 1966-1972 гг. на страницах журнала «История СССР» развернулась дискуссия о сущности и времени возникновения абсолютной монархии в России. Естественно, в ходе споров ученые неоднократно обращались к петровским временам. А.Я. Аврех в своей статье «Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России» высказал мнение, что абсолютизм возник и относительно утвердился именно в правление Петра I.

Одной из ведущих причин этого, по мнению историка, стал низкий уровень классовой борьбы. Аврех также подчеркивал, что несмотря на слабость русской буржуазии правительство стремилось проводить именно буржуазную политику. Большинство историков с А.Я. Аврехом не согласилось, обвиняя его в недооценке классовой борьбы.

И в ходе дискуссии, и в трудах отдельных историков в 1970-е годы все чаще стал повторяться тезис об известной самостоятельности петровского государства, его независимости от интересов какого-либо одного класса. Такую точку зрения высказали например И.А. Федосов и С.М. Троицкий. Однако, в отличие от Б. И. Сыромятникова, источником этой независимости они считали не равновесие сил дворянства и буржуазии, а «внутриклассовую» борьбу между старой, родовитой аристократией и молодым бюрократизованным дворянством. Набиравшая силу буржуазия, по мнению исследователей, выступала лишь как со-

юзник молодого дворянства.

Вообще в 1950-1970-е годы вышло очень много работ, посвященных как петровской эпохе в целом, так и отдельным аспектам развития России в первой четверти XVIII века. Социально-экономические процессы изучали С.Г. Струмилин, Б.Б. Кафенгауз, Е.И. Заозерская, А.П. Глаголева, С.М. Троицкий, И.А. Булыгин. Народным восстаниям и иным антиправительственным выступлениям были посвящены работы Н.Б. Голиковой, И.Г. Рознера. Военным и дипломатическим проблемам - П.П. Епифанова, В.Е. Возгрина, Ю.Н. Беспятых, С.А. Фейгиной и многих других историков.

Большой фактический материал был обобщен в трудах Н.И. Павленко. Основываясь на законодательстве XVIII в., он показал, что нередко Петр не помогал, а напротив препятствовал развитию буржуазии, как класса (создавая, например, условия для перехода буржуа в дворянство). Поддерживая купцов, государь преследовал в основном фискальные цели: пополнить государственную казну. Н.И. Павленко подчеркивает в своей работе «Петр Первый» (1976), что в отличие от Западной Европы в России абсолютная монархия возводилась на старом, феодальном фундаменте, а политика Петра «была направлена на возвышение дворянства». «Реформы, - пишет он, - укрепили господствующее положение дворянства в феодальном обществе. Дворянское сословие стало более монолитным и образованным, повысилась его роль в армии и государственном аппарате, расширились права на труд крепостных крестьян. Классовая направленность преобразований не исключает их громадной общенациональной значимости. Они вывели Россию на путь ускоренного, экономического, политического и культурного развития».

Новую трактовку проблемы дал в 1980-е годы Е.В. Анисимов. В его монографии «Время петровских реформ» (1989) данное императором государство вновь рассматривается, как самостоятельная сила. Даже дворянству, по мнению историка, Петр отводил место одной из деталей государственной машины, тогда как высшей ценностью считалось именно само государство. Е.В. Анисимов анализирует основные законодательные акты Петровского времени и показывает, как жестко были рег-

ламентированы царем все стороны жизни русского общества, как решительно вмешивалось правительство в самые сокровенные уголки быта подданных. По мнению автора, петровское время внесло свою лепту в формирование тоталитарного сознания народа. Сходные идеи высказывал и Н.Я. Эйдельман.

Споры о месте и роли Петра I в русской истории далеки от завершения и сегодня. При оценке его деятельности во всяком случае следует избегать однозначных и плакатных характеристик. Созданный некоторыми кинематографистами и писателями образ «демократичного» царя-плотника, равно как и образ безжалостного тирана, довольно далеки от истины и отнюдь не исчерпывают всей специфики этой колоссальной личности.

Литература

- Анисимов Е.В.* Время Петровских реформ. - Л., 1989.
Баггер Х. Реформы Петра Великого. - М., 1985.
Заозерская Е.И. Мануфактура при Петре I. - М.-Л., 1947.
Мавродин В.В. Петр Первый. - Л., 1948.
Павленко Н.И. Петр Первый. - М., 1976.
Софроненко К.А. Законодательные акты Петра I. - М., 1961.
Тарле И.В. Русский флот и внешняя политика Петра I. - СПб., 1994.
Тельпуховский Б.С. Северная война 1700-1721 гг. Полководческая деятельность Петра I. - М., 1946.

6. Новое в археологическом изучении древнерусского города

При ознакомлении со школьными и вузовскими учебниками по отечественной истории становится очевидно, что археологические исследования древнерусских городов не нашли в них, за малым исключением, достойного отражения. Археологические факты вкраплены в исторический рассказ о городах, но в этих текстах слабо отражена ситуация, позволяющая обучающемуся понять, как за последние полвека расширились и углубились знания о древнерусском городе. Между тем, это случилось по большей части благодаря археологии, т.к. новые данные о городе,

особенно для периода от X до XV вв., поступили в распоряжение науки в значительной степени в результате археологических раскопок. Их интерпретаторами выступали преимущественно сами археологи, многие из которых рассматривали добытые археологические факты в комплексе с другими источниками. Удачным примером привлечения результатов археологических данных по истории, культуре, планировке, быту древнерусского города могут быть учебники Н.И. Павленко, В.Б. Кобрина и В.А. Федорова «История СССР с древнейших времен до 1861 г.» (- М.: Просвещение, 1989), Л.А. Кацвы, А.Л. Юганова «История России VIII-XV вв.: Учебник для VII класса средних учебных заведений» (- М.: МИРОС. 1995). Учителя средней школы в тех разделах школьного курса, которые делают возможным привлечение краеведческого материала, часто обращаются к специальной литературе, в том числе археологической, восполняя лаконизм и пробелы учебников (см., например: Князев Ю.А. Краеведческий материал в VII классе // Преподавание истории в школе. 1980. № 4. и др.)

Задачей этого небольшого раздела является проинформировать читателя о последних археологических исследованиях древнерусских городов, наиболее интересных открытиях 80-90-х гг., отраженных в специальной и научно-популярной литературе. Здесь предпочтение отдается трудам археологов, ближе всего знакомых с материалом. Учитывая, что данное пособие составляется в Пскове, результатам археологического изучения города уделяется особое внимание.

Еще ранее рассматриваемого периода в науке сложилось представление о больших научных перспективах археологического изучения древнерусских городов. Главную роль в формировании этого представления сыграли успехи археологических раскопок -прежде всего, в Новгороде, а также в Киеве, Москве, Пскове, Старой Ладогe, Рязани, Галиче, Чернигове, Минске, Гродно, Старой Руссе, Суздале, Смоленске и других древнерусских городах. Для многих городов к 80-90-м годам были определены на основе распространения культурного слоя границы их средневековой территории. Учитывая, что культурный слой городов содержит следы хозяйственной и градостроительной де-

тельности, остатки архитектурных сооружений, вещевые находки, в том числе такие уникальные, как берестяные грамоты, свинцовые вислые печати, предметы искусства, законом об охране памятников 1976 г. и рядом других постановлений предусматривалось взятие под охрану культурного слоя исторических городов.

В ряде городов специальными постановлениями местных властей предполагалось обязательное археологическое изучение участков, отведенных под застройку. Раскопки такого рода получили название охранных. Подобное постановление облисполкома, основанное на опыте раскопок в областном центре, было принято в отношении культурного слоя Пскова в 1973 г. Оно было учтено и при составлении Правил застройки города Пскова в 1974 г. Генеральные планы развития ряда древнерусских городов также предусматривали меры по охране их культурного слоя.

Итак, 80-90-е годы - это время, когда специалисты вполне осознанно продолжали исследование культурного слоя городов, чаще всего - в крупных городах - ведя раскопки с охранными целями. О размахе этих работ можно судить по достаточно представительным сведениям информационного сборника «Археологические открытия», выпускавшегося издательством «Наука» до конца 80-х годов и возобновленного в 1994 г. Для примера берем 1981 и 1985 годы. Тогда раскопки велись соответственно в 34 и 50 древнерусских городах. Во многих из них раскопки возобновлялись из года в год, в других они велись впервые или с перерывом. Российские древнерусские города: Ивангород, Изборск, Ладога, Москва, Новгород, Псков, Смоленск, Суздаль - изучались в эти годы постоянно, и имена перечисленных городов носили научные экспедиции, работавшие обычно в нескольких местах на территориях этих городов. Традиционными были раскопки во многих украинских и белорусских городах (Киеве, Галиче, Минске, Витебске и ряде других).

В эти годы Псков - один из первых по масштабам археологических раскопок древнерусских городов. С 1983 года здесь работала Псковская экспедиция Института археологии АН СССР и Псковского музея-заповедника, продолжались раскопки экспедиции Государственного Эрмитажа. Археологические исследо-

вания велись во всех районах исторического центра города: на Крому, в Довмонтовом городе, Среднем городе, Окольном городе, на Завеличье.

Изучать древнерусский город путем археологических раскопок - значит изучать его культурный слой. Информативные возможности культурного слоя в разных городах различны и определяются условиями его образования, степенью сохранности, почвенными условиями. Очень благоприятные возможности для сохранения сооружений и вещей имеет культурный слой Новгорода. Повышенная влажность слоя, покоящегося на глинистой почве, что исключало дренаж осадков, препятствовала аэрации и гниению деревянных построек и предметов из органических материалов. Сохраняющиеся остатки деревянных сооружений, слои щепы и другие органические включения составили значительную часть культурного слоя, который при плотности застройки накапливался довольно быстро. Толщина культурного слоя в древнейших частях города превышает 6 метров, достигая местами 9 метров.

Во многих, особенно южнорусских городах, дерево в слое сохраняется плохо, что влияет и на толщину слоя. Такова ситуация в возвышенной части Киева. Но в том же Киеве, на Подоле, находящемся в низменной части города, складывались благоприятные условия для сохранения органики, и мощность слоя достигала 10-12 м (сюда, правда, включаются и возобновлявшиеся речные наносы, достигавшие на некоторых глубинах 2,5 м). Многометровую мощность имеет культурный слой и в других древнерусских городах на территориях, где хорошо сохраняется органика.

Археологические исследования продолжают расширять и уточнять представление о культурном слое каждого из древнерусских городов. Если в XIX в. только накапливались наблюдения, а раскопки в городах были очень редки, то в течение XX века, особенно с его середины, началось настоящее археологическое открытие древнерусского города. Так, в Пскове целенаправленные научные раскопки начались в 1930 г. и с небольшими перерывами продолжаются до настоящего времени. С конца 60-

х-начала 70-х гг. в практику вводится обязательное изучение участков исторического центра, отведенных под застройку (с финансированием раскопок за счет застройщика).

При площади средневековой территории города (вместе с прибрежной частью Завеличья) около 300 га раскопками к 2003 г. исследовано 8 га. Это немного по отношению к территории в целом, но достаточно много, если исходить из возможностей археологических раскопок. И все же благодаря тому, что исследования проводились в разных частях города, получены данные о культурном слое (мощность, состав, время образования и др.), функциональном использовании различных мест. Наибольшую толщину слой имеет в древнейшей части Среднего города между Довмонтовым городом и нынешней Октябрьской площадью (до 7 м). Это район довольно раннего - с X в. - заселения, имевший плотную жилую застройку. Здесь неплохо сохраняются остатки деревянных построек. Большой, до 10 м слой прослеживается в южной части Крома, но значительная часть его образована строительным мусором при поздней нивелировке, что сильно изменило средневековый рельеф этой части Пскова.

Изучение различных древнерусских городов привело исследователей к убеждению, что культурный слой города является сокровищницей, заключающей в себе добываемые и пока скрытые ценные исторические сведения.

Именно накопление археологических данных позволило не только лучше узнать отдельные города, но и попытаться установить общие черты в их развитии.

К 80-м годам наибольшее распространение в исторической и археологической науке получило определение города как многофункционального поселения, отвечавшего различным потребностям феодального общества (мнения ученых на этот счет были проанализированы В.В. Карловым). Еще в 1964 году, обобщая опыт многолетних археологических работ в городах, Б.А. Рыбаков высказал точку зрения о том, что типичными для города следует считать «сочетание в городе следующих элементов: крепости, дворов феодалов, ремесленного посада, торговли, административного управления, церквей». Эти археологические

и исторические признаки являлись отражением функций города как средоточия ремесла и торговли, административно-хозяйственного, военно-политического, культурного и идеологического центра. К вопросу об археологических признаках города обращались и другие археологи.

Об этом, в частности, писал еще в 60-е годы П.А. Раппопорт в связи с проблемой типологии древнерусских поселений. В настоящее время археологические данные позволили ученым на новом уровне с учетом всех источников вновь обратиться к проблеме определения города вообще и древнерусского города в частности. Наибольшее внимание уделил ей А.В. Куза, попытавшийся в ряде своих работ соотнести имеющиеся в исторической науке определения с археологическими данными, выявить и обосновать археологические признаки города. При этом А.В. Куза опирался на теоретические и конкретно-археологические исследования как предшественников и современников, так и свои собственные.

Результаты археологического изучения древнерусских городов обобщены в коллективной монографии «Древняя Русь: Город, замок, село», вышедшей в свет в серии «Археология СССР» в 1985 г. А.В. Куза является автором нескольких разделов этой книги. Ряд его выводов и наблюдений приводится далее в кратком изложении.

В основу определения древнерусского города исследователь считает возможным положить общее определение города, сформулированное и аргументированное в 1983 г. О.Г. Большаковым и В.А. Яковсоном. Они предложили считать городом населенный пункт, в котором концентрируется и распределяется прибавочный продукт. А.В. Куза замечает, что в условиях Древней Руси пунктами концентрации прибавочного продукта были, кроме собственно города, еще феодальные усадьбы- замки, погосты, военные крепости. «Город не только аккумулирует в себе прибавочный продукт, но и средства и способы его реализации, и население, численно достаточное, чтобы выполнить эту задачу».

Исходя из этого уточнения, исследователь приходит к следующему определению древнерусского города: город - «постоян-

ный населенный пункт, в котором с обширной сельской округи-волости концентрировалась, перерабатывалась и перераспределялась большая часть произведенного там прибавочного продукта». А.В. Куза подчеркивает, что определение «постоянный» должно отличить город от пунктов сбора дани, существовавших как поселки-станы в ранний период истории Руси, Принципиально важно указание на связь с обширной, а не только ближайшей сельскохозяйственной округой, что отличает город от замка феодала, погоста или рядового волостного центра. Экономическая функция города выявляется присутствием в определении глагола «перерабатывалась» (ремесленное производство). На наш взгляд, и перераспределение прибавочного продукта частично также шло через отрасль, связанную с экономикой, - торговлю, определенно имевшую место в городе.

Заслугой А.В. Кузы является вынесение на научное обсуждение перечня археологических признаков древнерусского города X-XIII вв. (1983 г.) Позднее набор признаков уточнялся исследователем (1985 г.). Немаловажно, почему появилась необходимость в нем и как он сложился. К началу 80-х годов исследователи располагали сведениями о 1395 укрепленных поселениях X-XIII вв. Лишь 414 из них известны по письменным источникам, остальные были выявлены археологами. Требовалось выработать критерии оценки принадлежности укрепленных археологических памятников древнерусского времени определенному типу поселений. В этой ситуации исследователь пошел по следующему пути. Развивая принципы, предложенные П.А. Раппопортом и В.В. Седовым, А.В. Куза, во-первых, классифицировал все памятники по типам и, кроме того, сгруппировал их по размерам защищенной территории. Оказалось, что диапазоны укрепленной площади поддающихся анализу памятников - от 0,3 га до 20 и более гектаров. Какие из них города в современном научном понимании этого термина? В письменных источниках под термином «города» скрываются укрепленные поселения и лишь иногда выделяются «старшие города» - столицы земель - княжений и «младшие города» - пригороды, сторожевые города-крепости, частновладельческие города, укрепленные центры рядовых волостей и погостов, феодальные замки-усадьбы. Анализируя типологию, хронологию укрепленных поселений, а также материалы их

археологических раскопок, А.В. Куза попытался проверить эффективность тех или иных археологических признаков города на результатах исследований Киева, Чернигова, Переяславля, Галича, Смоленска, Полоцка, Новгорода, Суздаля и Рязани. Эти города хорошо известны в XII-XIII вв. как центры земель по письменным источникам, и слои этого периода изучались в них археологически. Хотя полнота исследования их различна, всем выбранным памятникам соответствует весь перечень археологических признаков, принятых за городские. Приведем этот перечень в редакции 1985 г.*

1. Экономика: 1) ремесло (производственные комплексы, орудия труда, полуфабрикаты); 2) торговля (привозные вещи, детали весов, монеты и денежные слитки); 3) промыслы.

2. Административное управление (печати и пломбы).

3. Военное дело: 1) оружие; 2) доспехи; 3) снаряжение коня и всадника.

4. Монументальное зодчество: 1) каменные храмы; 2) каменные дворцовые и оборонительные сооружения.

5. Письменность: 1) памятники эпиграфики; 2) орудия письма; 3) книжные заставки и накладки.

6. Быт феодалов: 1) украшения из драгоценных металлов; 2) металлическая и стеклянная посуда, прочая дорогая утварь.

7. Внутренняя топография: 1) усадебно-дворовая застройка; 2) дифференциация жилых построек по местоположению, размерам и устройству.

Сравнение археологической характеристики, заключенной в этом перечне, с конкретными данными по всем укрепленным поселениям привело автора к заключению, что весь комплекс признаков присутствует лишь на поселениях, защищенная площадь которых имеет более 2,5 гектаров. Этот вывод позволил считать городами все укрепленные поселения XII-XIII вв. с таким размером крепости, если этому не противоречат другие данные (отсутствие перечисленных городских признаков).

На основе предложенного критерия, среди археологически изученных укрепленных поселений X-XIII вв. 74 поселения (8,5% исследованных) обладает городскими признаками, представленность которых «усиливается» от начала к концу рассматривае-

мого периода. В этом отражение динамики становления и развития средневекового города. Приведенный «набор» археологических признаков древнерусского города несомненно будет уточняться с развитием науки. Далее мы вернемся к тому, как перечисленные признаки представлены в Пскове.

Сопоставление археологических данных и известий письменных источников позволило определить, что в конце X-начале XI вв. на Руси было 20-25 поселений городского типа, в XI - 1-й половине XII вв. - около 70, а к середине XIII в. - около 150 феодальных городов. Очевидно, что для периода в целом наблюдается рост числа городов X-XIII вв., невзирая на случаи прекращения существования некоторых ранних городских поселений. Древнейшими русскими городами к середине X в., имевшими археологически достаточно ясный городской облик, можно признать, считает А.В. Куза, лишь Киев и Новгород. В конце X - начале XI вв. городами становятся Белгород, Чернигов, Любеч (?), Новгород Северский, Перемышель, Червень, Волынь (?), Полоцк, Витебск, Псков, Ладога, к началу XI в. - Вышегород, Переяславль, Суздаль, Белоозеро (?), Рязань. Остальные укрепленные поселения X - начала XI вв., обладающие рядом городских признаков, пока не могут быть признаны таковыми.

А.В. Куза прослеживает пути происхождения древнерусского города. Он, как и другие исследователи, приходит к заключению о том, что их было несколько, и считает, что они были следующими:

- 1) из племенных или межплеменных центров в процессе консолидации нескольких изначальных поселков вокруг укрепленного ядра;
- 2) из укрепленного стана, погоста или центра волости;
- 3) из порубежной крепости;
- 4) единовременное строительство города.

Общей и главной чертой для всех вариантов образования городов было сосредоточение и переработка в населенном пункте прибавочного продукта, поступавшего в виде общественных взно-

* Предпочтение этой редакции отдается как последней авторской: вышедшая посмертно в 1989 г. книга А.В. Кузы «Малые города Древней Руси», по свидетельству ее ответственного редактора, была написана ранее глав в коллективной монографии 1985 г. «Древняя Русь. Город, замок, село».

сов, даней, судебных пошлин, военных контрибуций.

На настоящий момент ясно, что путь образования ранних городов из ремесленных поселков или рядовых сельских поселений, как считалось в свое время, не находит археологического подтверждения. А.В. Куза - сторонник точки зрения, что на раннем этапе города возникали на основе племенных или межплеменных центров. Со второй половины X и в XI веке городами становятся центры волостей, основанных князьями на территории древнерусского государства. В тот же период признаки города появляются в некоторых военных порубежных крепостях. Раннегородских образований для периода до объединения Руси под властью киевских князей не обнаруживается (кроме, вероятно, Киева). Генезис города начинается с формирования древнерусской государственности. По мнению А.В. Кузы, ему предшествовал протогородской период, который длился до начала - середины X в. «Второй период - раннегородской, продолжался в течение двух столетий - с середины X по середину XII в. Третий период - развитых городов, начинается в середине XII в.».

Крупным вкладом А.В. Кузы в исследование древнерусского города является изданная посмертно монография «Малые города Древней Руси» (1989 г.). В ней значительно дополнена характеристика древнерусского города. Особенно важны ранее не приводившиеся карты, отражающие присутствие на городищах археологических признаков города. Они позволяют подробно познакомиться с комплексом аргументов, положенных в основу авторской концепции. На картах и в тексте присутствуют данные, касающиеся Пскова, Изборска, Городища на Ловати, и ряда других укрепленных поселений Псковской области. Исследование показывает, что для периода сер. XII - XIII вв. Псков обладал всеми археологическими признаками города, свойственными стольным городам. Для предшествующего периода (XI - нач. XII вв.) А.В. Куза относит Псков к числу памятников, имеющих более двух ведущих признаков. По имеющимся в настоящее время данным с уверенностью можно говорить, что весь набор ведущих признаков представлен в Пскове и в отложениях XI - нач. XII вв., хотя некоторые из них могут быть сопровождаемы индек-

сом «мало». Так, малочисленна дорогая утварь, характеризующая быт феодалов (для этого периода она представлена преимущественно стеклянной посудой). Печати и пломбы конца XI - нач. XII вв., а также эпиграфические памятники этого времени и писала представлены в вещевых коллекциях Пскова, но не нашли отражения на соответствующей карте в книге А.В. Кузы (рис. 9).

В монографии «Древняя Русь. Город, замок, село» рассматриваются, кроме затронутых выше, и другие проблемы истории древнерусского города, решаемые с помощью археологических данных. В главе «Сооружения», написанной П.А. Раппопортом, Б.А. Колчиным, А.В. Кузой и Г.В. Борисевичем, анализируются материалы раскопок полуземляночных и наземных жилищ, в том числе Киева и Новгорода (в последнем изучено более 2500 построек, среди них свыше 800 жилищ); результаты исследования более 150 археологических остатков памятников русского зодчества X-XIII вв., а также сохранившихся зданий; материалы по истории фортификаций городов; остатки инженерных сооружений (мостовые, водоотводы). Глава «Земледелие и промыслы» (авторы А.В. Чернецов, А.В. Куза, Н.А. Кирьянова) основана на привлечении материалов раскопок разных поселений, в том числе - многих городов.

Преимущественно на археологических данных городского происхождения базируется глава «Ремесло», написанная Б.А. Колчиным. В монографии выступают с обобщающими исследованиями и другие видные ученые-археологи: А.Н. Кирпичников и А.Ф. Медведев (глава «Вооружение»), В.Л. Янин (главы «Русские денежные системы IX-XV вв.» и «Вислые актовые печати»), В.П. Даркевич («Международные связи»).

К общим проблемам древнерусского города в рассматриваемый период обращались многие исследователи. Появилось больше обзорно-аналитических работ, возможность создания которых базировалась на достаточном количестве публикаций по отдельным городским центрам. Тема «Славянский средневековый город» была главной на Международном конгрессе славянской археологии в Киеве (1985 г.). На пленарном заседании древнерусским городам был посвящен доклад В.В. Седова «Начало городов на Руси». Еще ранее, в 1982 г., в капитальной монографии «Восточные

славяне в VI - XIII вв.» В.В. Седов обратился к вопросу о генезисе русских городов в связи с характеристикой хозяйства и общественного строя славян в VI - IX вв. Эта тема рассматривается исследователем и в более поздней работе «Становление европейского средневекового города» (1989). Здесь В.В. Седов определяет основные признаки протогородских центров у славян и германцев, обращая внимание на неаграрный характер поселения, наличие ремесленных мастерских, предметов роскоши и вооружения, импортных вещей, торгового инвентаря, возможный многоэтничный состав населения. В восточнославянских землях такими протогородами были в VII и, главным образом, в VIII в. городища Пастырское на р. Тясмин, Добриновское - на Буковине, Зимно - на Волыни, Каневское - на Днепре, Хотомель - в Припятском Полесье, городок Кия - на Старокиевской горе и другие. В лесной полосе Восточной Европы протогородская стадия представлена, по мнению В.В. Седова, такими памятниками, как Ладога, Рюриково городище под Новгородом, Гнездово под Смоленском, Изборск и рядом других.

В своих работах В. В. Седов обращается к периодизации градообразования, относя протогородскую стадию к VII - IX вв., первый этап образования городов к IX - первой половине X в. (в это время наблюдается эволюция племенных центров в раннефеодальные города), второй - к сер. X - нач. XI в., третий - к рубежу XI-XII вв. начало четвертого - к середине XII в. В.В. Седов основывает свою периодизацию прежде всего на летописных известиях с корректировкой археологическими данными, в отличие от А.В. Кузы, учитывавшего письменные источники, но избравшего археологические критерии. Первый этап в периодизации В.В. Седова хронологически старше первого этапа в периодизации А.В. Кузы. В число древнейших городов вслед за летописями В.В. Седовым включаются, например, Изборск, Смоленск; А.В. Куза остерегается это делать за недостатком археологических данных. Поддержке подхода А.В. Кузы служат многозначность понятия «город» в летописях и условность ранних дат русской истории. Наличие разных точек зрения на время возникновения и список древнейших городов способствует дискуссии и выбору путей поиска истины. Подход А.В. Кузы к рассмотрению проблемы представ-

ляется важным для осмыслений огромного археологического материала и сложения представления о содержании понятия «древнерусский город».

Исследователи древнерусских городов пока не пришли к общему мнению в отношении путей образования города, о чем свидетельствует, в частности, одна из последних работ Е.Н. Носова (1993 г.). Автор обращает внимание на недооценку значения внешней торговли и торгово-ремесленных центров на водных путях (VIII-X вв.) в процессе становления древнерусского города. Он поддерживает и развивает точку зрения В.А. Булкина и Г.С. Лебедева о роли центров международной торговли на территории Руси (Ладога, Гнездово, Рюриково городище, Шестовицы, Тимерево), общности их судеб с подобными поселениями в Северной Европе. Остается неполностью проясненной проблема существования «парных» центров (Рюриково городище - Новгород, Гнездово-Смоленск и др.), т.к. не для всех «пар» выяснены вопросы хронологии. Часть исследователей, как и сам Е.Н. Носов, считает, и это совершенно очевидно, например, для Новгорода, что торгово-ремесленные поселения вблизи древнерусских городов во времени предшествовали последним. Другие археологи предполагают параллельное, одновременное развитие этих центров, имевших разные функции. Ответ будет получен, вероятно, в ходе последующих исследований. В работе Е.Н. Носова обращено внимание на особенности в формировании государственности на севере и юге Руси, оказавшие влияние и на пути становления городов.

Проблеме возникновения городов на Руси, характеристике отдельных городских и протогородских центров значительное место уделено в книге И. В. Дубова «Новые источники по истории Древней Руси» (1990). Здесь же анализируются некоторые категории источников: надписи на клинках мечей, граффити на восточных монетах, берестяные грамоты из Новгорода.

Пути образования северных русских городов рассматривались и в докладе Д.А. Авдусина на V Международном конгрессе славянской археологии. К общим и региональным проблемам древнерусских городов обращались многие ученые-археологи: П.П. Толочко, попытавшийся дать сравнительный анализ социально-топографической структуры древнерус-

ских городов; Б.А. Тимошук, исследовавший ранее пути возникновения южнорусских городов, а в последней книге «Восточнославянская община» уделивший внимание раннегородской общине; Г.В. Штыхов, рассматривавший генезис городов Полоцкой земли; М.П. Кучера, изучавший размеры южнорусских городов, и другие. И. В. Дубов посвятил специальное исследование городам Северо-Восточной Руси - Ростову, Ярославлю, Переяславлю-Залесскому, Угличу, сопроводив его историографическим очерком по древнерусскому городу в целом. Выяснена общая картина заселения территории Киева со времен палеолита до нашего времени и особенно - сложение территории Киева в древнерусское время (работы П.П. Толочко). Несколько монографических исследований было посвящено важнейшим районам средневекового Киева - Детинцу, Подолу и другим (работы С.Р. Килиевич, М.А. Сагайдака, И. И. Мовчана и других археологов).

В эти же годы опубликованы монографические исследования (в виде книг или серий статей) по Новгороду, Минску, Ладоге, Смоленску, Суздалю и ряду других городов. Здесь мы имеем возможность остановиться на новом в изучении лишь некоторых городов.

Новгород. Традиция научных раскопок в Новгороде насчитывает 70 лет. Обширна библиография научных работ по археологии Новгорода. Новгород первенствует среди древнерусских городов по степени изученности и осмысления полученного материала. В рассматриваемый период продолжалась работа над значительными темами в истории Новгорода на основе привлечения комплекса источников, в том числе археологических. Вышли в свет монографии В.Л. Янина «Новгородская феодальная вотчина», «Некрополь новгородского Софийского собора», исследования А.С. Хорошева о новгородской церкви, Е.А. Рыбиной - об иноземных дворах в Новгороде.

60-летие Новгородской экспедиции и 90-летие ее основателя А. В. Арциховского, пришедшиеся на 1992 г., были отмечены рядом интереснейших научных выступлений и публикаций, подводивших итоги многолетних исследований. В работах В.Л. Янина (1992, 1994 гг.) определялось значение археологических данных для решения важнейших проблем происхождения и становления Новгорода.

Раскопки в Новгороде в последнее десятилетие велись на территории разных концов и на Городище. Руководитель экспедиции - академик В.Л. Янин. Главные работы в городе продолжались в Людином конце на Троицком раскопе, где наиболее интересными оказались слои X-XII вв. Именно по материалам этого раскопа был впервые монографически исследован и опубликован усадебный комплекс, принадлежавший в XII веке художнику Олисею Гречину (авторы монографии Б.А. Колчин, А.С. Хорошев, В.Л. Янин). Результаты работ на Городище, где открыто славяно - скандинавское поселение IX-X вв., опубликованы автором раскопок Е.Н. Носовым в монографии «Новгородское (Рюриково) Городище» (1990 г.). Полученные данные позволили прийти к заключению, что Городище располагавшееся в окружении земледельческих поселений, было торгово-ремесленным и военно-административным центром, где находилась княжеская резиденция.

Расширение раскопок в Новгороде и результаты исследований на Рюриковом городище позволили достаточно определенно соотнести эти центры во времени. Городище уже существовало в середине IX в., в то время как на месте Новгорода жителей еще не было. Древнейшие городки-поселки на месте будущих Людина, Неревского и Славенского концов возникли примерно через сто лет. Только около середины X в. на их территории складываются усадебная застройка и уличная планировка - городские черты, устанавливаемые археологическим путем. Название «Новгород» первоначально употреблялось только по отношению к Детинцу, кремлю, созданному населением упомянутых поселков совместно в середине XI в. От древнего Детинца, сооруженного в 1044 г., сохранились остатки дубовых укреплений. Лишь разрастание поселений на месте древнейших концов привело к их слиянию. Тогда и название «Новгород» распространилось на всю заселенную территорию вокруг Детинца.

Решение вопроса о временном соотношении Городища и поселков на месте Новгорода, а также последних и Детинца в сопоставлении с известными историческими фактами, позволили В.Л. Янину реконструировать возможный политический механизм возникновения Новгорода. Немаловажными при этом

оказались результаты изучения мест княжеской резиденции: Городища в 3 км от Новгорода на правом берегу Волхова и Ярославова дворища на этом же берегу реки, но в самом Новгороде. Городище было такой резиденцией с момента призвания скандинавского князя, отмеченного летописью и подтвержденного раскопками (наличие в слое середины IX в. жилых комплексов и вещевого инвентаря скандинавского происхождения). На протяжении истории Новгорода оно было и оставалось княжеской резиденцией. Ярославово дворище как городская княжеская резиденция возникает при Ярославе Мудром и становится временно центром административной деятельности князя. Противостояние боярского Новгорода и князя (с последней четверти XI в.) приводит в конце концов к возвращению в 1136 г. административного центра в древнюю княжескую резиденцию.

Итак, выяснилось, что Новгорода в момент призвания варяжского князя не было, на его месте еще не поселился ни один житель. «Городище, - пишет В.Л. Янин, - княжеская резиденция, основанная и развиваемая приглашенным князем. Новгород - местопребывание пригласивших князя структур... Какое-то время структуры находятся в шатком равновесии, но в конечном счете побеждает традиционная боярская структура, а вторичная по отношению к ней приглашенная княжеская власть оказывается менее жизнестойкой» (Янин В.Л., 1994, с.22).

Другим достижением последних десятилетий является обнаружение десятков новых берестяных грамот, общее количество которых составило в Новгороде - после сезона 1996 г. - 775, к 2003 г. - 933, и новые успехи в их исследовании. Наиболее важным историографическим фактом является выход в свет в 1986 г. монографии В.Л. Янина и А.А. Зализняка «Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1977 - 1983 гг.», и последующие публикации и исследования берестяных текстов, предпринятые этими же авторами в 1993 и 1994 гг., и капитальная монография А.А. Зализняка «Древненовгородский диалект» (1995 г.). Эти исследования - прекрасный пример союза археологии и лингвистики, где проанализирован весь накопленный фонд берестяных грамот, главным образом Новгорода и Старой Руссы. Лингвистический анализ позволил А.А. Зализняку заключить, что исследованные берестяные грамоты, - особенно XI - нач.

XIII вв. - старейшие памятники *древненовгородского диалекта* (определен так автором, включал и псковские говоры). Изучение их языка значительно продвинуло исследование этого диалекта и происхождения новгородских и псковских говоров. Обнаружены новые свидетельства их связи с западославянскими и южнославянскими говорами. Впервые ученый-лингвист без предубеждения отнесся как к самому лингвистическому материалу, так и его археологическим определениям (например, стратиграфическим датам). В результате было опровергнуто мнение ряда предшествующих исследователей о малограмотности авторов берестяных грамот и определены особенности «бытового» письма в сравнении с книжным.

Находки берестяных грамот с каждым годом увеличивают фонд этих уникальных источников, а исследования убеждают в их значимости. Начало открытия принесло в первую очередь уверенность в широком распространении грамотности в средневековом городе. Сейчас значение этого открытия понимается гораздо шире. Археологическое происхождение берестяных писем и других текстов тесно связывает их с местом находки - определенным двором и всем сопутствующим хозяйственным и культурным комплексом. Удастся определить имена хозяев дворов, связать с помощью грамот разные поколения семьи, обнаружить в грамотах известные по летописи имена. Берестяные тексты оживили археологический материал и позволили соотнести его с лицами определенного социального статуса, реальными участниками истории.

Здесь же уместно заметить, что методика работы с таким видом археологического источника, как берестяные грамоты, принятая в Новгородской экспедиции, важна для изучения берестяных грамот, происходящих из других древнерусских городов. В настоящее время, кроме Новгорода, они найдены в Старой Руссе (28), Смоленске (15), Пскове (8), Твери (5), Витебске (1), Мстиславле (1), Москве (1), Звенигороде Галицком (3). Хронологический диапазон грамот на бересте XI - XV вв. Тем важнее эпиграфические находки, относящиеся к более раннему времени - X веку. К известной надписи X в. на сосуде из Гнездова и надписям на древнейших русских монетах-златниках и серебряниках - добавились еще и две новгородские находки 70-80 гг. X в.: деревянные цилиндры-замки с надписями и

княжескими знаками. Подобные предметы с двумя взаимно перпендикулярными каналами и иногда сохранившейся деревянной пробкой были встречены в Новгороде и в слоях XI - XIII вв. Назначение их - запирать мешки с данью в пользу князя, церкви, вирника. Надписи по содержанию являются важной иллюстрацией к «Русской правде», поскольку в них упоминаются представители княжеской администрации (мечник, тиун, емец) и отражены ситуации распределения дани, перекликающиеся с этим законодательным источником. Самые ранние (X в.) цилиндры указывают на применение письменности в среде княжеской администрации в дохристианское время. Самой важной находкой последних лет стала так называемая Новгородская псалтырь - древнейшая книга Руси (начало XI в.). Текст этой книги, найденный при раскопках в 2000 году, был написан на воске, залитом в углубления трёх деревянных дощечек.

Одно из интересных открытий последнего времени (1994 г.) - впервые обнаруженная печать Ярослава Мудрого. На одной стороне ее изображен святой Георгий - покровитель Ярослава Владимировича, на другой - воин в шлеме, сопровождаемый надписью «Ярослав князь Русский». В.Л. Янин датирует печать 1019 г., временем вокняжения Ярослава в Киеве.

В изучении культуры Новгорода в 80-е годы большим достижением было исследование и восстановление музыкальных инструментов из раскопок - гуслей и гудков, предпринятые усилиями В.Н. Поветкина.

Замечательные возможности новгородской археологии в изучении различных сторон материальной культуры, особенно прикладного искусства, нашли отражение в прекрасно изданном альбоме «Древний Новгород: прикладное искусство и археология» (1985).

Псков. В рассматриваемый период были проведены раскопки в разных частях Пскова. С началом осуществления программы комплексной реконструкции Пскова (1989) археологические работы производились главным образом в связи с этой программой. В 1991 г. в Пскове был создан (в значительной мере на базе работавшей с 1983 г. экспедиции) государственный научно-исследовательский археологический центр (1991-1996), продолжавший традиции ох-

ранных, а также архитектурно-археологических работ в Пскове.

80-е годы отмечены в археологии Пскова не только широкими археологическими работами (увеличение их масштаба отмечено уже в 70-е годы), но и информационным подъемом, когда начались активная публикация археологических данных и их обсуждение. Этот процесс активизировался в 1980 году с началом работы научного семинара «Археология и история Пскова и Псковской земли» (руководитель - доктор исторических наук В.В. Седов) и созданием в 1983 г. Псковской экспедиции, в научный состав которой вошли археологи, ранее работавшие в Пскове, и новые сотрудники. Уже в 1983 г. вышел из печати сборник «Археологическое изучение Пскова», включивший как обобщающие статьи, так и публикации по отдельным раскопам.

Подробные публикации были продолжены в двух последующих сборниках того же наименования, изданных в 1994 и 1996 гг. С 1980 по 2002 гг. выпущено 17 книжек научного семинара, позволяющих ознакомиться с кругом проблем, исследуемых археологами. Постоянным автором и редактором этих сборников является В.В. Седов.

В середине 80-х годов вышли в свет монографии В.Д. Белецкого и И.К. Лабутиной. В.Д. Белецкий, С.В. Белецкий, И.О. Колосова, И.К. Лабутин, К.М. Плоткин, Б.Н. Харлашов опубликовали результаты своих исследований в научных сборниках и журналах. Проблемы археологии Пскова активно обсуждаются в изданиях крупных научных центров: Государственного Эрмитажа и Института истории материальной культуры (Санкт-Петербург). Тематика научных работ разнообразна: вопросы происхождения Пскова и соотношения его с расселением в округе; историко-топографические исследования, касающиеся как всего Пскова, так и отдельных его частей, комплексные исследования по Довмонтову городу, преимущественно XIII - XVI вв., дворы и постройки Пскова, псковская сфрагистика, памятники письменности (берестяные грамоты, надписи на предметах), прикладное искусство, ремесло, язычество и христианство, некрополь Пскова X-XI вв., наконец, выдающиеся находки из раскопок. Степень изученности перечисленных тем различна. Некоторые представлены в литературе моногра-

фиями, другие находятся в процессе исследования.

Продолжается дискуссия по вопросам о роли скандинавского участия в судьбах Изборска и Пскова и путях формирования раннегородских центров в Псковской земле с привлечением комплекса археологических, топонимических и летописных данных (С.В. Белецкий, В.В. Седов, Т.Н. Джаксон, Т.В. Рождественская, К.М. Плоткин, Г.С. Лебедев). Решение спорных вопросов во многом зависит от полной научной публикации и изучения результатов археологических работ в Пскове и Изборске.

В докладе П.К. Лабутиной, Н.О. Колосовой, С.В. Степанова и Б.Н. Харлашова на тему «Средневековый Псков (по археологическим данным)», прочитанном на Всесоюзной археологической конференции по славянской археологии в 1991 г., были рассмотрены результаты исследования Пскова. Авторы обратились к вопросу становления и развития Пскова в связи с расселением в нижнем течении р. Великой, привели основные результаты изучения города по исторически сложившимся частям города (Кром, Довмонтов город. Средний город, Окольный город - Полонище и Запсковье; Завеличье). Более подробно охарактеризованы итоги многолетних раскопок на ул. Ленина. Одним из важнейших открытий рассматриваемого периода в Пскове было обнаружение под культурным слоем раскопа 1982 г. на этой территории языческого святилища X в. и продолжение выявления рядом со святилищем погребений некрополя X-начала XI вв. Очевидно, что до заселения участок играл роль культового центра. В настоящее время число открытых погребений достигло 73. В 1989 - 1990 гг. в северо-восточной части изученной территории были обнаружены отложения, синхронные некрополю и святилищу, содержавшие строительные остатки, датированные с помощью дендрохронологии. Возможно, археологи вышли в этом месте на край посада X-XI вв., и расширение раскопок покажет, что некрополь не распространялся здесь до берега Псковы, как предполагалось ранее.

Благодаря широким археологическим исследованиям были значительно уточнены ранние даты заселения Запсковья и Завеличья, впервые упоминаемых в летописных известиях XIV века. Работами К.М. Плоткина, С.В. Белецкого, В.И. Кильдюшевского, М.И. Кула-

ковой (Новиковой), Т.Е. Ершовой и других археологов установлено, что древнейшей частью Запсковья является его западная территория, от р. Псковы до ул. Школьной (XI - XIII вв.). Северо-восточная окраина Запсковья начала активно осваиваться в XVI - XVII вв.

Раскопки на Завеличье (руководитель - Б.Н. Харлашов) обнаружили участки культурного слоя XI-XII вв., размещавшиеся как вдоль бывшей Изборской улицы, так и по возвышенной части берега р. Великой. Ряд открытых участков был покинут жителями в XIII (или XII) веке и возродился лишь в XV-XVI-XVII вв. Не исключено, что перерыв в заселении этой западной окраины Пскова объясняется существовавшей с начала XIII в. немецкой опасностью, проявившей себя в разорении посада Пскова в 1240 г.

Важны также результаты работ А.А. Александрова и Б.Н. Харлашова по выявлению археологических памятников за пределами Окольного города в границах современного Пскова, проводившиеся в связи с составлением плана охранных зон (1990 г.). Было выявлено 50 памятников, в том числе участки посада Пскова XIV-XVII вв. на Завеличье, Запсковье и за Петровскими воротами Окольного города.

Из вещевых находок последних лет для истории культуры Пскова наиболее важны 4 берестяные грамоты (две из них - XIII в. - многострочные, содержащие тексты о торговле белкой и сукном)*, надписи на плитках и литейных формах (две из них, опубликованные К.М. Плоткиным, происходят из слоя конца XI в. и первой половины XII в. и являются одними из ранних памятников письменности в Пскове). Впервые в Пскове были найдены части музыкальных струнных инструментов: они принадлежали трем гудкам XIII в. В 1987 г. при раскопках на Запсковье, в слое рубежа XV-XVI вв., был найден не встречающийся ранее в раскопках в Пскове четырехзвучный музыкальный инструмент рода свистковой флейты в виде глиняной уточки - «окарина» (исследование В.И. Кильдюшевского, консультация А.М. Мехнецова, А.К. Семашкиной).

Событием стала начавшаяся систематическая публикация печатей комплекса «архива», обнаруженного при раскопках в Довмонтовом городе (С.В. Белецкий).

Из замечательных находок, встреченных в последние годы, как и большая часть названных, при раскопках на ул. Ленина,

назову меч с дисковидным навершием и латинским клеймом, отнесенный по комплексу датирующих признаков к последней четверти XIII - началу XIV вв.

В 90-е годы материалы археологических раскопок в Пскове демонстрировались на выставках в Государственном Эрмитаже («Древний Псков», 1992; «Древности Северо-Западной России», 1995), Псковском музее-заповеднике («Археология Пскова», 1991; «Во времена княгини Ольги», 1995) и Псковском археологическом центре («Керамика древнего Пскова», 1994).

Москва. Археологические раскопки в Москве имеют давнюю традицию. Большие размеры средневекового города, совпадение современного центра с древнейшей территорией Москвы и значительные масштабы строительства определили необходимость охранных археологических раскопок. В 80-90-е годы археологические раскопки и разведки в Москве вели экспедиции Музея истории и реконструкции Москвы, Государственного исторического музея. Института археологии АН СССР, Государственных музеев Московского Кремля, Главного управления по контролю за охраной памятников истории и культуры г. Москвы, Музея-заповедника Андрея Рублева, Музея архитектуры. На территории современного города, кроме культурного слоя, выявлено свыше 200 археологических памятников, начиная от каменного века до периода средневековья. Одновременно древней Москве селища и городища на местах подмосковных сел, слобод, феодальных усадеб и свыше 70 курганных групп XII-XIII вв., кладбищ в их окрестностях.

Результаты археологического изучения древнего центра Москвы и московской округи были проанализированы в докладах и научных публикациях археологов-исследователей Москвы М.Г. Рабиновича, А.Г. Векслера, Н.С. Владимирской (Шеляпиной), Д.А. Беленькой, Л.А. Беляева, Т.Д. Пановой, Т.Д. Авдусиной, С.З. Чернова, Н.А. Кренке, И.А. Бойцова и других. В связи с 850-летним юбилеем первого упоминания Москвы участвовали публикации по археологии и истории Москвы в научной печати и московских изданиях. Журнал «Вопросы истории» ввел в 1996 г. рубрику «К 850-летию Москвы», и она открылась статьей В.А. Кучкина «Москва в XII-первой половине XIII вв.», написанной с

привлечением новейших археологических материалов.

В работах перечисленных исследователей подводятся итоги археологических раскопок во всей Москве и в отдельных ее частях (Кремль, Великий посад и др.), обсуждается проблема музеефикации археологических памятников. Впервые изданы и проанализированы материалы археологических исследований древнейших московских монастырей XIII-XIV вв. (Л.А. Беляев, 1995).

В 80-90-е гг. накопление данных по археологии Москвы позволило вернуться к вопросу о дате возникновения раннего поселения на территории Кремля. Долгое время часть исследователей предполагала, что поселение уже существовало за много десятилетий до первого упоминания Москвы в XII веке. Именно изучение территории Кремля и публикация материалов раскопок и наблюдений в конце 80-х-начале 90-х гг. позволили внести уточнения в существовавшие гипотезы. В этом большая заслуга археологов Н.С. Владимирской, Т.Д. Пановой, Т.Д. Авдусиной.

Выяснилось, что в Кремле начальные средневековые отложения датируются серединой-второй половиной XII в. Печать киевского митрополита 1091-1096 гг. была найдена в слое второй половины - конца XII в. Она могла быть перевезена сюда вместе с документом, который скрепляла.

Отложения второй половины XII в. присутствуют не только в мысовой части Боровицкого холма, но и на Соборной площади. В слое этого времени на Боровицком мысу обнаружены следы косторезного и кожевенного производства, а в северной части Соборной площади - древнейшее в Кремле кладбище. Под остатками крепостного вала второй половины XII в. была открыта небольшая прослойка культурного слоя. Эти открытия не исключают того, что в дальнейшем в Кремле могут быть обнаружены слои первой половины XII в., но пока для такой гипотезы мало оснований (Т.Д. Панова). «Искать Москву в XI веке не приходится», - считает В.Л. Янин. По его мнению, дата первого упоминания Москвы очень близка ко времени ее возникновения.

Неожиданным образом Новгород внес свою лепту в изуче-

---

* Вместе с предшествующими находками число псковских грамот на бересте равняется 8.

ние ранней Москвы. В 1991 году там, на Михаилоархангельском раскопе, в районе древней Прусской улицы, была найдена берестяная грамота второй половины XII в. с древнейшим упоминанием Кучкова: «Покланяние от Душилы к Нясте». В тексте грамоты есть слова: «... шел ти еси в Кучковь...» По сопоставлению с найденными рядом берестяными грамотами В.Л. Янин относит обнаруженное письмо к зиме 1166 или 1167 г. Упоминание топонима «Кучково» в документе XII в. является, по мнению ученого, важнейшим аргументом в пользу первоначальности этого названия, замененного позднее именем «Москва».

В связи с осуществлением реконструкции исторического центра Москвы в 1988 г. начались раскопки в северной части Красной площади - в Историческом проезде. Работы велись Московской экспедицией Института археологии АН СССР, воссозданной в 1987 г. (начальник экспедиции С.З. Чернов). Перед москвичами и приезжими предстала грандиозная археологическая экспозиция - раскоп площадью 2 тыс. кв. м., где на глазах зрителей археологи и их помощники, выполняя привычную и в данном случае срочную работу, расчищали средневековые строения, обнаруживали находки. Здесь были открыты фундаменты Воскресенских (Иверских) ворот Китай-города XVI-XVII вв., постройки XIII-XV вв. Среди находок самой выдающейся, конечно, была первая в Москве берестяная грамота, написанная во второй половине XV в. Текст ее располагался необычно: поперек прожилков бересты. Он был передан полууставом с элементами скорописи, сохранился не полностью, т. к. грамота была в прошлом разорвана. И все же здесь 17 строк по 4-5 букв в каждой. Наличие слова «господине» позволило предположить, что таким было обращение к адресату.

Замечательные открытия в Историческом проезде получили большой общественный резонанс уже в ходе раскопок. В настоящее время появились научные публикации по материалам раскопок (С.З. Чернов, И.А. Бойцов - см. список литературы). Процесс работ регулярно и заинтересованно освещался рядом газет. В защиту их продолжения с высокой оценкой значения результатов работ выступали в центральной печати директор Института археологии В.П. Алексеев и руководитель Новгородской экспедиции В.Л. Янин. Стала очевид-

ной необходимость расширения археологических работ в связи с реконструкцией исторического центра Москвы.

Исходя из этих задач. Институт археологии АН СССР создал в своем составе сектор археологии Москвы, которым разработана комплексная программа археологического исследования центра Москвы.

В заключение следует признать, что в настоящее время в научной археологической литературе достаточно полно отражено современное состояние как теоретических проблем изучения города, так и результатов археологических исследований отдельных древнерусских городов. Любознательный, творчески работающий преподаватель найдет в ней ответы на вопросы, возникающие в ходе обучения, и сможет привлечь к этой работе учеников. Однако насущной остается проблема достойного освещения достижений археологической науки в учебниках.

Литература

- Авдусин Д.А.* Образование древнерусских городов лесной зоны // Труды V Международного конгресса славянской археологии. - Т. I. - Вып. 2а. - М.: Наука, 1987.
- Авдусина Т.Д., Владимирская Н.С., Панова Т.Д.* Некоторые итоги археологического изучения Московского Кремля (1974-1982 гг.) // Советская археология. - 1989. - № 3.
- Авдусина Т.Д., Панова Т.Д.* Про ту Москву, Москву былую... // Знание-сила. - 1989. - № 4. *Алексеев В., Янин В.* Московская береста // Правда. - 1988. - 31 августа.
- Алексеев Л.В.* Смоленская земля в IX-XIII вв. - М.: Наука, 1980.
- Археологи рассказывают о древнем Пскове. - Псков, 1992.
- Археологические исследования Киева. 1978-1983 гг.: Сборник научных трудов. - Киев: Наукова думка, 1985.
- Археологическое изучение Пскова. - М.: Наука. 1983.
- Археологическое изучение Пскова. - Вып.2. - Псков, 1994.
- Археологическое изучение Пскова. - Вып.3. Раскопки в древней части Среднего города (1967-1991). - Псков, 1996.
- Археология и история Пскова и Псковской земли. - Псков, 1992.
- Археология Новгорода: Указатель литературы, изданной с 1917 по 1980 г. / Составитель П.Г. Гайдуков. - М.: МГУ, 1983.
- Археология Новгорода: Указатель литературы 1981-1990 гг. Дополнения к указателю за 1917-1980 гг. Составитель П.Г. Гайдуков. -М.,

1992.

- Белецкий В.Д.* Довмонтов Город. Памятники архитектуры и монументальной живописи XIV века. - Л.: Искусство, 1986.
- Белецкий В.Д.* Древний Псков (по материалам раскопок экспедиции Эрмитажа): Каталог выставки. -Л., 1991.
- Белецкий В.Д.* Псковская экспедиция Эрмитажа (к итогам раскопок 1954-1987 гг.): Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. - Л., 1989.
- Белецкий С.В.* Вечевые печати Пскова // Сфрагистика средневекового Пскова. - Вып. II. - СПб, 1994.
- Белецкий С.В.* Печати псковские // Сфрагистика средневекового Пскова. - Вып. I. - СПб, 1994.
- Беляев Л.А.* Древние монастыри Москвы по данным археологии. - М.: «Мейкер», 1995.
- Беляев Л.А., Векслер А.Г.* Археология средневековой Москвы: Итоги исследований 1980-1990 годов // Российская археология. -1996.- № 3.
- Большаков О.Г., Якобсон В.А.* Об определении понятия «город» // История и культура народов Востока (Древность и средневековье). - Л., 1983.
- Векслер А. Г.* Археологические исследования в Москве // Труды V Международного конгресса славянской археологии. - Том III. - Вып. 1а. - М., 1987.
- Векслер А. Г.* Москва в Москве: История в недрах столицы. - 2-е изд., доп. и перераб. - М.: Московский рабочий, 1982.
- Гуревич Ф.Д.* Древний Новогрудок (посад - окольный город). - Л.: Наука, 1981.
- Дегтярев А., Дубов И.* Начало Отечества: Исторические очерки. -М.: Сов. Россия, 1990.
- Даркевич В.П.* Старая Рязань (итоги археологических исследований 1970-1979 гг.) // Труды V Международного конгресса славянской археологии. - Т.III. - Вып. 1а. - М.: Наука, 1987.
- Древнерусские города.* - М.: Наука, 1981.
- Древний Новгород: Прикладное искусство и археология.* - М.: Искусство, 1985.
- Древний Псков. Исследования средневекового города.* - СПб, 1994.
- Древний Псков. История. Искусство. Археология: Новые исследования.* - М.: Изобразительное искусство, 1988.

- Древности Северо-Западной России. К 90-летию со дня рождения Г.П. Гроздилова: Каталог выставки. - СПб, 1995.
- Древности Северо-Западной России: Сборник материалов научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Г.П. Гроздилова. - СПб, 1995.
- Древняя Русь: Город, замок, село. - М.: Наука, 1985. (Серия «Археология СССР»).
- Дубов И.В.* Города, величеством сияющие. - Л.: ЛГУ, 1985. Дубов И.В. Новые источники по истории Древней Руси. - Л.: ЛГУ, 1990.
- Загорюльский Э.М.* Возникновение Минска. - Минск: БГУ, 1982.
- Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
- Искать Москву в XI веке не приходится: Интервью корреспондента журнала «Родина» М. Конягина с академиком РАН В.Л. Яниным // Родина. - 1996. - № 4.
- История и культура древнерусского города. - М.: МГУ, 1989.
- История Киева. - Том первый. Древний и средневековый Киев. - Киев: Наукова думка, 1982.
- Килиевич С.Р. Детинец Киева IX - первой половины XIII веков. - Киев: Наукова думка, 1982.
- Карлов В. В.* К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии // Русский город (проблемы горообразования). - Вып. 3. - М.: МГУ, 1980.
- Кирпичников А.Н.* Каменные крепости Новгородской земли. - Л.: Наука, 1989.
- Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л.* Усадьба новгородского художника XII в. - М.: Наука, 1981.
- Концевий В.Я., Носов Е.Н.* Загадки новгородской округи. - Л.: Лениздат, 1985.
- Куза А.В.* Малые города Древней Руси. - М.: Наука, 1989.
- Куза А.В.* Социально-историческая типология древнерусских городов X-XIII вв. // Русский город. - Вып. 6. - М.: МГУ, 1983.
- Кучкин В.А.* Москва в XII - первой половине XIII века// Отечественная история. - 1996.- № 1.
- Лабутина И.К.* Из истории духовной культуры средневекового Пскова (X-XV вв.) // VI Международный конгресс славянской археологии: Тезисы докладов советской делегации. - М.: Наука, 1990.
- Лабутина И. К.* Историческая топография Пскова в XIV-XV вв. - М.: Наука, 1985.

- Лабутина И.К.* Псков средневековый, XIII век // Новости Пскова, специальный выпуск «750 лет Ледовому побоищу». - Псков. - 1992.
- Леонтьев А.Е.* Ростов. Предпосылки возникновения древнерусского города // Труды V Международного конгресса славянской археологии. - Т. I. - Вып 2а. - М.: Наука, 1987.
- Медынцева А.А.* Новгородские находки и дохристианская письменность на Руси // Советская археология. - 1984. - № 4.
- Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. - М.: Наука, 1982.
- Носов Е.Н.* Новгородское (Рюриково) городище. - Л.: Наука, 1990.
- Носов Е.Н.* Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада России. - СПб: Центр «Петербургское востоковедение», 1993.
- Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. Псков: Сборник статей к 75-летию В.Д. Белецкого. - СПб, 1994.
- Панова Т.Д.* Культурный слой Московского Кремля // Вестник МГУ. - Серия 8. - История. - 1990. - № 3.
- Панова Т.Д.* Средневековый погребальный обряд по материалам некрополя Архангельского собора Московского Кремля // Советская археология. - 1987. - № 4.
- Плоткин К.М.* Псков и его округа в конце I тыс. н.э. // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. - Л.: Изд. ЛГУ, 1982.
- Псков: Очерки истории. (2-е изд., доп. и перераб.). - Л.: Лениздат, 1990.
- Путешествия в древность. - М.: Изд. МГУ, 1983.
- Рабинович М.Г.* Археологические данные о формировании исторического центра Москвы // VI Международный конгресс славянской археологии: Тезисы докладов советской делегации. - М.: Наука, 1990.
- Рабинович М.Г.* Древний центр Москвы // Вопросы истории. - 1990. - № 3.
- Рабинович М.Г.* Не сразу Москва строилась. - М.: Московский рабочий, 1982.
- Рыбаков Б.А.* Первые века русской истории. - М.: Наука, 1964.
- Сабурова М.А., Седова М.В.* Некрополь Суздаля // Культура и искусство средневекового города. - М.: Наука, 1984.
- Сагайдак М.А.* Давньокієвський Поділ: Проблеми стратиграфії, хронології. - Київ: Наукова Думка, 1991.
- Седов В.В.* Восточные славяне в VI-XIII вв. - М.: Наука, 1982. (Археология СССР).
- Седов В.В.* Начало городов на Руси // Труды V Международного конгресса славянской археологии. - Т. I. - Вып. I. - М.: Наука, 1987.
- Седов В.В.* Становление европейского раннесредневекового города // Становление европейского средневекового города. - М.: Наука..

- 1989.
- Седова М.В.* Суздаль в X-XIII вв. (топография, застройка) // Труды V Международного конгресса славянской археологии. - Т. III. - Вып. 26. - М.: Наука, 1987.
- Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). - М.: Наука, 1981.
- Славянская археология. 1990. Раннесредневековый город и его округа. - М., 1995.
- Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города). - М.: Изд-во МГУ, 1991.
- Советская литература по истории древнего Киева. - Киев: Наукова думка, 1984.
- Средневековая Ладога: Новые археологические открытия и исследования. - Л.: Наука, 1985.
- Тимощук Б.А.* Восточнославянская община VI-X вв. н. э. - М.: Наука, 1990.
- Толочко П.П.* Древний Киев. - Киев: Наукова думка, 1983.
- Толочко П.П.* Древний Киев // Труды V Международного конгресса славянской археологии. - Т. I. - Вып. 1. - М.: Наука, 1987.
- Чернов С.З.* Раскопки на Красной площади в Москве и перспективы археологического изучения Московской Руси XIII-XIV вв. // VI Международный конгресс славянской археологии: Тезисы докладов советской делегации. - М.: Наука, 1990.
- Чернов С.З., Бойцов И.А.*, Раскопки в Историческом проезде и изучение Великого посада Москвы XIII-XIV вв. // Советская археология. - 1992. - №1.
- Штыхов Г.В.* Критерии города эпохи Киевской Руси (по материалам Полоцкой земли) // Труды V Международного конгресса славянской археологии. - Т. I.- Вып. 26. - М.: Наука, 1987.
- Янин В.Л.* Древнее славянство и археология Новгорода // Вопросы истории. - 1992. - № 10.
- Янин В.Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора: Церковная традиция и историческая критика. - М.: Наука, 1988.
- Янин В.Л.* Новгород: проблемы социальной структуры города X-XI вв. // Труды V Международного конгресса славянской археологии. - Т. I. - Вып. 1. - М.: Наука, 1987.
- Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина. - М.: Наука, 1981.
- Янин В.Л.* Основные исторические итоги археологического изучения Новгорода // Новгородские археологические чтения. - Новгород, 1994.

- Янин В.Л.* Я послал тебе бересту. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
- Янин В.Л., Зализняк А.А.* Берестяные грамоты из раскопок 1990-1993 гг. // Вопросы языкознания. - 1994. - № 3.
- Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородская псалтырь - новонайденный кодекс первой четверти XI в. //Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 15. - Новгород, 2001.
- Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977-1983 гг.): Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951- 1983 гг.). - М.: Наука, 1986.
- Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984-1989 гг.). - М.: Наука, 1993.

Раздел II

Проблемы истории России XIX века

---

1. Национальный характер

До недавнего времени в исторической, философской и вообще в гуманитарной науке проблема национального характера не ставилась. В советское время господствовала идея интернационализма, а в застойный период - теория новой исторической общности, объединяемой понятием «советский народ». Такой идеологический подход предусматривал поиски унифицирующих тенденций в жизни населения СССР в противовес изучению национальных черт и особенностей того или иного народа, проживающего на территории этого многонационального государства. Между тем, без познания и изучения национального фактора, и прежде всего - национального характера, понять исторический процесс просто невозможно.

Энциклопедические словари определяют характер как индивидуальный склад личности человека, который проявляется в особенностях поведения и отношения его к окружающему миру. В словаре В.И. Даля характер - это нрав человека, его нравственные свойства и качества, свойства души и сердца. Подобно своеобразию конкретного, индивидуального человека существует и своеобразие народа, нации, которое проявляется при тех или иных условиях у всех или большинства в схожем поведении или реакциях на эти условия: «Это «общество внутри нас» в виде однотипных для людей одной и той же культуры реакций на привычные ситуации в форме чувств и состояний и есть наш *национальный характер*. Он есть часть нашей личности». (К. Касьянова. Здесь и далее - курсив оригинала).

Одним из коренных, глубинных недостатков исторической науки в советское время, от которого мы никак не можем избавиться, является как раз игнорирование проблемы националь-

ного характера и, естественно, отсутствие соответствующих оценок исторических деятелей, событий, явлений, фактов и вообще оценки исторического процесса. В настоящее время назрела необходимость не просто учета проблемы национального характера при изучении истории, а наложения этой проблемы на все другие кардинальные проблемы исторического процесса России.

Известный русский философ И.А. Ильин справедливо отмечал, что «у каждого народа инстинкт и дух живут по-своему и создают *оригинальное своеобразие*. Этим русским своеобразием мы должны дорожить, беречь его, жить в нем и творить из него: оно дано нам было искони, в зачатке, а раскрыть его было дано нам на протяжении всей нашей истории. Раскрывая его, мы исполняем наше историческое предназначение». Эти слова подчеркивают необходимость изучения национального характера в контексте всей русской истории. Без этого мы не поймем ни свою историю, ни себя, ни тот вклад, который внесла и еще должна внести Россия в мировую культуру. Ведь именно в своеобразии той исторической миссии, которую выполняет каждая нация, и заключается нравственный смысл ее существования.

Национальный характер складывается веками. В процессе его создания играют роль самые различные факторы, из которых важнейшими являются природно-географический, духовно-религиозный и геополитический. В свою очередь, природно-географический фактор неразрывно связан с хозяйственной, экономической жизнью людей. Влияние природной среды на формирование русского человека хорошо понимали и изучали дореволюционные историки, хотя их мнения не во всем совпадали, когда они приходили к каким-либо выводам. В. О. Ключевский, например, в своем «Курсе русской истории» (лекция XVII) отмечал, что природный фактор сыграл исключительно важную роль в формировании великорусского характера. Обилие лесов, болот, озер, густая сеть рек и речушек, суглинки, преобладавшие в составе почв, рискованность ведения сельского хозяйства в условиях короткого лета и капризов погоды - все это отразилось на поведении, характере и мировоззрении русского человека. Многовековое освоение такой огромной территории, как

Россия, и в таких непростых условиях заставляло русского человека встречаться с тысячами опасностей, затруднений, неожиданностей. «Это приучило великоросса зорко следить за природой, «смотреть в оба», по его выражению, ходить, оглядываясь и ошупывая почву, не соваться в воду, не поискать броду, развило в нем изворотливость в мелких затруднениях и опасностях, привычку к терпеливой борьбе с невзгодами и лишениями», - отмечал В.О. Ключевский. Отсюда проистекает знаменитое русское терпение, выносливость, непритязательность, удивительная наблюдательность. Короткий по времени сельскохозяйственный сезон заставлял русского крестьянина спешить, чтобы за счет чрезмерного напряжения сил обеспечить себе существование в течение долгой осени и зимы: «Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда в короткое время, какое может развить великоросс; но и нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному, постоянному труду, как в той же Великороссии», - продолжает В.О. Ключевский. Не отсюда ли и знаменитая русская «лень», для которой были самые благоприятные условия в период длительного осенне-зимнего сезона, обрекавшего крестьянина на вынужденное безделье?

Своенравие природы, почвы, климата часто обманывали русского крестьянина в его ожиданиях и расчетливый великоросс, очертя голову, выбирал подчас «самое что ни на есть безнадёжное и нерасчетливое решение, противопоставляя капризу природы каприз собственной отваги. Эта склонность дразнить счастье, играть в удачу и есть великорусский *«авось»*», - подметил тот же В.О. Ключевский. Причем, вероятно, далеко не всегда русский человек в таких случаях проигрывал, иначе надежда на авось не стала бы столь популярной в нашей стране.

Осторожность и осмотрительность, робость, замкнутость и необщительность, привычка жить задним умом (но не задней мыслью!), неумение высоко оценить самого себя, свой ум и талант - все это было следствием тех непростых условий, в которых приходилось жить, а нередко и выживать русскому человеку. Неуверенность стимулировала его, а успех, наоборот, снижал активность. Невозможность заранее предусмотреть результат

собственных деяний подчас приводила к тому, что русский человек больше склонен был обсуждать пройденный путь, чем заглядывать вперед. Он был больше осмотнительным, чем предусмотрительным. Отсюда же и стремление идти к прямой цели, но через колебания, лавирование и оглядку. Это приводило часто к тому, что русского считали неискренним и двоедушным, хотя это чаще всего не так. «Природа и судьба вели великоросса так, что приучили его выходить на прямую дорогу окольными путями. Великоросс мыслит и действует, как ходит. Кажется, что можно придумать кривее и извилистее великорусского проселка? Точно змея проползла. А попробуйте пройти прямее: только проплутаете и выйдете на ту же извилистую тропу», - завершает В.О. Ключевский свои рассуждения о влиянии природы на формирование характера русского человека.

Взгляды российских ученых на эту проблему не были одинаковы. Например, А.П. Щапов склонен был видеть в природных условиях причину интеллектуальной отсталости русского человека и грубости его чувств: «Вообще же под влиянием суровых физических и климатических условий севера и грубой физической жизни, - в народе русском только закалялась грубая чувствительность, но нисколько не развивалась утонченная мысль, воспитывались более одни грубые внешние чувства, чем ум, мышление». И далее: «Первоначальное всецелое занятие русского народа физико-географическим или земским самораспределением и самоустройством и починочным физико-экономическим самообзаведением и самообеспечением делало невозможным развитие высших умственных, мыслительных способностей, а обуславливало только первоначальное физико-географическое воспитание и детское, первобытное проявление низших познавательных способностей - чувств, памяти и воображения. Вследствие этого до Петра Великого в России не было никакого высшего интеллектуального развития, не было и зачатков научной, теоретической мысли».

В противовес такой оценке, Иван Сикорский считал, что природа заставила русских «углубиться в самих себя и искать ободряющих впечатлений в человеческом духе», а «вековая привычка к напряженной физической и нравственной работе, вместе с пере-

житыми тяжелыми историческими судьбами», самыми типическими чертами русского характера сделали «скорбь, терпение и величие духа среди несчастий». Причем скорбь не сопровождается пессимизмом, а своеобразно охраняет человека психически и создает то нравственное равновесие, которое позволяет сохранить человечность и вместе с терпением, доходящим нередко до потребности в мученичестве, приводит к самообладанию и умиротворенности.

Следует сказать, что ограничиваться только природно-географическими факторами в связи с проблемами русского характера, как это делали указанные выше ученые, нельзя. Ошибкой их было то, что они отменили другой важнейший фактор - религиозно-духовный, религиозно-нравственный. Это было связано с той исторической обстановкой, в которой находились ученые в 1860-1880-х гг. В это время набирал силу атеизм и среди интеллигенции считалось чуть ли не зазорным говорить о православии в положительном каком-то смысле.

Так вот характер русского человека вряд ли можно раскрыть, если ограничиться лишь природно-географическими обстоятельствами в его формировании. Большинство дореволюционных философов рубежа XIX-XX вв. именно религиозность русского человека считали определяющей чертой его характера. Н.О. Лосский, например, начинает свой труд «Характер русского народа» именно с этого утверждения: «Основная, наиболее глубокая черта характера русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, следовательно, такого добра, которое осуществимо лишь в Царстве Божием». Эта черта объясняет многое в русском человеке, в том числе его духовность и исключительно сильный голос совести, если угодно - обостренное чувство справедливости. Н.О. Лосский отмечал: «В XIX веке религиозность русского народа выразилась в великой литературе, проникнутой исканием абсолютного добра и смысла жизни, а также в расцвете религиозной философии».

Религиозность лежит и в основе такой важной черты русского народа, как соборность, т. е. единение многих людей, в основе которого лежит общая любовь к Богу и к правде Божией. Соборность органически сочеталась с общинным строем жизни, воспитывавшим

в русском человеке коллективизм, чувство товарищества, взаимоподдержки и взаимовыручки. Однако преувеличивать это обстоятельство не следует, так как оборотной стороной общинных порядков было подавление индивидуальности, искони тоже присущей россиянину. Противоречивость русского характера, о которой еще пойдет речь впереди, сказалась и здесь.

В указанной работе Н.О. Лосского анализируются и другие черты народного характера, в том числе - способность к высшим формам опыта, глубокому восприятию чужого душевного состояния, искание абсолютного добра и в связи с этим смысла жизни. Отмечает он присущую русскому человеку страстность и могучую силу воли, а отсюда - и русский экстремизм и максимализм. Неотъемлемыми чертами национального характера являются также свободолюбие, исключительная доброта, даровитость, проявившаяся в различных видах культуры, искусства, творческой деятельности.

Несмотря на множество привлекательных черт русского характера, его нельзя идеализировать. В частности, ему присущ слабый интерес к средней области культуры, в том числе - к обустройству своего быта, окружающего пространства и т. п. При определенных условиях положительные черты характера могут переходить в свою противоположность. Если, например, русский человек сталкивается с торжествующей несправедливостью, со злом, то может проявить исключительную жестокость и тогда доброта оборачивается совершенно противоположным качеством. К жестокости вела и беспросветная нищета, бедность многих русских людей как результат социальной несправедливости. Нужда и горе отравляли сердца. В крестьянском быту наблюдалось избиение жен мужьями, особенно в пьяном виде, наказания детей и другие темные стороны быта. Так, жестокость проявлялась в семейных отношениях, когда патриарх - глава семьи - становился деспотом. Этот опыт характерен был для наименее культурных слоев населения, а также купцов, многие из которых отличались грубостью, самодурством, что не раз служило материалом для многих произведений литературы и драматургии.

Когда русский человек по каким-то обстоятельствам терял

веру в Бога и ударялся в материализм, то нередко следствием этого был крайний нигилизм в образованных слоях населения и хулиганство в его низших слоях. В истории России было много причин, порождавших социальную несправедливость или сопровождавшихся насилием над личностью. Это как раз и было питательной средой, благодатной почвой для нигилизма, народничества, а затем и для политического террора, сначала индивидуального, а затем и массового. Много справедливого есть в следующих словах П. Ковалевского, подытожившего печальный опыт русской истории: «Тысячелетнее рабство во времена Киевской Руси, удельного княжения, татарского ига, крепостного права и бюрократического гнета убило в народе сознание собственного достоинства и поселило чувство неверия к себе, отсутствие интереса и уважения к собственности и проч. На этом выросли неуважение в человеке человека, отсутствие сознания долга, чувства собственности, лень, недобросовестное исполнение работы, отсутствие чувства обиды, самолюбия, оскорбления личности как в себе, так и в других, - а также заискивание, лесть, обман, лживость и самоунижение, - а главное ссору, свару и вражду между собою».

Часто пагубную роль в проявлении худших человеческих черт играл отрыв от привычной обстановки. Так бывало, например, с крестьянами, ушедшими по разным причинам из деревень. Образование душевной пустоты у таких людей нередко приводило к пьянству, распутству, хулиганству и другим отрицательным явлениям, что во многом зависело от исторической обстановки.

В характере русского человека прочно утвердились консерватизм и монархизм. Во многом это объяснялось теми способами ведения хозяйства, который веками использовался и передавался из поколения в поколение. Обеспечивая материальную сторону жизни, такие способы поддерживали консерватизм не только в хозяйстве, но и в быту, если иметь в виду патриархальность, распространявшуюся и на многие другие стороны российской жизни.

Русский характер трудно понять, если не учитывать его противоречивость, отчасти уже показанную выше. Об этом хорошо сказал Н. А. Бердяев: «Бездонная глубь и необъятная высь сочетаются с какой-то низостью, неблагородством, отсутствием достоинства, раб-

ством. Бесконечная любовь к людям, поистине Христова любовь, сочетается с человеконенавистничеством и жестокостью. Жажда абсолютной свободы во Христе (Великий инквизитор) мирится с рабской покорностью. Не такова ли и сама Россия?». Примеры подобной противоречивости можно умножить: свободолюбие вплоть до анархии в России сочетается с тем, что она же является одной из самых государственных и бюрократических стран в мире.

Причины такой противоречивости во многом определялись ее геополитическим положением. Находясь между Востоком и Западом, Россия многое восприняла, органически переработав, из этих совершенно разных частей света в области культуры, государственности, человеческих отношений. Необходимость отстаивать свою независимость в течение веков от врагов как с Запада, так и с Востока, вызвала к жизни твердую и сильную государственную власть, которая только и могла, учитывая еще и огромные пространства страны, объединить ресурсы, силы и средства в борьбе с внешними врагами. Отчасти отсюда надо видеть и ту роль, которую сначала играли князья, цари, а затем и императоры в жизни страны и судьбах людей. С их именами нередко связывались благополучие и процветание, за которое надо было платить отказом от многого, покорностью и самоограничением.

Патриархальность же еще более возвеличивала образ монарха в глазах обывателей, тем более, что его власть освящалась церковью и именем Господа. Интересы создания, содержания и охранения государства, на что уходили творческие и жизненные силы и соки народа, - важнейшая составная часть нашей истории, отразившаяся во многих чертах характера русского человека, в том числе - в его монархизме, о котором будет специально сказано в следующем параграфе.

Противоречивость русского характера, русской души проявлялась и во многом другом. Например, в вопросе национальном. Русским чужд шовинизм, им не свойствен агрессивный национализм или презрение к другим нациям. В русской стихии поистине есть какое-то национальное бескорыстие, жертвенность, неведомая западным народам (Н.А. Бердяев). Русский человек исключительно уживчив с представителями других наций. Но наряду с этим, Россия, по выражению того же Н.А. Бердяева, - самая националистическая страна в мире,

ибо выпячивает свою святость, подчеркивает свою праведность, доброту, истинность и божественность. Как ни странно, эти и другие противоречия сочетаются в русской душе, придавая ей действительно яркое своеобразие. В значительной мере эти противоречия, наряду с другими чертами русского характера представляют ту загадку, которую не может разгадать Запад уже много десятилетий, если не веков.

Впрочем, понять западного человека можно, если указать еще на одну противоречивость русского характера: сочетание указанной выше соборности, коллективности и вытекавший отсюда недостаток индивидуальности, независимости со стремлением вести самостоятельное хозяйство, а собственнические настроения как-то уживались с отсутствием гипертрофированной меркантильности и всепоглощающей страсти к копейке: «Душа России - не буржуазная душа, - душа, не склоняющаяся перед золотым тельцом, и уже за одно это можно любить ее бесконечно», - справедливо писал Н.А. Бердяев.

Мессианизм и миссианизм - еще одна черта русского характера. Она проявилась уже в XVI веке, выразившись в теории инок Филофея о «Москве - третьем Риме». Но особенно ярко мессианская роль России подчеркивалась в XIX веке и выражалась в утверждении, что со временем Россия будет самой влиятельной страной в Европе и выработает наиболее высокие формы культуры. Эту мысль высказывали славянофилы, П. Я. Чаадаев, Н. Я. Данилевский, Ф. М. Достоевский, Вл. Соловьев. Иногда подобные взгляды приводили к возникновению утопичных предложений. Так например, Вл. Соловьев говорил о России как всемирной христианской монархии, а Е. Трубецкой - о Вселенской теократической империи во главе с Россией. Подобный утопизм постепенно уходил, но оставалось убеждение в том, что Россия внесет свой, основанный на исповедании истинного православия, вклад в мировую сокровищницу культуры. Еще П. Я. Чаадаев отметил: «...мы, так сказать, самой природой вещей предназначены быть настоящим совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великими трибуналами человеческого духа и человеческого общества». Важно отметить, что особая роль России в мире подчеркивалась не только русскими авторами. Чего стоит, например,

следующее высказывание немецкого ученого В. Шубарта: «Запад подарил человечеству наиболее совершенные формы техники, государственности и связи, но и лишил его души. Задачей России является вернуть ее людям».

Распространенным было убеждение в том, что Россия не только особая, непохожая ни на какие другие государства страна, но и то, что это богоизбранная и богоносная страна. К великому сожалению, XX век не оправдал таких надежд. Пожалуй, наоборот, Россия показала примеры нигилизма, политического террора, тоталитаризма и нравственного падения. Почему так случилось, - об этом должен быть особый разговор. Важно лишь подчеркнуть, что, несмотря ни на что, многое из замечательных черт русского характера сохранилось, что говорит о его силе и жизненности.

Об отрицательном в русском характере много говорилось и в XIX, и в XX веках. В определенные моменты истории страны происходили крутые перемены, нарушавшие естественный ход ее развития, когда в практике человеческих отношений не только проявлялись худшие стороны русских людей, но и положительные их качества трансформировались, приобретая отрицательный знак. Так, массовое отлучение от религии, от привычных форм жизни (миграция в города, например, в результате т. н. социалистического строительства), нарушение подчас элементарных понятий о справедливости и совести на фоне бесконечной доверчивости русского человека, сопровождались тяжелейшими катаклизмами в годы революции и гражданской войны, коллективизации и индустриализации, тоталитаризма и т. н. застойного периода. Лучшие черты характера русских людей беспощадно эксплуатировались, что в конечном счете стало причиной многих наших бед. Нельзя не вспомнить еще и чувства пассивности, выжидательности, смирения, веками питавшиеся тяготами, связанными с необходимостью жизнеобеспечения. Нельзя забывать и о том, что монархизм и сознание необходимости сильного государства приводили к аполитичности, добровольному отказу от участия в политической жизни. Здесь, отчасти, лежит причина того факта, что у руководства страной оказывались иностранцы, а бюрократия

воспринималась как неизбежное зло, или как нечто чуждое и неорганичное. Интересное замечание по этому поводу сделал Н.А. Бердяев: «Власть бюрократии в русской жизни была внутренним нашествием неметчины». Это во многом объясняет отношение т. н. простых людей и к бюрократии, и к засилию иностранного влияния в определенные моменты российской истории.

Заканчивая рассмотрение проблемы русского характера, следует подчеркнуть, что «отрицательные свойства русского народа представляют собою не первичную, основную природу его: они возникают как оборотная сторона положительных качеств или как извращение их». (Н.О. Лосский). Важно отметить, что русские люди в состоянии энергично и эффективно бороться со своими недостатками, о чем есть великолепные свидетельства в русской истории. Можно в связи с этим вспомнить ликвидацию недостатков в судебной области в ходе судебной реформы 1860-х гг., так что в конечном счете суд в России стал выше по качествам, чем во многих других культурных странах, да и взяточничества в нем было меньше. То же самое можно сказать и о ликвидации телесных наказаний, которые остались в России лишь на бытовом уровне.

Способность русского человека сделать себя лучше позволяет с надежной смотреть в будущее.

Источники и литература

Бердяев Н. Душа России. - Л., 1990.

Его же. Духи русской революции // Из глубины: Сборник статей о русской революции. - М.: Изд-во МГУ, 1990.

Губанов В.М. Русский национальный характер в контексте политической жизни России. - СПб., 1999.

Ильин И.И. О русском национальном самостоянии // Проф. *И.И. Ильин.* О грядущей России: Избранные статьи. - Джордан-вилл, Нью-Йорк, США, 1991.

Касьянова К. О русском национальном характере. - М., 1994.

Лосский Н.О. Характер русского народа. - Посев, 1957.

Мир России - Евразия. Антология / Сост. *Л.И. Новикова*, И.Н. Сиземская. - М., 1995.

Сагатовский В.Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь? - СПб,

1994.

Солоневич Иван. Народная монархия. - Минск, 1998.

Федотов Г. Лицо России // Он же. Судьба и грехи России. -1 том. - СПб, 1991.

Чаадаев П.Я. Философические письма. Апология сумасшедшего // Он же. Статьи и письма. - М., 1989.

2. Самодержавие и самодержцы

Дореволюционным историкам писать о царях, императорах было сложно не только в силу того, что самодержавие являлось фактором реальной действительности, но и с субъективной точки зрения - тоже, т. к. вольно или невольно они находились в рамках общих представлений того времени и о самодержце, и о самодержавии. Самодержавие тогда не могло еще быть предметом научного анализа, для этого оно должно было сойти с исторической сцены. Вот почему чаще всего в исторических сочинениях образ самодержца возвышался над реальностью, а тот или иной государь преподносился читателю как образец человека и государственного деятеля (речь идет о XIX веке). Если и допускались какие-либо критические моменты в отношении императоров, то они касались частных и не снижали невероятно высокого уровня личности императора. Характерной для такого подхода к образу императоров является книга Николая Тальберга «Очерки истории Императорской России от Николая I до Царя-Мученика (Общество, политика, философия, культура)». - М., 1995. В том случае, если по каким-то причинам действия и образ царя, по мнению подобных авторов, не соответствовали их идеалу, то о нём предпочитали совсем не говорить. Очевидно, поэтому в данном сочинении нет очерка об Александре II - либерале и реформаторе, своеобразной «белой вороне», на фоне других объектов изображения указанного автора. Хотя книга Н. Тальберга была написана через много лет после эмиграции этого когда-то крупного чиновника и убежденного монархиста из России, она продолжает ту линию,

которые выдерживали историки дореволюционной России, изображая царственных особ.

В исторической литературе и в учебниках советского времени за самодержавием прочно утвердилась характеристика темной и страшной силы, бескомпромиссно боровшейся со всем передовым и прогрессивным. Цари и члены царской семьи чаще всего рисовались реакционерами, прибегавшими к либеральным мерам только в силу необходимости, под напором классовой борьбы трудящихся масс и революционного движения.

Совершенно очевидно, что такой взгляд был весьма ограниченным и искажал историческую правду. Конечно, консерватизм действительно был присущ в большей или меньшей мере тем или иным царям, но этим далеко не ограничивалась их роль в жизни России. Кроме того, понятие «самодержавие» шире понятия «самодержец», хотя в сознании людей эти понятия отождествлялись. Под самодержавием следует понимать не только (а иногда даже не столько!) царя, но и государственный аппарат в лице бюрократического чиновничества, консервативно-реакционную массу дворянства, карательную систему, генералитет и аристократию. Эти силы весьма ограничивали абсолютную власть монархов, не давая ей осуществлять то, что нередко цари предпринимали (или намеревались предпринимать) для прогресса России. Тогда же, когда реформы начинались, консервативно-реакционные силы стремились их ограничить в своекорыстных целях, пренебрегая интересами большинства населения и России как государства. 4-5 тысяч высшей аристократии, чиновников и военных, обладавших огромной материальной силой, связанных между собой кастовыми, групповыми эгоистическими интересами, могли противодействовать царю и всерьез сопротивлялись нововведениям, если дело доходило до угрозы этим интересам.

Как правило, отрицательно характеризовались у нас не только цари, но и их окружение. Выпячивались историками и изображались еще более мрачными, чем на самом деле, фигуры таких государственных деятелей, как А.А. Аракчеев или К.П. Победоносцев. Зато замалчивалась или искажалась деятельность плеяды либеральных сановников XIX века,- за исключением

М.М. Сперанского и С.Ю. Витте, о которых ничего не сказать было совсем уже невозможно. Сейчас этот пробел восполняется, и всем стало ясно, что в окружении царей всегда были умные, толковые люди, принесшие много пользы России.

Понятие «самодержавие» включает в себя прежде всего тот факт, что император не разделял ни своей власти, ни своих привилегий, ни своей роли в жизни государства ни с каким другим лицом, сословием, учреждением или установлением. В этом смысле самодержавие в некоторой степени отражало природу русского государства: все, в конечном счете, сводилось к высшей точке пирамиды власти - к императору-самодержцу. Для большинства русских людей он традиционно воплощал в себе идею государства и нации.

Императору принадлежали все права государственной власти, ему были подчинены все сферы управления, включая церковную. От него зависели и финансы, и штаты государственных учреждений, и вопрос о наделении кого-либо какими-либо наградами и титулами. Он был источником всех привилегий, почестей и наград и т. д. Он мог, с юридической точки зрения, все, в том числе утвердить, например, мнение меньшинства членов Государственного Совета - высшего законосовещательного органа в стране. Как имевший исключительную власть в стране, император мог решить все, в том числе и выходящие за рамки компетенции того или иного органа вопросы. Суд тоже зависел от государя так же, как и, предположим, смертные приговоры или помилования осужденных. Император являлся и верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами России. Особа монарха была изъята из действия общих законов государства.

Император и его семья содержались за счет казны, хотя это не исключало права собственности на многочисленные имущества, принадлежавшие, правда, не конкретным представителям ее, а всем членам семьи вместе.

Помимо того, что самодержавие было формой государственной власти, оно было также и формой общественного сознания. В этом еще таилась сила монархов. Своеобразно это отразилось в статье I «Основных законов» «Свода законов Российской империи», где мы читаем: «Император Всероссийский есть монарх

самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной воле его власти не только за страх, *но и за совесть* сам Бог повелевает» (курсив наш - Е.И.).

Народ относился к царю двояко. С одной стороны, он действительно уважал самодержца, причем это уважение доходило до обожания и слепой веры в непогрешимость и справедливость монарха. Такое отношение к царю поддерживалось и церковью, и патриархальными традициями русского народа. Наиболее сокровенные надежды населения были связаны с именем императора. С другой стороны, народ боялся императора как носителя высшей власти. Прекрасной иллюстрацией этого утверждения является сцена, описанная И.Е. Репиным в воспоминаниях «Далекое-близкое». Лето 1870 г. Репин с друзьями-художниками провел на Волге, создавая своих знаменитых «Бурлаков». Однажды он рисовал группу деревенских детишек, а чтобы они позировали тихо и не баловались, одарил их пятаками. Все это насторожило местных мужиков и баб, и они с угрозами стали требовать у художников документы. Пришлось идти вместе с толпой крестьян человек в тридцать за «пачпортами». Поскольку крестьяне были неграмотны, послали за писарем. Причем агрессивность толпы постоянно росла. Прибывший на место действия писарь начал читать документ, скрепленный печатью: «Печать императорской Академии художеств». Далее И. Репин пишет: «Эффект вышел, превзошедший все мои желания.

Толпа вдруг замерла и попятилась назад; тихо, инстинктивно стали бойцы-дерзилы затасовываться друг за дружку, как будто даже все лица вдруг потемнели; глаза уже смотрели или в землю, или вбок, куда-то с явным намерением скрыться.

- Императорская печать... императорская печать... слышишь ты? - как-то шуршало в толпе и, расходясь, таяло вместе с ней». На этом дело и кончилось. Одно слово - «императорская» произвело на крестьян такое страшное впечатление.

Не столь простым было отношение к императору чиновников. Один из иностранцев писал: «Россией управляет класс чиновников... и управляет часто наперекор воле монарха... Из недр своих канцелярий эти независимые деспоты, эти пигмеи-тираны безнаказанно угнетают страну. И, как это ни звучит па-

радоксально, самодержец всероссийский часто замечает, что он вовсе не так всемогущ, как говорят... Когда видишь, как императорский абсолютизм подменяется бюрократической тиранией, содрогаешься за участь страны, где расцвела пышным цветом административная система...» Эти слова актуальны и сегодня. Бюрократическая административная система имеет глубокие исторические корни.

Несмотря на указанное выше противоречие между чиновничеством и царем, следует подчеркнуть, что конкретный человек чувствовал, конечно, перед императорской силой свою малость, а те же чиновники были снедаемы честолюбием и с расположением или, наоборот, отрицательным отношением к себе царя связывали свою судьбу.

Что бы ни говорили об императорской власти историки, ни один из монархов зла своему народу не хотел. Конечно, интересы дворянства царям были ближе, но не учитывать мнения других социальных сил они не могли. В силу своего положения монархи были центром переплетения общественных, классовых сил и интересов. Они должны были это учитывать и, исходя из конкретной обстановки, выбирать тот или иной путь развития страны. И далеко не всегда это был путь реакции. С именем царей были связаны все попытки реформ, осуществлявшихся в XIX веке.

Отметим еще одно обстоятельство, характеризующее самодержцев. Они никак не были ограничены законом. Эта бесконтрольность приводила к «самовластью», к проявлениям деспотизма. В конечном счете самодержцы не смогли себя ограничить. Монархия не смогла проявить должной гибкости в продвижении к полнокровному конституционному строю. Проводимые «сверху» реформы оставались половинчатыми и незавершенными. В сочетании с невежеством и политической темнотой широких слоев населения, малочисленностью так называемого «среднего класса», политической конъюнктурностью буржуазии это дестабилизировало обстановку в стране, обостряло политическую борьбу. Характерная для самодержцев неуступчивость в сочетании с нетерпимостью реакционеров и экстремизмом наиболее радикальных, революционных сил, оторванность тех и других от жизненных интересов низов обернулись для России траге-

диями, которые она пережила уже в XX в.

Роль, вес и влияние самодержца в России нельзя понять, если не учитывать еще и того, что его образ был освящен церковью и православной верой, немыслимой без царя,

Александр I

Император Александр I (1777-1825*) жил и царствовал в сложное, противоречивое и во многом - в переломное для судеб мира время. Нелегким было и положение России. Волею Провидения она оказалась в непростом внутреннем и международном положении.

В личности и судьбе Александра I переплелись громкие события, передовые и реакционные идеи, надежды и разочарования русского народа. Кем же был этот человек, в 23 года ставший императором, внешне очень симпатичный и обаятельный? Он был выше среднего роста, с голубыми и печальными глазами, красиво очерченными устами, светло-каштановыми, с рыжеватым оттенком волосами. Насколько его личность соответствовала своему времени и роли руководителя России, перед которой стояли труднейшие задачи?

Забегая вперед, можно сказать, что фигура Александра I вряд ли была достойна грандиозности проблем, ставших перед Россией. Это, конечно, не значит, что царь был плохим человеком. Роль его оказалась тяжелой и «шапка оказалась не по Сеньке».

В самом начале жизненного пути его натура была деформирована обстоятельствами, сложившимися в царской семье. Он был первым и любимым внуком Екатерины II. Не чаявшая в Сашеньке души, бабка хотела сделать внука императором, минуя его отца Павла - законного наследника престола. «Гатчинский пленник» (так называли Павла, вынужденного жить вдали от двора из-за тяжелых отношений с матерью) не случайно боялся потерять в будущем трон. Но каково было великому князю Александру Павловичу? Постоянная необходимость находиться между блестящим двором бабки и пропитанным духом прусской ка-

---

* Здесь и далее указаны годы рождения и смерти императоров.

зармы двором Павла (его фрунтomanия и приверженность прусской военной системе были общеизвестны) вносила полный разлад в душу мальчика, а потом и юноши.

По словам В. О. Ключевского, будущий император «был воспитан хлопотливо, но не хорошо, и не хорошо именно потому, что слишком хлопотливо». Из всех воспитателей и учителей центральное место занимал Лагарп - швейцарский республиканец, увлекавшийся идеями французской просветительской философии. Эти идеи он передавал Александру, но не связывал их, впрочем, с реалиями русской жизни. Такая отвлеченность от практики часто потом сказывалась в действиях Александра, но нельзя не отметить, что в его душе действительно оставили глубокий след мысли о благе человечества, гнусности рабства и деспотизма, величии свободы и могуществе разума. Все это причудливо сочеталось у Александра с его положением абсолютного монарха, нередко приводило к колебаниям, непоследовательности, противоречивости в практической политике. Раздвоенность была одной из характерных его черт. Введя военные поселения, эту жесточайшую форму принудительной военной службы, расправляясь с восставшими крестьянами - поселянами Новгородской губернии, он мог сказать: «Военные поселения будут существовать, хотя бы для этого пришлось выложить трупами всю дорогу от Петербурга до Новгорода». И этот же человек, в 1821 г. получив через доносчиков сведения о тайных обществах и даже списки наиболее активных их членов, бросил один из доносов в пылающий камин и произнес: «Не мне подобает карать». Ведь заговорщики добивались того, о чем сам император когда-то говорил.

Образование Александра, начавшись в детстве под непосредственным руководством и при участии Екатерины II (она даже придумывала для него сказки, написала азбуку и т. п.), затем было продолжено рядом отличных преподавателей. Однако для Александра и его брата Константина занятия представляли собою скорее «художественные сеансы, а не умственную работу». К несчастью, по В.О. Ключевскому, «между учеником и учителем образуется отношение зрителей к артисту, когда урок

наставника становится для питомцев развлечением, хотя и эстетическим». Романтическое, возвышенное, но отвлеченное от реальной жизни образование должно было бы затем подкреплено серьезной умственной, в особенности самостоятельной работой и знанием жизни. Однако широко задуманные образовательные планы сама Екатерина II нарушила, женив Александра в 16 лет на еще более юной 14-летней немецкой принцессе Луизе-Марии-Августе, переименованной в Елизавету Алексеевну. Желая уберечь внука от соблазнов своего не слишком целомудренного двора, Екатерина прервала процесс серьезного и глубокого его образования. Навыков серьезной умственной самостоятельной работы Александр так и не получил. Он не привык к терпеливому, настойчивому, организованному труду.

Как уже отмечалось, юному великому князю приходилось быть между двумя огнями (двор Екатерины и двор Павла). Это развило в нем такие черты, как лицемерие, умение скрывать истинные чувства и мысли, изворотливость, притворство и уклончивость. Нельзя в то же время не отметить природную мягкость Александра, подчас сочувствующую с необоримым упрямством.

Но откуда все это могли знать современники? Вначале Александр мог произвести исключительно благоприятное впечатление. «В глазах большинства современников Александр представлял собою лучезарное видение какой-то небесной духовной красоты», - так писал о нем историк А. Кизеветтер. М.М. Сперанский говорил о царе: «Это сущий прельститель». Ярая конституционалистка, г-жа де Сталь говорила ему: «Ваша душа - лучшая конституция для вашего народа». Многие считали Александра невинным, безвольным и уступчивым человеком. На самом деле все обстояло гораздо сложнее. Природные свойства Александра и недостатки его образования не позволили ему создать оригинальную систему взглядов и придерживаться адекватных, соответствующих им принципов действий. Вот потому он увлекался теми людьми, которые имели такую систему. Нередко говорили в связи с этим, что люди более сильные, крупные деятели своего времени влияли на Александра. Но если и можно говорить о воздействии кого-либо на царя, то вряд ли стоит это путать с подчинением его кому бы то ни было.

В отечественной историографии взгляды на личность Алек-

сандра I были, конечно, не одинаковы, В дореволюционной литературе ему давалась более объективная оценка, хотя и приукрашенная. В советской же - до недавнего времени образ Александра I писался более темными красками. Стремление характеризовать его со знаком «-» преобладало. Особенному недоверию подвергался либерализм Александра I. На самом деле можно с уверенностью сказать, что заложенные просвещенным веком Екатерины II и Лагарпом передовые идеи и высокие мысли оставили в душе царя неизгладимый след, не истребленный действительностью в течение всей его жизни. Но осуществить их на практике царю по многим причинам не удалось. Здесь сыграл свою роль и нерешительный характер Александра, и отвлеченность от практики его взглядов, и положение абсолютного монарха, «самовластье», которое было серьезно ограничено консервативно-реакционными силами, чиновничьим и военным аппаратом. Нельзя не упомянуть и о косности, политическом невежестве народа, которым императору пришлось руководить.

С годами обаяние Александра I, отмечавшееся большинством современников в начале его царствования, исчезло. Увеличилась и его разочарованность в жизни, в людях. Будучи глубоко верующим человеком, Александр с годами все более впал в мистицизм. Осложняли положение царя воспоминания о дворцовом перевороте 11-12 марта 1801 г., фактическим участником которого был Александр, давший согласие на устранение своего отца, хотя ему прямо и не говорили, что речь идет об убийстве. Но не догадываться об этом будущий император не мог. Смерть отца тяжким бременем легла на совесть царя. Наконец, все либеральные меры и многие проекты не давали того эффекта, которого хотел достичь Александр I, из-за непонимания или незнания о них широких слоев населения и сопротивления консервативных сил. Если добавить сюда рост оппозиционного движения и появление тайных обществ, выступление Семеновского полка, ряд европейских революций, то можно объяснить поправление Александра к концу царствования.

Отношения в августейшей семье были достаточно сложны. Александр I и императрица Елизавета Алексеевна детей не имели, т.к. две девочки, родившиеся от этого брака, умерли в

младенческом возрасте.

Но у Александра было еще три брата Константин, Николай (будущий царь) и Михаил и несколько сестер, из которых особенно была ему близка Екатерина. С нею царь постоянно поддерживал близкие отношения, переписывался, советовался в государственных делах. Это была интересная, умная и рассудительная женщина, к мнению которой Александр всегда прислушивался.

Близкими и дружественными были отношения царя с матерью, Марией Федоровной. Причем эти отношения тоже не ограничивались сугубо семейными проблемами, но несли на себе отблеск и государственных дел. Отношения с женой пережили и восторженную влюбленность в первые годы, и сложные времена взаимных измен (в том числе почти открытое сожитительство Александра со своей долголетней страстью - А.М. Нарышкиной), и сближение в конце жизни, основанное на приобретенном обоими супругами житейском опыте.

Что же касается отношений с братьями, то наиболее тесно Александр общался с Константином, который должен был стать наследником. И если Александр был постоянно дружелюбен к брату, то подобного отношения от Константина он не ощущал. Мало того, Константин не мог забыть о той роли, которую сыграл Александр в судьбе отца - Павла I. Константин отличался грубостью, склонностью к скандалам. Да и женился он, нарушив невыблемые правила царствующего дома, не на особе монархических кровей, а просто на польской аристократке, в результате чего его потомки переставали обладать правом наследования трона. Все это привело к тому, что Александр настоял на отречении Константина, которое было тем и подписано, но хранилось в глубочайшей тайне и стало полной неожиданностью для всех, дав повод к восстанию декабристов 14 декабря 1825 года.

С младшими братьями Александр мало общался: слишком велика была разница в возрасте (Николай родился в 1796, а Михаил - в 1798), к тому же долгое время Александр не мог предположить, что судьба приготовила Николаю роль самодержца. Отчасти потому мало обращалось внимания на воспитание и образова-

ние великих князей, а уделом их по традиции была армия.

Окружение царя было противоречивым, как и сам он. В первое время царствования при Александре сложился так называемый «интимный кружок», или «негласный комитет молодых друзей» из В. Кочубея, П. Строганова. Н. Новосильцева (все они обладали титулом графа) и польского князя А. Чарторыйского. Это были единомышленники молодого царя. Вскоре кружок прекратил деятельность, но его участники потом занимали различные высокие посты в государственном аппарате. Из других вельмож самым близким царю человеком в течение долгих лет был князь А. Голицын - наиболее частый гость на интимных царских обедах (во всяком случае - в первое десятилетие царствования Александра). Все это были образованные и способные люди, в молодости, как и царь, приверженные либеральным идеям. Однако самым блестящим из сподвижников царя был, конечно, М. М. Сперанский - выходец из семьи сельского священника, дослужившийся до титула графа (уже при Николае I). С 1803 по 1811 годы он неотлучно был при Александре I. Его справедливо считали одним из самых серьезных, работоспособных, высокообразованных и организованных сотрудников императора.

Следующим после А. Голицына из наиболее частых гостей на обедах Александра был А.А. Аракчеев - наиболее одиозная при царе фигура. Общее мнение, казалось бы, было далеко не в пользу этого человека. Современники почти единодушно говорили о нем самые нелестные слова. Неприязнь вплоть до ненависти были преимущественно испытываемыми чувствами современников к А.А. Аракчееву. Обличалась его грубость и трусость, невежество и спесивость, жестокость и сластолюбие. Но для царя Аракчеев обладал рядом ценных качеств: он неукоснительно выполнял царскую волю (ни о каком влиянии Аракчеева на императора говорить не приходится, хотя к этому были склонны многие, в том числе - историки), был с ним неизменно подобострастен, учтив и льстив. Сближала этих двух, вроде бы совершенно разных людей, и общая страсть к фрунто- и парадомании - парадам, смотрам, маршам, шагистике и военным упражнениям. К тому же, в отличие от большинства высших чиновников, Аракчеев был педантичен, очень работоспособен и организо-

ван. Все это, вместе взятое, объясняет тот факт, что Аракчеев до конца царствования играл роль самого приближенного к царю сановника, не имевшего равных при решении многих вопросов внутренней политики. Но была одна область деятельности, куда Аракчееву был путь заказан, - дипломатия. Она была еще одной страстью царя, удовлетворению которой он отдал много времени и сил. Некоторые его качества, которые квалифицировались как весьма отрицательные (хитрость, скрытность, лицемерие, упрямство и др.) сыграли на дипломатическом поприще положительную роль. Даже для Наполеона, личность которого была, конечно, более величественной, Александр I оказался непобежденным соперником. Наполеон так и не раскусил Александра I до конца. Только в ссылке он понял, с каким человеком когда-то он имел дело в Тильзите и Эрфурте. Да и трудно было предположить, что Александр I ради удовлетворения личной ненависти к Наполеону и завоевания славы освободителя Европы заставит после тяжелой войны 1812 года сражаться русскую армию еще два года во время заграничных походов, а истощенную Россию оплачивать эти ненужные народу походы.

Завершая характеристику Александра I, нельзя обойти вниманием легенду о превращении его в странствующего старца Федора Кузьмича. Легенда эта оказалась необычайно живучей. Уже это одно говорит о том, что историческая почва для нее была очень богатой. А суть ее вкратце такова.

Александр I еще с молодых лет говорил о своем желании удалиться от государственных дел и вести жизнь частного человека. С годами нарастала усталость от тяжелого груза императорской ноши, усиливалось разочарование в жизни, людях, укреплялась религиозность, становились все более невыносимыми нравственные муки, связанные с памятью об отце, смерти которого Александр вольно или невольно способствовал. Эти и другие причины привели к тому, что царь добровольно и тайно удалился от дел, инсценировал свою смерть, принял схиму и через 10 лет вышел в мир уже новым человеком - странником Божиим, старцем Федором Кузьмичем. Вместо Александра в гробу было отправлено якобы тело похожего на него умершего человека. После смерти Федора Кузьмича в Петропавловской крепости

было в глубокой тайне произведено перезахоронение и останки императора нашли свое законное место в царской усыпальнице.

За долгие десятилетия обсуждения этого вопроса было много сторонников и противников такого поворота жизни царя, много было аргументов и за и против этой легенды. Сейчас так же трудно опровергнуть ее, как и доказать ее правоту. Можно совершенно определенно сказать, что личность Александра I была достойной этой легенды. Согласимся с Л.Н. Толстым в том, что «легенда остается во всей своей красе и истинности».

Подводя итог сказанному, вернемся к вопросу о том, насколько оказался способен Александр I выполнить роль человека, перед которым стояли сложнейшие задачи по руководству огромным государством в один из сложнейших моментов его истории.

Несомненно, Александр I искренне хотел реформировать страну, имея конечной целью отмену крепостного права, введение правовой системы и конституции. Либеральные идеалы, заложенные в его душе веком Екатерины, не были для него пустым звуком. Однако положение абсолютного монарха, развращенность безграничной властью объективно препятствовали неуклонному и систематическому проведению реформ в жизнь. Очевидно, справедливо утверждение некоторых современников также о значительной доле мечтательности и отвлеченности от реальной жизни Александра I. Но дело не только в этом. Чрезвычайно ограничен был круг лиц, на которых мог опереться царь. Общая косность, невежественность, социальный эгоизм дворянства, групповые интересы высшей аристократии, верхушки армии, могущественного чиновничества, пассивность и политическая апатия народных масс стояли мощным препятствием на пути реформ. Вот почему реформаторские усилия царя, дав определенные результаты в области просвещения, печати, государственного управления, не завершились коренными изменениями в социально-экономическом, политическом, гражданском строе России. Самодержец оказался слабее самодержавия. В этом не только трагедия страны, но и в значительной мере трагедия личности царя. Не случайна его увлеченность внешнеполитическими делами и путешествиями. Помимо предрасположенности к участию в между-

народных делах и наличия соответствующих для этого черт характера, можно говорить о том, что к этому его подталкивали огромные трудности на путях преобразования России.

Николай I

Великий князь Николай Павлович (1796-1855) был почти на 20 лет младше Александра. С ранних лет он отличался тяжелым характером, грубостью и приверженностью к военному делу и субординации. Воспитатели Николая были наголову ниже тех, кто воспитывал Александра. Первую скрипку в оркестре учителей играл генерал немецкой школы Лансдорф, в качестве «орудия воспитания» нередко применявший телесные наказания к великим князьям Николаю и Михаилу.

К светским наукам Николай не имел никакой предрасположенности и готовился к военной карьере. Получилось, что «он воспитан кое-как, совсем не по программе Руссо» (В.О. Ключевский). Консервативность была характерной чертой его, от либерализма он был прочно застрахован. Поделиться с кем-нибудь властью Николай органически не мог. Кое-кто отмечал «беспокойную суровость» его лица, внушавшего всем страх. Он был высок, с благородной фигурой, которую в течение всей жизни поддерживал корсетом. Один из современников писал: «У императора Николая греческий профиль, высокий, но несколько вдавленный лоб, прямой и правильный нос, очень красивый рот, благородное овальное лицо, военный и скорее немецкий, чем славянский вид». Другие современники не раз отмечали его тяжелые глаза: «без всякой теплоты, без всякого милосердия, зимние глаза» (А.И. Герцен). Он был сухощав, физически крепок, строен и ловок, со звонким «командирским» голосом, от которого люди иногда даже падали в обморок. Царь всегда требовал неукоснительного повиновения, дисциплины, соблюдения субординации. Приверженность армейским порядкам и бюрократическим принципам управления в сочетании с решительностью и сильной волей дали печальные для страны плоды. Проводя курс на милитаризацию гражданского управления, Николай в конце концов должен был признать, что Россией правит не

он и не излюбленные им «бравые кавалеристы», а «сорок тысяч столоначальников». Начав свое царствование как палач, расправившийся с декабристами, Николай I закончил ее как банкрот, способствовавший поражению России в Крымской войне и приближению кризиса самодержавной России.

При всем этом Николай I не был злодеем и бездушным негодяем, как это старались представить в нашей историографии десятки лет, и был не глуп, обладал рядом привлекательных черт. У него были свои представления о чести, морально-нравственные принципы, объясняемые христианским воспитанием и стремление принести пользу России. Хотя и со скрипом, он мог иногда ограничить себя, если дело доходило до необходимости соблюдения законов, сохранения справедливости и порядка. Так, Николай I придерживался положений польской конституции (вплоть до восстания в Польше 1830-1831 гг.), никогда не испытывая, впрочем, никаких симпатий к конституционным идеям и учреждениям. Он мог сочувствовать хорошим, полезным начинаниям. Как писал В.О. Ключевский, Николай I «одобрял все хорошие предложения, которые могли исправить дело, но никогда не решался их осуществить». Не решался в силу двух основных причин: сопротивления сил реакции и собственного консерватизма.

Приверженность раз усвоенным принципам и догмам была присуща царю, и, используя положение абсолютного монарха, он старался гнуть жизнь под себя. Кроме того, Николай старался входить во все и вся, лично вникая в дела до мелочей. Этому способствовала его необъятная память. Он помнил всех, с кем сталкивался, и старался проверять исполнение своих распоряжений. Вероятно, справедливы сказанные о нем одним из современников слова: «Он считал себя ответственным за все, что делалось в государстве, хотел все знать и всем руководить... и истощался в бесплодных усилиях объять необъятное и привести жизнь в симметрический порядок... его правление представляет собою только непрерывный ряд *попыток* (курсив источника - **Е.И.**) обуздать жизнь, попыток судорожных, каждый раз безуспешных и оттого более грубых, все более жестоких. Он не поработил Рос-

сию, а только калечил ее тридцать лет с целью порабощения».

Более всего несостоятельность политики Николая сказалась в попытках решить аграрный вопрос. Он отлично понимал то зло, которое несло в себе крепостное право, но видел и отчаянное сопротивление консервативно-реакционных кругов попыткам приблизить его отмену. Во многом поэтому все проекты, связанные с изменением положения крестьян, разрабатывались в глубокой тайне и остались на бумаге. Конкретные же меры в этом направлении отличались мелкими уступками и незначительными результатами, причем Николай I выпустил больше указов для защиты крестьян от произвола помещиков, чем все его предшественники. В попытках помочь крестьянам Николай I видел возможность хоть как-то сохранить статус-кво, не отменяя крепостное право. Но они были обречены, как и попытки сохранить прежнюю Россию. Следует согласиться с К.С. Аксаковым: «Правительство не может при всей своей неограниченности добиться правды и честности: без свободы общественного мнения это и невозможно. Все лгут друг другу, видят это, продолжают лгать и неизвестно, до чего дойдут. Всеобщее развращение или ослабление нравственных начал в обществе дошло до огромных размеров».

Была одна часть его жизни, где Николай I оставался человеком обычным, самым собой. Это была семья. Семьянин он был хороший, хотя это ему не мешало искать приключений в общении с представительницами прекрасного пола и даже иметь фаворитку, которая жила в самом Зимнем дворце, - В.А. Нелидову. В частной жизни Николай мог блеснуть умом, оценить шутку, благородство человеческих поступков, быть иногда щедрым и понимающим других людей. Но роль императора чаще всего заслоняла собой то привлекательное, что в нем было.

Николай I царствовал в более сложной для внутреннего положения России обстановке, чем Александр I. И если реальная действительность способствовала определенным образом возвеличиванию фигуры Александра I, то для Николая I она оказалась строгим судьей. В атмосфере николаевского царствования не смогли проявить себя в полной мере талантливые люди,

которые были в окружении этого императора. К таковым надо отнести министра финансов графа Е.Ф. Канкрин, графа П.Д. Киселева, М.М. Сперанского, который при Николае I не играл той роли, что при Александре I, но успешно работал в области юриспруденции. В рамках крепостного строя, бюрократизма и консерватизма самые благие намерения таких людей часто не находили осуществления, а иногда превращались в свою противоположность. Так было, например, со знаменитым III-м отделением императорской канцелярии.

Его глава, граф и генерал-адъютант А.Х. Бенкендорф, был преисполнен самых благородных намерений на честных началах, со штатом порядочных, «добромыслящих» сотрудников, с пользой для общества организовать работу этого органа. Ближайший сотрудник начальника III отделения, тоже граф и генерал-адъютант Л.В. Дубельт в унисон своему начальнику говорил о справедливости и высоких целях, которые он ставил перед собой. В конечном же итоге этот орган и приданный ему корпус жандармов («голубые мундиры») зарекомендовали себя совсем с другой стороны.

Есть какая-то закономерность в том, что Николай I сошел с исторической сцены бесславно, оставив после себя Россию в критическом состоянии, терпевшую поражение в Крымской войне и нуждавшуюся в коренном реформировании. После этого императора остались в истории жуткие сцены или забавные анекдоты, но не осталось красивых легенд.

В последнее время, однако, историки все чаще говорят не только о тяжелых и темных сторонах царствования Николая I, но и подчеркивают то положительное, что было сделано тогда: реформирование государственных крестьян, составлявших чуть ли не половину сельского населения, кодификация законов, удачная денежная реформа, значительные успехи в области технического прогресса (железные дороги, паровой флот, телеграф), огромные достижения в литературе и искусстве и др.

Все это, с одной стороны, говорит о противоречиях царствования Николая I, а с другой - о том, что и тогда возможно было движение страны вперед. Вспоминаются в связи с этим слова А.С. Пушкина из его письма П.Я. Чаадаеву по поводу «Философического письма»: «... и (положа руку на сердце) разве не нахо-

дите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка?» (1836 г.)

Некоторые из исследователей склонны считать, что при Николае I Россия получила больше с точки зрения положительных изменений, чем при Александре I. Во всяком случае не только трудности, переживаемые страной, но и большая положительная работа, достижения в развитии общественно-политической мысли подготовили эпоху реформ Александра II.

Александр II

С именем Александра II (1818-1881) связано освобождение от крепостного права, почему он и назван был Освободителем. Однако в равной степени с именем этого императора связаны и все другие реформы 1860-1870 гг. Трагическая гибель царя от взрывов, организованных народовольцами, чисто психологически вызывала (и вызывает до сих пор) чувство сострадания к нему, невольно возвышающее образ этого монарха. Не удивительно, что у людей сложилось представление об Александре II как о просвещенном, добром и либеральном царе. Способствовали этому и некоторые исторические параллели с Александром I: те же надежды общества и тот же либеральный курс, причем этот курс, хотя и со значительными отступлениями, проводился в течение всего царствования и имел огромные реальные результаты; та же личная привлекательность; тот же интерес к внешнеполитическим проблемам. Да и главный воспитатель наследника Александра Николаевича - поэт В. А. Жуковский - неотделим от «дней александровых прекрасного начала». Поэт стремился воспитать наследника на возвышенных идеалах, как когда-то это делал Лагарп, обучая Александра Павловича. Законоведение же будущему царю преподавал М. М. Сперанский - когда-то ближайший сотрудник Александра I в самый первый и наиболее либеральный период его царствования. Наконец, сближала двух Александров и внешняя привлекательность. Александр II тоже был высок, с приятными чертами лица, выгодно отличался от отца отсутствием суровости и недоступной величественности.

Кажется, что сопоставлений и совпадений достаточно, что-

бы характеризовать Александра II как либерального императора. Однако, на самом деле все обстояло сложнее. Во всяком случае, нельзя сказать, что в мировоззрении Александра II либеральное начало оказалось сильнее консервативного. Пожалуй, наоборот. И «виноват» в этом Николай I.

Когда Александр II вступил на престол в 1855 году, ему было 37 лет. Это был уже полностью сформировавшийся, зрелый человек, имевший к тому же и опыт государственной деятельности. Отметим, что Александр II вырос и возмужал в условиях николаевского царствования и был привержен многим принципам, исповедовавшимся его отцом. Николай I серьезно подошел к образованию своего первенца-наследника. В.А. Жуковский разработал целую программу - «План учения», рассчитанный на 12 лет. Цель была высокая - «образование для добродетели». Будущий царь должен был стать царем просвещенным. Религиозным воспитанием наследника занимался известный тогда законоучитель Г.П. Павский. Воспитанию добрых чувств цесаревича способствовала и гуманная, доброжелательная и дружественная обстановка в царской семье.

В соответствии с планами В. А. Жуковского, главную воспитывающую роль должна была сыграть отечественная и мировая история, которую наследник искренне любил. Правовед же М.М. Сперанский пытался внушить великому князю: «Всякое право, а следовательно, и право самодержавное, потому есть право, поскольку оно основано на правде. Там, где кончается правда и начинается неправда, кончается право и начинается самовластие».

В общем же будущий царь - Александр II - получил хорошее и разностороннее образование. Но было в воспитании наследника одно направление, перечеркивавшее многое из того положительного, что пытался внести в его душу В. А. Жуковский. Николай I был уверен, что наследник должен стать военным человеком, иначе он «будет потерян в нынешнем веке». И Александр Николаевич усвоил военное дело, но в значительной мере - его лишь плац-парадную сторону. Историк А. А. Корнилов писал: «...он сделался не приверженцем идей своего воспитателя Жуков-

ского, хотя, может быть, он и получил от него общую склонность к добру, а совершенным сыном своего отца... он казался одним из убежденных почитателей Николая Павловича...» Оказалось так, что особенно консервативен Александр Николаевич был именно в отношении крепостного права, дворянских привилегий и интересов. Почему же он стал реформатором?

Обстоятельства были выше пристрастий царя. Жизнь заставила его встать на путь реформ. Кризис страны после Крымской войны был слишком силен. И вот именно положительные стороны его воспитания и образования позволили Александру II подняться на уровень понимания общенациональных задач и определили способность возглавить процесс реформ.

Александр II обладал рядом хороших человеческих качеств. Помимо того, что он был привязан к своим родным - родителям, братьям и сестрам - он отличался еще умом, веселым нравом, сердечностью и добротой, общительностью, был храбрым человеком. Окружавшие отмечали также хорошие манеры Александра, естественность поведения. Он любил и чувствовал природу.

Не встречается, однако, идеальных людей. Не был таковым и Александр. Не хватало ему усердия и усидчивости в учении, а позже - и в занятиях государственными делами. Склонен он был к лени, непостоянству, колебаниям, не любил и не хотел преодолевать трудности и препятствия. Сложность натуры, склонность к непостоянству и одновременно благородство царя своеобразно проявились в личной, семейной драме Александра II. Женат он был на дочери великого герцога гессенского Марии. У них было пятеро детей. С годами здоровье императрицы ухудшилось, а император не отличался супружеской верностью. Уже будучи 47-летним, он страстно влюбился в 17-летнюю княжну Екатерину Михайловну Долгорукую. Эта связь длилась до конца жизни Александра, хотя в какое-то время он хотел ее порвать. После смерти императрицы Марии Александровны между царем и Е.М. Долгорукой был заключен морганатический брак, после которого она получила титул светлейшей княгини Юрьевской. Этот же титул унаследовали и их дети.

Непостоянность, склонность к колебаниям и уступкам

сказывались и в государственных делах, обуславливая и отступления от либерального курса и возвращение к нему. Среди царской семьи либерализм был не в чести, и единственным последовательным либералом, «белой вороной» в ней был великий князь Константин Николаевич. Из сподвижников же выдающихся сановников-либералов надо отметить тех, с кем император осуществил серию великих реформ 1860-1870-х гг.: К.Д. Кавелин, Н.А. и Д.А. Милютины, Д.Ф. Самарин, Я.И. Ростовцев и др. Однако склонный к колебаниям царь мог опираться и на людей противоположной, консервативной ориентации, таких, как П.А. Шувалов, Д.А. Толстой, А.К. Тимашев. В конце царствования либеральный курс был связан с именами М.Т. Лорис-Меликова, Д.А. Милютина, А.А. Абазы, П.А. Валуева. Но все большую силу набирал К.П. Победоносцев, лидер консерваторов и воспитатель наследника-будущего царя Александра III.

Конечно, Александр II нередко колебался, был иногда нерешительным, при нем не раз были откаты от политики реформ (сейчас кое-кто из историков даже склонен считать, что приставка Вешатель к его фамилии подходит больше, чем Освободитель).

Несмотря ни на что, однако, с именем Александра II прочно и заслуженно связана «эпоха великих реформ» со всеми ее достижениями, противоречиями и незавершенностью.

Александр III

Подобно тому, как много сходства было в царствованиях Александра II и Александра I, многое перекликалось и в царствовании Александра III (1845-1894) с царствованием Николая I. Разница, правда, была весьма существенной: в первом случае либеральное начало превалировало над консервативным, во «втором случае - наоборот.

Как когда-то Николай, великий князь Александр Александрович не предназначался на роль императора, т. к. был вторым сыном в августейшей семье. Наследником он стал тогда, когда ему было уже 20 лет и в связи со смертью от чахотки старшего брата - Николая Александровича. Вот почему будущий царь

Александр III (как и в прошлом Николай) не получил такого же отличного образования, как его предшественники Александры I и II-й. Даже писал он не без ошибок.

Сближало по духу царствование Александра III и Николая II стремление сохранить существующий порядок, укрепить позиции дворянства, не допустить революции. Внутренняя политика обоих этих императоров носила консервативный, охранительский характер, не исключавший, однако, защиту интересов русского промышленного и торгового капитала. Да и воспитателем № 1 при Александре Александровиче был К. П. Победоносцев, начавший свою карьеру юриста и государственного деятеля при Николае I. Как и Николай I, Александр III был примерным семьянином, он не отличался приверженностью амурным делам, предпочитая им застолье с хорошей выпивкой.

После того, как Александр стал наследником, родителями были предприняты попытки пополнить его знания. Среди наставников цесаревича мы видим С. М. Соловьева, что способствовало удовлетворению его искреннего интереса к истории. И все же компенсировать недостаток образования не совсем удалось, тем более, что вскоре после смерти брата Александр женился на его невесте, датской принцессе Дагмаре, принявшей имя Марии Федоровны.

Александр III не любил шикарную придворную обстановку. Будучи прекрасным семьянином, он предпочитал ей довольно скромный домашний быт в неброском гатчинском дворце, вместо пышного Зимнего. Из привязанностей царя, кроме истории, можно отметить живопись, музыку, часто звучавшую в семейном царском кругу, охоту и особенно - рыбалку.

Те, кто знал Александра III близко, отмечали не очень высокий его интеллект, и в то же время - ряд хороших человеческих качеств. Вот что пишет, например, о царе С. Ю. Витте: «...император Александр III был совершенно обыденного ума, пожалуй, можно сказать, ниже среднего ума, ниже средних способностей и ниже среднего образования; по наружности -походил на большого русского мужика...; и тем не менее он своей наружностью, в которой отражался его громадный характер, прекрасное сердце, благодушие, справедливость и вместе с тем твердость, несом-

ненно импонировал...». В мощной фигуре Александра III отражалась и присутствовала самодержавная царственность. Физически он был чрезвычайно силен: ломал подковы, гнул серебряные рубли. Характер у него был спокойный, уравновешенный, очень твердый. Он редко испытывал колебания, и все же для государственного деятеля важнее ум и образованность, недостаток которых отмечает С. Ю. Витте - апологет самодержавия, заподозрить которого в искажении правды о царе очень трудно. Казалось бы, данных успешно руководить Россией у царя было не так много.

Имел, однако, Александр III одно необычное для русских монархов свойство: он не завидовал чужому уму, мог приближать к себе и ставить на важнейшие государственные посты талантливых, неординарных людей. Чего стоили одни только министры финансов - Н. Х. Бунге (с 1881 по 1886), И. А. Вышнеградский (с 1888 по 1892), С. Ю. Витте (с 1892 по 1903, а позднее - председатель Комитета министров). Однако ум приближенных царя мог работать в разные стороны. Если С. Ю. Витте, например, заботился о том, чтобы Россия быстрее подвигалась вперед по пути экономического прогресса и цивилизации, то К. П. Победоносцев (обер-прокурор Синода, которому в уме и образованности тоже не откажешь), наоборот, всеми силами боролся за сохранение и незыблемость консервативных порядков. Кстати сказать, воспитанник обер-прокурора Синода оказался достойным своего учителя: политический консерватизм был присущ ему в полной мере.

По сравнению с другими императорами Александр III не отличался гипертрофированным интересом к армии, стремился уберечь страну от войн. В течение его 13-летнего царствования Россия не участвовала ни в одной войне. Исключением был первый и последний при жизни этого царя военный эпизод - победа генерала А. В. Комарова над афганцами в сражении при р. Кушке (1885 г.).

Никто из императоров XIX века не отличался такой приверженностью ко всему русскому, как Александр III. Это проявилось и во внешнем облике: русская одежда, борода, заправленные в сапоги брюки. Подчеркнутая любовь к русскому началу сочеталась в нем с неприязнью к «иногородцам» - полякам, фин-

нам, евреям, армянам и представителям других национальностей. Стремление подчеркнуть все русское распространялось на экономическую политику, которая носила протекционистский характер, способствуя росту национальной промышленности и торговли. Не особенно церемонился Александр III на дипломатическом поле в отношениях с другими странами. Характерен такой эпизод. Однажды в Гатчине во время рыбной ловли дипломат одной из великих держав добивался срочного свидания с ним. После того, как об этом доложили Александру III, он ответил: «Когда русский царь удит рыбу, Европа может подождать».

Царствование Александра III было противоречивым: политический консерватизм сочетался с большими экономическими достижениями. Это было чревато потрясениями в будущем. Нельзя все же не отметить, что время этого царствования было одним из самых мирных и стабильных в истории России.

Кроме того, ряд мер правительства Александра III никак не вмещается в рамки «контрреформ». Огромный рост числа церковно-приходских школ, возникновение рабочего законодательства, создание Крестьянского банка, возникновение множества обществ, клубов и других объединений, достижения в области литературы, культуры и искусства и многое другое доказывают большие возможности, имевшиеся в стране в это время.

Николай II

Из всех императоров XIX века Николай II (1868-1918), вероятно, меньше всего соответствовал роли руководителя великой России. Личность его мало подходила для сложного времени рубежа XIX-XX вв., времени социальных, революционных и международных бурь.

Рост (1,7 м) и фигура Николая II были далеко не царственные и гораздо менее впечатляющие, чем у всех предшествующих императоров. Внешне он производил впечатление воспитанного человека, с хорошими манерами. Прекрасно говорил по-английски, также по-французски и по-немецки. Образование наследника предусматривало значительный объем военных наук и практики в гвардейских пол-

ках. Дослужившись до полковничьего чина, Николай II остался с ним навсегда. Некоторые склонны были видеть в этом скромность и неприязнательность царя. На самом же деле это объяснялось проще: по правилам царской семьи император оставался в том военном чине, который у него был в момент восшествия на престол.

Образование наследника имело одну особенность: профессора не имели права задавать ему вопросов и таким образом проверить степень усвоения знаний.

Военная струя в воспитании цесаревича была связана с хорошей физической подготовкой. Николай вместе с другими офицерами участвовал в пеших переходах с полной выкладкой по 10-15 верст. Занимался он также яхтой, велосипедом, стрельбой и скачками. Николай был физически крепок, подвижен, подтянут.

В результате такого образования и воспитания Николай II, по словам С. Ю. Витте, стоял «гораздо выше своего отца как по уму и способностям, так и по образованию». Тем не менее, тот же Витте отмечал, что «император Николай II по нашему времени обладает средним образованием гвардейского полковника хорошего семейства». Так что преувеличивать степень образованности последнего русского царя не следует. По природным данным Николай звезд с неба не хватал. Не было у него и той твердости характера, которой обладал его отец. Вот почему Николай II не мог ни выработать своей политики, ни обеспечить проведение какой-либо единой политической линии в течение длительного времени, за исключением одной: никакого ограничения самодержавия.

Интересную характеристику Николая дает его близкий родственник великий князь Александр Михайлович, оставивший интересную «Книгу воспоминаний». Хорошо знавший Николая с детства, Александр Михайлович с юмором отмечал, что познания его «сводились к разрозненным сведениям по разным отраслям, но без всякой возможности их применять в практической жизни», а «чудодейственная сила таинства во время Св. Коронавания способна была даровать будущему Российскому Самодержцу все необходимые познания». Вера в Божественное предрасположение была очень характерна для царя и лишала его активного начала и в жизни, и в политике. Усилиями К.П. Побе-

доносцева Николай усвоил боязнь и нежелание всех и всяческих нововведений. Предрасположенность к мистике убивала в нем стремление активно влиять на события. Незадолго до краха монархии он сказал Александру Михайловичу: «Я готов принять мою судьбу». Далее великий князь пишет: «Никакие предостережения не имели на него действия. Он шел к пропасти, полагая, что такова воля Бога». Это проявилось уже в самом начале царствования Николая II, когда он не изменил распорядка коронационных праздников, несмотря на Ходынскую трагедию.

При работе с документами, которых было, конечно, множество, Николай II не пользовался услугами секретарей. Он лично прочитывал все бумаги. Однако, обеспечить твердую, выверенную политику, соответствующую даже нуждам самой монархии, Николай II не мог. Тем более, что различные влияния других людей (а их было множество) часто отражались на конкретных распоряжениях, иногда противоречивших друг другу.

Женат Николай был на принцессе Алисе Гессен-Дармштадской, получившей после принятия православия имя Александры Федоровны. Отношения в семье были очень теплые. У царской четы родилось 4 дочери и 1 сын - последний ребенок, царевич Алексей, оказавшийся больным гемофилией. Это было несчастье, тяжело отразившееся на обстановке в семье и на государственных делах. У императрицы до религиозной истеричности развились и без того присущие ей мистические настроения. Сближение царской четы с Распутиным из-за того, что тот мог облегчить положение больного наследника Алексея, усиливало напряженность в обществе и стране и внесло весомый вклад в растущий кризис власти, усиленный последствиями империалистической войны.

В частной жизни Николай II был добрым, мягким человеком. Как писал великий князь Алексей Михайлович, царь «обладал всеми качествами, которые были ценны для простого гражданина... Он благоговел перед памятью отца, был идеальным семьянином, верил в незыблемость данной им присяги и прилагал все усилия, чтобы остаться честным, обходительным и доступным со всеми до последних дней своего царствования. Не

его вина была в том, что рок превращал его хорошие качества в смертельное орудие разрушения. Он никогда не мог понять, что правитель страны должен подавить в себе чисто человеческие чувства...»

Говоря о «смертельном орудии разрушения», великий князь имел в виду прежде всего гибель самодержавия. Следует отметить, что для народа дело было не столько в судьбе монархии, сколько в судьбе страны. Николай II оказался не способным действовать именно в интересах всего государства и поступиться частью прерогатив самодержца ради сохранения монархии как таковой. Этим в конечном счете он подписал смертный приговор не только себе и семье, но и институту самодержавия в целом.

Первые годы Николай II находился на троне, пользуясь инерцией предыдущего царствования. Катаклизмов же начала XX в. ни самодержавие, ни самодержец не выдержали.

* * *

Самодержавие в XIX веке получило теоретическое обоснование и идеологическую базу. Незыблемость и необходимость самодержавия, как естественной и благотворной для народа формы государственной власти, доказывал Н. М. Карамзин, делая упор на патриархальный - «отеческий» - тип правления императора. Он характеризует его как надклассовый институт, обеспечивающий движение страны вперед. Само по себе самодержавие - не есть что-то косное и неизменное. Оно делается более мягким, «разумным», представляя из себя вариант просвещенного абсолютизма. Поскольку же реальная жизнь не всегда подтверждала этот идеальный образ самодержавия, Н. М. Карамзин фактически намекал императору на необходимость стремиться к идеалу. Монарх должен быть связан законом Божиим и совестью с нравственными требованиями, которые веками складывались и превратились в прочные и глубокие традиции. Он должен властвовать добродетельно в соответствии с этими традициями: «Да приучит подданных ко благу! Тогда родятся обычаи спасительные; правила, мысли народные, которые лучше всех бранных форм удержат будущих государей в пределах законной власти. Чем? Страхом возбудить всеобщую ненависть в случае противной системы царство-

вания. Тиран может иногда безопасно господствовать после тирана, но после государя мудрого никогда!» Н.М. Карамзин был сторонником гуманного абсолютизма и считал, что в рамках самодержавия можно обосновать и укрепить государственный строй.

Многое из карамзинских идей было воспринято сторонниками «теории официальной народности», которая стала идеологическим обоснованием самодержавия. Ее разработал граф С.С. Уваров, министр народного просвещения, профессора М.П. Погодин, С.П. Шевырев, литераторы Ф.В. Булгарин, Н.И. Греч, О.И. Сенковский. Теория эта покоилась на утверждении, что для русского народа естественным, органичным является взгляд на мир через призму православия и веры в царя-батюшку. Этому способствуют укоренившиеся патриархальные традиции в жизни русских людей. Исторически сложилось так, что самодержавие стало своеобразной формой общественного сознания, без которой русский человек был немыслим. Теория эта держалась на трех китах: православие, самодержавие, народность - и отражала особенности русского мировоззрения. Многие из этой теории разделяли и славянофилы, подчеркивая своеобразие исторического пути России по сравнению с Западом. Следует сказать, что не совсем правомерен господствовавший до недавнего времени взгляд о том, что эта теория лишь извращала историческую правду в угоду реакции Николая I. Многие в этой теории отражали действительные черты русских людей. Особенно надо отметить единство веры в Бога и царя, единство населения с верховной властью, его покорную исполнительность. Это не исключало в то же время и ненависти к чиновничеству, и недостатков, связанных со светской ролью духовенства, и социальной напряженности между крестьянами и помещиками. Вера же в царя не была «иллюзией». Через много десятилетий эта вера привела к трагической для страны вере в «вождя», в которую трансформировались монархические черты сознания народа.

Во второй половине XIX в. крупнейшими идеологами, публицистами - защитниками и апологетами самодержавия были такие деятели, как М.Н. Катков, издатель журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости», известный нам уже К.П. Победоносцев, писатель и философ К.Н. Леонтьев, видней-

ший народоволец, перешедший на позиции ортодоксального монархизма, Л.А. Тихомиров. Они отстаивали незыблемость самодержавия, государственного и политического строя России, привилегий дворянства, всячески сопротивлялись усилению либеральных, а тем более революционных идей*. Следует заметить, что тот идеал самодержавия, который присутствовал у идеологов монархии, не соответствовал действительности. Живые, земные монархи не соответствовали тому эталону, на который указывали эти выдающиеся ученые и публицисты России.

Источники и литература

- Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. - СПб, 2001.
- Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний. - М., 1991.
- Барятинский В.В.* Царственный мистик (Император Александр I - Федор Кузьмич). - Л., 1990.
- Бежин Леонид.* Усыпальница без праха. Александр I - старец Федор Кузьмич: Повесть // Досье. - 1992. - № 2.
- Валлотон А.* Александр I. - М., 1992.
- Василич Г.* Император Александр I и старец Федор Кузьмич. - М., 1991.
- Витте С.Ю.* Воспоминания. - Тт. I-III. - Таллинн - М., 1994.
- Власть и реформы. От самодержавия к советской России. - СПб, 1996.
- Высочков Л.В.* Император Николай I: человек и государь. - СПб, 2001.
- Гершензон Михаил.* Николай I и его эпоха. - М., 2001.
- Дом Романовых в истории России. - СПб, 1995.
- Захарова Л.Г.* Александр II // Вопросы истории. - 1992. - № 6-7.
- Капустина Т.А.* Николай I // Вопросы истории. - 1993. - № 11-12.
- Карамзин Н.М.* Записки о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. - М., 1991.
- Касвинов М.К.* Двадцать три ступени вниз. Изд. 2-е, испр. - М., 1987.
- Ключевский В.О.* Соч.: в 9-ти томах. - Т. 5. Курс русской истории. - Ч. V. - М., 1989.
- Коржихина Т.П., Сенин А.С.* История российской государственности. - М., 1995.
- Корнилов А.* Курс истории России XIX века. - Ч. I-III. - М., 1918.
- Кудряшов К.В.* Александр I и тайна Федора Кузьмича. Петербург, 1923. - Репр. изд. - М., 1990.
- Леонтович В.В.* История либерализма в России. 1762-1914. - Париж, 1980.

---

*Более подробно об этом см.: раздел II, § 8.

- Палеолог М.* Роман императора. Император Александр и княжна Юрьевская. - М., 1990.
- 1857-1861. Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем: Дневник Великого Князя Константина Николаевича. - М., 1994.
- Пресняков А.Е.* Российские самодержцы. - М., 1990.
- Рахматуллин М.А.* Император Николай I и семьи декабристов // Отечественная история. - 1995. - № 6.
- Розанов А.* Неизвестный император. Царь Александр II и его время // Российские вести. - 1991. - № 32.
- Российские самодержцы. 1801-1917. - М., 1994.
- Русские цари. 1547-1917. Ростов-на-Дону - М., 1997.
- Сергей Михайлович Соловьев.* Император Александр I: Политика, дипломатия. - М., 1995.
- Солоневич Иван.* Народная монархия. - М., 1998.
- Тальберг Николай.* Очерки истории Императорской России от Николая I до Царя-Мученика (Общество, политика, философия, культура). - М., 1995.
- Троицкий Н.А.* Александр I и Наполеон. - М., 1994.
- Трубецкой Алексей.* Александр I. - М., 2003.
- Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров: Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II. - М., 1990.
- Ульянов Николай.* Александр I - император, актер, человек // Родина. - 1992. - № 6-7.
- Чернуха В.Г.* Александр III // Вопросы истории. - 1992. - № 11-12.
- Чулков Георгий.* Императоры: Психологические портреты. - М., 1991.

3. Об ошибках, пробелах и искажениях в освещении истории Отечественной войны 1812 года

Недостатки в исследовании истории войны 1812 года связаны с тем, что многие авторы вольно или невольно приукрашивали все, что касалось действий русской стороны и, наоборот, стремились как можно отрицательнее характеризовать действия Наполеона и его армии. Таким образом были допущены серьезные перекосы в изложении и оценке событий 1812 года. К сожа-

лению, ложно понятый патриотизм, с одной стороны, и идеологические установки тоталитарного режима - с другой, подвигали историков на умалчивание или искажение правды. К еще большему сожалению, многочисленные ошибки и извращения в описании войны нашли прочное место в школьных и вузовских учебниках. И лишь в последние годы правда о войне 1812 года начинает восстанавливаться. Учебники тоже стали ближе к истине в некоторых частностях, но до восстановления верной картины войны еще далеко.

При освещении подготовки Франции и России к войне как до-революционной, так и послереволюционной историография принимала агрессивность русской стороны. Между тем, в русских правительственных и высших военных кругах рассматривались варианты наступательной войны - вторжение в Польшу. Враждебность Наполеону была преобладающим настроением в русском обществе, так же как и личная враждебность французскому императору со стороны Александра I с тех пор, как в ответ на ноту протеста России из-за убийства герцога Энгиенского в 1804 Наполеон напомнил Александру о фактическом участии его в заговоре против отца - Павла I. После Тильзитского мира Наполеон не был заинтересован воевать с Россией, наоборот, он хотел сохранить дружественные или даже союзные отношения между двумя странами, ибо это давало ему возможность сосредоточить свои силы для утверждения господства в Европе и борьбы с Англией. Ни со стратегической, ни с политической точек зрения воевать с Россией Наполеону после Тильзита было невыгодно. Не случайно Россия в конечном счете в результате Тильзитского мира получила больше преимуществ, чем Франция, хотя и имела ощутимые потери из-за сокращения русско-английской торговли вследствие навязанного ей присоединения к Континентальной блокаде. Захватнические устремления Александра I нашли удовлетворение в ряде территориальных присоединений, в том числе - Финляндии в 1809 году. Но это удовлетворение было неполным до тех пор, пока существовало герцогство Варшавское - враждебный России сателлит Франции. Безусловно, все это не оправдывает Наполеона и не меняет агрессивного содержания его политики, приведшей к войне 1812 года, но позволяет более объективно оценить предысторию войны. Несправедливо обвинение Наполеона в том, что он

мечтал о расчленении России, полном ее порабощении и передаче ее территории Пруссии, Австрии и Варшавскому герцогству. Усиливать эти страны Наполеону было ни к чему, а вот использовать силы и средства России, сохранив ее в качестве подчиненного партнера в походе на Индию для ослабления Англии, было гораздо выгоднее.

Изменены теперь и оценки военно-стратегического потенциала России, который не только не уступал, но и превосходил французский. Русская армия располагала в несколько раз большими, чем у французов, запасами вооружений (порох, снаряды, патроны), провианта и фуража. Русская промышленность производила в год 163 тыс. тонн чугуна (французская - 99 тыс. тонн) и 176 тыс. ружей (французская - 120 тыс.).

Возвращается историческая правда о планировании войны, ее ходе. Сразу же надо сказать, что ни о какой внезапности и вероломстве Наполеона не может идти речи. Утверждение о том, что Наполеон начал войну без объявления России, неверно. Во-первых, 4(16) июня 1812 г. министр иностранных дел герцог де Бассано подписал ноту о разрыве дипломатических отношений с Россией, уведомив об этом правительства европейских государств. Во-вторых, 10(22) июня посол Франции Ж.-Д. Лористон обратился в российское министерство иностранных дел и затребовал свои паспорта. В ноте он писал: «...моя миссия окончилась, поскольку просьба К. Н. Куракина (посол в Париже - Е. И.) о выдаче ему паспортов означала разрыв, и его императорское и королевское величество с этого времени считает себя в состоянии войны с Россией». В-третьих, Александр I и военный министр Барклай де Толли были прекрасно осведомлены о военных приготовлениях Наполеона через полковника А. И. Чернышева - военного агента (по-современному - атташе), отлично наладившего шпионаж. Вплоть до февраля 1812 года, когда А. И. Чернышев покинул Париж, он получал секретные дипломатические и военные данные из разных источников, в том числе из военного министерства. Были и другие каналы, по которым русское руководство получало информацию о действиях и приготовлениях Наполеона.

Что касается планов Наполеона, то здесь исправлено мне-

ние как о том, что французский император рассчитывал на молниеносную войну путем приграничного сражения (одним ударом), так и о том, что Наполеон заранее планировал поход на Москву.

В самом деле, одним ударом разгромить четыре армии, находившихся на значительном удалении друг от друга, было невозможно. Анализ первых дней войны показывает, что Наполеон двигался очень осторожно, т. к. все время ждал контрудара русской армии. Постоянное отступление русских было для Наполеона и неожиданным, и нежелательным. Он рассчитывал на генеральное сражение, а оно постоянно отодвигалось. Длительное, стратегическое отступление русских войск нарушило надежды Наполеона на относительно быстрый (но не молниеносный) успех в войне, однако отказать от преследования он уже не мог. Не мог он и растягивать войну еще на год, хотя и думал об этом. Вот почему, уже находясь в Смоленске, он принял решение идти на Москву. До этого момента подобных планов у Наполеона не было.

События первых дней и недель войны связаны во многом с соотношением сил сторон. До недавнего времени оно слишком с большим креном оценивалось в пользу Наполеона. Так, общая численность вооруженных сил Франции оценена в 1 млн. 200 тыс. человек, а общая численность войск России в учебниках не указывалась. На самом деле они составили тоже внушительную цифру - 975 тыс. человек. Более половины своих вооруженных сил Наполеон направил против России. Но в первом эшелоне войск, вступивших в Россию, было около 450 тыс. чел. Еще 200 тыс. Наполеон ввел в Россию позже, когда война уже шла.

Численность русских армий, противостоящих Наполеону в начале войны, в учебниках определяется в 200-220 тыс. чел. На самом деле численность всех армий и резервных корпусов в западных губерниях достигала 320 тыс. Таким образом, наполеоновская армия превосходила русскую не втрое, как утверждается в учебниках. Однако, на главном направлении, где шел сам Наполеон с 300 тыс. солдат, действительно соотношение было более разительным, т. к. в 1-й армии Барклая де Толли насчитывалось 120 тыс. войск. Это преимущество Наполеона постоянно таяло, и уже к Бородинскому сражению оно исчезло.

Вольное обращение историков с цифрами и в других случаях приводило к искажению истины. Например, потери при обороне Смоленска определялись в 20 тыс. со стороны французов и 10 тыс. русских. На самом деле французы потеряли чуть более 14 тыс., а русские - более 11,6 тыс.

Соотношение сил при Бородине и потери с обеих сторон -еще одна грань истории войны 1812 г., постоянно искажавшаяся историками. Если силы французов показывались правильно - 135 тыс. войск и 589 орудий, то численность русских войск занижалась. На самом же деле общее число их в день Бородинского сражения составляло 154 тыс. человек при 624 орудиях. Из них 114 тыс. - это регулярные войска, 9 тыс. казаков и 31,7 тыс. ополченцев. Что же касается потерь при Бородине, то новейшие данные сводят их к 42 тыс. убитых и раненых со стороны русских и 30 тыс. - со стороны французов. Далеко не так категорично решается и вопрос о том, кто же одержал победу у Бородина. Кто-то говорит о ничьей, кто-то - о победе Кутузова, но есть и мнение, давно высказанное на Западе (в том числе - Ф. Энгельсом), о победе Наполеона. О победе русской армии вроде бы нельзя говорить, потому, что Кутузов не решил задачи защитить и не допустить французов в Москву. Но ведь и Наполеон не достиг главного -разгрома русской армии. Занятие же Москвы не привело к желанной для Наполеона цели - заключить мир с Россией.

Среди аргументов, приводимых некоторыми историками к пользу того, что Бородино оказалось победой России, есть и то, что французские войска оставили завоеванные на Бородинском поле позиции. Это не совсем так. Впрочем, вряд ли может такой аргумент быть решающим в споре о результатах боя. Французы сохранили за собой село Бородино и деревню Семеновскую, флеш и Курганную высоту. Войска Наполеона были отведены к воде - р. Колоче и Семеновскому ручью, к запасам и лазаретам, но захваченные в ходе боя пункты были прикрыты заслонами, которые одновременно наблюдали за русской армией. Да и ночевать на поле боя вместе с убитыми и стонавшими ранеными было не с руки.

Сейчас историки смелее говорят об ошибках и просчетах русского командования. Почему, например, оно допустило остав-

ление в Москве большого количества оружия (156 орудий, около 75 тыс. ружей, более 7 тыс. карабинов, мушкетов и штуцеров)? Тот же вопрос возникает в связи с гибелью многих тысяч русских раненых, оставленных в сгоревшей Москве. Почему генерал-губернатор Москвы Ф.В. Ростопчин хотел еще до прихода в Москву врага сжечь город, приказав вывести из него все противопожарные средства, но не побеспокоился своевременно о том же московском арсенале и судьбе тех же раненых, обрекая их на явную гибель? Отметим, ради справедливости, что в те времена раненые оставлялись на попечение противника: это была обычная тогда практика (поэтому несправедливо утверждение о том, что М. И. Кутузов не позаботился о раненых в Можайске, например). Тем не менее в пылающем городе и противник не помог бы. Кстати сказать, современные исследования склонны объяснять пожар Москвы именно сознательным актом русских по уничтожению города. Правда, Ф. В. Ростопчин настаивал на сожжении Москвы до прихода туда французов, а дальновидный М. И. Кутузов предпочел, чтобы это было сделано после того, как французы втянулись в Москву, и был более прав. Хотя в пожаре виноваты, конечно, французы, потому что они были завоеватели и никто их в Москву не приглашал, но обвинять их в том, что они преднамеренно сожгли город, который только что заняли и в котором им более или менее длительное время предстояло жить, нелогично. Понятнее, когда неприятель сжигает покидаемый, а не занимаемый город. Но и то, что отдельные дома могли сгореть от врага, тоже не вызывает сомнений.

Постоянно занижая численность русских войск на первых этапах войны и уменьшая их потери, многие авторы приводили завышенные сведения о численности русской армии на конец войны (240 тыс., хотя Кутузов вел не более 120 тыс.) и уж совсем нереальную цифру потерь за всю войну - 2 млн. человек.

Много предвзятого было и в оценке деятельности конкретных лиц. М.И. Кутузов со времен Сталина изображался полководцем на две головы выше Наполеона, хотя военный талант французского императора никак не уступал кутузовскому. Замалчивались негативные стороны деятельности М.И. Кутузова. Ведь русский фельдмаршал был человеком своего времени, весьма искусным царедворцем, который не мог всерьез противодействовать царю. Сейчас, однако, нужно объективно показать траге-

дию этого человека, который постоянно должен был оглядываться на императора и который выработал план уничтожения врага восточнее Днепра, но вынужден был осуществлять план Александра I, предусматривавший окончательный разгром Наполеона у Березины. Ведь царь, минуя Кутузова, разрешал независимые от главнокомандующего действия другим командующим (Чичагову, например, что нарушало необходимый в армии вообще, а тем более в воюющей армии принцип единоначалия).

Пора поставить точку и в обвинениях М.И. Кутузова относительно того, что он не пленил Наполеона. Очевидно, М.И. Кутузов и не собирался этого делать. Наполеона он сознательно выпустил из России, чтобы тот мог продолжить борьбу, тяжесть которой пала бы уже не столько на плечи России, сколько Англии, Австрии и Пруссии.

До сих пор замалчиваются действия и подвиги многих генералов 1812 г. в угоду прежним схемам и догмам. В большинстве школьных учебников, например, среди защитников Смоленска указываются Д. С. Дохтуров, И. Н. Раевский и Д. П. Неверовский, но не говорится о П. П. Коновницине, прославившемся и в этом, и во многих других эпизодах войны. Заслуги в партизанской войне приписаны лишь М. И. Кутузову, Д. В. Давыдову и ряду других офицеров, но не упомянуто даже имя генерала Ф. Ф. Винценгероде - командира первого армейского партизанского отряда, созданного по инициативе М. Б. Барклая де Толли.

Сейчас всерьез начинает восстанавливаться справедливость по отношению к М. Б. Барклаю де Толли, одному из лучших полководцев русской армии, талантливо и достойно осуществившему отступление до Царева-Займища, куда прибыл М. И. Кутузов в качестве главнокомандующего. Исправлена и другая ошибка - слишком завышенная оценка рейда конницы Ф. П. Уварова и казаков М. И. Платова в день Бородинского сражения. Ведь только эти два генерала не были награждены за участие в сражении, т. к. они не смогли нанести серьезный удар по левому флангу Наполеона, на что очень рассчитывал М. И. Кутузов.

Говоря о последствиях войны, особенно следует подчеркнуть, что продолжившие ее заграничные походы 1813-1814 гг. не

соответствовали интересам и нуждам России. Против них был М.И. Кутузов, называя поход на Париж антирусским. Это, конечно, не оставило Александра I, который ради личных амбиций и славы нового Агамемнона заставил гибнуть русских солдат и офицеров на полях Европы. Прав, очевидно, был историк Н. Ульянов, когда писал: «Национальная выгода подменялась личной прихотью государя, а здравый смысл - тщеславием... участие в европейских делах не имело под собой рационального основания».

Все, сказанное выше, не меняет главного - величия победы России над наполеоновской Францией. Наоборот. Что дает, например, пренебрежение военным гением Наполеона по сравнению с Кутузовым? Оно только принижает величие победы России над сильным врагом.

Мы указали лишь некоторые, наиболее вопиющие недостатки в освещении Отечественной войны 1812 года в школьных и вузовских учебниках. Восстановление исторической правды о ней уже начато.

Литература

- Абалихин Б.С.* Контрнаступление русских войск в 1812 году: Планы и их реализация (к 175-летию Отечественной войны 1812 г.) // История СССР. - 1987. - № 4.
- Абалихин Б.С., Дунаевский В.А.* 1812 год на перекрестках мнений советских историков 1917-1987. - М., 1990.
- Аннинский Л.* Полководцы // Родина. - 1997. - № 16.
- Безотосный В.М.* Атаман Платов в 1812 году // Вопросы истории. - 1997. - № 10.
- Васильев А.А.* Русские соединенные армии при Бородине 24-26 августа 1812 г. // Библиотека Военно-исторической комиссии. - Вып. 67. - М., 1990.
- Родина.* Отечественная война 1812 года (неизвестные страницы). - 1992. - № 6-7.
- Тартаковский А.Г.* Неразгаданный Барклай: Легенды и быль 1812 года. - М., 1996.
- Троицкий Н.А.* 1812. Великий год России. - М., 1988.
- Фатьянов А.* «Золотой мост» // Историческая газета. - 1997, - № 9.
- Шведов С.В.* Комплектование, численность и потери русской армии в 1812 году (к 175-летию Отечественной войны 1812 г.) // История СССР. - 1987. - № 4.

Его же. О запасах военного имущества в Москве в 1812 г. // Советские архивы. - 1987. - № 6.

4. Содержание, движущие силы и этапы освободительного движения в XIX веке

Одной из самых укоренившихся догм в исторической науке была ленинская периодизация освободительного движения. Десять лет поколения советских людей воспринимали ленинскую схему, характеризующуюся прежде всего двумя тезисами: 1) освободительное движение - это революционное движение; 2) оно проходит три этапа - дворянский (1825-1861 гг.), разночинский (1861-1895 гг.) и пролетарский (1895-1917 гг.) в соответствии с основными движущими силами, давшими и название этим этапам.

Чтобы убедиться в ограниченности такой трактовки освободительного движения, нужно определить, что такое освободительное движение, каковы его задачи и цели, и выяснить, кто же боролся за их осуществление.

В. О. Ключевский говорил, что содержание внутренней политики России с начала XIX в. составили два основных стремления: «это уравнивание сословий перед законом и введение их в совместную дружную государственную деятельность». Осуществление этих задач требовало, к свою очередь, осуществления ряда необходимых для этого мер: кодификация и приведение в соответствие с требованиями времени законов; подъем уровня образования русских людей; необходимость управлять общественным мнением; устройство государственного хозяйства и финансов.

Наибольшим злом в стране было, конечно, крепостное право, без ликвидации которого ни о каких других свободах не могло быть и речи.

Отметим и еще одну задачу, о которой в полный голос не могли в XIX веке говорить историки, но которая подразумевалась сама собой: ограничение самодержавия. Выполнение, этой задачи мыслилось в рамках создания конституционного строя, стержнем которого должна быть система выборных законодательных органов и введения в жизнь принципа разделения властей: законодательной, исполнительной и судебной.

Само собой разумеется, что население России должно было получить все необходимые человеку свободы: свободу слова, печати, собраний, совести, вероисповедания и т.д. Конечной целью было достижение гражданских, экономических и политических свобод в России, создание гражданского общества и правового государства. Важно было освободить церковь от выполнения не свойственных ей функций одного из органов государственного аппарата, в который она превратилась со времен Петра I, и повысить ее роль как основного нравственного стержня и духовного воспитателя русских людей.

Вот круг тех задач, которые должны были быть решены, чтобы Россия стала свободной страной и обеспечила бы себе условия для расцвета экономики и культуры.

На пути достижения этих целей стояли мощные силы: консервативное в массе своей дворянство, эгоистически не желавшее лишаться всех своих привилегий и, конечно, земли и полностью подчиненных ему крестьян. На страже интересов дворянства стоял государственный аппарат, руководимый несколькими тысячами высших чиновников и военных (генералитет), прочно связанных между собой узами кастовых интересов, родством и дружескими связями, стремлением сохранить свою власть и обладавших значительными материальными средствами и армией. Как уже отмечалось, это была та сила, с которой не мог не считаться ни один император, несмотря на его, казалось бы, неограниченную власть. Именно эта сила была основным препятствием на пути прогрессивного развития страны.

В меньшей мере «виноваты» в сохранении крепостного права цари. Мало того, в XIX в. самодержавие было тем институтом, который предпринимал попытки изменения положения дел. Прав Н. Я. Эйдельман, когда пишет: «Не получились же у Николая (I - Е. И.) реформы прежде всего из-за сильного и все нарастающего эгоистического, звериного сопротивления аппарата высшей бюрократии, дворянства. Умело, мастерски они топили все сколько-нибудь важные антикрепостнические проекты...».

Без согласия императора говорить хотя бы об облегчении положения крестьян, а тем более об отмене крепостного права

было нельзя. Таким образом, император уже в силу своего положения был вольным или невольным участником освободительного процесса, если говорить об отмене крепостного права - неперемennого условия достижения в будущем равенства всех сословий перед законом. Царь должен был выбирать между мерами, способствовавшими или сдержавшими освободительный процесс. Вспомним, что даже А. А. Аракчеев по распоряжению Александра I составил один из проектов освобождения крестьян!

Значительную роль в освобождении крестьян и в достижении гражданских и политических свобод предстояло сыграть наиболее передовым представителям либеральной бюрократии. Выдающееся место среди них в первой половине-XIX в. принадлежало М. М. Сперанскому. Можно назвать также Н. С. Мордвинова, П. Д. Киселева, Л. А. Перовского, целую группу сановников, непосредственно подготовивших крестьянскую и другие реформы 1860-1870-х годов: Я. И. Ростовцева, Н. А. и Д. А. Милютиных, К. Д. Кавелина, Ю. Ф. Самарина, А. П. Заблотского-Десятовского и др. К ним примыкали по взглядам и формировали в либеральном направлении общественное мнение, а иногда и действовали в государственном аппарате выдающиеся общественные деятели, писатели и ученые: В. И. Даль, М. Е. Салтыков-Щедрин, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, П. И. Мельников (Печерский), Н. А. Серно-Соловьевич и т. д.

Либералы отражали интересы меньшей, но прогрессивной части дворянства. Заинтересованы были в реформах набиравшие силу буржуазные слои. Объективно реформы были нужны и крестьянству, и работным людям.

Участником освободительного движения была и та часть общества, которую составляло революционное, революционно-демократическое направление в общественно-политической жизни. Это наиболее решительная часть русской интеллигенции, непримиримо настроенная против самодержавия. Заметим, что долгие десятилетия роль и значение революционного движения в жизни дореволюционной России преувеличивались в ущерб другим направлениям общественно-политического движения - особенно либеральному. Между тем, революционное движение не только содейство-

вало, но и тормозило освободительный процесс, когда дело доходило до крови, ибо вызывало и оправдывало реакцию.

Что же касается периодизации освободительного движения, то, исходя из сказанного выше, ленинский подход к ней не представляется единственно возможным. Грани трех его этапов хронологически В. И. Лениным определялись как примерные, приблизительные. Кроме того, В. И. Ленин рассматривал освободительное движение преимущественно как революционное. Характерный для исторической науки советского времени догматизм превратил ленинские высказывания в незыблемую схему. И в этом сам В. И. Ленин был меньше «виноват», чем его толкователи.

Если учесть, что в освободительном процессе участвовал весь спектр передовых сил, то вряд ли гранью его может быть 1825 год - год восстания декабристов, тем более, что с разгромом восстания и само движение декабристов исчезло с исторической сцены. Можно ли в таком случае начинать историю освободительного движения с разгрома основной его силы - декабристов? Логичнее начать ее с определения хронологической грани тех изменений в общественно-политической жизни, которые привели к восстанию декабристов и которые объясняют продолжение освободительного движения после разгрома этого восстания. Важно здесь отметить, что и деятельность декабристов никак нельзя ограничить только революционными рамками. Не случайно в дореволюционной историографии декабристов считали либералами по преимуществу. Их движение включало в себя самый широкий круг взглядов и воззрений, из которых потом развились различные направления общественной жизни: от либерально-бюрократических до социалистических. Конечные цели декабристов во многом совпадали с тем, о чем говорил и сам Александр I, и М. М. Сперанский, и другие их современники, а также последователи - ликвидация крепостного права и введение конституционного строя.

По всей видимости, освободительное движение надо считать прямым продолжением просветительства. Качественное отличие здесь в том, что передовые взгляды из области идей переходят в практические попытки изменить основы государствен-

ной, экономической и общественной жизни. Такие попытки имели место в России после Отечественной войны 1812 года и заграничных походов. Вспомним слова А. И. Герцена: «Подлинную историю России открывает собой лишь 1812 год; все, что было до того, - только предисловие».

Именно тогда, в 1814 г., возникают легальные, полулегальные и нелегальные объединения, ставившие перед собой задачу преобразования России. В это же время и правительство во главе с Александром I пытается сдвинуть с мертвой точки вопросы о введении конституции и подготовке крестьянской реформы. Можно в связи с этим вспомнить польскую конституцию и речь Александра I на открытии польского сейма в 1815 г., и разработку проектов отмены крепостного права. Безусловно, знакомство с Западом, приобщение к европейским порядкам в результате заграничных походов были сильным стимулом для передовых русских людей, которые с наступлением мира думают об изменении своей Родины.

Важнейшей задачей, без решения которой невозможно было преобразовать страну, была отмена крепостного права. Поэтому первый этап освободительного движения можно назвать антикрепостническим. И заканчивается он во время подготовки и объявления крестьянской реформы (1855-1861 годы), открывшей эпоху великих реформы 1860-1870-х гг. В России коренным образом меняются основы жизни людей.

Название первого этапа освободительного движения - «антикрепостнический» - на наш взгляд, точнее отражает его содержание, чем «дворянский». Участники движения пытались решить общенародные проблемы, а большинство дворян в это время отстаивало лишь свои привилегии и незыблемость крепостнических порядков. Кроме того, движущие силы освободительного движения не ограничивались только дворянами.

Название второго этапа - «разночинский» - вызывает еще больше вопросов и сомнений. Именно с ортодоксально-классовой точки зрения такое название вряд ли правомерно, ибо понятие «разночинец» объединяло в себе представителей самых различных классов и социальных групп от аристократии (С. Перов-

ская, П. Кропоткин) до рабочих (С. Халтурин, Д. Рогачев). Другое название этого этапа - «революционно-демократический» - сужает его содержание и движущие силы, ибо кроме революционеров за преобразование России боролись многие представители иных направлений общественной жизни. С точки зрения целей этот этап предпочтительнее назвать этапом борьбы за расширение сферы экономических, гражданских и политических свобод. В результате реформ 1860-1870-х годов эта сфера, безусловно, расширилась. Но до подлинной свободы было еще далеко. Россия не имела и конституции. Кроме того, после убийства народовольцами Александра II 1 марта 1881 года наступает время политической реакции, затруднившее достижение стоявших перед освободительным движением целей. Однако борьба продолжалась, причем основную тяжесть ее вынесло на себе не разгромленное (хотя и не до конца) после 1 марта 1881 г. революционное народничество и зарождавшийся марксизм, а широкие слои либералов, в том числе тысячи земских деятелей.

Завершение второго этапа освободительного движения падает на время первой русской революции 1905-1907 гг., когда была закреплена многопартийность, возникла реальная, хотя и ограниченная свобода слова, действует Государственная дума и т. д. Несмотря на значительные достижения, освободительное движение не решило многих задач. По-прежнему стоит вопрос о введении конституции, о создании правового государства и многие другие. В начале XX века Россия сделала заметные достижения в области экономического развития, однако обостряется аграрный вопрос, остро стоят проблемы несоответствия между динамично развивающейся экономикой и консервативностью политической системы. Все это накаляет социальную обстановку. Беды страны достигают апогея в условиях первой мировой войны, что привело к революционным событиям в 1917 году. Они открыли эру гражданской войны, закончившуюся гибелью старой России. Очевидно, этот третий этап освободительного движения можно назвать этапом социальных и политических потрясений. Назвать его «пролетарским» нельзя, т. к. это сужает и классовое содержание этапа, и комплекс задач, стоявших перед Россией. Таким образом, предлагаемая нами периодизация освободительного движения выглядит следующим образом:

I этап - антикрепостнический: с 1814-1816 по 1855-1861 гг;

II этап - этап борьбы за расширение сферы гражданских и политических свобод: с 1861 по 1905-1907 гг;

III этап - этап социальных и политических потрясений как результат нерешенности задач освободительного движения: с 1907 по 1917-1920 гг.

Эта периодизация исходит не из классового подхода, а из реализации каких-то крупных исторических задач в поворотные моменты российской истории.

Источники и литература

Бестужев А.А. Об историческом ходе свободомыслия в России // «Их вечен с вольностью союз»: Литературная критика и публицистика декабристов. - М., 1983.

Бокова В. Публикация, вступительное слово и комментарии к письмам М. И. Муравьева-Апостола «Непостижима дерзость безумцев» // Родина. - 1991. - № 11-12.

Власть и реформы. От самодержавия - к советской России. - СПб, 1996.

Герцен А. О развитии революционных идей в России // Письма в будущее. - М., 1982.

Гришанова С. Десять тезисов о трех этапах // Родина. - 1991. - № 5.

Давыдов М.А. Оппозиция его величества. - М., 1994.

Левандовский А.А. Время Грановского. - М., 1990.

Ленин В.И. Роль сословий и классов в освободительном движении // Полное собрание сочинений. - Т. 23.

Ленин В.И. Из прошлого рабочей печати в России // Там же. Т.25.

Лунин М.С. Взгляд на русское тайное общество с 1816 до 1826 года // «Их вечен с вольностью союз»: Литературная критика и публицистика декабристов. - М., 1983.

Межова К.Г. Об источниках формирования вольнолюбивых идей декабристов // История СССР. - 1989. - № 5.

Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России. 1783-1883 гг. - М., 1986.

Политическая история: Россия - СССР - Российская Федерация. - Тт. I, II. - М., 1996.

Рабкина Я. А. К современному прочтению декабризма (Проблемы и тенденции) // История СССР. - 1988. - № 3.

Холмогорова Е. Декабрист Александр I // Знамя. - 1992. - № 8.

5. Декабристы

Обычно история революционного движения начиналась с декабристов и это, вероятно, правильно. Однако движение декабристов, как уже отмечалось выше, нельзя сводить только к революционности. По своему содержанию оно было гораздо шире. Здесь соединились различные взгляды, группы с разными идейными установками и интересами, по-разному понимавшими цели, задачи движения и пути их достижения. Права исследователь В. Бокова, когда пишет, что «при желании - и без малейших натяжек - от декабристов можно провести маршруты куда угодно: к земскому движению 1860-х годов, к славянофильству, к теории официальной народности, к партии «Народная свобода», к «русскому социализму», к «аристократическому конституционализму», к правонационалистическим теориям, к российской религиозной философии, к социалистам-революционерам и т. д. И лишь в общем ряду - к социал демократии, в том числе и большевизму». В движении декабристов был заложен целый веер направлений общественно-политической жизни от консервативных до ультрареволюционных.

Да и судьба декабристов говорит о том же. Из декабриста Я. И. Ростовцева вышел крупный представитель либеральной бюрократии, возглавивший подготовку крестьянской реформы. А вот М. Н. Муравьев стал генерал-губернатором, министром и жестоким усмирителем бунтов («вешатель»). Доживший до эпохи великих реформ либерал М. А. Назимов был членом дворянского губернского комитета, мировым посредником, а затем - первым председателем Псковского губернского земства.

Среди декабристов можно увидеть и масонов, и прямых предшественников славянофильства, западничества или теории официальной народности, представителей самых различных литературных и научных направлений.

Что же касается революционности декабристов и восстания, то здесь расширился спектр оценок. Если раньше восстание декабристов представлялось как событие, с безусловной законо-

мерностью вытекавшее из российской обстановки вследствие обострения классовых противоречий, то нынче высказывается мнение о том, что случайность и закономерность в событиях 14 декабря столь переплелись, что восстание могло и не состояться. Историк С. В. Мироненко, например, замечает: «Как ни странно может показаться на первый взгляд, восстание 14 декабря принадлежит к числу тех исторических событий, у которых шансов не быть было гораздо больше, чем состояться». Это подтверждается и неготовностью декабристов к решительным действиям, проявившейся в день восстания, и поведением С. Трубецкого, и рядом других обстоятельств. Но в то же время высказывается мысль о возможной победе восстания, например, в книге Я. Гордина «Мятеж реформаторов» (Лениздат, 1989). И все же мнение об обреченности восстания преобладает в трудах историков.

Не едины исследователи и в оценке возможностей военной победы в день восстания. Некоторые говорят, что контрреволюция все равно взяла бы верх, некоторые же склонны считать, что государственная машина стала бы работать на победителей. Известно, что еще Г. В. Плеханов говорил о предрешенности поражения восстания, опираясь на мнение некоторых декабристов. Но известна также и позиция А. И. Герцена, считавшего возможным иной исход событий: «Кто первый овладеет местом, тому и повинуется безмолвная машина с тою же силою и с тем же верноподданическим усердием». Подобные же рассуждения характерны и для современных историков. Вот что пишет, например, Н. Я. Эйдельман: «Мятежники могли, конечно, взять власть - вероятность была, и, полагаем, немалая. Вот тогда захваченный ими госаппарат (как в 1700-х гг. преображенцами, семеновцами) тут же приказал бы всей России разные свободы: конституцию (северяне настаивали на Земском соборе) и отмену крепостного права.

И что бы после того ни случилось - смуты, монархическая контрреволюция, народное непонимание, борьба партий и группировок, - многое было бы абсолютно необратимо». И Н. Я. Эйдельман не одинок в этой мысли. В одной из книг мы читаем: «К Сенату (декабристы - Е. И.) шли не на простое закляние. Ду-

маем, они могли бы творить историю в случае военной удачи».

Но есть и другая, совершенно противоположная точка зрения: «Ни взять власть, ни тем более удержать ее декабристы бы не смогли. Уровень народного сознания, царистские иллюзии, принципиальное отличие первого открытого революционного, организованного выступления от имевших место ранее многочисленных келейных дворцовых переворотов и победоносных заговоров были тому причиной», - отмечает исследователь Н. А. Рабкина.

Так что поле для борьбы мнений по этому вопросу большое. И дискуссии здесь еще предстоят. Не забудем лишь, что о серьезности обстановки говорил сам Николай I своему брату Михаилу: «Самое удивительное в этой истории - это то, что нас с тобой тогда не пристрелили». Напомним, что, действительно, от возможной смерти великого князя Михаила спасла осечка пистолета В. Кюхельбекера, а кое-кто с оружием находился недалеко от царя.

Много интересных мыслей о декабристах высказали И. К. Пантин, Е. Г. Плимак и В. Г. Хорос в книге «Революционная традиция в России. 1783-1883 гг.». (М., 1986). И, пожалуй, одна из самых важных являлась следствием анализа движения декабристов в контексте мирового антифеодального процесса. Авторы отмечают многогранное воздействие Запада на декабристов, особенно - в результате и после заграничных походов. Россия тогда недостаточно созрела для буржуазной революции. И именно западные понятия о свободе, конституции, более высокая культура Запада и т. д. подвинули декабристов на борьбу и привели их на Сенатскую площадь. Чувство патриотизма здесь сыграло выдающуюся роль. Можно провести множество параллелей, характеризующих движение декабристов в связи с общественным движением Запада: увлеченность масонством и использование масонских форм конспирации в первые годы деятельности тайных обществ; некоторая общность с рядом национально-освободительных движений; приверженность тактике военного переворота и т. д. Мнения указанных исследований в определении причин возникновения движения декабристов явно наклонились (по сравнению с предыдущей историографией советского времени) в сторону признания воздействия Запада как более важного фактора по сравнению с внутрироссийскими обстоятельствами, породивши-

ми это движение.

Есть новые моменты в анализе истории декабризма по отдельным, не столь глобальным вопросам. Если не вызывает сомнений удаленность декабристов от народа, что было вообще-то совершенно естественным обстоятельством, то их малочисленность вовсе не означала их гипертрофированной в нашей историографии изоляции от дворянства. Самих декабристов было действительно мало (вспомним грибоедовских «сто прапорщиков»). Но среди них были представители виднейших дворянских аристократических родов (И. Долгоруков, П. Лопухин, Муравьевы, С. Трубецкой, Ф. Шаховской, С. Волконский, М. Нарышкин, П. и И. Коновницыны и т. д.). Много друзей, знакомых, сослуживцев, начальников декабристов были людьми с общероссийской известностью, причем сочувствовавшими их идеям (П. Д. Киселев, М. Н. Муравьев, А. П. Ермолов, М. М. Сперанский, Н. С. Мордвинов и др.). А как не вспомнить показания А. А. Бестужева: «Едва ли не треть русского дворянства мыслила почти подобно нам, хотя была нас осторожнее». И вряд ли А. А. Бестужев преувеличивал. Это говорит о жизненности дела декабристов и о том, что действительно «их дело не пропало». Нужно только вспомнить, что декабристы - это не только революционеры. Весьма характерно, что Н. С. Мордвинов сразу после расправы царя над декабристами подал ему записку, в которой были слова: «Угнетение же всех составляет ясную гибель всего государства».

В связи с этим всплывает еще один вопрос, весьма односторонне освещавшийся раньше, - о последствиях и значении восстания декабристов. В литературе высказано мнение, что восстание сопровождалось непреодолимо углублявшимся расколом между правительством и обществом, а внутри освободительного движения привело к началу серьезной эволюции идейно-нравственного климата, к нравственному неприятию правительства и развитию менталитета интеллигенции в противоборстве с ним, а в конечном итоге - формированию прямой антитезы власти в виде исключительной централизации и организованной мощи революционных сил.

Стали доступными читателям и прямые обвинения в адрес восстания: «...восстание декабристов имело чрезвычайно отрицательные и, можно сказать, даже роковые последствия для либерального развития России». Это объяснялось тем, что Николай I до конца своих дней не избавился от воспоминаний о пережитом им шоке 14 декабря 1825 года, и это подкрепляло его ненависть ко всякой оппозиции. Разрастание же революционной традиции лишь способствовало укреплению духа реакции (В. Леонтович).

Нетрадиционно начинают осмысливаться важнейшие проблемы «народ и декабристы» и «армия и декабристы». Так, на примере выступления Черниговского полка на Украине исследователь О.И. Киянская показала, что согласия между руководителями восстания и солдатами не было. Офицеры, в том числе и честнейший С.И. Муравьев-Апостол, вынуждены были растратить полковую кассу и использовать деньги для подкупа солдат с целью оставить их в строю во время похода. Выступление черниговцев сопровождалось пьянством, грабежами и насилиями солдат над мирным населением, т.е. тем самым народом. В результате С.И. Муравьев-Апостол встретил следствие, суд и приговор как должное: «Офицер, возглавивший военный бунт и допустивший превращение своей команды в толпу пьяных грабителей, командир, покупавший своих подчиненных и пытавшийся ложью повести их за собой, по любым - и юридическим, и моральным - законам того времени, безусловно, заслуживал смерти», - пишет исследовательница. Действительно, руководители восстания ни на севере, ни на юге не раскрывали полностью солдатам свои цели и взгляды.

Что же касается народа, то офицеры-черниговцы смогли убедиться на практике, «на что способна вооруженная крестьянская толпа, в которую превратился Черниговский полк за три дня похода» (О.И. Киянская). Не случайно М.П. Бестужев-Рюмин признал: «Самый успех нам был бы пагубен для нас и для России».

В наше время изменяется взгляд на декабристов в связи с тем, что они перестали быть просто субъектами общественно-

политической жизни, но и стали рассматриваться как живые люди - представители своего времени. В этом отношении очень интересным является возвращение из «небытия» воззрений на декабристов одного из историков Георгия Вернадского. Он говорил, на наш взгляд, совершенно справедливо, что декабристов невозможно понять, если подходить к ним только с революционными мерками. Они были, чаще всего, религиозными людьми, православными в основном, и это накладывало на них неизгладимый отпечаток «почвенности». У них было два лица: «один рационалистический, интернационально-революционный, карбонарский. Другой - религиозный, патриотический, бытовой». Последний из указанных ликов декабристов приходил в противоречие с первым и чаще всего побеждал. Причем не только после, но и до восстания 14 декабря.

Интересны выводы К. Г. Межовой, исследовавшей ответы декабристов в ходе следствия об источниках формирования их вольнолюбивых идей. Оказалось, что декабристы говорили о сильном воздействии на них французских просветителей, английских публицистов, революционных событий начала 1820-х годов в Европе, но почти не упоминали о Французской буржуазной революции. Не оказало на них решающего воздействия и русское просветительство. Мощным толчком к появлению вольнодумческих и либеральных мыслей стали заграничные походы, о чем говорят почти все декабристы. И еще одна интересная деталь: формирование вольнолюбивых идей относится и к более позднему, чем это принято считать, времени - 1822-1824 годам. Здесь чрезвычайно сильным было влияние немногочисленной, но чаще всего упоминаемой в ходе следствия группы декабристов на молодежь: П. И. Пестеля, К. Ф. Рыльева, П. Г. Каховского, М. П. Бестужева-Рюмина и А. А. Бестужева. Более понятным становится тот факт, что именно эти личности (за исключением последнего) оказались на виселице. Нельзя здесь не упомянуть о том, что было точно установлено место погребения пятерых казненных декабристов (см.: А. Чернов. Поминовение //

Огонек. - 1989. - № 4).

Интересен также малоизвестный факт помощи Николая I семьям декабристов после их осуждения. Когда до царя стали доходить сведения о тяжелом положении многих семей наказанных судом декабристов, он приказал тайно обследовать материальное положение всех семей осужденных. После этого около двадцати семей, оказавшихся действительно в трудных материальных обстоятельствах, получили либо пенсии, либо разовые суммы. Дети же некоторых декабристов были устроены в учебные заведения (более подробно об этом см. в указанной в конце параграфа статье исследователя М.А. Рахматуллина).

Учитывая сказанное выше, надо отметить, что фактически движение декабристов шло в рамках нескольких альтернативных возможностей исторического развития: либо путь более или менее быстрого развития капитализма (в зависимости от методов преобразования страны), либо путь сохранения на длительный срок крепостнического застоя. Пока сохранялась возможность успеха декабристов, сохранялась и возможность продвижения по первому из названных путей. Победа Николая I преопределила второй путь - николаевской «контрреволюции».

Источники и литература

- Андреева Т.В.* Русское общество и 14 декабря 1825 года // Отечественная история. - 1993. - № 2.
- Вернадский Г.* Два лика декабристов // Свободная мысль. - 1993.- № 15.
- Гордин Я.* Мятеж реформаторов. - Лениздат, 1989.
- Киянская О.И.* Южный бунт. Восстания Черниговского полка. - М., 1998.
- Крутов В.В., Швецова-Крутова Л.В.* Белые пятна красного цвета. Декабристы. В 2-х книгах. - М., 2001.
- Леонтович В.В.* История либерализма в России. 1762-1914. - Париж, 1980.
- Межова К. Г.* Об источниках формирования вольнолюбивых идей декабристов // История СССР. - 1989. - № 5.

- Муравьев-Апостол М.* «Непостижима дерзость безумцев» // Родина. - 1991. - № 11-12.
- Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г.* Революционная традиция в России. 1783-1883 гг. - М., 1986.
- Политическая история: Россия - СССР - Российская федерация. - Тт. I, II. - М., 1996.
- Рабкина Н.А.* К современному прочтению декабризма (Проблемы и тенденции) // История СССР. - 1988. - № 3.
- Рахматуллин М.А.* Император Николай I и семьи декабристов // Отечественная история. - 1995. - № 6.
- 14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа). - М., 1994.

6. Крестьянский или пролетарский социализм? (И деи, организации, деятели)

Реальная картина общественно-политической жизни России 60-90-х годов XIX в. была до неузнаваемости искажена и в исторической науке, и в школьных учебниках, и в общественном мнении. Это происходило от того, что революционное движение, революционная борьба показывались, во-первых, единственно верным направлением общественно-политической жизни, а, во-вторых, превалирующим над другими направлениями, даже если они по своему содержанию были социалистическими. Между тем, ни по количеству участников, ни по размаху, ни по влиянию революционное направление не было таковым. Мало того, тот экстремизм, который привел к началу вооруженной борьбы и политическому террору против правительства и царя, лишь возмущал основную массу населения и отталкивал от революционеров наиболее передовую и нравственно чистую часть общества. Революционный террор, к тому же, давал возможность правительству широко использовать репрессивные меры и способствовал идейно-нравственному обоснованию реакции.

Сразу же надо подчеркнуть, что и правительство не проявляло мудрости, используя свой карательный аппарат не только против революционеров, но вообще оппозиционно настроенных, а иногда и совсем неповинных ни в чем людей. Простого

подозрения или доноса подчас достаточно было, чтобы не имевший отношения ни к революционным кругам, ни к оппозиции человек оказался в тюрьме или каким-то другим образом был репрессирован. Это углубляло раскол в обществе, усиливало политическую напряженность, с железной логикой обостряло противоречия между правительством и интеллигенцией.

Помимо революционных идей, организаций и печатных органов в России широко были представлены и либеральные. Это хорошо видно на примере развития социалистических идей. Кстати говоря, из того материала, который преподавался в течение десятилетий в школе, можно было сделать вывод, что народничество как социалистическое направление, возникает только в 1870-х годах. Но ведь генетически оно неразрывно связано не только с учением А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и их предшественников, но и с демократическим движением шестидесятников. И уже с начала свое-

го возникновения народничество не представляло из себя единого течения. В нем была и либеральная, и революционная струя. Так, в отличие от распространенного раньше взгляда народническая организация «Земля и воля» (1861-1864 гг.) основным средством воздействия на крестьянство считала пропаганду, а в ее программе фигурировала передача земли крестьянам за выкуп, идея замены государственных чиновников выборными лицами и ряд других, по сути своей либеральных, предложений. Н.Г. Чернышевский, Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков-Щедрин рассчитывали именно на воздействие словом, на пропаганду, на общественное мнение, а не на революцию. Н. Г. Чернышевский был арестован не за призыв крестьян «к топору», а как журналист-просветитель, обличавший существующий строй и призывавший к его общественно-социалистическому реформированию.

Зато авторы прокламации «Молодая Россия», вышедшей из революционного кружка П. Г. Заичневского - П. Э. Аргиропуло, единственным средством преобразования России считали кровавую революцию. Однако надо отметить, что просветельски-либеральные тенденции явно преобладали над революционно-насиленными в 1860-х годах.

В рамках же организации Н. А. Ишутина - И. А. Худякова действовали и сторонники пропагандистско-просветительской работы (группа Г. А. Лопатина, «Рублевое общество») и законспирированная внутри самой этой организации группа «Ад», один из участников которой - Д. В. Каракозов - в апреле 1866 года стрелял в Александра II. Помимо террора «Ад» брал на себя функцию контроля за товарищами по делу во время подготовки и свершения революции. Подобные отношения создавали в самих революционных кружках, обществах и организациях обстановку недоверия и подозрительности, что в конечном счете вело к появлению в них диктаторских тенденций.

Особенно ярко это проявилось в деятельности С. Г. Нечаева, который создал в основном из московских студентов в 1868 г. революционную организацию «Народная расправа». Сам С. Нечаев был из разночинцев. Имея за спиной оконченную самоучкой гимназию, он преподавал закон Божий в приходском училище и был вольнослушателем университета. Небольшого роста, худенький, нервный,

С. Нечаев обладал сильной волей, упорством, энергией в сочетании с крайним самолюбием, властью. Искренне болея за народ и ненавидя чиновничье племя, этот человек своей убежденностью и страстностью вовлекал молодых людей в свою организацию. Однако использовал он для этого и шантаж, и угрозы, и обман. С. Нечаев написал «Катехизис революционера» - руководство для членов своей организации, где изложил свое понимание революционера и революционной деятельности. Революционера он объявлял человеком обреченным, свободным от юридических и нравственных законов ради борьбы «с проклятым миром». Революционер ради достижения народного счастья может использовать всякие средства, включая обман, грабеж, убийство и т. п. С. Нечаев требовал слепого повиновения руководителю. Для поддержания дисциплины он использовал запугивание, шантаж, насилие.

Методы действий С. Нечаева вызывали протест у членов «Народной расправы». И вот, чтобы связать их кровью и страхом, он организовал убийство одного из членов организации студента сельскохозяйственной академии И. Иванова, не подчинившегося С. Нечаеву. И. Иванова заманили в отдаленный грот Петровско-Разумовского парка и там при участии четырех членов организации С. Нечаев расправился с неугодным ему студентом. «Народная расправа» прекратила деятельность, члены ее были арестованы, а сам С. Нечаев бежал за границу. Был он там и раньше. Встречался с М. Бакуниным, Н. Огаревым и А. Герценом. Если первые двое были от С. Нечаева в восторге, то А. Герцена ему обмануть не удалось. Правда, после вторичного пребывания С. Нечаева за границей и попыток его подчинить себе М. Бакунина с Н. Огаревым, те, наконец, порывают с ним отношения. Выданный швейцарскими властями России как уголовный преступник, С. Нечаев был осужден и, просидев десять лет в Александровском равелине Петропавловской крепости, умер в заключении.

Нечаевщина стала исторической основой знаменитого романа Ф. М. Достоевского «Бесы», ставшего своеобразным пророчеством о судьбах революции в России. Правда, нельзя видеть в романе реального отражения нечаевского дела, а в нечаевцах -

морально ущербных людей, «бесов», достойных своего руководителя. На самом деле С. Нечаев шантажом, насилием и угрозами заставил четырех кружковцев принять участие в убийстве И. Иванова.

Так или иначе, но «бесов» не приняла ни Россия, ни революционеры, которые к тому же сами осудили методы С. Нечаева. С течением времени, однако, мученическая судьба С. Нечаева стала вызывать к нему сочувствие и симпатии. На передний план стало выдвигаться не осуждение методов его деятельности, а цель - благо народа, благо России. Незаметно, исподволь, произошла реабилитация личности и дела С. Нечаева. Высокая цель стала оправданием политического убийства. Оно переставало быть преступлением.

Оправдание судом присяжных в 1878 г. В. Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника Трепова, стало поворотным пунктом в развитии народнической организации «Земля и воля». О. В. Аптекман, ее член, затем вспоминал: «...революционер становился все более и более агрессивным... У него за поясом кинжал, а в кармане - револьвер: он не только будет защищаться, но и нападать... Неумолимая логика событий втянула революционеров в свой водоворот, и они, чтобы не захлебнуться, ухватились за террор, как утопающий за соломинку». В силу этой логики «Земля и воля» раскололась, т. к. не все были согласны с тактикой политического террора, а террористы, объединившись в «Народной воле», довели свое дело до конца. Их целью стал царь. И хотя в программе народовольцев политическое убийство нескольких столпов официальной России рассматривалось как способ подтолкнуть на выступление широкие слои населения, на самом деле и сил, и средств, и влияния у них хватило только на преследование Александра II. Соблазн окончился трагически 1 марта 1881 г. и для царя, и для самих революционеров, и для всей России. Предостережение Ф. М. Достоевского о «бесовщине» не было воспринято. Нечаевщина была продолжена деятельностью следующих поколений революционеров.

Разгром «Народной воли» часто подавался в учебных курсах как крах народнической теории и идеи вообще. На самом же

деле народничество в рамках уже в основном либерального направления не только не исчезло, но было наиболее сильным из всех оппозиционных течений. Властителем дум передовой молодежи был Н. К. Михайловский (1824-1904 гг.). Социалистическая идея в народнической интерпретации, переживая периоды спадов, кризисов и подъемов, продолжала существовать и развиваться. Происходило теоретическое осмысление пути России к социализму.

Та трактовка народничества, которая утвердилась у нас благодаря ленинским оценкам, как направление «мелкобуржуазное, «утопическое», «националистическое» и «реакционное», сейчас пересматривается. Неверно показывалось и отношение народников к рабочим. Отрицая якобы капитализм, они или не видели рабочего класса или не обращали на него внимания, не понимая его исторической миссии. На самом деле народники действовали среди рабочих. От отношения к рабочим как к посредникам между интеллигенцией и крестьянами они в 1890-х гг. пришли к признанию рабочего класса как одной из основных общественных сил. Рабочие входили в народнические организации. Народники сотрудничали с «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Происходило сближение народничества с рабочим движением. Показательно, что П. Л. Лавров в конце своей жизни выступал за пролетарскую революцию.

Одна из важнейших проблем, всегда волновавших и ученых, и всех, имеющих отношение к истории России, - это проблема политического террора. Никогда взгляды на террор не были одинаковыми. В советское время, начиная с В.И. Ленина, революционеры-народники весьма почитались. При И.В. Сталине террористическая деятельность народников осуждалась. Великий вождь не хотел, чтобы террор был в арсенале средств так называемых «врагов народа». В условиях разоблачения культа личности И.В. Сталина и увеличения внимания к ленинскому наследию вернулось уважительное отношение официальных кругов к революционному террору. В годы брежневского застоя и усиления тоталитарного идеологического давления в стране опять стал порицаться террор, но делался упор на социалистическое содержание народнического учения.

В настоящее время, когда в принципе ушло в прошлое конъюнктурное отношение к истории, взгляды на народнический террор не

одинаковы. В этом отношении показательна дискуссия, возникшая в результате публикаций о революционерах-народниках двух современных исследователей Н.А. Троицкого и А.А. Левандовского. По существу первый из них оправдывает террор, который был для революционеров отчаянным, жертвенным и бескорыстным средством борьбы за народное счастье и ответом на репрессии правительства. Восторженное отношение Н.А. Троицкого к фигуре русского народовольца, который для него был одновременно и мучеником, и героем, сочетается с резко отрицательными оценками Александра II не как Освободителя, а как Вешателя, жестоко расправлявшегося не только с революционерами, но и с восставшими крестьянами. Подход Н.А. Троицкого к проблеме более политический, чем какой-либо другой, хотя этот исследователь оправдывает революционеров и с чисто человеческой точки зрения.

У А.А. Левандовского подход к этой же проблеме более нравственный, чем политический. Он исходит из принципиального неприятия террора как убийства, а также из бесполезности последнего («террор, в конечном итоге, никогда не приносит успеха»). А.А. Левандовский подчеркивает также разрыв между народом и народниками, которые упорно не хотели расставаться со своими революционными и социалистическими постулатами, неприемлемыми для крестьян. Нежелание или неспособность народovolьцев отказаться от своих программных установок естественно привели их к террору в условиях отсутствия массовой поддержки и мощной партии. Не приемлет А.А. Левандовский и оценку Александра II как ярко выраженного злодея.

Конечно, споры эти будут продолжаться. Хотелось бы лишь отметить, что излишняя политизированность в этих спорах будет только мешать. Как нам кажется, более перспективен, плодотворен и жизненно оправдан нравственный подход к истории революционного террора. В последние годы, однако, во всех бедах России и некоторые историки, и публицисты, и обыватели склонны обвинять революционеров. Не исключая негативные последствия деятельности революционеров, отметим, что не меньшая, если не большая, вина здесь лежит и на правительстве, на государственном аппарате, неловко, иногда померевшись, не только боровшихся с революционерами, крестьянами и

рабочими, но и руководивших страной. Следует вспомнить и о классовом эгоизме дворянства, о слабости и политической немощи буржуазии, ибо на них тоже лежит большая часть ответственности за судьбы России. И революционеры, и правительство, и многочисленные партии стремились навязать народу свои взгляды, свои проекты, свою волю, не спрашивая его и не советуясь с ним.

На рубеже 1870-1880-х гг. произошло оформление легально-реформаторского как правого, так и левого крыла народничества. По-прежнему отстаивалась идея продвижения к социализму через крестьянскую общину. Однако, на фоне успехов капитализма в стране, на фоне разрушения капитализмом общины усиливаются споры внутри самого народничества, а также между народниками и быстро увеличивавшимся числом марксистов. Неудачи, пережитые революционерами-народниками, заставляли их менять ориентиры. Г. В. Плеханов с единомышленниками создал первую марксистскую группу. А вот Лев Тихомиров, бывший член Исполнительного комитета «Народной воли», ее распорядительной комиссии и редакции «Народной воли», перешел на позиции убежденного и активного монархиста.

Для вышедших из недр народничества русских марксистов характерно было полное отрицание и самостоятельных революционных возможностей крестьянства и социалистических возможностей крестьянской общины. Единственное, на что они были согласны, это на преобразующее воздействие пролетариата. Крестьяне же если и могли сыграть положительную роль в революции, то только под руководством рабочих. Получилось так, что русские марксисты оказались «святее» самого К. Маркса. И проявилось это в отношении краеугольного камня народнических воззрений - русской поземельной общины.

В 1881 г. В. И. Засулич обратилась к К. Марксу с письмом, в котором поставила перед ним ряд вопросов, интересовавших русских революционеров. В ответе К. Маркс объяснил, что его «Капитал» не дает доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины, однако русские материалы, изученные им, убедили его, «что эта община является точкой опоры социального возрождения России, однако для того, чтобы она могла функци-

онировать как таковая, надо было прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается во всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития». Уже после смерти К. Маркса и Ф. Энгельс в сугубо теоретическом плане не исключал общинную альтернативу развития России при условии победы пролетариата на Западе и последующей помощи странам, осуществляющим революционно-демократические преобразования.

Взаимодействие, взаимовлияние, а не только борьба были характерны для различных направлений общественно-политической жизни России, в том числе и социалистических - марксизма и народничества. В полемике оттачивалось оружие и народников, и марксистов. По воспоминаниям А. А. Кизеветтера, на рубеже веков шли бесконечные ожесточенные полемические турниры между теми и другими, по накалу напоминавшие споры западников и славянофилов, но захватившие, в отличие от них, не просто интеллигентские салоны, а самые широкие общественные круги. Эта полемика нашла отражение и в конкретных научных трудах. Причем марксисты в них не выглядели вещателями бесспорных истин. Например, анализ экономики России с марксистских позиций не всегда был удачен из-за того, что русские-марксисты стремились показать, как должен был развиваться капитализм, а не как дело обстояло в действительности. Как раз народники-экономисты 1880-х гг., в особенности - Н. Ф. Даниельсон и В. П. Воронцов, дали реальную картину положения русской деревни, обнищания крестьянства в результате реформы 1861 г., и затем - в процессе становления капитализма. Неминуемая гибель традиционной русской деревни вполне обоснованно вызывала у народников чувство протеста и стремление использовать социалистические потенции для предотвращения этой гибели. Выход они видели в передаче всей земли крестьянам, а предприятий - рабочим на условиях коллективного ведения хозяйства и перехода всех средств производства в руки непосредственных производителей. Народники поддерживали идею преобразования общины и российского артельного труда на основе использования новейших научно-технических достижений. Они доказывали искусственность и бесперспективность развития капитализма в России. В то же время они правильно под-

метили особую роль протекционистской по отношению к капитализму политики самодержавия. Не забывая о своих целях, народники были открыты для восприятия иных теорий.

Ограниченность была чужда народникам. Н. Ф. Даниельсон использовал марксистские идеи при своем экономическом анализе России. Н. К. Михайловский писал: «Задача наша не в том, чтобы вырастить самобытную цивилизацию из собственных национальных недр, но и не в том, чтобы перенести к себе западную цивилизацию целиком со всеми раздирающими ее противоречиями, надо брать хорошее отовсюду, откуда можно, а свое будет или чужое - это уже вопрос не принципа, а практического удобства». И это были не просто слова. Заметив восприимчивость рабочих к пропаганде, например, народники использовали «Капитал» Маркса для разъяснения механизма эксплуатации труда капиталом. Когда же к концу века стало очевидным, что в России все же существуют условия для утверждения капитализма, то некоторые из народников, еще более внимательно изучив основы марксистского учения, пытались с его помощью модернизировать само народническое учение. Так, В. М. Чернов выдвинул идею создания кооперации, производственных товариществ, которые будут возникать внутри буржуазного способа производства как элемент грядущего социализма.

Нельзя сказать, что и марксисты были глухи к тому, что предлагали народники. Выше уже говорилось об отношении К. Маркса к общине. Именно опираясь на идею общинного социализма, К. Маркс и Ф. Энгельс пришли к идее некапиталистического пути развития в некоторых странах. Русские же марксисты менее были склонны видеть в народничестве перспективные тенденции. Бывший народник Г. В. Плеханов, перейдя на позиции марксизма, вообще отказывал крестьянству в каких-либо социалистических возможностях. Наоборот, он делал акцент на консервативность крестьянства. В. И. Ленин тоже до определенной поры отрицал возможность социалистической потенции в крестьянстве, подчеркивая роль крестьянина как мелкого производителя, мелкого буржуа, собственника.

Русские марксисты (исключая «легальных марксистов») целиком и полностью разделяли взгляд на пролетариат, как на единственную силу, способную создать социалистическое общество

в России. Они попытались применить марксистскую теорию в России, предав забвению отечественные истоки социалистических идей.

Между прочим, русские народники прозорливо предвидели, к чему может привести идея диктатуры пролетариата в России. А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин были убежденными противниками всякой диктатуры. Они проповедовали демократические принципы организации власти. А. И. Герцен писал: «Социалисты, прежде всего, мы глубоко убеждены, что общественное развитие возможно только при полной республиканской свободе... социализм, который пытался бы обойтись без политической свободы, без равенства в правах, быстро вырождается бы в авантюрный коммунизм». Н. Г. Чернышевский утверждал, что нация «не может быть руководима одним насилием», делающим все здание «похожим на железную клетку». М. А. Бакунин, заявляя о невозможности осуществления диктатуры пролетариата как класса, писал: «В силу необходимости они (сотни и десятки тысяч пролетариев - Е. И.) вынуждены будут осуществлять ее через своих уполномоченных», которые «лишь только сделаются представителями или правителями народа, перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственности, будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом. Кто может усомниться в этом, тот совсем незнаком с природой человека». М. А. Бакунин как в воду глядел. Уже в 1920 году, когда многое из подобных предвидений народников сбылось, другой анархист, П. А. Кропоткин о диктатуре пролетариата, перерастающей в диктатуру коммунистической партии, писал так: «Несомненно одно, если бы даже диктатура партии была подходящим средством, чтобы нанести удар капиталистическому строю (в чем я сильно сомневаюсь), то для создания нового социалистического строя она, безусловно, вредна. Нужно, необходимо местное строительство местными силами, а его нет. Нет ни в чем. Вместо этого на каждом шагу людьми, никогда не знавшими действительной жизни, совершаются самые грубые ошибки, за которые приходится расплачиваться тысячами жизней и разорением целых округов... Если же теперешнее положение продлится, то самое слово «социализм» обратится в проклятие, как оно случилось во Франции с понятием равенства на со-

рок лет после правления якобинцев». Да, не откажешь этим видным деятелям народничества в мастерстве предвидения! Не раз и нередко саркастически критиковал марксизм и Н.К. Михайловский, выступая против прямолинейного марксистского детерминизма экономики в смене формаций, против преувеличения роли классовой борьбы как двигателя истории, против отношения к крестьянам, как к мелким буржуа и т. д.

Сейчас, в эпоху реформ, многое из народнического учения может пригодиться. Это идеи и демократической федерации с органами народного самоуправления, и общинного и артельного производства с сохранением права на личное пожизненное владение землей и другими средствами производства, и кооперации на добровольных началах, и многое другое. Чего стоят, например, рассуждения П. Л. Лаврова о человеке, его нравственная, этическая теория, на основе которой он создал нравственно-этический кодекс партии социалистов: «Самые жестокие, самые опасные удары, которые могут быть нанесены партии, суть удары, наносимые ей нравственной несостоятельностью ее членов», - писал П. Л. Лавров. Он говорил о пагубности слепого подчинения авторитету, о недопустимости пренебрежения человеком в пользу вульгарно понятного примата экономики и, как следствие - принижения или даже забвения таких понятий, как честь, достоинство личности, право ее на выражение личного мнения и отстаивание своей позиции даже тогда, когда она не совпадает с мнениями большинства. П. Л. Лавров особенно прав, если учесть, что мнение большинства далеко не всегда верно и полезно даже для него самого! П. Л. Лавров убеждал, что авторитет должен опираться не на безусловное, слепое подчинение, а на мыслящих исполнителей, «тогда и талантливый автор, и умный человек, и могущественная личность будут сами строги к самим себе, сами они будут уважать и в окружающих достоинство человека и их честолюбие ограничится высшей задачей человека: быть лучшим между людьми». Подобные понятия о нравственности характерны и для других представителей народничества. Тот же П. А. Кропоткин считал нравственность «громаднейшим двигателем прогресса». Этих примеров достаточно для того, чтобы утверждать, что народничество не утратило актуальности и

жизненной силы по сей день. Оставаясь важным направлением общественно-политической жизни, оно во многом стало основой будущей программы партии социалистов-революционеров.

К сожалению, и теоретическое наследие народничества, и его нравственные поиски, и опыт, накопленный практической деятельностью, были или забыты, или извращены. Сейчас происходит возрождение некоторых сторон теории и практики народничества в тех его составных частях, которые могут быть использованы в наше трудное время.

Источники и литература

- Антонов В.Ф.* Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности // Вопросы истории. - 1991. - № 1.
- Балуев Б.П.* Либеральное народничество на рубеже XIX-XX веков. - М., 1995.
- Балуев Б.П.* Михайловский Н.К. и «легальный марксизм» (К 150-летию со дня рождения) // Отечественная история. - 1992. - № 6.
- Будницкий О.* История терроризма в России. - Ростов-на-Дону-М., 1996.
- Есипов В.* Не верьте бесам... // Диалог. - 1991. - № 4.
- Исаев А.* «Коммунистическая антиутопия» М. Бакунина // Аргументы и факты. - 1990. - № 40.
- Кошель П.А.* История Российского терроризма. - М., 1995.
- Костылев В.Н.* Выбор Льва Тихомирова // Вопросы истории. - 1992. - № 6-7.
- Левандовский А.* Бомбисты // Родина. - 1996. - № 4.
- Михайловский Н.К.* Избранные труды по социологии. В двух томах. - СПб, 1998.
- Нечаев С.* Катехизис революционера // Родина. - 1990. - № 2.
- Пирумова Н.* Разрушитель // Родина. - 1990. - № 2.
- Она же. Мятёжный князь // Аргументы и факты. - 1990. - № 40.
- Политическая история: Россия - СССР - Российская Федерация. - Тт. I, II. - М., 1996.
- Прайсман Л.Г.* Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. - М., 2001.
- Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. - М., 1997.
- Российские реформаторы XIX - начала XX в. - М., 1995.
- Слинко А.А.* Старые споры в современном контексте: Н.К. Михайловский в диалоге с русским марксизмом // Первое сентября. История. - 1996. - № 20.

Соловьева И.А. Николай Васильевич Чайковский // Вопросы истории. - 1997. - № 5.

Троицкий Н. Друзья народа или бесы? Как и кого защищали народники // Родина. - 1996. - № 2.

Чернеев В.М. Конструктивный социализм. - М., 1997.

Юровский В.Е. Газета либеральной интеллигенции «Русские ведомости» // Вопросы истории. - 1997. - № 1.

7. Из истории российского либерализма

История либерализма в России была изучена чрезвычайно слабо, если иметь в виду объективное, непредвзятое его исследование. Между тем, либеральное движение являлось одним из важнейших направлений в общественно-политической жизни. В последние годы положение изменилось: о либерализме пишут все больше.

Суть либерализма состоит в защите личности, индивидуума, в наделении этой личности правами и свободами, обеспечивающими ее экономическую, гражданскую, политическую независимость и самостоятельность. Для либерала индивидуализм не тождествен эгоизму. Защищая свои права и свободы, он столь же уважает права и свободы других, отстаивая равные права всех перед законом. Для либерала свобода не тождественна и анархизму, ибо он является сторонником учреждений и общественных форм, в которых каждый конкретный человек подчиняется оформленному в законах порядку и дисциплине. В системе взглядов либералов «личность стоит на первом месте, а ценность общественных групп или учреждений измеряется исключительно тем, в какой мере они защищают права и интересы отдельного человека и способствуют осуществлению целей отдельных субъектов» (В. В. Леонтович). С точки зрения деятельности личности главным для либерализма является предпринимательский дух и воля человека. Это, в свою очередь, может обеспечить принцип частной собственности и свобода всех проявлений человеческих возможностей (в рамках, естественно, закона). Уважение к личности, ее равноправие с другими, свобода выбора характера деятельности, свобода труда обеспечивают, по убеждениям

либералов, достойное существование каждому человеку, в том числе и тому, кто не обладает частной собственностью.

Методом деятельности либералов является устранение помех и преград личной свободе путем преобразований, исключая насильственные, в особенности - кровавые действия. В этом одно из самых существенных различий между либерализмом и революционностью, т. к. насильственная революционная акция не только разрушает элементы старого порядка вещей, но и предопределяет еще большее насилие над людьми в силу того, что не остается в обществе сдерживающих и контролирующих революционную стихию преград.

Русский либерализм имел ряд особенностей. Ему не пришлось долгое время вызревать, как это было на Западе. Он был во многом воспринят именно с Запада и перенесен на русскую почву. Не удивительно, что поначалу сторонников у него в России было немного. Если в Западной Европе либерализм стал идеологией среднего класса, то в России он стал исповедоваться некоторыми дворянами и интеллигентами и не имел широкой социальной базы. Подавляющее большинство населения жило своими испытанными веками понятиями и не могло воспринять либеральные идеи.

Несмотря на малочисленность, либералы имели в некоторые моменты истории XIX века большой вес, что определялось тем, что в их рядах были крупные сановники, которые при поддержке императора и обеспечили те реформы, которые осуществлялись в этом веке в России.

Вообще же либералы России не имели четко выраженной приверженности к каким-либо социальным слоям, что и определило значительный разброс в их взглядах и практических предложениях. Близость же к господствующим кругам объясняет нам некоторый консервативный его оттенок. Это же привело к тому, что либерализм в России стал альтернативой демократизму.

Специфику российскому либерализму придавали и некоторые черты великорусского характера и мировоззрения. В центре взглядов русских либералов стоял человек с его поисками свободы, правды Божией и царства Божия на земле. Этот человек рассматривался либералами через призму коллективного бытия. Ведь в России с ее соборностью развитие могло идти только по линии от «большинства» к индивидууму, в то время как на Западе индивидуальное начало решительно преобладало.

В системе ценностей русского либерала особое значение имело стремление к экономической, а не политической свободе, ибо без экономической свободы невозможно было раскрепощение людей. Поскольку эта проблема решалась исключительно долго, либерализм в России задержался на интеллектуальной стадии. Фактически либерализм в нашей стране как стройная система ценностей сложился только в начале XX века, а в силу своей специфики он стал важной составной частью мирового либерального движения.

При всем этом надо отметить, что русский либерализм не стал образом мыслей и действий широких слоев населения. В то же время он не находил устойчивой поддержки и в руководящих кругах. Это предопределило его трагедию, которую он пережил в результате социальных и политических потрясений, связанных с гибелью самодержавной России.

История либерализма в России берет свое начало в эпохе просвещенного абсолютизма Екатерины II. Заметное распространение либеральных идей имело место во время царствования Александра I. Происходит вызревание либерального сознания в высших, наиболее образованных сферах дворянского общества, и связано оно с такими именами, как Н. С. Мордвинов, М. М. Сперанский.

Н. С. Мордвинов, например, выступал за предоставление

гражданских прав лицам недворянского происхождения. Результатом распространения таких мыслей и предложений был известный Указ 1801 г. о разрешении покупать земли купцам, мещанам и государственным крестьянам. Н. С. Мордвинов решительно защищал право частной собственности так, чтобы никто, даже император, не мог лишить ее человека. Будучи сторонником постепенного освобождения крестьян от крепостной зависимости, Н. С. Мордвинов считал, что этому должно предшествовать создание статуса свободного человека и гражданина, что возможно лишь при переходе к конституционным формам государственного управления.

Более подробно, конкретно и четко либеральные идеи изложены у М. М. Сперанского в его «Введении к уложению Государственных законов» (1809 г.). М. М. Сперанский считал необходимым законодательное закрепление гражданских свобод, установление прочной конституционно-правовой основы государственной власти и создание правового государства, которое обеспечивает безопасность жизни и имущества человека. Политическими же правами М. М. Сперанский готов был наделить только собственников. Большую роль он отводил нравственности (совесть - основа нравственного порядка), которая должна основываться на религии и «общежительном законодательстве», изданном властью. М. М. Сперанский не покушался на абсолютизм, но считал, что и над императором должен стоять закон.

Развитие либеральных идей было продолжено той частью декабристов, которая готова была действовать легальными методами, идти путем реформ вместе с властью. Восстание же декабристов не способствовало этому и стало одной из причин конфронтации монархии с наиболее радикально настроенной частью общества.

Либералами по сути своей были западники и славянофилы, хотя до поры до времени их споры ограничивались теорией и не имели выхода в реальную практику. Однако, антикрепостнические и реформаторские взгляды выдающихся представителей этих течений общественной мысли подготавливали эпоху великих реформ 1860-1870-х гг.

Именно в эту эпоху были осуществлены многие либераль-

ные преобразования, расширилась сфера гражданских свобод, на повестку дня был поставлен вопрос о введении конституции в России. База либерализма укрепилась с появлением земств и тысяч земских деятелей, новых судов и адвокатуры. Реформы в области просвещения и печати превратили в островки либерализма университеты и другие вузы, некоторые периодические издания. В это время появляется и само слово - интеллигенция. Особенностью русской интеллигенции была приверженность идее общественного блага и в связи с этим оппозиционное отношение к власти предрержащим. Интеллигенция выдвинула из своей среды как либералов, так и радикалов, вплоть до сторонников крайних революционных способов изменения России.

Из наиболее крупных либеральных деятелей пореформенного времени можно назвать, например, К. Д. Кавелина. На исходе жизни и у А. И. Герцена либеральные ценности явно преобладали. Чего только стоят его слова: «Человек серьезно делает что-нибудь только тогда, когда делает для себя». А. И. Герцен заявил (1869 г.), что не верит «в серьезность людей, предпочитающих ломку и грубую силу развитию и сделкам». Главным для А. И. Герцена в стремлении к свободе человека становится критерий нравственности, защита ценностей цивилизации и гарантии прав личности от насилия извне. Эти мысли А. И. Герцена совпадали с тем, что предлагал и К. Д. Кавелин, для которого личностное начало было одним из главных: «необходимо предстоящее обновление поднятием нравственности, опирающейся на социологию, и развитием правового порядка».

Крупнейшими либералами были Б. Н. Чичерин, Н. А. и Д. А. Милютины, К. К. Арсеньев и др. Либералы выражают свои убеждения через журналы «Вестник Европы», «Дело», «Русская мысль». Особенно плодотворной была многолетняя деятельность редактора-издателя «Вестника Европы» М. М. Стасюлевича. Либералы стремились приблизить введение конституционного строя, расширить права управления и самоуправления, сферу гражданских и политических свобод, в том числе - за счет углубления земской реформы.

В условиях политических контрреформ 1880-1890-х гг. воз-

возможности либерального движения были ограничены, но исчезнуть оно не могло. На позициях либерализма на рубеже XIX-XX вв. стояли представители разных течений общественной жизни. Это некоторые народники - Н. А. Каблуков, А. И. Чупров, «легальные марксисты» - П. Б. Струве, С. Н. Булгаков, М. И. Туган-Барановский, «экономисты» - С. Н. Прокопович и Е. Д. Кускова. Важной была роль либералов-ученых - П. Н. Милюкова, В. Д. Набокова, П. И. Новгородцева, С. А. Муровцева, А. А. Мануйлова, А. А. Кауфмана и др. Либеральная альтернатива развития России была чрезвычайно популярной и основывалась на поддержке значительных общественных сил. Некоторые из конкретных дел российских либералов будут показаны в последнем параграфе настоящего раздела.

Источники и литература

- Горяинов Сергей.* Проза жизни русского либерала // Родина. - 1998. - № 3.
- Дудзинская Е.А.* Славянофильство в пореформенной России. - М., 1994.
- Кельнер В.Е.* Стасюлевич М.М. и либеральная оппозиция в 70-х - начале 80-х годов XIX века // Отечественная история. - 1992. - № 4.
- Леонтович В.В.* История либерализма в России. 1762-1914. - Париж, 1980.
- Либерализм в России. - М., 1996.
- Политическая история: Россия - СССР - Российская федерация. - Тт. I, II. - М., 1996.
- Российские либералы. - М., 2001.
- Сперанский М.М.* Проекты и записки. - Л., 1960.
- Шелохаев В. В.* Русский либерализм как историографическая и историко-философская проблема // Вопросы истории. - 1998. - № 4.

8. Русский консерватизм второй половины XIX в.

Тема, которой посвящен этот параграф, поистине необъятна. Можно довольно уверенно сказать, что серьезных, объективных, свободных от конъюнктуры исследований не так много. В дореволюционной историографии преобладала, как правило, апо-

логетическая или крайне негативная точка зрения, причем консерваторы подвергались ожесточенной критике как со стороны либералов, так и со стороны революционеров всех мастей. Критиковались не только политические деятели, придерживающиеся консервативных взглядов, но и многие философы и писатели, ведь в России именно в философии и литературе за неимением парламента зачастую происходили ожесточенные баталии о том, «куда идти» и «что делать». Примечательно, но клеймо «консерватор» получали даже те мыслители, которые, будучи противниками деспотии и «дикого самовластия», выступали против безоглядного поклонения Европе, фетишизации ее властных и общественных институтов.

Упорное нежелание самодержцев поступиться властью, постоянные попытки «окорнать» (по выражению В. О. Ключевского) те или иные реформы, предопределило негативные оценки консерватизма как направления общественной мысли, призванного защищать властные институты.

В советской историографии в основном поднимались проблемы социальных катастроф и истории «угнетенных» классов, поэтому и консерватизм рассматривался как идеология правящих классов, чуждая «всему передовому человечеству». Между тем, в русской зарубежной исторической и философской мысли в 20-30-х гг. появился ряд весьма глубоких и значительных работ: Н. А. Бердяева, С. Л. Франка и других на эту тему. В период 70-80-х гг. в СССР был опубликован ряд интересных исследований, посвященных изучению жизни и деятельности видных идеологов, консерватизма, это работы П. А. Зайончаковского, В. А. Твардовской, Ю. Б. Соловьева, В. Г. Чернухи и др.

В последнее время обострился интерес к консерватизму: о его сущности ведутся широкие дискуссии, под ним понимают образ мышления, стиль поведения, его трактуют как социально-политический и идеологический процесс.

Общественную мысль в России второй половины XIX века очень сложно определенно классифицировать. Зачастую взгляды и теории того или иного философа, публициста были полифоничны и многоаспектны, поэтому и сегодня исследователи не пришли к единой точке зрения по многим проблемам обществен-

ной и политической мысли. Дискутируется, в частности, и проблема отечественного консерватизма - что такое русский консерватизм, каковы его особенности и истоки, кого можно назвать представителями этого направления общественно-политической и философской мысли.

Под консерватизмом традиционно понимается направление в политике, стремящееся к сохранению существующего государственного и общественного порядка, ему приписывается борьба с демократическими силами, с грядущими реформами. Таким образом, консерватизм трактуется с помощью негативных определений, выступая как антитеза программе изменений вообще. Этот подход обусловлен тем, что консерватизм в целом отождествляется лишь с одной, притом наиболее примитивной его модификацией - эгоистическим консерватизмом (или корпоративным), который выражается в реакционности наиболее косных слоев, борющихся прежде всего за свое благосостояние и привилегии. Между тем, консерватизм - явление сложное и неоднозначное.

Что же такое консерватизм? Консерватизм - одно «из вечных религиозных и онтологических начал человеческого общества». Консерватизм «поддерживает связь времен..., соединяет будущее с прошлым», это направление политико-философской мысли, призванное сохранить и приумножить материальные и духовные ценности человечества, нации, человека от гибели во времени. Такое определение включает в себя и стремление защитить свои богатства и положение отдельными социальными слоями, и тип политики с соответствующими ему идеологическими и организационными структурами, и философское, культурологическое отношение к миру, обществу. Основная задача консерватизма - уравновесить радикальные тенденции, направленные на стремительные, революционные изменения общества и человека, поэтому он органичен, необходим, без него немыслимо общество, ведь «исключительное господство революционных начал истребляет прошлое, уничтожает не только тленное в нем, но и вечное, ценное», - заключает Н. А. Бердяев. К сожалению, наша Родина в полной мере испытала на себе это разрушительное влияние революционных начал, что произошло в силу многих, глубоких причин и по вине русского консерватизма в том числе.

Идеология по своей сути должна сформулировать некую идею, исходя из определенной системы ценностей данного общества, которая бы объединила все общество для достижения какого-либо сверхличного идеала. Представляется, что консерватизм второй половины XIX века этого сделать не смог: старая, сформулированная министром просвещения С. С. Уваровым «триада»: Православие, Самодержавие, Народность - не имела достойной замены. Попытки предпринимались (К. П. Победоносцев, К. Н. Леонтьев), но стройной, законченной, а самое главное всеобъемлющей, приспособленной к бурному экономическому развитию России, системы взглядов, увы, не было создано.

Каковы же истоки русского консерватизма второй половины XIX века? Россия в пореформенные времена стремительно шла по пути капитализма, страна быстро менялась, старый образ жизни и порочные порядки николаевского царствования уходили в прошлое, теряли былую экономическую силу и монопольную политическую власть дворяне... Действительно, в 45 губерниях за 40 лет (с 1862 по 1902 гг.) помещное землевладение сократилось на 40%, причем самыми активными покупателями к началу XX века выступали крестьяне. На смену Раневским приходят Лопахины, идет процесс «оскудения» старого помещного дворянства, так ярко описанный в русской литературе. А после земской и городской реформ все большую роль в местном управлении стали играть «купцы... и целый ряд эксплуататоров-хищников» (т.е. кулаков - А.С.). Центр общественной жизни постепенно перемещается из дворянских усадеб в дома «дельцов». Вот что об этом пишет один из корреспондентов «Юридической летописи» в 1890 г.: «Делец - кулак, иногда дворянин, (как правило, тот, кто успешно капитализирует свое хозяйство - А.С.), большей частью купец или разбогатевший крестьянин, является хозяином положения, он воротило на земских выборах, он источник кредита для крестьян, забирающий их этим путем в лапы на законном основании; его дом - место приятного отдыха для чинов полиции и других». Все эти процессы породили ощущение «гибели красоты», наиболее ярко описанное великим философом К. Н. Леонтьевым: общество после реформ теряет старые ориентиры, «духовно разлагается» (как метко заметил протоие-

рей С. Булгаков), а четких новых оно не приобрело, поэтому есть ощущение близкой гибели. Для человека, воспитывавшегося в одну эпоху и волею внешних обстоятельств попавшего в другую, эта новая кажется концом света, моментом гибели, разрушения всех святынь и традиций. Эти настроения, подкрепленные еще и потерей политической власти и экономического благосостояния, становятся серьезным самостоятельным фактором общественного сознания, иногда даже направляя его. В политике они приводят к непримиримой, яростной борьбе со всем новым, попыткам восстановить былую стройность и красоту, что и было предпринято в царствование Александра III и выражалось в так называемых контрреформах. В противовес новым, ставшими реальностью западным ценностям и путям развития, ведется поиск самобытных российских форм, нещадно критикуется Запад с его порядками, институтами власти, образом «среднего европейца» и возвеличиваются русские традиции и образ правления. В этом и следует искать истоки и особенности консерватизма второй половины XIX века.

Перед консервативной мыслью тогда стояли разнообразные проблемы: это и попытки самоидентификации, поиск самобытных, особенных черт и традиций России, отличающих ее от стран западной цивилизации, что пытался сделать Н. Я. Данилевский в своем фундаментальном труде «Россия и Европа», создание некой объединяющей национальной идеи в условиях быстро меняющейся страны, чему посвятили свою жизнь столь разные философы и государственные деятели, публицисты, как К. П. Победоносцев, М. Н. Катков, Л. А. Тихомиров. Стремались консерваторы и всячески дискредитировать ценности западного мира, постепенно принажившие в Россию (К. Н. Леонтьев и его знаменитая работа «Средний Европеец как идеал и орудие всемирного разрушения», а также публицистика М. Н. Каткова и «Московский сборник» К. П. Победоносцева были направлены на это), и конечно же обоснование внутривнутриполитического курса Александра III, в рамках которого предпринимались попытки восстановить утраченные дворянами привилегии (это практическая деятельность министра внутренних дел Д. А. Толстого и автора нашумевшей работы «Современное состояние России и со-

словный вопрос» (А. Д. Пазухина).

Важнейшей особенностью этого периода в истории русского консерватизма было время, когда уникальность, единственность, универсальность монархии в России были поставлены под сомнение. В России все явственнее чувствовалась необходимость введения конституционных начал, ограничения самодержавия, «довершения Великих реформ» Александра II - создания народовластного органа. Поэтому-то отечественные консерваторы и действовали очень активно, пытаясь защитить неограниченную монархию, обосновать ее как единственно возможную форму власти в России. И если русские либералы многое брали у западных «братьев», подчеркивая европейское лидерство в промышленной и военной сфере, то консерваторы не могли довольствоваться идеями западных консерваторов, хотя также были сторонниками сильной военной промышленно-развитой страны, ратуя за создание новых заводов, железных дорог, укрепление финансовой системы. Недаром К. П. Победоносцев не раз обращает внимание Александра III на необходимость стабилизации рубля, на недопущение «игр на берлинской бирже», ведь Россия ежегодно теряет до 1,5 млн. руб. из-за «ловкой эксплуатации нашей простоты». Способствует он и знаменитому промышленнику и финансисту, строителю железных дорог и банкиру С. С. Полякову, хлопоча о его просьбах у императора, в частности, поддерживая идеи Полякова, он просит Александра III оказать помощь в строительстве железных дорог на Восток (Турции, Персии, Болгарии), «ведь владеть железными дорогами на Востоке - это владеть страной, значит и эти страны могли бы быть в наших руках», а эти по сути империалистические меры как нельзя лучше укрепляют Россию «внутренне и внешне»(!)

Но, стремясь взять у Запада экономические новшества, промышленные технологии, пытаясь соответствовать в военной сфере, консерваторы стеной вставали на пути западных конституционных веяний, проникавших в страну.

Виднейшим консерватором, государственным деятелем, учителем и воспитателем Александра III и Николая II был Обер-Прокурор Святейшего Синода (с 1880 по 1905 гг.) К. П. Победоносцев (1827-1907). По своему происхождению (дед - священник,

отец - профессор русской словесности Московского университета) он не принадлежал к высшим классам империи, его деятельность - пример бескорыстного служения идее, России и трону. Он получил хорошее образование (Училище правоведения), в начале своей карьеры занимал кафедру гражданского права в Московском университете, был известен своими трудами по истории права. В 1859 году его статью о графе В. Н. Панине (министре юстиции) А. И. Герцен поместил в своем «Колоколе», в ней ученый критикует всю систему судопроизводства в России, требуя гласности в суде, считая, что она поможет вылечить болезни русской бюрократии. Требование гласности в 1859 году и «стеклянный взор колдуна» в конце XIX в. (А. А. Блок) - как произошло это перерождение из либералов в консерваторы? Думается, что в этом ответе кроется еще одна особенность русского консерватизма второй половины XIX века. Конечно, «радикализм» проходит с возрастом, особенно если человек достиг успехов в карьере (а К. П. Победоносцев из обычного профессора превратился в главу Русской Православной церкви, члена Государственного Совета), многому учит опыт, но и внешние события сильнее всего образом меняют взгляды. Представляется, что таким событием для К. П. Победоносцева, как и для многих мыслящих людей того времени, был выстрел Д. Каракозова в апреле 1866 г. Впервые русский (не поляк) стрелял в русского царя! Этот выстрел заставил задуматься многих людей о сути реформ, об их целесообразности, о последствиях; террор народовольцев, трагедия 1 марта 1881 года лишь усилили и подтвердили опасения. Парижская коммуна 1870/71, (и, конечно, воспоминания о терроре якобинцев), известные скандалы о подкупе в европейских парламентах, а самое главное, появление нигилистов, «бесов» в России, их деятельность, лозунги, борьба за коренной передел всех устоев общества, отвращали от западных идей, заставляли мыслителей выступать против дальнейших преобразований. Примечательно, что такие метаморфозы произошли не только с К. П. Победоносцевым; знаменитый писатель и публицист, видный западник В. П. Боткин (1811-1869) отошел от пропаганды парламентского строя и перешел на консервативно-монархические позиции после 1866 года, то же произошло с М. Н. Катковым, впоследствии Л. А. Тихомиров (1850-1923), автор письма «Народной воли» к Александру

ру III, также стал виднейшим консерватором, автором «энциклопедии монархизма» - фундаментального труда «Монархическая государственность». Таких примеров множество - ужасы террора и революций стали предостережением для многих. У консерваторов появился и сильный аргумент: реформы, «сочиненные по западному образцу», привели к гибели императора 1 марта 1881 г., а «учреждение новой говорильни» (парламента - А. С.) грозит гибелью всей стране. Именно это и заявил К. П. Победоносцев на знаменитом заседании 8 марта 1881 г., где решался вопрос о «конституции» М. Т. Лорис-Меликова, доводы учителя для Александра III были неоспоримы, и проект не был принят, что дало повод многим либералам и умеренным консерваторам впоследствии обвинять неуступчивого Победоносцева во всех бедах и несчастьях России, в падении монархии и гибели Николая II.

Одной из самых знаменитых работ К. П. Победоносцева стал «Московский сборник». Само название не случайно, работа должна была стать своеобразным продолжением славянофильского издания 1852 года, подчеркнуть приязнь автора к тихой патриархальной Москве, в противовес по-европейски шумному, бюрократическому Санкт-Петербургу. Лейтмотивом всей книги была критика западных начал, проникавших в Россию, и, прежде всего, автор обрушивается на «великую ложь нашего времени» - на идею народовластия, считая, что «при демократическом образе правления правителями становятся ловкие подбиратели голосов... механики, ловко орудующие закулисными пружинами, которые приводят в движение кукол на арене демократических выборов». К. П. Победоносцев искренне полагал, что «парламент есть учреждение, служащее для удовлетворения личного честолюбия и тщеславия и личных интересов представителей», ведь основан он на «ложном представлении» Ж. Ж. Руссо о «совершенстве человеческой природы», и следовательно, «каждый человек, масса, может уразуметь тонкие черты политического учения, а ведь такое понимание доступно не многим умам, а масса, как «всегда и повсюду, состояла и состоит из толпы». Человек же несовершенен, слаб и грешен, потому-то и необходимо «единство разумной воли», иначе водворится хаос, порожден-

ный людскими страстями, заключает К. П. Победоносцев. Автор критикует и другие «болезни нашего времени»: суд присяжных, требуя восстановить «крепкую руководящую силу» в судопроизводстве, для чего он написал проект судебной контрреформы; печать, считая необходимым установить строгий контроль государства над газетами, поскольку «любой уличный проходимец, любой болтун из непризнанных гениев» за деньги может издать, что хочет, оклеветать кого угодно.

Идеал К.П. Победоносцева - самодержавная монархия в России, которая воспринималась им как освященная Богом *традиционная* и «отвечающая *национальному складу* русского человека» власть, она может быть плоха или хороша, но она освящена, а значит истина. Эти идеи не новы для консервативной мысли. Идея божественного происхождения царской власти, ее соответствия национальному характеру - традиционны и берут свое начало с XI века, с митрополита Илариона и его «Слова о законе и благодати». Россия обречена на самодержавие из-за своего многонационального и многоконфессионального населения, пишет Победоносцев, что неоднократно подчеркивали и его предшественники, а царь, в этих условиях, может быть *только* православным самодержцем, и *должен* быть «отцом» для всех народов, невзирая на их веру, национальность и благосостояние. И эта мысль впервые появилась у Илариона: князь должен «землю свою насущно правдой», заботясь о всех подданных, и сирых, болящих, вдовых и иных, требующих милостыни, независимо от их благосостояния.

Причем самодержавие для К. П. Победоносцева - это не синоним самовласти и деспотии, царь - Помазанник Божий, его дело непрерывного служения людям, народу, а потому, в сущности, - дело самопожертвования, он - «зеркало и пример для всех подвластных», нравственный идеал, а значит, должен руководствоваться правдой, источником которой является *закон Божий*, «в душе и совести каждого естественно написанный». Идея служения царя была известна с XVIII в., когда сам Петр I и Феофан Прокопович, руководствуясь рационалистическими началами, ввели ее в официальную идеологию России: служить царю – значит служить

Отечеству и наоборот. Народ наш «есть хранитель всех доблестей и добрых наших качеств..., поэтому правительство должно заботиться о нем, помогать справляться с безысходностью, нуждою», не допускать проникновения «тлетворных влияний» в народ, а церковь должна была стоять на страже народной «девственности», не допуская в его среду «духа сомнения и вольнодумства». Для этого Обер-прокурор и стал инициатором возрождения (продолжая дело графа П. Д. Киселева) и увеличения числа церковно-приходских школ, которые должны были не обучать, а **воспитывать** крестьянских детей в православном, а значит и самодержавном духе. Ранее это положение высказал и граф С. С. Уваров: правильное воспитание в духе «Православия, Самодержавия и Народности и будет последним якорем нашего спасения и вернейшим залогом силы и величия нашего Отечества».

Главной задачей обер-прокурора было недопустить изменений в России, оставить все как есть. Как умнейший, образованнейший человек, он не мог не видеть, что страна меняется, «все сгнило», поэтому и нельзя ничего менять. Стремление «заморозить» Россию толкало Победоносцева на противодействие (и довольно успешное) даже многим контрреформаторским проектам Министра внутренних дел Д.А. Толстого, которого нельзя обвинить в либерализме. Остановить, «заморозить» он не смог, поскольку не имел четких конструктивных предложений, продолжая традиционную охранительную линию. Свежих идей, способных придать импульс идеологическому обоснованию самодержавия в изменившихся условиях у него не появилось. Он знал, что не надо, но не смог найти ответ на вопрос «что делать?».

Мы позволили себе столь подробно остановиться на этом виднейшем представителе консервативного направления общественной мысли, поскольку его влияние на власть, на конкретную политику, было наибольшим среди консерваторов, а «Московский сборник» стал своеобразным гимном традиции и старине, в котором нашли отражение многие мысли и идеи других консерваторов.

Но и К.П. Победоносцев иногда подвергался критике со стороны знаменитого публициста М. Н. Каткова (1817-1887), издателя «Московских ведомостей», за пассивность в разработ-

ке, а зачастую и противодействию конкретным мерам, могущим вернуть былую самодержавную целостность России. Впрочем, М. Н. Катков критиковал не только Ober-Прокурора, но и многих других официальных лиц, обвиняя их в недостаточном усердии в борьбе против реформ 60-70-х гг., «развративших общество».

Сын мелкого чиновника, известный переводчик, член кружка Н.В. Станкевича, М. Н. Катков в начале своей деятельности был близок к В.Г. Белинскому, А.И. Герцену, Н.П. Огареву, но постепенно взгляды его меняются. В 40-е годы он начинает преподавать на кафедре философии Московского университета, а в 50-е - становится главным редактором «Московских ведомостей» и «Русского вестника». Со страниц этих изданий он высказывался за освобождение крестьян с землей, предоставление им гражданского равноправия, против принципа сословности, за суд присяжных, за введение в России начал самоуправления, но, одновременно с этим, Катков был против какого-либо ограничения самодержавия. Будучи сторонником реформ, горячо отстаивал их постепенность, сохранение «коренных основ» (самодержавия и помещичьего землевладения), борясь со «свистунами» из радикальных изданий.

Требования жестокого подавления восстания в Польше 1863-64 гг. за Катковым закрепили репутацию «первого патриотического журналиста», отстаивавшего монархию в России. Идеи его получили подкрепление после покушения 1866 г. и других террористических актов. Он считал, что монарх воплощает единство власти и народа, самодержавие - есть высшая форма развития государственности, оно неотъемлемая, естественно-органическая часть русской жизни. «Русскому царю дано особое отличие от других властителей мира. Он не только государь своей страны, и вождь своего народа. Он Богом поставленный блюстителем и охранителем православной церкви. Русский царь не только наследник своих предков, он - преемник кесарей», - пишет Катков, продолжая мысль о Божественном происхождении царской власти.

Надо отметить, что эту традиционную для консерваторов идею наиболее четко сформулировал в ряде своих работ видный религиозный деятель середины XIX века, автор Манифеста об освобождении крестьян 19 февраля 1861 года, митрополит Московский Фила-

рет (Дроздов) (1783-1867): «Бог по образу своего небесного единоначалия устроил на земле царя; по образу своего вседержительства - царя самодержавного; но образу своею царства непреходящего, продолжающегося от века и до века - царя наследственного».

Как и К.П. Победоносцев, Катков видел в самодержавии национальный идеал, всегда спасавший страну, царь - «стоит выше всяческих личных и национальных интересов», причем эта мысль, в отличие от времен предыдущих, в пореформенный период всегда подчеркивалась особо. Как принцип он верен и незыблем, но вот люди, пришедшие во власть, могут быть и неспособными, и недобросовестными. Поэтому Катков и стал «сторожевым псом самодержавия», критикуя многих министров, Государственный Совет и Сенат даже за то, что они обсуждали законы, в то время как «не надо никакого одобрения для законов, кроме подписи Государя».

Другой важнейшей темой для М. Н. Каткова была проблема укрепления социальной опоры самодержавия, он не устал доказывать, что «сила, представляемая дворянством, осталась способная исполнить и при новых условиях свое органическое назначение, состоящее в службе по государственному делу», солидаризируясь в этом со многими проектами восстановления сословных привилегий дворянства. На страницах его изданий расцвел корпоративный консерватизм, именно у Каткова в 1885 г. появляется знаменитая статья А. Д. Пазухина (1841-1891) «Современное состояние России и сословный вопрос», где автор, признавая «современное состояние России смутным и неопределенным» (смута виделась в распространении анархических учений, падении авторитета власти, упадке религии, нравственности, процветании корысти и т. д.), выдвигает проект возвращения России к дореформенным временам. Для этого необходимо восстановить привилегии дворянства в деле местного самоуправления, ввести представительство от сословий вместо «представительства от случайных групп разного рода имущественников», поскольку сила самодержавия зависит от благополучия дворянства.

Эти соображения легли в основу знаменитых контрреформ Александра III, которые К.Н. Леонтьев назвал «великим исправительным движением 80-х гг.», поскольку считал, что именно со-

словные ограничения воспитали в русском народе смирение и покорность, ту душевную красу, что и «делали его истинно великим и примерным народом».

Но не стоит думать, что Леонтьев был таким реакционером, сторонником векового рабства и ненавистником русского народа. Отнюдь! Им, как впрочем и другими консерваторами, руководила любовь к Родине, желание видеть народ сильным и благополучным.

Фигура Леонтьева, пожалуй, наиболее яркая в консервативном движении, он смог создать свою оригинальную государственно-правовую и философскую системы. Взгляды его должны рассматриваться как продолжение концепции Н. Я. Данилевского, которого Леонтьев называл своим учителем. Известный ученый, публицист, исследователь рыбных промыслов в конце 60-х годов опубликовал знаменитое исследование «Россия и Европа», в которой выдвинул теорию о множестве «культурно-исторических типов», которые имеют свою историю, отличную друг от друга. Стержнем всей работы была мысль о том, что каждый тип замкнут в себе, имеет свою иерархию ценностей и свою душу. Европейская цивилизация - это одна из восьми до сих пор существовавших культурно-исторических типов. Все типы проходят через периоды зарождения, созревания, расцвета, дряхления и гибели. Европа уже прошла через период расцвета и сейчас находится на пути к дряхлению, а славянский же тип, наоборот, лишь только созревает, поэтому Запад и ненавидит Россию, чувствуя в ней начала новой цивилизации, превосходящей умирающий Запад. Главная же задача России - реализация идеи всеславянского единства, для чего необходимо создать славянскую федерацию с центром в Константинополе, противником же этого, в силу указанных причин, будут европейские страны.

Теория Данилевского была попыткой определить особенные черты России, ее путь развития, показав его отличие от других стран. Но многие философы и публицисты увидели в ней идеологическое обоснование панславизма, проповедь территориальных захватов, отвержение общечеловеческих начал, проповедь национальной исключительности, а ведь смысл книги Данилевского, как впрочем и других работ консерваторов, в том, что в условиях быстрого превращения России в буржуазное го-

сударство - и как следствие этого прогрессирующей «порнофикации русского общества» (К. К. Толстой) - они, оставаясь «верными заветам, смыслу и духу земли русской» (В. В. Розанов), пытались предостеречь Россию и русских от катастрофы.

Константин Николаевич Леонтьев родился в 1831 году в небольшом, но цветущем имении своих родителей Кудиново (что в Калужской губернии), которое впоследствии пришло в запустение и разрушение, что, видимо, навело философа на мысль об «умирающей красоте» в пореформенной России. Он получил медицинское образование и даже работал в Керченском военном госпитале во время Крымской войны, но большую часть жизни он посвятил дипломатической службе, работая дипломатом на Крите и в Османской империи. В это время он написал несколько литературных произведений: «Хризо», «Очерки Крита», а затем и «Египетский голубь».

Леонтьев был глубоко верующим человеком и даже пытался дважды постричься в монахи на Афоне в 1871 г. (отговорили монахи) и в 1875 г. в Николо-Угрешском монастыре, откуда ушел по неизвестным обстоятельствам, а в 1887 г. Леонтьев снимает дом в Оптиной пустыне, где много и плодотворно работает. В 1891 году он принял постриг и имя Климента в Предтечевом скиту Оптиной пустыни, впоследствии он переезжает в Троице-Сергиеву лавру, где и умирает.

В 1919 году рядом с его могилой был похоронен другой великий русский философ В. В. Розанов, так же остро чувствовавший и переживший «апокалипсис нашего времени», о близости которого предупреждал Леонтьев (через несколько лет кладбище было срыто и превращено в свалку).

К.Н. Леонтьев, разделяя учение Н. Я. Данилевского, пытался установить законы созревания и гибели культуры. По его учению, культура проходит через три периода: «первоначальной простоты», «цветущей сложности» и умирания, через «вторичное упрощение» и «уравнительное смешение». Период «цветущей сложности» характеризуется дифференциацией частей при интеграции и единстве целого, это время социального неравенства, образования элиты. Смесительное упрощение характери-

зуется Леонтьевым как стремление ко всеобщему равенству и демократизации, которое имеет своим результатом расцвет техники, умирания искусства, опошления жизни. Исходя из этой схемы философ полагал, что в Европе к XIX веку закончился период «цветущей сложности» и она близка к умиранию, а появление уравнилельных идей - показатель духовного и культурного разложения. Социалистическое будущее он считал весьма вероятным, поскольку «средний рациональный европеец в своей смешной одежде, с умом мелким и самообольщенным, со своей... благонамеренностью» не сможет стабилизировать слишком подвижные «эгалитарные» процессы на Западе, что и приведет к «неотвратимому социализму», или «рабству в новой форме», более страшному, строгому и принудительно-му.

Россия же имеет будущее, поскольку еще не достигла периода расцвета, поэтому влияние загнивающего Запада может оказаться для нее смертельным ядом. Для укрепления своего положения Леонтьев призывает обратиться к первоисточнику православия, ведь оно и есть «наш национальный идеал», - к Византии. «Византизм в государстве означает самодержавие. В религии он означает христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов...», «...византийский идеал отвергает всякую надежду на всеобщее благоденствие народов,... он есть сильнейшая антитеза идее всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной свободы, земного вседовольства»(!). Интересно, К.Н. Леонтьев, будучи сам глубоко верующим человеком, причем, следуя «филаретовскому», ортодоксальному православию и выступая против «розового» христианства Л. Толстого и Вл. Соловьева, верит в невозможность построения царства Божия на земле, повторяя библейское: «Царство мое не от мира сего». Отсюда его борьба с демократией и социализмом и теми, кто верил в земное царство Бога. В этом уникальность мировоззрения К.Н. Леонтьева.

Самодержавие в России опирается на «родовое монархическое чувство, является ... главным организующим началом, главным орудием дисциплины», оно окрепло под влиянием православия, является для страны главным «спасительным и плодотворным началом»,

отсюда жизненная необходимость его сохранения и укрепления. Поэтому К.Н. Леонтьев с восторгом встречает контрреформы Александра III, направленные на восстановление былых prerogatives государственной власти и поддержание сословных привилегий дворянства, ведь «сама не-равноправность людей и классов важнее для государства, чем монархия». «Нужно подморозить Россию, чтобы она не гнила». Россия, по мнению Леонтьева, чрезмерно наводнена западными идеями, а русская интеллигенция неудержимо их проповедует (то же есть и у Победоносцева, у Каткова, появится эта мысль и в «Вехах»). Он чувствовал, что революция надвигается. Не разделяя надежду либералов на её благополучный исход, Леонтьев прямо говорил: «У нас дух охранения слаб... наше общество вообще расположено идти по течению за другими... кто знает, не быстрее ли других?». И далее: «Либерализм, простертый еще немного дальше, довел бы нас до взрыва, и так называемая конституция была бы самым верным средством для проведения насильственного социалистического переворота, для возбуждения бедного класса против богатых... для новой, ужасной, может быть, пугачевщины».

Пожалуй, К.Н. Леонтьев сумел в наиболее ярком виде представить консервативное мировоззрение, противопоставляя идее прогресса непреходящие идеалы, традиции нации и религии, критикуя утопические и вредные для России (в чем искренне был уверен) социалистические, либеральные и радикальные воззрения, проникавшие в страну. В этом он был похож на ветхозаветного пророка, предостерегая имеющую великое будущее Россию «от опасности утраты традиционных устоев, призывая вернуться к национальному «византийскому началу». Но, к сожалению, труды К.Н. Леонтьева не были широко известны при его жизни (первое собрание сочинений вышло в 1912 г.).

Другой особенностью русского консерватизма второй половины XIX века была идеализация самодержавия как формы правления. И настоящую «энциклопедию монархизма» для этого создает бывший террорист, автор знаменитого письма «Народной воли» к Александру III, впоследствии раскаявшийся и ставший ярким монархистом, Л.А. Тихомиров (1850-1923). В своем знаменитом труде «Монархическая государственность» (СПб, 1905, переизд. СПб, 1992) он называет наиболее приемлемой формой

правления, особенно в российских условиях, учитывая ее обширную территорию, многоплеменный состав, именно монархию. Но монархия не всегда и везде одна и та же. «Признание верховной государственной власти одного человека над сотнями тысяч и миллионами подобных ему человеческих существ не может иметь места иначе, как при факте или презумпции, что в данной личности - Царе - действительно действует некая высшая, сверхчеловеческая сила, которой нация желает подчиняться». В этом отрывке вся суть монархии по Тихомирову: она имеет Божественную сущность, она есть нравственный идеал, она есть «реальное содержание русской народной души». Поэтому и произвол самодержца невозможен, ведь царь - не деспот, поскольку в России «верная» религия - православие (а деспотия возможна при «неверной» религиозной основе), и есть внешний (Божественный) закон его деятельности. Да и монарх стоит вне личных, классовых и этнических интересов, поскольку возвышается над всем обществом. «Роль же царя - Царская, но не министерская», он «делегирует свою власть различным органам... оставаясь единственным источником всякой власти», причем при монархии возможны и народные представители - «орудие общения монарха с национальным духом и интересами», «советные люди, но не депутаты».

Таким образом, Тихомиров рисует идеальную монархию, где царь в атмосфере творческой работы с народом решает все насущные проблемы, а значит монархия является народной, отвечающей всем потребностям русских людей (то же подчеркивали К.П. Победоносцев и М.Н. Катков), отсюда и бессмысленность борьбы с ней.

Но истинная монархия может превратиться в диктатуру, если исчезнет религиозная идея и если «монархия начнет работать над подчинением морали политике, она тем самым отнимет у нравственного начала его верховенство, а стало быть, уничтожит и себя как силу верховную», следовательно только православие может остановить губительный процесс «гибели нации».

Исследуя исторический путь Отечества, Тихомиров считает, что русские люди могут быть или монархистами, или анархистами, парламентарные формы «нам неведомы», западные идеи при-

ходят в Россию, но «поддерживаются они только теми, кто заинтересован в них как в своем классовом оружии господства над страной. Его сторонниками являются адвокаты, журналисты, мелкие интеллигенты, наименее научная часть профессуры, наиболее спекулятивная часть промышленников, т.е. все кандидаты в политическую роль», тогда как народ имеет монархический государственный идеал. Правительство должно ориентироваться на него и не допустить уничтожение русской государственности, тем более, что очевидные и вечные истины известны - православие, самодержавие, народность - именно они и смогут спасти русскую культуру, -заключает Л.А. Тихомиров.

В заключение мы должны сказать, что роль консерватизма в отечественной истории, особенно второй половины XIX - начала XX вв. весьма значительна. Будучи господствующей (официальной) идеологией, опираясь на определенную философскую и публицистическую традицию, причем используя в основном известные с XI века аргументы, консерваторы не смогли найти ответ на вопрос «что делать?», как соотнести традиционные, коренные, национальные ценности - православие, самодержавие, народность - с новой, быстро капитализирующейся Россией. Все их попытки остановить этот процесс, даже непосредственно используя власть, все их эсхатологические пророчества не давали должного результата, попытки синтезировать в консерватизме нечто новое, применимое к буржуазным порядкам, капиталистической экономике, также были неудачны. В этом и была трагедия русского консерватизма.

Источники и литература

Бердяев Н.А. Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии // Русское зарубежье. - Л., 1991.

Власть и реформы: от самодержавия к советской России. - СПб, 1996.

Катков М.Н. Имперское слово. - М., 2002.

Леонтьев К.Н. Избранное. - М., 1993. Победоносцев К.П.: PRO ET CONTRA. - СПб, 1996.

Российские консерваторы. - М., 1997.

Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. Под. ред. В.Я. Гросула. - М., 2000.

- Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). - М., 1978.
- Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. - СПб, 1992.
- Тихомиров Л.А.* Критика демократии. - М., 1997.
- Франк С.Л.* Духовные основы обществ: Введение в социальную философию // Русское зарубежье. - Л., 1991.
- Хомяков Д.А.* Православие, самодержавие, народность. - Минск, 1997.
- Христофоров И.А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850 - середина 1870 гг. - М., 2002.

9. Реформы и контрреформы в XIX веке

Развитие России в XIX веке шло в столкновении нескольких альтернативных вариантов: сохранение крепостнических порядков (застой, стагнация); реформирование страны путем отмены крепостного права, введения буржуазных свобод, конституционного ограничения самодержавия («революция сверху»); революционный переворот силами демократической интеллигенции при опоре на социальный протест угнетенных масс или с помощью заговора. Борьба мнений, программ, предложений в рамках этих альтернатив отражала взгляды различных социальных сил, групп и предопределила постоянные колебания и зигзаги при попытках осуществить реформы. Особая роль здесь принадлежала императору и правительству. А. Корнилов писал по этому поводу:

«Привыкши всего ждать сверху общество и теперь (после заключения Парижского мира - Е.И.) всего ждало от прогрессивного правительства, отнюдь не стремясь обеспечить за собой какие-нибудь права на участие в государственных делах». И так было в течение всего XIX века. Тем не менее роль отдельных передовых представителей этого общества, настроенных реформаторски, отрицать нельзя. Правда, при одном условии - поддержке царя. Так было и при первых реформаторских замыслах и позднее, когда реформы все-таки начинались.

Первые попытки реформ в XIX веке были связаны с именем М.М. Сперанского (1772-1839). Выходец из духовного сословия,

он благодаря своим талантам, трудолюбию и организованности стал одним из крупнейших государственных деятелей, был удостоен титула графа Российской империи. Его по праву называли «светилом русской бюрократии», добавим - либеральной бюрократии.

М.М. Сперанский понимал необходимость осуществления в России гражданских и политических свобод. Он говорил о ликвидации крепостного права как необходимом для продвижения к европейским принципам государственности условии и указывал пути достижения этого. Он предлагал практически решить вопрос о разделении власти на законодательную, исполнительную и судебную, о создании правового государства, о введении выборных государственных органов в виде системы дум: волостных, окружных, губернских и государственной. К сожалению, система мер по реформированию страны, предлагавшаяся М.М. Сперанским, не была осуществлена. Был создан лишь Государственный Совет при императоре и формировавшийся им же, а также министерства, заменившие петровские коллегии. И все же идеи, высказанные М.М. Сперанским, оказали огромное влияние на его современников и потомков. Это идеи реализовывались позже и во время реформ 1860-1870-х гг., и в начале XX века, когда возникает Государственная дума.

Не были также осуществлены разрабатывавшиеся в первой половине XIX в. в глубокой тайне проекты конституции и отмены крепостного права.

Кризис крепостнического строя, прорвавшийся после Крымской войны, поставил в ряд практических проблем реформирование всех отраслей жизни России. Выдвигается целая группа либеральных бюрократов, общественных деятелей, писателей и ученых, которые при поддержке Александра II готовят и начинают осуществлять серию реформ. Среди них - Я.И. Ростовцев, Н.А. Милютин, К.Д. Кавелин, Д.А. Милютин, С.С. Ланской, Д.Н. Замятнин и др. Из членов царской семьи многое сделал для реформ убежденный либерал великий князь Константин Николаевич, брат царя. Сам Александр II, иногда поддаваясь сильному нажиму справа, тем не менее настойчиво двигал реформы вперед. В один из таких моментов Н.А. Милютин сказал о царе:

«Нельзя не изумляться твердости государя, который один обуздывает настоящую реакцию и силу инерции». Такая твердость все же не была постоянной. Примером многочисленных зигзагов и отступлений царя была ликвидация Редакционных комиссий сразу после выработки ею «Положений» об освобождении крестьян (октябрь 1860 г.). Доработка их шла под сильным напором реакции, и хотя основа, сколоченная Редакционными комиссиями, осталась, но после обсуждения проекта в Главном комитете по крестьянскому делу, а затем - в Государственном Совете, под нажимом реакционеров надельный крестьянский фонд был урезан на 20%, крестьянские повинности повышены, стоимость выкупа увеличилась.

Объективный взгляд на эпоху великих реформ, в том числе - на крестьянскую реформу, показывает не столь абсолютную роль крестьянского движения в этом процессе, как указывалось в доперестроечной историографии. Безусловно, правительство осознавало опасность мощного «крестьянского бунта, бессмысленного и беспощадного». Но сводить причины отмены крепостного права к этому никак нельзя. Значение крестьянского движения в подготовке и проведении реформы явно преувеличивалось. Даже цифры учебников, показывающие размах крестьянского движения в это время, говорят сами за себя. Прав один из современных исследователей, когда говорит: «Не в открытой политической борьбе, не в классовых битвах решались судьбы крестьянства и страны». Они решались в правительственных, бюрократических сферах, хотя и опасность крестьянской революции, и напор всех передовых сил общества, конечно, укрепляли позиции тех государственных деятелей, которые готовили реформы. Вопреки распространенному мнению, что царю подавались приуменьшенные сведения о размахе крестьянского движения, есть факты, указывающие на то, что дело обстояло как раз наоборот. Так, например, министр внутренних дел С.С. Ланской, желая ускорить реформы, в докладах Александру II намеренно преувеличивал опасность новой пугачевщины.

Не совсем объективно рассматривались раньше и итоги крестьянской реформы. Конечно, крестьянство много потеряло в результате этой реформы. Но не так уж сладко было и дворянству. Здесь уместно вспомнить слова Н.А. Некрасова, сказанные им о реформе:

Порвалась цепь великая.

Порвалась - расскочилась:
Одним концом по барину,
Другим - по мужику!..

Реформа предопределила разорение многих «дворянских гнезд». Некоторые помещики исключительно добросовестно поделились с крестьянами землей. Все это, однако, не исключает полукрепостнический характер реформы и тот факт, что она прежде всего была направлена на защиту интересов дворянства.

Крестьянскую реформу нельзя изолировать от всех других реформ - земской, городской, судебной, военной и т.д. Все они задумывались, готовились одновременно. Осуществление каждой из них было взаимообусловлено осуществлением других. И только проведенные в комплексе, они обеспечили, несмотря на серьезные недостатки, действительное преобразование России.

В свете новых взглядов на историю России XIX века иначе оценивается роль революционно-демократического движения 1860-1870-х гг. и деятельность виднейших его представителей, в том числе А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского, народников 70-х годов. Об этом уже говорилось выше. Сейчас же подчеркнем, что убийство Александра II народовольцами 1 марта 1881 года задержало дальнейшее реформирование страны. Ведь император в этот день одобрил представленную ему докладную записку М.Т. Лорис-Меликова, в которой излагались предложения о созыве подготовительных комиссий (по типу Редакционных) для осуществления некоторых реформ. В эти комиссии предполагалось привлечь кроме официальных чиновников еще и представителей земств (по два от губернии), городских дум (по одному от губернского города). Впервые к законодательству и государственному управлению призывались бы избранные населением страны депутаты (гласные). Это был бы важнейший шаг на пути к введению парламента и конституции.

Взрывы на Екатерининском канале 1 марта 1881 года не только не дали осуществиться этим проектам, но и обусловили наступление консерватизма в 1880-1890-х гг.

Опираясь на всеобщее возмущение кровавой расправой народовольцев над Александром II, на консервативные и реакци-

онные силы России, новый царь начал эпоху политической реакции. Была восстановлена в 1882 г. предварительная цензура и усилен контроль над прессой, а некоторые издания закрыты - журналы «Отечественные записки» и «Дело», газеты «Голос» и «Земство». Ликвидировалась автономия университетов введением нового университетского устава 1884 г. В пять раз увеличивалась плата за обучение. Указом 1887 г. «о кухаркиных детях» запрещался прием в гимназии детей низших сословий. Было ограничено земское и городское самоуправление, а в сельской местности с 1889 г. вводилась должность земских начальников-чиновников, обладавших большой административной и судебной властью и контролировавших деятельность крестьянского самоуправления. Постаралось правительство и закрепить крестьянскую общину как податную единицу, затруднить выход из нее крестьян и разделы крестьянских семей. Впрочем, на эту сторону деятельности учебники обращают внимание. Нужно только подчеркнуть, что все это не смогло ликвидировать те достижения, которые имели место в русской жизни в результате реформ 1860-1870-х гг. Страна уже настолько изменилась, что возврат к прежним, дореформенным порядкам был невозможен.

С политикой же правительства в области экономики и финансов дело тоже обстояло достаточно сложно. В школьных учебниках об этом совсем не говорилось. Особенностью России было очень сильное вмешательство государственной власти в экономику. Государству принадлежало более трети всей земли и 60% лесов, 70% железных дорог и вся военная промышленность, горнодобывающие и металлургические предприятия Алтая, Сибири, Урала, почтовая и телеграфная сеть. Очень сильным было воздействие государства на финансовую систему. Оно использовало свои средства для обуздания биржевых кризисов, регулирования курса рубля. Государство поддерживало крупные частные предприятия и банки, выдавая им ссуды. Министерство финансов контролировало банки и международные кредитные операции.

Правительство проводило отчетливо выраженную протекционистскую политику в области экономики. С 1891 года таможенный тариф предусматривал пошлину на ввозимые иностранные товары в размере 33% (ранее он составлял 19%).

Деятельность правительства в области экономики и финансов связана с именами М.Х. Рейтерна, Н.Х. Бунге, И.А. Вышнеградского и С.Ю. Витте. Наиболее крупной фигурой, с которой были связаны попытки реформ, была фигура С.Ю. Витте (1849-1915).

С.Ю. Витте был убежденным сторонником государственного вмешательства в народное хозяйство. Именно при помощи государственных рычагов управления он стремился осуществить ускоренную индустриализацию страны. Он завершил начатый еще его предшественниками курс стабилизации русского рубля денежной реформой 1897 г. Было введено золотое денежное обращение и свободный обмен бумажных денежных знаков на золото. Это привлекало иностранный капитал, который направлялся прежде всего в промышленность, вкладывался в производство.

Увеличение же доходов внутри страны обеспечивали косвенные налоги на товары широкого потребления (керосин, спички, спирт и др.), промысловый налог, обеспечивший отчисление в бюджет с промышленных предприятий. В 1894 г. была введена винная монополия государства, обеспечившая большие доходы казне.

Экономическая политика С.Ю. Витте и его предшественников способствовала и без того бурному развитию промышленности, особенно в 1890-х годах. В среднем строилось в год свыше 3 тыс. верст железнодорожных путей. К 1900 году Россия занимала первое место в мире по добыче нефти. Государственные доходы выросли со 115 млн. рублей в 1867 г. до миллиарда в конце XIX в. Россия приблизилась к индустриально развитым странам. И все же реформы Витте не достигли желаемых правительством целей. Причины здесь были, в основном, следующие: ускоренное развитие экономики упиралось, во-первых, в сохранение абсолютизма, самодержавия, в политическую реакцию, а во-вторых, в отсталое сельское хозяйство, на котором тяжелым бременем лежали крепостнические пережитки и существовавшие в деревне экономические отношения, слабая техническая вооруженность, плохая конкурентоспособность на внешнем рынке. Все эти негативные моменты объясняют тот кризис, который пережила Россия в начале XX века.

В заключение отметим, что в последние годы нетрадиционно рассматривается вопрос о революционной ситуации. Неко-

торые исследователи утверждают, что революционных ситуаций в России XIX века не было. Были революционеры, но отсутствовали объективные условия для возникновения и тем более победы революции. Чтобы это свершилось, необходима отсутствовавшая тогда поддержка народа.

Серьезные возражения вызывает сейчас и тезис о том, что реформы XIX века были результатом (побочным продуктом - по В.И. Ленину) классовой борьбы. Безусловно, она сыграла свою роль в том, чтобы подтолкнуть правительство к реформам, особенно - к крестьянской. Но дело здесь не в революционной ситуации, а в целом комплексе обстоятельств: и в экономических трудностях, и в последствиях Крымской, а потом и следующей войны, во все большем осознании позорности крепостного состояния и т.д. Достаточно сказать, например, что крестьянское движение приобрело гораздо больший размах после объявления реформы 19 февраля 1861 г., а не до нее. Во время же кризиса рубежа 1870-80-х гг. оно далеко не достигло уровня 1861 г., поэтому тем более не могло привести к складыванию революционной ситуации.

Источники и литература

- Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. - СПб, 2001.
- Ананьич Б., Чернуха В.* Партия контрреформ (третье поколение русских реформаторов. 1890-1900 годы) // Родина. - 1992. - №2.
- Они же. Чернильные перемены. (Власть и общество: этапы расхождения) // Родина. - 1991. - № 11-12.
- Великие реформы в России. 1856-1874. - Изд-во МУ, 1992.
- Витте С.Ю.* Воспоминания. 1849-1911 гг. - Тт. I-III. - Таллинн - М., 1994.
- Власть и реформы. От самодержавия к советской России. - СПб, 1996.
- Захарова Л.Г.* Россия на переломе (Самодержавие и реформы 1861-1874 гг.) // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX-начала XX в. - М., 1991.
- Она же. Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX в. в России // Вопросы истории. - 1989. - № 10.
- Корнилов А.* Курс истории. России XIX века. - Ч. III. - М., 1918.
- Литвак Б.Г.* Переворот 1861 г. в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива? - М., 1991.

Политическая история: Россия - СССР - Российская Федерация. - Т. I, II. - М., 1996. Рабочие и интеллигенция в эпоху реформ и революций. 1861-1917. - СПб, 1997.

Реформы или революция? Россия 1861-1917: Материалы международного colloквиума историков. - СПб, 1992.

Российские либералы. - М., 2001.

Россия на волнах реформ. Александр III против Александра II? // Знание - сила. - 1992. - № 2.

Раздел III

Проблемы истории России конца XIX-начала XX вв.

---

1. Экономика и социальная структура

Развитие капитализма в России и других странах породило проблему его типологии. Современная методология развернула эту проблему в концепцию трех эшелонов. Согласно этой концепции можно говорить о трех моделях (эшелонах) развития мирового капитализма:

1) - эшелон развитого, классического капитализма - Англия, Франция, США, Канада, Австралия;

2) - эшелон становления буржуазных отношений в переплетении с другими экономическими укладами - Россия, Япония, Австрия, Балканские государства;

3) - эшелон государств Азии, Африки, частично Латинской Америки, оказавшихся к началу XX века на положении колоний и полукolonий великих держав.

Для стран второго эшелона, в том числе и России, характерен особый тип капитализма, становление которого характеризуется гораздо поздним началом (XVIII - середина XIX в.) слабо выраженными социально-экономическими, политическими и правовыми буржуазно-формационными предпосылками. Становление буржуазных структур в России проходило в более сжатые сроки с интенсивным участием иностранного капитала. Все это вело общество к большому и длительному социальному напряжению, перманентным противоречиям и конфликтам.

Историческая наука накопила огромный фактический и историографический материал по истории России конца XIX - начала XX в., но понимание его все еще не до конца ясное. Причина: кризисное состояние отечественной исторической науки, проявлявшееся в резко отрицательном отношении к немарксистской

историографии, нетерпимости к различиям во мнениях внутримарксистской исторической науки, в стремлении к единомыслию и догматизму исторического мышления, насаждаемого политическим режимом. Многие историки-профессионалы длительное время превращали историческую науку в «служанку политики».

История не ошибается, ошибается тот, кто трактует ее по собственному усмотрению, создавая исторические мифы и новые исторические догматы, выдавая их за «правду истории». Многие вопросы российской истории эпохи империализма и народных революций в настоящее время нуждаются в переосмыслении и более углубленной разработке. Перед учеными-историками встала ответственная и сложная задача - искать и находить единственную историческую истину в условиях плюрализма мнений и многоликих заблуждений. Для изучения истории России этого времени важен системный подход, включающий в себя два момента: 1) рассмотрение российского общества конца XIX -начала XX в. как системы экономических, социальных, политических отношений и 2) рассмотрение российской истории в контексте всемирной истории, истории единой, но многовариантной.

Изучение эпохи империализма и народных революций в истории нашего Отечества весьма поучительно и сложно, так как это было время гигантского социального землетрясения на 1/6 части земной суши. Россия - страна необычайно сложная и пестрая во всех отношениях и особенно в экономическом и национальном. Вплоть до 90-х годов XX века большинство ученых-историков и других обществоведов свои главные усилия направляли не на изучение комплекса исторических фактов и объективный анализ сложнейших экономических, социальных и политических процессов эпохи, а на изыскание и обоснование объективных и субъективных предпосылок Октябрьской революции 1917 года.

Тем самым игнорировался многофакторный подход к истории, что приводило к деформации изображения ее реальных процессов. Укоренился стереотип приравнивания и подтягивания России по уровню капиталистического развития до уровня высокоразвитых стран Западной Европы и Америки. Из страны «среднеслабого» развития капитализма она была превращена в стра-

ну «среднего уровня развития капитализма, экономически созревшую для социализма. Все это делалось для того, чтобы обосновать высокую степень зрелости социально-экономических предпосылок Октябрьской революции 1917 года.

Правда, не все историки и обществоведы безоговорочно разделяли изложенную выше точку зрения на уровень экономического развития России в начале XX века. Еще в 1969 году группа ученых-историков (П.В. Волобуев, К.Н. Тарновский, А.М. Анфимов, И.Ф. Гиндин, М.Я. Гефтер и др.), основательно исследуя коренные вопросы социально-экономического развития страны, сделали вывод, что предреволюционная Россия оставалась отсталой капиталистической страной, не завершившей свою формационную буржуазную перестройку. Они не рассматривали тогдашнюю Россию классической империалистической страной, готовой в короткий промежуток времени через революцию закономерно шагнуть к социализму.

Сторонники этого так называемого «нового направления» доказывали, что российский капитализм испытывал на себе значительное влияние докапиталистических общественно-экономических укладов. В России начала XX века, по их утверждению, причудливо переплетались, например, такие различные социально-экономические уклады: монополистический капитализм, частнохозяйственный капитализм, полукрепостническое землевладение, мелкотоварное производство (большинство крестьян, продающих хлеб), натуральная и патриархальная формы хозяйства. Существовал еще особый государственный уклад (казна имела 140 млн. десятин земли в Европейской части России, 350 млн. десятин лесов и еще 2/3 железнодорожной сети). С этими укладами были связаны соответствующие формы социальных отношений и эксплуатации.

Представители «нового направления» выделяют и особый для России тип капиталистической эволюции со своеобразной перестановкой фаз развития: оставался незавершенным аграрно-буржуазный переворот, тогда как промышленный переворот был завершен. Все это свидетельствовало, по их мнению, лишь о весьма относительной зрелости российского капиталистическо-

го способа производства, при котором теоретически возможен переход к социализму. Они хорошо усвоили образное высказывание по этому вопросу Г. В. Плеханова: «Русская история еще не смолола той муки, из которой со временем будет испечен пшеничный пирог социализма».

Изложенные выше два взгляда советских историков на процесс капиталистической модернизации России - свидетельство разновременных этапов в изучении этой кардинальной проблемы в истории нашего Отечества. И если отбросить значительную долю идеологизации и политизации из первой концепции (приравнивание России в социально-экономическом отношении к передовым странам Запада) и частично недооценку монополизации экономики России в начале XX века - из второй, то можно примерно так представить процесс становления капитализма в России.

Это процесс начался почти два столетия назад. Но заметное изменение ему дали реформы 60-70 годов XIX в. На пути к капитализму было много препятствий экономического, политического и юридического порядка: длительное существование крепостного права, монополия дворянства на земельную собственность, усиленная колонизация окраин страны, способствующая консервации феодальных отношений, многочисленные войны и, наконец, отсутствие политических и правовых предпосылок из-за прочного господства абсолютной монархии.

Однако, силы экономического развития (внутренние и внешние), формирование мирового рынка, военно-экономическая и техническая отсталость страны, назревший кризис рубежа 1850-1860-х гг. заставили царизм пойти на отмену крепостного права и открыть путь к новой капиталистической формации. Но переход к капиталистическому способу производства в России произошел эволюционным путем при сохранении абсолютистского государства, которое во многом определило форму и характер буржуазных преобразований, особенности капиталистической эволюции в России.

В числе этих особенностей можно назвать: исторически сжатые сроки (пореформенное 40-летие) капиталистического разви-

тия, своеобразное сочетание спонтанных процессов становления капитализма «снизу» с активной покровительственной правительственной политикой «сверху» по форсированному развитию железнодорожного транспорта и отдельных отраслей народного хозяйства. Последняя проявилась в прямом государственно-капиталистическом предпринимательстве, в выдаче крупных казенных заказов по завышенным расценкам, привлечении в больших масштабах иностранного капитала, выступавшего в качестве «локомотива», «тягача» промышленного развития, в регулировании финансов, в таможенной политике, ограждавшей российскую промышленность от конкуренции.

Интенсивно начавшийся в конце XIX века процесс модернизации страны во многом связан с политической практикой выдающегося государственного деятеля и реформатора С.Ю. Витте. В тогдашних условиях России он активно вырабатывает и реализует принципы развития национальной экономики. Практически они нашли свое воплощение в проведении протекционистской торговой политики (единый таможенный тариф 1891 г.), создании благоприятных условий для иностранных инвестиций (железнодорожное строительство, поощрительные меры для промышленности, стабильная национальная валюта - золотой рубль), в стремлении к политической стабилизации (либеральный курс по созданию представительных учреждений и гарантий политических свобод). Реформы Витте не завершились полностью, так как они носили во многом верхушечный характер и осуществлялись на медленно изменявшихся традиционных аграрных отношениях.

Однако, царизм, способствуя буржуазным преобразованиям, в то же время ревностно охранял свои prerogatives, экономические и политические привилегии господствующего класса дворян-помещиков.

Такая политика и практика самодержавного государства при сохранении пережитков феодального общества привела к нарушению естественно-исторической последовательности становления форм и порядка капиталистического способа производства, к резкому смещению его стадий (этапов) развития. В

странах Запада железнодорожное строительство явилось результатом промышленного переворота и в этом смысле увенчало дело окончательного преобразования капиталистического производства. В России же в 60-70-х годах, еще до завершения промышленного переворота, началось крупное железнодорожное строительство, которое заложило основы капиталистической индустрии и явилось одной из причин перехода в ряде случаев к фабричному производству без прохождения мануфактурной стадии.

К 80-м годам XIX века в России во многих отраслях индустрии завершился промышленный переворот, а в 90-е годы она пережила период промышленного подъема. За эти годы при масштабном вливании иностранных капиталов и технологий в стране был создан промышленный потенциал, достаточный для обеспечения военной, политической и в значительной мере экономической безопасности, но еще недостаточный для поддержания высокого уровня жизни населения.

В 1890-х годах индустриальное развитие страны (первая индустриализация) привело к тому, что ее промышленное производство удвоилось. Выпуск продукции тяжелой промышленности увеличился почти в три раза, легкой - в 1,6 раза. Выплавка чугуна возросла с 45 млн. пудов до 165 млн. пудов, производство стали - с 16 млн. пудов до 116 млн. пудов. Общая стоимость продукции машиностроения увеличилась в 3,7 раза, а число выпускаемых паровозов в 10 раз. Добыча нефти достигла 550 млн. пудов (рост в 2,9 раза), в результате чего по этому показателю Россия вышла на первое место в мире. Добыча каменного угля возросла в 2,2 раза. С 1893 по 1900 год в стране было построено железных дорог больше, чем за 20 предыдущих лет (общая протяженность железнодорожной сети к началу XX в. составила около 50 тыс. верст). По общей протяженности дорог Россия вышла на второе место в мире, уступая только США. В целом за пореформенное 40-летие общий объем промышленного производства в стране возрос почти в 8 раз.

С началом XX века наступают и новые процессы в экономическом развитии: кризис 1899 - 1903 годов, затем депрессия и революция 1905 - 1907 гг., и только в 1909 году после длительного

застоя в России начался новый, второй промышленный подъем (вторая индустриализация), продолжавшийся до 1914 года. За эти годы промышленное производство увеличилось почти в полтора раза.

Чем же можно объяснить столь быстрые темпы промышленного роста? Сравнительно невысокими исходными данными уровня российской экономики в середине XIX века; возможностью широкого использования технического и организационного опыта развитых капиталистических государств; притоком и использованием иностранного капитала, огромными трудовыми и природными ресурсами. Значительная часть иностранных капиталов направлялась на развитие тяжелой промышленности. А это ускоряло процесс индустриализации России.

Однако, иностранному капиталу не удалось целиком приспособить развитие экономики России к собственным интересам или превратить ее в «банановую империю». Россия не превратилась ни в колонию, ни в полуколонию, как утверждали некоторые советские историки сталинских времен. Она сохранила позиции равноправного государства с другими.

Важным показателем капиталистического развития промышленного производства была его концентрация, значительно ускорившаяся в начале XX века. На смену крупным предприятиям и объединением приходили еще более крупные. Концентрация касалась как организации самого производства, роста его основных капиталов, так и рабочей силы. Концентрация рабочих в России к началу XX века достигла таких масштабов, что с ней не могла соперничать ни одна другая страна в мире. В 1903 году на крупных предприятиях с числом рабочих более 500 человек (таких предприятий тогда было 4% от общего числа предприятий в стране) работало 48,7% всех рабочих России.

Однако, в России существовала концентрация двух различных типов: собственно капиталистическая, связанная с техническим прогрессом (новые отрасли промышленности индустриальные районы. Юг, Баку) и концентрация, порожденная полуфеодалным строем промышленности (Урал) и в целом дешевизной рабочих рук в результате аграрного перенаселения.

Концентрация производства приводила к большому росту мо-

нопольных объединений, которые в начале 1900-х годов утвердились во всех основных отраслях российской промышленности. Всего в России в 1904 году насчитывалось до 50 крупных монополистических объединений. В том числе: синдикаты: «Продамета», «Гвоздь», «Продвагон», сахаразаводчиков; картели «Продпаровоз», «Продуголь», «Нобель-Мазут», трубопрокатных заводов и др. Монополистические союзы становятся одной из основ хозяйственной жизни России перед первой русской революцией.

О размерах операций этих объединений дает представление, например, синдикат «Продамета» - общество для продажи изделий русских металлургических заводов. Он объединял 30 заводов и монополизировал более 4/5 продукции металлургической промышленности России. Синдикат «Продуголь» контролировал 70% добычи угля в Донецком бассейне. Синдикат «Продвагон» объединил все заводы, изготавливавшие вагоны для широкой колеи.

Возникшие в условиях кризиса и депрессии (1899 - 1908 гг.) сбытовые монополистические объединения картельного и синдикатного типа к началу нового, предвоенного промышленного подъема 1909 - 1914 гг. не только не распались, а соответственно модернизировались. Новый промышленный подъем продемонстрировал весьма высокие темпы развития: среднегодовой прирост всей промышленной продукции составил 8,8%. По этому показателю Россия выходила на первое место в мире. В 1909 -1913 гг. промышленное производство увеличилось почти в 1,5 раза, производство средств производства составило 84%, а товаров широкого потребления - 33%.

С 1900 по 1916 год (и особенно с 1910 по 1916) идет дальнейший процесс концентрации и монополизации производства, повышение роли крупных фирм, сращивание промышленного и банковского капитала. К 1914 году в России насчитывалось уже более 150 крупных синдикатов и картелей.

В это же время меняется характер монополизации: создаются монополистические объединения комбинированного типа, объединяющие весь процесс производства - тресты и концерны.

В годы первой мировой войны углубляется процесс обобще-

ствления производства, идет дальнейшее развитие монополистического капитала, происходит сращивание монополий с государственным аппаратом. И как следствие, рождается государственно-монополистический капитализм.

Параллельно с концентрацией производства и промышленного капитала продолжалось форсированное формирование банковской системы, обслуживающей промышленность и торговлю. В начале XX века помимо Государственного банка с его 122 конторами и отделениями и 727 казначействами в стране действовало 40 акционерных коммерческих банков, 192 - общества взаимного кредита, 255 - городских общественных банков. В банковском деле весомая роль принадлежала иностранному капиталу. Он взял на себя организацию кредита. В 1913 году из 19 крупных банков 11 были фактически основаны иностранцами.

С 1901 по 1913 в России возникло 22 новых акционерных коммерческих банка, что составляло 2/3 частных банков, учреждений за предыдущие почти 40 лет.

В	1901	открылось	87	акционерных компаний
	1902		55	
	1903		51	
	1904		51	
	1905		36	
	1906		64	
	1907		90	
	1908		79	
	1909		81	
	1910		129	
	1911		165	
	1912		238	
	1913		242	

Особенно быстро складывались мощные банковые монополии во время промышленного подъема с 1909 по 1914 год. Среди них крупнейшими были Русско-Азиатский и Петербургский международный, Азово-Донской коммерческий. Русско-торгово-промышленный банки. О высокой концентрации банковского капитала свидетельствовал тот факт, что в 12 крупнейших банках сосредото-

чивалось 80% основных активов и пассивов всех 50 акционерных банков России, они участвовали более, чем в 90% операций финансирования и промышленного кредита.

* * *

Капиталистическая перестройка аграрного строя в России в пореформенную эпоху вплоть до 1917 года предстает перед историками во всей ее сложности и противоречивости. Крестьянская реформа 1861 года, проводившаяся самими помещиками во главе с царем, не осуществила радикальной чистки феодальных порядков, сохранила экономические привилегии и политическое господство дворянства. Наиболее существенными феодальными пережитками реформы 1861 г. было сохранение помещичьего землевладения, отрезков, выкупных платежей, отработочной системы сословного землепользования, крестьянской общины и царского самодержавия. Условия освобождения крестьян не давали необходимого простора для развития крестьянского хозяйства и сельскохозяйственного производства по капиталистическому пути. Аграрный строй России даже в начале XX века явил собой сложное сочетание полукрепостнических, раннекапиталистических и собственно капиталистических хозяйств и форм собственности.

Споры историков-аграрников велись главным образом по вопросу определения уровня развития аграрного капитализма в России в начале XX века. Вплоть до 50-х годов многие историки-аграрники утверждали, что капиталистические отношения к концу XIX века стали в целом в стране господствующими. Подобные выводы, видимо, должны были служить доказательством капиталистической зрелости экономики страны для возможности социалистической революции.

Обоснованной критике подобные утверждения подверг видный историк-аграрник А.М. Анфимов. На основе скупных исследований разнообразных источников он убедительно доказал, что вплоть до первой мировой войны в земледельческом строе Европейской России полукрепостнические порядки еще превалировали над капиталистическими. В 70-х годах XX века эта

проблема вновь подверглась гораздо более глубокому и обстоятельному анализу. Некоторые историки (академик Ковальченко И.Д. и др.) пришли к выводу, «что во внутреннем строе помещичьего хозяйства Европейской России повсеместно господствующее положение занимала капиталистическая организация производств» при «одновременном органическом переплетении капиталистических и полufeодальных отношений». Налицо был социальный дуализм помещиков, являвшихся одновременно капиталистами-агряриями и полукрепостниками.

В настоящее время ученые-историки сходятся на том, что процесс капиталистического развития в пореформенной российской деревне, безусловно, шел, но медленно, как в помещичьем, так и в крестьянском хозяйствах, приближаясь к новой капиталистической формации. В реальной истории этот процесс был весьма сложным и противоречивым. Через препоны крепостничества проникали товарно-денежные отношения, формировались капиталистические начала в аграрном строе России.

После отмены крепостного права 4/5 наделных земель оказались в общинном землевладении, и такое положение почти полностью сохранялось вплоть до первого десятилетия XX века. Это было тормозом на пути капиталистической аграрной эволюции. Община несла ответственность за уплату податей, сельские сходы определяли размеры налогов между членами общины, разделяли между ними землю. Община могла отобрать у недоимщиков наделы, подвергать их телесному наказанию по приговору волостного суда.

Общинному землевладению были присущи такие пережитки крепостничества, как принудительный севооборот, незначительные и малоплодородные наделы земли, чересполосица, нехватка лугов, пастбищ, лесов, круговая порука. Вопреки логике экономического развития царизм пытался сохранить мнимоуравнительную общину, насильно удерживая тем самым наиболее тягостные патриархальные формы гнета и имущественного неравенства, продолжая чудовищных размеров податное ограбление крестьян.

Крестьянство России задыхалось от малоземелья, обострившегося еще больше к началу XX века в связи с ростом на 40 млн.

сельского населения. К 1897 году тот клочок земли, который был оставлен крестьянину после освобождения, стал почти вдвое меньше (2,6 десятины на мужскую душу вместо 4,8 десятины). Надел не только не обеспечивал расширенного производства, но даже не мог полностью удовлетворить текущие расходы крестьянина. Все это тормозило становление капиталистических отношений в российской деревне.

Тем не менее эти отношения становились реальностью в сельском хозяйстве. Что об этом свидетельствовало? Во-первых, к началу XX века уже определился заметный рост торгово-предпринимательского землевладения и связанная с ним специализация отдельных экономических районов страны. Степные губернии Юга и Заволжья окончательно определялись как районы производства зерна на рынок, преимущественно на экспорт. Северные, Прибалтийские и Центральные губернии стали районами скотоводства и молочного хозяйства. Северо-западные губернии специализировались на производстве льна, а возделывание сахарной свеклы концентрировалось на Украине и в Центрально-черноземной зоне.

Во-вторых, за 32 года (с 1877 по 1910) в 3,2 раза увеличилась площадь крестьянского частного землевладения.

В-третьих, к началу XX в. в России уже насчитывалось 570 передовых (по тому времени) помещичьих капиталистических хозяйств с площадью земли примерно до 6 млн. десятины. В них трудились сотни и даже тысячи наемных сельскохозяйственных рабочих.

В-четвертых, возросла роль зажиточных крестьян в поставке хлеба на рынок, да и вообще уровень товарности произведенного зерна. В 1909 - 1913 гг. крестьянское хозяйство преобладало в производстве валового хлеба (88%) и в производстве товарного хлеба (78,4% против 21,6% у помещиков).

В-пятых, после революции 1905-1907 гг. в стране весьма быстро росло число всевозможных кооперативов. В конце 1916 г. в России было 35 тыс. потребительских кооперативов с 11,5 млн. членов, 16 тыс. кредитных с 10,5 млн. членов, 5,7 тыс. производственных артелей и товариществ с 1,8 млн. членов и др. В 1908 г. состоялся первый Всероссийский съезд кооператоров. Сама кооперация в условиях капитализма носила капиталистический харак-

тер.

Отдельные историки, а преимущественно писатели и публицисты, живо реагируя на современную политическую конъюнктуру, стали доказывать (без достаточных аргументов), что время с 1907 по 1917 год - это время подъема и процветания. При этом делается ссылка на большой экспорт хлеба за границу.

Россия много хлеба вывозила и продавала за границу, но делалось это за счет форсированного уменьшения запасов хлеба внутри страны. Так, в США, Аргентине и Канаде «вместе взятых» после вывоза зерна на экспорт дома оставалось по 59 пудов хлеба на душу населения, а в России - 28 пудов - в два раза меньше. Все это свидетельствует, что аграрная повозка, «ведомая» царским самодержавием и помещиками-латифундистами, далеко не поднялась на гору аграрного российского капитализма и застряла в грязи крепостничества на полпути.

Даже такие значимые исторические события, как первая русская революция и последовавшая за ней столыпинская аграрная реформа фундаментально не решили аграрного вопроса. Сельское хозяйство страны к 1917 году так и не прошло формационной буржуазной перестройки, хотя некоторому росту производительных сил крестьянского хозяйства объективно способствовала столыпинская аграрная реформа.

Масштабная аграрная реформа связана с именем П.А. Столыпина, но в основном она была подготовлена С.Ю. Витте и видными царскими чиновниками А.В. Кривошеиным и А.А. Ритихом в 1902-1904 гг. Их предложения предусматривали постепенную индивидуализацию и интенсификацию крестьянского хозяйства и превращение его в систему мелкой частной собственности, основанной на хуторах и семейных фермах. Но только натиск революции, поставивший ребром вопрос об отчуждении помещичьих имений и наделении крестьян землей, а также приход к власти П.А. Столыпина привел к радикальным попыткам решить, наконец, аграрный вопрос в России через разрушение общины и введение наделных земель в капиталистический оборот.

П.А. Столыпин подчеркивал, что правительство делает ставку на крепких и сильных крестьян-середняков - будущую социальную опору дальнейших реформ и строительства фундамента гражданс-

кого общества. Аграрная реформа предусматривала коренные преобразования в жизни крестьянства - наиболее многочисленного класса русского общества. Предстояло не просто изменить основы землевладения, а весь строй жизни, психологию общинного крестьянства с его коллективизмом, уравнительным принципом землепользования.

Однако, попытка выдающегося царского реформатора П.А. Столыпина привести к утверждению в России большого крестьянского предпринимательства не достигла цели. Дело в том, что сама-то реформа проводилась в буржуазно-консервативном варианте, при сохранении самодержавия и дворянства. Цели ее сводились, главным образом, к насильственному разрушению сельской общины и насаждению хуторов и отрубов и созданию в российской деревне широкого слоя самостоятельных крестьян-собственников, ведущих предпринимательское хозяйство. «Крепкий личный собственник, - говорил Столыпин, - нужен для переустройства нашего царства, переустройства его на крепких монархических устоях». Столыпин стоял у истоков российского фермерства. Вся реформаторская деятельность Столыпина в конечном счете должна была уберечь Россию от назревающей революции.

Аграрная реформа Столыпина потерпела неудачу. Почему?

Во-первых, потому, что нельзя было обеспечить новых собственников - «фермеров» необходимым количеством земли для организации высокопродуктивного хозяйства, оставляя в неприкосновенности главное препятствие, задерживающее аграрно-капиталистическое развитие России - землевладение крупных помещиков.

Во-вторых, новые собственники были оставлены практически без помощи государства. Имело место явное и скрытое сопротивление реформе самодержавия.

В-третьих, не могло родиться свободное фермерство при отсутствии демократии, в обстановке жесткого полицейского террора, массовых арестов, ссылок и казней. Прав был граф С.Ю. Витте говоря, что «индивидуальная собственность была введена... не по добровольному согласию, а принудительным порядком, без выработанного для этих частных собственников-крестьян правомерного судостроительства». Этот новый крестьянский закон был пропитан полицейским духом.

В-четвертых, попытка реформаторов «штурмовать» крестьянскую общину, прибегая к насильственным и бюрократическим методам, вызывала нередко отпор со стороны общинников. Крестьяне в массе своей противились проведению реформы, нередко жгли хутора, устраивали потравы и покосы у отрубщиков. На результатах реформы сказалось отсутствие достаточных стимулов у крестьян для выхода из общины, неумение хозяйствовать единолично, по-фермерски, на свой страх и риск.

В-пятых, не до конца оправдали надежды такие важные инструменты разрушения общины и насаждения мелкой личной собственности, как Крестьянский банк и переселение крестьян за Урал.

Среди некоторой части историков, а тем более публицистов, еще бытует версия о неудаче реформы по причине недостатка мирного времени для ее проведения. При этом ссылаются на высказывание Столыпина: «Дайте государству 20 лет покоя внутреннего и внешнего и вы не узнаете нынешней России».

Эта радужная альтернатива не состоялась, т.к. в действительности столыпинская аграрная реформа провалилась еще до начала первой мировой войны. Об этом свидетельствуют данные об укреплении земли в личную собственность: от 14,6 млн. крестьянских дворов (но переписи 1916 г.) хутора составили 2,3%, а отруба - 9,1%.

Данные об укреплении земли в личную собственность
с 1907 по 1915 гг.

Нетрудно заметить, что кривая выходов из общины резко пошла вниз еще задолго до войны.

Годы:	1907	1908	1909	1910	1911
Выделилось хозяйств из общины	48,3	508,3	579,4	342,2	145,6
Годы:	1912	1913	1914	1915	Итого
Выделилось хозяйств из общины	122,3	134,6	97,8	29,8	2008,3

Несмотря на неудачу в главном, аграрная реформа, открыв «последний клапан» для развития капитализма при сохранении помещичьего землевладения и царского самодержавия, заметно активизировала проходившие в начале XX в. процессы капиталистической эволюции в России. Несколько укрепилось положение сельской буржуазии, поставлявшей половину хлеба на внутренний рынок. Было положено начало юридическому оформлению права собственности на землю, число владельцев которых выросло и ориентировалось на предпринимательскую деятельность. Столыпинская реформа способствовала пролетаризации части крестьянства. Она разбудила инициативу крестьянства и земств и тем самым способствовала аграрно-техническому переустройству российской деревни.

Но в тех условиях реформа не смогла разрешить крестьянского вопроса о земле, а потому борьба против крупного землевладения по-прежнему оставалась самой сутью грядущей новой буржуазно-демократической революции, которая разразилась в феврале 1917 г.

О П.А. Столыпине, как о реформаторе и государственном деятеле, за последние 5-6 лет написано очень много и теми, кто в полном восторге от его деятельности, и теми, кто взвешенно или даже отрицательно судит о ней. Считаю целесообразным дать слово о нем его современникам:

Николай II: «Столыпин - верный слуга мой, доблестный исполнитель своего долга»;

В.И. Ленин: «Столыпин - обервешатель. Столыпин был главой правительства контрреволюции. Столыпин - погромщик. Столыпин умел прикрывать азиатскую «практику» истязаний и погромов лоском и фразой, позой и жестами, подделанными под европейские».

В.А. Маклаков (правый кадет, депутат 1-3 Государственных дум): «Столыпин стремился подрезать революционные корни.»

А.И. Гучков (лидер октябристов): «Столыпин призван спасти Россию от революции. Он любил Россию. Широкая и своеобразная натура. Он не укладывался в рамки существующих партийных взглядов».

В.В. Шульгин (идеолог монархического крупного дворянства, депутат II-IV Государственных дум): «Сильный, уверенный, не те-

рявший мужества. Он укрощал 400 депутатов Думы словами как раскаленным железом. Он с большим достоинством и серьезностью излагал план реформ в Думе, где перед ним сидели «звери, одетые в «пиджаки», безнадежно тупые, с озлоблением в глазах. В сущности, во II-й Думе только Столыпин был настоящим палладином власти. Он стремился всеми способами замирить Россию».

А.В. Тыркова-Вильямс (член ЦК кадетской партии): «А ведь Столыпин куда крупнее Милюкова. Столыпин первой задачей считал успокоение страны, борьбу с анархией. При нем очень уж были обострены отношения между властью и общественным мнением. Одно появление Столыпина на трибуне сразу же вызвало кипение враждебных чувств, отменяло всякую возможность соглашения... Его уверенность в своей правоте бесило оппозицию. Но он бросил в зал реплику: «Не запугаете!»

Газета «Аванти» от 14 сентября 1911 г. (Италия): «Русская революция предложила Столыпину 5 лет перемирия, чтобы вести реформы. Столыпин принял перемирие для того, чтобы убивать, вешать, ссылать, организовывать погромы, разогнать Думу, закрывать школы, университеты, уничтожить газеты; зловещий министр зловещего царя, доверенное лицо русского деспота Николая II.»

* * *

Степень проникновения капиталистических отношений в географически различные районы обширной Российской империи была далеко не одинаковой. И это происходило потому, что Российская метрополия, образуемая губерниями Центрально-европейской России, оказалась слита (так было угодно истории) в единый комплекс с различными по своему экономическому положению зависимыми территориями:

а) колониями «в экономическом смысле», заселенными выходцами из метрополии и представляющими собой районы развитого сельскохозяйственного производства (южные и юго-восточные окраины Европейской России, Сибири);

б) колониями «чистейшего типа», коренное население которых находилось на стадии по преимуществу феодальных отноше-

ний, только еще втягивалось российским капитализмом в товарное обращение (Средняя Азия, Казахстан, Кавказ);

в) областями, составлявшими своего рода резервную зону для развития российского капитализма (север Европейской России);

г) районами, «прямо зависимыми политически», которые находились примерно на одном уровне экономического развития с метрополией (Царство Польское, Прибалтика, Финляндия). Здесь, а также на Украине гораздо более было развито товарное хозяйство, более развита была местная буржуазия, быстрее шло «обуржуазивание» крестьян и рабочих.

Краткий анализ пореформенного экономического развития (1861-1917) дает основание сделать некоторые выводы.

I. Россия в эти сжатые сроки (немногим более 50 лет) прошла значительную часть своего капиталистического пути развития. Это был особый, новый тип капиталистической эволюции как с точки зрения формы, так и порядка этого развития. К 1917 году Россия пришла страной со среднеслабым уровнем развития капитализма, т.к. самые развитые формы капитализма охватывали в основном крупную промышленность, банковскую систему и мало затронули земледелие. В условиях продолжавшегося сохранения пережитков феодального общества экономика страны носила многоукладный характер, который затруднял развитие капитализма, вызвал острые экономические и социальные противоречия.

II. В системе мирового капитализма Россия в экономическом отношении была страной «второго эшелона», т.к. новейший капитализм переплетался здесь с сетью докапиталистических отношений. Индустриализирующаяся Россия зависела от западноевропейского капитала, но при этом сама эксплуатировала колонии Средней Азии.

И объем промышленного производства на душу населения, и производительность труда в индустриальном секторе были значительно меньше чем в Великобритании, Франции, Германии, США. В 1913 году российский национальный доход на душу населения составлял: 2/5 французского, 1/3 германского, 1/5 британского, 1/8 американского национального дохода.

Разрыв между Россией и другими великими державами по размерам национального дохода на душу населения между 1861 и 1913 гг. увеличивался. К 1913 году российское сельское хозяйство уступало пяти ведущим европейским государствам по урожайности, по продукции в расчете на одного работника, занятого в аграрном секторе, по ассортименту производимой продукции.

Вот почему несостоятельной является попытка приукрасить социально-экономическое состояние дореволюционной России. Даже известный монархист-эмигрант, философ и историк И. Солоневич в книге «Народная монархия» обращает внимание на эту несостоятельность: «Одна из самых неумных вещей, которую делает часть зарубежных монархистов, это попытка представить Россию до 1917 года в качестве рая. Ни в какой рай не поверит сейчас никто... Россия до 1917 года была, вероятно, самой бедной страной европейской культуры. Действительно разрыв между бедностью и богатством - был зияющим разрывом, и таким же зияющим разрывом был разрыв между утонченно-тепличной культурой «верхов» и остатками полного бескультурья на низах...» Особенности экономического развития России отразились на социальной структуре общества. В 1913 году из 160 млн. населения России около 3-х млн. составляли иерархическую элиту, состоящую из 100 тыс. дворянских семей (всего 0,5 млн. человек), 2 млн. (с членами семей) буржуазных владельцев более 200 тыс. промышленных и торговых предприятий, свыше 1 млн. лиц, занятых умственным трудом (учителя, врачи, адвокаты, инженеры, офицеры и др.) Из них 130 тыс. имели высшее образование. Социальные силы уходящего феодально-крепостнического строя постепенно ослабевали и экономически, и политически, зато заметно выросли классы и другие социальные слои развивающегося капиталистического общества. Повысилась экономическая и общественная роль крупной промышленной и финансовой буржуазии, претендовавшей в сотрудничестве с самодержавием на повышение своего политического влияния. К 1917 г. в России сложилась мощная социальная база буржуазно-демократической альтернативы развития общества. Но, как позднее покажет история, реализовать свои потенции ей было не дано.

Усиленно формировался (на потомственной основе, а также за счет разорившихся крестьян, ремесленников и кустарей) и рос численно многонациональный российский пролетариат, сконцентрированный в значительной мере на крупных и крупнейших предприятиях страны. В промышленном производстве, строительстве, на железнодорожном транспорте, во внутренней торговле были заняты около 10 млн. человек (6,4 млн. наемные рабочие главным образом в промышленности и железнодорожном транспорте, остальные - мелкие ремесленники и те, кто в летнее время был занят в сельском хозяйстве).

Большую часть населения 66,7% составляли средние слои населения, большинство которых - крестьяне. Превращение их в класс буржуазного общества тормозилось гнетом самодержавия, помещиков и непоследовательными экономическими реформами. Тем не менее около 9 млн. крестьян уходили из деревень на сезонные сельскохозяйственные работы, на стройки и лесоразработки.

Проблема модернизации страны издавна волновала русское общество. Более двух столетий, начиная с реформ Петра I, через «золотой иск» Екатерины II-й, Великие реформы Александра II-го, и значимые преобразования выдающихся российских реформаторов начала XX века - С.Ю. Витте и П.А. Столыпина, развивался в России модернизационный процесс. Он шел непросто, сочетая самобытно-почвенные и западные черты, но так и не вывел Россию в ряд технологически высокоразвитых держав.

Россия не достигла к 1917 году уровня передовых европейских стран и не превратилась в государство с высокоэффективной экономикой. Более того, и реформы, предпринимаемые монархической властью во второй половине XIX и начале XX века, оказались неспособными остановить стремительно нараставший революционный процесс, который перерос в три революции на протяжении 12 лет.

Эти революции наглядно подтвердили неспособность самодержавной власти решать комплекс задач, называемых ныне «модернизацией» (индустриализация, разрешение аграрного вопроса, уничтожение культурной нищеты подавляющего большинства населения, переустройство системы власти и др.). Все это, в конечном счете, и

привело к гибели монархии.

Источники и литература

- Аврех А.Н. Столыпин Н.А. и судьбы реформ в России.* - М., 1991.
- Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Кризис власти в России: Реформы и революционный процесс. 1905-1917 гг. // История СССР. - 1991. - №2.
- Ананьич Б.В. С.Ю. Витте и П.А. Столыпин* - российские реформаторы XX столетия // Звезда. - 1995. - № 6. Анатомия революции: массы, партия, власть. - СПб. 1994.
- Анфимов А.Н.* Тень Столыпина над Россией // История СССР. - 1991. - № 4.
- Бовыкин В.И.* Россия накануне великих свершений. - М., 1988.
- Бородин А.П.* Государственный совет и указ 9 ноября 1906 г. Из истории аграрной реформы Столыпина // Отечественная история. - 1994. - № 2.
- Боханов А.Н.* Крупная буржуазия в России (конец XIX в. - 1914 г.) - М., 1992.
- Волобуев П.В.* Выбор путей общественного развития: теория, история и современность. - М., 1987.
- Вопросы истории капиталистической России. Проблемы многоукладности. - Свердловск, 1972.
- Донгаров А.Г.* Иностраннный капитал в России и СССР. - М., 1990.
- Дякин В.С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911-1914 гг. - Л., 1988.
- Дьяконова И.А.* Исследования по истории российского империализма (экономика и политика царской России) // История СССР. - 1993. - № 3.
- Исторический опыт трех российских революций. - Кн.1. - М., 1985; Кн. II. - М., 1986.
- Изместьева Т.Ф.* Россия в системе европейского рынка (конец XIX - начало XX века). - М., 1990.
- Иванов Н.А.* Промышленный центр России. 1907-1914 гг. Статистическо-экономическое исследование. - М., 1995.
- Кризис самодержавия в России. 1895-1917. - Л., 1984.
- Ковальченко И.Д.* Некоторые вопросы методологии // Новая и новейшая история. - 1991. - № 5.
- Лаверычев В.Я.* Военный государственно-монополистический капитализм в России. - М., 1988.
- Ленин В.И.* Развитие капитализма в России // ПСС. - Т. 3.
- Ленин В.И.* Последний клапан // ПСС. - Т. 22.
- Ленин В.И.* Империализм как высшая стадия капитализма // ПСС. - Т. 27.

- Ленин В.И.* Грозящая катастрофа и как с ней бороться // ПСС. - Т. 34.
- Лубский А.В.* Введение в изучении истории России периода империализма. - М., 1991.
- Монополии и экономическая политика царизма в конце XIX - начале XX века. - Л., 1987.
- Неизвестная Россия: XX в. - Кн. 1-3. - М., 1992-1993.
- Поликарпов В.Д.* «Новое направление» в старом прочтении // Вопросы истории. - 1989. - № 3.
- Реформы или революция? Россия в 1861-1917 гг. - СПб, 1992.
- Реформы в России XIX-XX веков: западные модели и прусский ответ / / Отечественная история. - 1996. - № 2.
- Речи П.А.Столыпина. - М. 1991.
- Россия, 1917 г.: выбор исторического пути («Круглый стол» историков Октября, 22-23 октября 1988 г.). - М., 1989.
- Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в 1907-1916 гг. - Л., 1990.
- Столыпин П.А.* Нам нужна великая Россия. 1906-1911. - М., 1991.
- Семенникова А.И.* Россия в мировом сообществе цивилизаций: учебное пособие для вузов. - Брянск, 1995.
- Тарновский К.Н.* Социально-экономическая история России начала XX в. - М., 1990.
- Тарновский К.Н.* Мелкая промышленность России в конце XIX -начале XX в. М.: - Наука, 1995.
- Шацлло К.Ф.* Николай II: реформы или революция // История Отечества: люди, идеи, решения: Очерки истории Советского государства. - М., 1991.
- Шацлло К.Ф.* Государство и монополии в военной промышленности (конец XIX - 1914 гг.) - М., 1992.
- Шацлло К.Ф.* Казенная промышленность царской России // Свободная мысль. - 1992. - № 2.
- Флоринский М.Ф.* Кризис государственного управления в России в годы первой мировой войны: Совет министров в 1914-1917.- М., 1988.
- Хрестоматия по истории СССР. 1861-1917 гг. - М., 1990.
- Шепелев Л.Е.* Царизм и буржуазия в 1904-1914 гг. - М., 1987.

2. Революция 1905–1907 гг.

Так что же такое революция? Каково ее воздействие на жизнь общества? Современное, на наш взгляд, достаточно содержательное определение революции как общественно-историчес-

кого феномена дано в философском труде М.Л. Тузова «Революция и история» (Казань, 1991). Исходя из достигнутого в отечественной и зарубежной революциологии и учитывая имеющиеся разночтения в определении революции, автор под РЕВОЛЮЦИЕЙ понимает общественное по своей природе преобразование, в ходе которого происходят коренные и радикальные изменения общества в целом, либо отдельных его частей относительно самостоятельное по отношению к целому (указанное сочинение, с. 11).

Проще понятие «революция» можно раскрыть так: революция - это относительно быстрое, радикальное, насильственное изменение политической и социальной структур, а также основных систем ценностей, которые сложились в обществе. Только революции, в отличие от заговоров, бунтов, путчей, дворцовых переворотов, приводят к глобальной ломке старых устоев.

Произошедшие в России в течение 12 лет (с 1905 по 1917 гг.) три революции вполне подходят к приведенному определению. И они давно признаны во всем мире подлинными революциями, а не бунтами или заговорами. Революции могут происходить относительно мирно или через вооруженное восстание.

Первой по времени произошла народная революция 1905-1907 года. Историография ее насчитывает более 90 лет. Многое изучено, проанализировано, оценено в специальной литературе, а так же в опубликованных тысячах исторических документах и других материалах. Кроме специалистов-историков о революции писали публицисты, писатели, журналисты, мемуаристы. Естественно предположить, что история этой революции достаточно хорошо изучена, объективно проанализирована и оценена. К сожалению, это не совсем так. Дело в том, что некоторые историки, сознательно или несознательно, как прежде, так и теперь, историю революции, ее опыт, успехи и неудачи, итоги и значение пытались поставить на службу той или иной идеологии и даже интересам текущей политики.

Ныне, после разрушения в нашем государстве монопольной идеологии, более свободного доступа к архивным источникам, создаются новые возможности для изучения всех российских революций, в том числе и первой из них. Уже теперь ряд проблем

революции 1905-1907 гг. вызывает разночтения и дискуссии. В числе этих проблем можно назвать следующие:

1. Причины, характер, движущие силы и цели революции.
2. Классы и политические партии в революции.
3. Периодизация революции.
4. Итоги и значение революции.

Все эти и некоторые другие проблемы раньше изучались и оценивались преимущественно с точки зрения соответствия тогдашней (начала XX века) стратегии и тактике большевистской части РСДРП. Ныне этот подход не может быть признан объективным. Не представляется возможным в объеме одной небольшой главы по-новому и основательно рассмотреть и изложить названные проблемы, тем более, что они еще требуют вдумчивого и глубокого изучения специалистов. Однако отдельные замечания, частично раскрывающие логику событий, можно сделать, опираясь на некоторые новые публикации и документы, появляющиеся в периодической печати.

Причины, характер и движущие силы революции

В XX столетие Россия вступила отягощенная бременем многих нерешенных социально-экономических противоречий, с нуждающейся в глубоких реформах структурой политической власти. Неограниченное самодержавие давно перестало соответствовать потребностям страны, вступившей на капиталистический путь развития. Царизм, выродившийся в разнузданный произвол чиновников всех рангов, вопреки потребностям времени, подавлял всякую общественную инициативу. В самом начале XX века в России не существовало никакого парламента, никаких легальных партий, никаких правовых и политических свобод граждан. Почти все слои населения в этой или иной степени были недовольны властью, предъявляли требования к ней: рабочие, крестьяне, интеллигенция, буржуазия и даже дворянство. Невозможность разрешения ведущего противоречия между потребностями буржуазного прогресса и сковывающими его феодальными пережитками в условиях самодержавной России становилась все более непереносимой. На повестку дня неотвратимо выдвигался революционный путь решения этого противоречия.

На этот путь в известной мере толкала и неуступчивость царя, упрямо не желавшего хоть как-то модернизировать самодержавно-абсолютистскую власть и изменить правовой статус помещичьего землевладения. Видный советский историк К.Ф. Шапило в своей книге «Русский либерализм накануне революции 1905-1907 гг.» (М., 1984) приводит фрагмент беседы Николая II с московским предводителем дворянства князем П.Н. Трубецким в начале декабря 1904 г., в которой царь достаточно четко определил свое отношение к возможности введения в России конституционного правления: «Не для меня, конечно, не для меня - для России я признал, что конституция привела бы сейчас страну в такое положение, как Австрию. При такой культурности народа, при наших окраинах, еврейском вопросе и т.д. одно самодержавие может спасти Россию. При том мужик конституции не поймет, а поймет только одно, что царю связали руки, тогда я вас поздравляю, господа».

Только после долгих колебаний и совещаний, учитывая нарастание -революционного взрыва в стране, в качестве паллиативной меры к предупреждению этого взрыва Николай II 12 декабря 1904 г. подписывает указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». В нем прежде всего говорилось «о непременном сохранении незыблемости основных законов империи», а затем шли обещания (не больше): устранить сословные ограничения для крестьян, несколько расширить права земств и городских дум, ввести государственное страхование рабочих, сократить масштабы применения положения о чрезвычайных административных мерах на территории страны, проявлять веротерпимость, отменить «излишние» стеснения печати и ограничения для «иностранцев». В указе, однако, не было ни слова о земле, политической и гражданской свободе, конституции, парламенте.* Не ведал, видимо, российский венценосец, что эти проблемы он оставляет решать грядущей революции.

В 1901-1904 гг. в России возникла революционная ситуация, т.е. необычайно острый политический кризис в общенациональном масштабе, затронувший как эксплуатируемых, так и эксплуататоров («низы» и «верхи»). Налицо было обострение выше обычного нужды и бедствий угнетенных классов. Экономичес-

кий кризис 1899-1903 гг. привел к крайнему обнищанию трудящихся и повышению их общественно-политической активности. С 1901 по 1904 гг. по стране прокатилось 805 стачек рабочих и 1087 крестьянских выступлений (почти втрое больше, чем в 1895-1900 гг.), усилилось брожение в войсках.** Активизировались антиправительственные выступления студенчества и оживилось движение демократической интеллигенции, оппозиционной самодержавию.

Особо следует сказать (т.к. об этом ранее говорили мало) о мощном всероссийском демократическом подъеме перед революцией, в котором, наряду с пролетариатом, активно участвовала такая важная сила, как многочисленная демократическая интеллигенция и тогда еще прогрессивные либерально-буржуазные слои общества. Весна 1904 г. была периодом «либеральной весны». Атмосфера в обществе была достаточно накалена. «У общества бывают свои настроения и предчувствия. Такое настроение, смутное, но широко охватывающее всех, и дает то, что принято называть «духом времени», - писал В.Г. Короленко в первом томе «Истории моего современника», - Дух того времени гласил одно: так дальше быть не может, перемены будут, они близки ... Россия буквально жила тогда ожиданием, и страстный призыв молодого Максима Горького «Пусть сильнее грянет буря!» выражал мысли и чаяния всей передовой части российского общества.

В начале XX века либеральный лагерь активизировал свою организационную и пропагандистскую деятельность: с 1 июня 1902 года за границей стал выходить нелегальный либеральный журнал «Освобождение» с целью выработать программу для объединения разрозненных сил. В январе 1904 года в Петербурге состоялся учредительный съезд, на котором была создана нелегальная организация. Вот весьма характерный документ - резолюция 676 собравшихся 20 ноября 1904 года в Петербурге (в рамках «банкетной компании») представителей столичной радикально настроенной общественности (земские деятели, писатели, публицисты, юристы, врачи, городские гласные и т.п.). Собрание единогласно потребовало: 1. Предоставить

---

* Тютюкин С. Россия, 1905-й. // Свободная мысль. -1995. - № 5. - С.90.

** Сенчакова Л.Т. Крестьянское движение в революции 1905-1907 гг. - М, 1989. - С.10.

всем гражданам личную неприкосновенность, свободу слова, совести, печати, собраний и союзов. 2. Отменить все ограничения и установить равенство всех перед законом. 3. Издавать законы и вводить налоги «при участии и с согласия выбранных от всего народа представителей» 4. Ответственности министров перед народным представительством и всех чиновников перед судом. Таким образом, отмечала резолюция, «мы считаем необходимым, чтобы весь государственный строй России был организован на конституционных началах...». Резолюция была подписана всеми участниками собрания и опубликована в либеральных газетах. Эта резолюция значимая, хорошая, но вряд ли тогдашнее самодержавие под давлением только общественного мнения могло пойти на столь крупные уступки.

Одновременно имел место и кризис «верхов». Царь вместе с «высшими» классами уже не могли управлять Россией по-прежнему. Среди господствующих классов, царя и его министров имели место разногласия. В проведении политики наблюдались растерянность и колебания. Так и не были приняты предложения видных и смелых царских министров С.Ю. Витте и П.Д. Святополка-Мирского, направленные на частичную модернизацию управления страной. Идеалом Витте, например, была ограниченная конституционная монархия, единая и неделимая Россия, а его политические взгляды характеризует такое высказывание: «Все революции происходят от того, что правительства вовремя не удовлетворяют назревшие народные потребности... остаются глухими к народным нуждам».*

Примерно то же самое писал Николаю II, прося отставку, министр внутренних дел П.Д. Святополк-Мирский: «Если не сделать либеральные реформы и не удовлетворить вполне естественные желания всех, то перемены будут и уже в виде революции». Прошение об отставке очень рассердило даря, он упорствовал, но министр стоял на своем: «или дайте стране реформы, или дайте мне отставку». «Не я же виноват», - пытался оправдаться министр, - что «Россия обратилась в бочку пороха» и доведена «до вулканического состояния».*

Упорно не желая проводить какие-либо реформы, царь-са-

---

* История Отечества. - М. 1992. - С.50.

модержец получал поддержку монархических групп и партий. На рубеже XIX и XX вв. в противовес оживившемуся либеральному движению начали возникать монархические и промонархические группы и союзы, вокруг которых группировались правые и черносотенные силы. Уже весной 1905 года возникает русская монархическая партия «Союз русских людей». Осенью 1905 года создаются многочисленные черносотенные организации: «Народная партия порядка», «Союз законности и порядка», «Общество активной борьбы с революцией», «Царско-народное общество», «Белое знамя», «Двуглавый орел». Именно здесь обкатывались политические лозунги крайне правых, шел отбор вождей будущей черной сотни. Для борьбы с революцией в Петербурге возникает массовая черносотенная организация «Союз русского народа», объединяющая реакционных представителей мелкой буржуазии города, помещиков, часть рабочих и крестьян, интеллигенции, духовенства, деклассированные городские элементы.

Царизм в борьбе с нараставшим революционным движением попытался использовать не только репрессии (аресты, тюрьмы, ссылки), но и провокаторскую практику внедрения в рабочие организации полицией своей агентуры с целью заставить рабочих отказаться от политической борьбы, обещая им какие-то улучшения экономического положения. На этом поприще отличился начальник Московского охранного отделения С.В. Зубатов, по имени которого такая практика полицейского социализма и получила название «зубатовщина». Вскоре обман обнаружился и зубатовщина потерпела крах.

Появились новые суждения о степени участия различных социальных сил, классов и партий в революции. Общеизвестное и в основе правильное положение о существовании в начале XX века трех лагерей на арене общественной борьбы (правительственный, либеральный и демократический* рассматривается ныне с некоторыми коррективами. Обращается внимание на историю и трансформацию либерального и демократического лагерей: во время декабристов и до 50-х годов XIX в. это было одно целое, а размежевание началось где-то в 60-е годы и было связано прежде всего с деятельностью Н.Г.

---

* Первый штурм // История Отечества в романах, повестях, документах. Век XX. - М., 1990. - С.23.

Чернышевского и Н.А. Добролюбова. Это размежевание было естественным процессом, связанным с созревaniem гражданского общества. Но факт размежевания, который в начале XX века достиг значительной степени, не дает основания замалчивать немалые заслуги либералов в освободительном движении. Об этом надо отчетливо сказать, рассматривая роль либеральной буржуазии в первой российской революции.

Нуждается в частичном пересмотре и установившееся в науке положение о безусловной и постоянной роли пролетариата как гегемона революции. Нет спору о том, что в период наивысшего подъема революции (октябрь-декабрь 1905 года) пролетариат действительно становится во главе освободительного движения, но нет оснований говорить о его гегемонии, скажем, в период деятельности I-ой Государственной думы (апрель-июль 1906 г.). Не умаляя никак революционный потенциал и заслуг рабочего движения, его, однако, не следует идеализировать. Здесь уместно привести несколько пространное (но мне представляется правильным) суждение по этому вопросу современного историка П. Зырянова. В статье «Довольно жить непредсказуемым прошлым» («Неделя», август, 1991 г.) он пишет: «Рабочее движение. Его не следует идеализировать. Необходимо показать и определенную незрелость в условиях России, где оно отчасти еще несло на себе отпечаток крестьянского движения. Вместе с тем надо отметить его историческую обусловленность, созидательность, демократизм и «открытость» в отношении всех проблем российской действительности. В условиях России рабочее движение не замыкалось в узкопрофессиональных рамках. Тесная связь с деревней имело следствием то, что рабочий выступал как представитель интересов большинства населения России».

Другой движущей силой революции было почти 100-миллионное российское крестьянство, что и придало ей народный характер. Об этой силе необходимо сказать более подробно, т.к. ей до сих пор уделялось меньше внимания. В крестьянстве шли процессы расслоения его на кулаков, середняков, бедняков и сель-

---

* В последних публикациях их называют еще и так: 1) феодально-традианилистский; 2) буржуазно-модернистский; 3) социалистический.

ский пролетариат. Среднее крестьянство росло и численно, но более медленно, чем крайние группы. Вплоть до конца XIX века крестьянство с его верой в царя оставалось массовой патриархальной базой российского самодержавия, но революция просветила сознание крестьян.

Наукой давно установлен тот факт, что аграрный, крестьянский вопрос, сфокусировавший на себе наиболее острые противоречия, был центральным вопросом революции. Малоземелье, эксплуатация, бесправие и полицейский режим порождали в широких крестьянских массах жгучую ненависть к своим поработителям и колоссальную энергию, которая проявлялась в революции, как правило, стихийно. Правда, наблюдались и элементы самоорганизации и попытки согласованных действий с рабочими. В этом заслуга РСДРП, организации которой находились в 160 сельских населенных пунктах.¹

Длительное время в исторической литературе приводились разноречивые данные о числе крестьянских выступлений в ходе революции. Самые последние сведения приводятся в упомянутой нами монографии Сенчаковой Л.Т. Анализ опубликованных работ, пишет автор, «позволил выявить сводное число данных о 25823 крестьянских выступлениях по всей России» (с.253). Однако многие сведения являются еще не полными. Крестьяне выступали единым фронтом против феодально-крепостнических остатков в поземельном строе. Антипомещичьи выступления по предварительным подсчетам составляли 75% общего количества по стране и более 90% - в центрально-земледельческом районе. Имеются сведения, хотя и далеко не полные, почти о 4 тысячах разгромленных и сожженных в 1908-1907 гг. дворянских имений¹. Эти данные - свидетельство того, что крестьяне все-таки преимущественно вели прежде всего социальную войну против помещиков и меньше - против нарождающейся сельской буржуазии.

Заслуживают пристального анализа формы крестьянских выступлений. Словосочетание - «крестьянские выступления» - слишком абстрактно. Если попытаться его раскрыть, то можно в целом разделить крестьянские выступления на активные (бое-

---

¹Сенчакова Л.Т. Указ. соч., с.16

вые) и пассивные: политические и экономические. Наиболее распространенными были: поджоги и разгромы помещичьих имений, захват и запашка земель, захват хлеба, сена, скота, потравы, порубки помещичьих, казенных лесов, сельскохозяйственные забастовки, «снятие» пришлых рабочих, отказ от аренды «чужих» земель, податные и рекрутские забастовки, недопущение проведения землеустроительных работ.

Отдельные выступления крестьян получали иногда и политическую окраску. Среди них - бойкот выборов в землеустроительные комиссии и в Думу, сходки, собрания, митинги, демонстрации, в том числе совместно с рабочими, съезды, носящие антиправительственный характер, защита агитаторов, изгнание из села полиции и стражи, насильственная смена сельских и волостных властей, создание крестьянских и стачечных комитетов, Всероссийского крестьянского союза, «Трудовой группы» (в Думе), боевых дружин, народных судов, вооруженные столкновения с войсками, полицией и администрацией, совместные с рабочими боевые действия, партизанские действия, восстания. У крестьян был широкий фронт борьбы как политической, так и экономической, направленной против основ самодержавного строя и помещичьего землевладения.

«Революция 1905-1907 гг. - писал В.И. Ленин, - впервые создала в России из толпы мужиков, придавленных проклятой памяти крепостным рабством, народ, начинающий понимать свои права, начинающий чувствовать свою силу».* Однако, нельзя упрощенно представлять путь в революцию для крестьян: борьба за землю в его сознании не всегда связывалась с необходимостью борьбы за власть, за свержение самодержавия. В сознании крестьян еще до конца не были изжиты монархические иллюзии и надежды улучшить свою жизнь и получить землю «законным путем» из рук царя.

Новые подходы требуют для своего разрешения проблемы участия в революции неоднородного класса буржуазии. До последнего времени однозначно и упрощенно решалась эта проблема: до издания Манифеста 17 октября 1905 года буржуазия мирными средствами добивалась конституционной монархии и частично поддержива-

---

¹ Там же. с.93 и 235.

ла революцию, а позднее стала контрреволюционным пособником самодержавия. Такая схема, с некоторыми коррективами, считалась до последнего времени общепринятой. В настоящее время возникает необходимость в более обоснованном определении места и роли буржуазии как одной из движущих сил революции. К сожалению, до изучения этого вопроса руки, как у академических историков, так и у публицистов по-настоящему не дошли, если не считать отдельных высказываний и попутных замечаний, появляющихся в периодических изданиях.

И тем не менее есть основания уйти от упрощенной розово-черной оценки роли и места российской буржуазии в революции к более взвешенной и объективной. Прежде всего буржуазия в социальном отношении была далеко не однородной: крупная, средняя и мелкая.

При всей социальной неоднородности буржуазия в предреволюционный период отличалась политической индеферентностью и лишь в ходе революции стремилась получить необходимые политические реформы, но мирным, законным путем из рук самодержавия. Она уповала главным образом на всевозможные петиции, адреса на «высочайшее» имя и на закулисные политические маневры. Однако, тактика либеральной буржуазии в ходе революции менялась соответственно ее успехам и неудачам. В период начала ее подъема (весна и лето 1905 г.) либералы «полевели» и пытались овладеть событиями. Дело доходило до того, что Струве в журнале «Освобождение» призвал либералов «...не бояться революции»(!). В мае 1905 г. они объявили об образовании в стране беспартийного «Российского освободительного союза» (РОС) и в его составе «Рабочего союза». ЦК РОС призвал оставить на время партийные споры и принципиальные разногласия и сплотиться « в одно могучее целое». Создатели РОС объявили о своей солидарности и с эсерами, и с социал-демократами, и с освобожденцами (земцами и буржуазной интеллигенцией). Однако попытка либеральной буржуазии овладеть революцией не удалась. Революция стремилась по-плебейски разделаться со старой властью, со всеми ее атри-

---

* Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т.2, с. 141.

бутами, уничтожить помещичьи «гнезда». В этом революции по-своему помогли большевики, доказывая несовместимость либеральных идей, конституционных иллюзий с революционной борьбой.

Процесс политического формирования (образование партий) буржуазии начался лишь во время революции 1905-1907 гг. Так в разгар Всероссийской политической стачки 12 октября на учредительном съезде образовалась первая легальная политическая партия - конституционно-демократическая (кадеты). После опубликования царского Манифеста 17 октября оформилась партия «Союз 17 октября» (октябристы).

Манифест стал рубежом, который разделил либералов на тех, кто был вполне удовлетворен сделанными в нем уступками демократии и был готов сотрудничать с царским правительством, и тех, кто, подобно кадетам, оставался в мягкой оппозиции и хотел прекратить революционную борьбу более тонкими средствами.

Не случайно буржуазия, которая с осени 1905 г. резко «поправела», и открыто помогала царизму бороться с революцией, не признала партии кадетов и октябристов своими и в 1906 г. создала собственную Торгово-промышленную партию.

Большую активность (хотя и относительную, по сравнению с рабочими, крестьянами) буржуазия и ее партии проявили не в 1905 году, когда революция быстро шла на подъем, а позднее, в 1906-1907 годах, когда она уже пошла на спад, а потом и стала отступать (деятельность I и II Государственных дум).

Лишь в 1908-1909 гг. немногочисленная, но богатая и влиятельная группа прогрессивных московских предпринимателей, возглавляемая П.П. Рябушинским и А.И. Коноваловым, всерьез попыталась пойти на переکور бюрократии и повернуть государственную политику в более либеральном, «буржуазном» направлении. Члены ее сыграли видную роль в подрыве царского режима.

Периодизация революции

Длившаяся два с половиной года первая российская революция прошла в своем развитии ряд этапов, которые характеризовались изменениями в соотношении противоборствующих сил,

размахом движения и его конкретными особенностями, т.е. взаимодействием различных форм борьбы. Как правило, в ходе революции отмечают два основных периода: год подъема (1905), и полтора года (1906 и 5 месяцев 1907 гг.) спада и отступления. Вряд ли это деление можно оспорить.

Если же динамику хода революции попытаться рассмотреть более подробно, то она может быть представлена такими этапами:

1. Начало революции - с 9 января по апрель 1905 года.
2. Развитие революции вширь - с мая по сентябрь 1905 года.
3. Высший подъем революции - с октября по декабрь 1905 года.
4. Спад революции, ослабление ее натиска - с января по август 1906 года.
5. Отступление революции - с августа 1906 по 3 июня 1907 года.*

На *первом этапе* на борьбу против самодержавия поднялся авангард рабочего класса в крупных промышленных центрах (металлисты, железнодорожники), поддержанный выступлениями учащейся молодежи, демократическими слоями городского населения и в незначительной мере крестьянством. Выступления эти выражали протест против расстрела царскими войсками мирной демонстрации рабочих 9 января 1905 г. Однако, основная масса населения страны еще не была готова к открытой политической борьбе.

Для *второго этапа* революции характерно расширение революционных выступлений на значительной территории страны, сочетание стачечной борьбы с политическими демонстрациями, перераставшими в открытое столкновение с властями. Революция охватывает армию и флот, национальные районы России и становится подлинно общенародной. Растет сознание и организованность рабочих.

Третий этап знаменует высший подъем революции. Происходит всероссийская политическая забастовка (2 мл. участников, бастовало 14 железных дорог). И, как следствие, зашатался устои самодержавия. Царь мучительно колебался, но вынужден

---

* Исторический опыт трех российских революций. - Кн. I. - М., 1985. - С. 120-122.

был, вопреки своим убеждениям, уступить натиску революционных сил. Он издал 17 октября Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», означавший большой шаг в сторону парламентаризма и конституционной монархии. Вводились демократические свободы, объявлялось создание законодательной Государственной думы. Происходит формирование массовых организаций. Пролетариат усиливает натиск на царизм, переходит к вооруженному восстанию (в декабре 1905 г. по России таких восстаний было более 30). Буржуазия довольствуется уступкой царя и открыто уходит с фронта борьбы с самодержавием. После подавления декабрьского вооруженного восстания в Москве и жестокой расправы с его участниками обещания царского Манифеста поблекли.

Четвертый этап характеризуется перегруппировкой борющихся сил и усиливающимся маневрированием царизма, а также ростом конституционных иллюзий среди крестьян и части рабочих. Фронт борьбы несколько сужался - наблюдается спад революции, ослабление ее натиска и усиление конституционных иллюзий. Проводятся выборы в I Государственную думу, которую царь распустил через 72 дня. Почти на всех этапах революции, кроме организованных коллективных форм борьбы (стачки, политические демонстрации, вооруженные восстания и др.) можно было наблюдать и индивидуальный террор особенно со стороны эсеров и анархистов. Беспристрастные дела архивов свидетельствуют, что с февраля 1905 года по май 1906 года было совершено 15 покушений на губернаторов и градоначальников, 267 на строевых офицеров, 12 - на священников, 29 - на торговцев. Среди жертв террора были и дети.*

Пятый этап - отступление и поражение революции. Избранную 2-ю Думу царь также распускает через 102 дня. Царское правительство обрушило репрессии на участников революции и стремилось как можно больше урезать полномочия Государственной думы (принята новая редакция «Основных законов Российской империи», Государственный Совет становится верхней палатой парламента). 3 июня 1907 г. в нарушении основных законов Российской империи, не спросив предварительного согласия Государственного Совета и Думы, царь про-

извольно «дарует России новый избирательный закон», кардинально меняющий, по выражению Николая II, «самый способ призыва выборных от народа». Новое «Положение о выборах» резко увеличивало представительство от помещиков и крупной буржуазии за счет сильного сокращения посланцев рабочих, крестьян и демократических слоев городского населения. Выдающийся российский реформатор конца XIX в. - начала XX в. С.Ю. Витте свидетельствовал: «Новый избирательный закон исключал из Думы народный голос, т.е. голос масс и их представителей, а дал голос только сильным и послушным». Дума «в большинстве своем лакейская, угодническая была не выбрана Россией, а подобрана Столыпиным».

Длительное время принятие нового «Положения о выборах» историки квалифицировали как третьиюньский государственный переворот, ныне же некоторые из них так не считают, но признают, что, безусловно, произошел «отказ в демократизации страны». Однако, факт остался фактом - закон 3 июня знаменовал собой конец революции и начало жестоких репрессий против ее участников.

Через все этапы проходит основной стержень - начало и развертывание борьбы основных ударных сил революции: пролетариата и крестьянства. Конечно, выделение этапов революции можно привязать и к поведению буржуазии, помещиков и самого самодержавия. Но не это поведение составляло суть революции. Буржуазия, например, до октября 1905 г. активизировала свое участие в революции, делала попытки «от бунта на коленях» встать на ноги, а с 17 октября 1905 г. резко меняет тактику, стремясь использовать ситуацию для того, чтобы направить революцию в мирное русло и максимально использовать обещанные царем политические свободы для конституционной работы в I и II Государственных думах. Однако, самодержавие, одерживая победу над революцией, посадило на место пытавшуюся было подняться с колен буржуазию.

Революция обошла Россию в

- десятки тысяч убитых, раненых и арестованных;

---

* Конец крепостничества в России: Документы, письма, мемуары, статьи. - Изд-во МГУ, 1994.

- сотни миллионов рублей ущерба, нанесенного народному хозяйству забастовками и погромами;
- гибелью культурных ценностей;
- серьезными перебоями в работе учебных заведений;
- частичным разложением армии и др.

В освещении итогов революции больших разночтений в современной историографии почти нет, если не считать преувеличение их значения. Они безусловно были велики и самое главное было в том, что первая русская революция, хотя и не покончила с царизмом, но нанесла ему такой удар, от которого он уже не мог оправиться до конца своего существования.

Наиболее значимыми итогами российской революции 1905-1907 гг. стало частичное ограничение самодержавия, учреждение законодательного представительства в лице Государственной думы и реформированного Государственного Совета. В новой редакции были приняты Основные законы Российской империи, определен статус Совета Министров как высшего органа исполнительной власти. Итогом борьбы революционных масс с самодержавной властью стало также установление на началах неприкосновенности личности умеренных гражданских и политических свобод (свобода совести, слова, собраний, союзов) и, как следствие, легализация деятельности около 60 общероссийских и национальных политических партий всех направлений и возникновение Советов, профсоюзов, страховых, кооперативных и других культурно-просветительных обществ. Была введена университетская автономия.

В деревне, несмотря на сохранение помещичьего землевладения, несколько облегчилось положение крестьян. Были отменены выкупные платежи за землю (около 1 миллиарда золотых рублей) с крестьян, началась осуществляться столыпинская аграрная реформа.

Несколько улучшились экономические условия жизни рабочих: средняя годовая зарплата увеличилась с 214 рублей в 1904 г. до 258 рублей в 1907 г., а средняя продолжительность рабочей недели сократилась до 50-60 часов вместо 75 часов в конце XIX в. На большинстве предприятий был установлен 9-10 часовой рабочий день. Одним из основных завоеваний рабочих было введение системы коллективных договоров с предпринимателями. Однако в годы после-

революционной политической реакции (1907-1910 гг.) ряд завоеваний рабочих был урезан.

Революция 1905-1907 гг. впервые пробудила широкие народные массы на борьбу не только за улучшение своего экономического положения, но и, что особенно значимо, за свержение самодержавия. Революция помогла народу в какой-то мере освободиться от рабской покорности власти имущим, обрести чувство социальной значимости и необходимости более организованной и эффективной борьбы за свободу и социальный прогресс.

Однако, не следует преувеличивать итоги и значение революции. Она не завершилась победой над самодержавием. Иногда утверждают, что революция завершилась полупобедой. Монархическому режиму был нанесен потрясающий удар, но он все-таки уцелел и лишь внешне приобрел конституционные формы. Законодательные функции Государственной думы ограничивались применением статьи 87 Основных законов (1906 г.), которая позволяла распускать Думу временно или до последующих выборов, а в это время самодержавная власть могла беспрепятственно издавать угодные ей указы. Из компетенции Думы почти целиком было изъято право утверждать расходы военного и морского ведомств. Существовали и другие ограничения прав Думы. Правительство не несло никакой ответственности перед Думой и Государственным Советом, а царь лично назначал министров и главу. Совета министров. Дума не могла даже ставить вопрос о недоверии правительству.

Сохранилось вето царя на законы, принимаемые Думой:

«Никакой закон не может ... воспринять силу без утверждения государя императора». Основные законы продолжали именовать русского царя самодержцем. Такой политический строй, где существовало весьма ограниченное в правах представительство, можно назвать конституционным лишь с большими оговорками. Пожалуй, лучше его назвать полуконституционным самодержавием.

Революция не решила аграрный вопрос. Помещики и латифундисты по-прежнему оставались собственниками огромных земельных богатств. Крестьяне же в массе своей страдали от ма-

лоземелья. Да и до настоящего и полного освобождения их от помещичьего гнета было еще далеко.

Не был решен и национальный вопрос.

Эстафету решения коренных задач демократического преобразования страны возьмет на себя вторая русская революция. История уже в ходе первой революции вынесла свой приговор русскому самодержавию и годы его существования были сочтены, а в феврале 1917 г. этот приговор был приведен в исполнение революционным народом.

Источники и литература

- Анатомия революции: массы, партии, власть. - СПб, 1994.
- Вязьмитинов М.В.* Жандармы и армия: Политический сыск и вооруженные силы России в революции 1905-1907 гг. // Военно-исторический журнал. - 1995. - №2. - С.89-93.
- Витте С.Ю.* Воспоминания. - Т.1-3. - М., 1960.
- Зырянов П.Н.* Петр Столыпин: Политический портрет. - М., 1993.
- История политических партий в России. - М., 1990.
- Игнатьев А.В.* Витте-дипломат. - М., 1989.
- Искандеров А.А.* Российская монархия, реформы, революция // Вопросы истории. - 1993. - № 3, 6, 7; - 1994. - № 1, 6.
- Кожин В.* Загадочные страницы истории XX века. - М., 1996.
- Коростовец И.Я.* Посол Портсмутского мира: Записки русского дипломата 1905-1907 гг. // Международная жизнь. - 1994. - № 4, 9.
- Колиниченко Д.А.* Трудовики в первой русской революции, - М., 1985.
- Конец крепостничества в России: Документы, письма, мемуары, статьи. - М.: Изд-во МГУ, 1994.
- Королев Н.Г.* Первая российская революция и царизм. - М., 1982.
- Ландау Г.* Революция, бунт, смута // Новое время. - 1994. - № 40.
- Ленин В.И.* Доклад о революции 1905 г. // ПСС. - Т.30.
- Новое о революции 1905-1907 гг. в России. - Л., 1989.
- Первый штурм // История Отечества в романах, повестях, документах. - Век XX. - М., 1990.
- Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г.* Революционные традиции в России. - М., 1986.
- Политические партии в России в 1905-1907 гг. // История СССР. - М., 1990.
- Павлов Д.Б.* «Союз 17 октября» в 1905-1907 гг.: Численность и соци-

- альный состав // Отечественная история. - 1993. - №16.
- Петров Ю.А.* Декабрь 1905 г.: Репетиция гражданской войны. // Отечественная история. - 1996. - №2.
- Политическая история Отечества XX в.: Документы и материалы. - М., 1992.
- Россия на рубеже веков: Исторические портреты. - М., 1971.
- Российский Нострадамус, (Публ. записки П.Н. Дурново царю Николаю II с анализом возможностей развития и последствий общеевропейского военного конфликта) // Родина. - 1993. - № 8/9.
- Русский конституционализм в период думской монархии. - М., 2003.
- Семенов С.* Кровавое воскресенье - загадочная провокация русской истории // Наш современник. - 1995. - № 1.
- Семенникова А. И.* Россия в мировом сообществе цивилизаций: Учебное пособие для вузов. - Брянск, 1995.
- Сенчакова Л.Т.* Приговоры и наказания российского крестьянства 1905-1907 гг.: По материалам центральных губерний. - М., 1994. - Вып. 1-2.
- Степанов С.А.* Черная сотня в России 1905-1914 гг. - М., 1992.
- Тютюкин С.В.* Россия, 1905-й... // Свободная мысль. -1995. - №5.
- Ханлова Н.В.* ПДР: «партия здравого смысла». (О деятельности партии демократических реформ. 1905-1907 гг.) // ПОЛИС, -1993. - № 3.
- Шелохаев В.В.* Партия октябристов в период первой российской революции 1905-1907 гг. - М., 1987.
- Шацлло К.Ф.* Русский либерализм в период первой российской революции. - М., 1987.

3. Начало II русской революции.

Февраль 1917 г.

Перестройка нашей исторической науки в свете новых возможностей для исторических исследований дала немало оснований для критической оценки трудов советских историков по названной проблеме. Обозначился целый ряд «белых пятен», догматических представлений и устаревших схем, низкий теоретический уровень многих работ, стремление сгладить острые углы в истории второй российской революции.

Было бы наивно думать, что уж теперь-то эти проблемы будут научно-объективно решены сразу. Однако на «фронте»

историографии Февраля 1917 г. происходят позитивные изменения. Так, еще в 1990 году в Московском университете была проведена Всесоюзная конференция по проблеме «История Февральской революции: в поисках новых подходов», в которой участвовали видные ученые-специалисты по этой проблеме.

Февральская революция подвела черту под многовековой историей российской монархии, свергла самодержавие и весь олицетворяемый им строй. Впервые в истории России на смену царскому режиму пришел демократический строй, по тем временам самый передовой в мире. «Россия, - писал В.И. Ленин в апреле 1917 года, - сейчас самая свободная страна в мире из всех воюющих стран», с отсутствием насилия над населением и максимумом легальности.

Однако Февральской революции в советской историографии уделялось значительно меньше внимания, нежели победившей через восемь месяцев Октябрьской. Обычно изучение шло на сопоставлении двух революций с предпочтением Октября Февралю. Причем советские историки в массе своей приуменьшали значение Февраля и гипертрофировали, иконизировали, обожествляли Октябрь 1917 года. Февралю отводилось скромное место «пролога Октября», а в сталинском кратком курсе «Истории ВКП(б)» Февральскую революцию лишили своего самостоятельного места и пристегнули к первой мировой войне. Западные же историки, как правило, провозглашали Февральскую революцию «славной», «общенародной», а Октябрьскую революцию - большевистским заговором, путчем, переворотом, организованным кучкой сторонников Ленина, не поддерживаемой народом.

Нет возможности подробнее останавливаться на многих научных и популярных работах о Февральской революции, тем не менее некоторые из них следует назвать. Так, незаслуженно была раскритикована уже в послесталинские времена (конец 60-х годов) двухтомная монография Э.Н. Бурджалова «Вторая русская революция». Он представил Февральскую революцию как могучее народное движение, возглавляемое рабочим классом, как движение, в котором большевики действовали совместно с другими революционными партиями и организациями. И ныне эта

книга одна из лучших, а в то время она сыграла роль первопроходца в подлинно научном исследовании истории Февраля. И уж совсем вызвала административные меры со стороны бывшего отдела науки ЦК КПСС попытка ряда ученых-историков во главе с П.В. Волобуевым (позднее академиком) показать роль стихийного фактора, спонтанный характер событий, сложный состав классовых сил - участников Февральской революции, стремление ввести элементы исторической правды в освещение политики большевистской партии. Этим историков обвинили в ревизионизме, в отступничестве от ленинизма. Лишь во второй половине 80-х годов XX в. такие авторы, как А.Я. Аврех, П.В. Волобуев, Г.З. Иоффе, В.Т. Логинов, В.И. Старцев, Е.Д. Черменский и другие, в юбилейных публикациях (к 70 и 75-летию Февраля и Октября) смогли воздать должное Февральской революции и ее творцам.

На вопрос о неизбежности или случайности Февральской революции лучше всего ответить при рассмотрении ее в сопоставлении с задачами и итогами революции 1905-1907 гг.

В межреволюционный период с 1907 по 1917 года самодержавие пыталось по-новому решить завещанные первой революцией и навязанные всем ходом экономического развития задачи. Однако, не помогли ему в этом ни административно-карательные расправы над участниками революции, ни думско-парламентский бонапартизм, ни смелая и многообещающая столыпинская аграрная и правовые реформы. Не помогло и участие России в начавшейся первой мировой войне отвлечь общество от острых социальных проблем и конфликтов, остановить и преодолеть назревавший кризис на почве незавершенных буржуазно-демократических задач, не решенных первой русской революцией.

По-прежнему не был решен вечный аграрный вопрос, по-прежнему самодержавие оставалось в лучшем случае полуконституционным при сохранении полицейского режима и бюрократии. Не был решен национальный вопрос. И все это сфокусировалось в тяготах войны и в тылу, и на фронте.

Вторая революция наступала неотвратимо. Прав был меньшевистский историк Н.Н. Суханов, писавший о ней, как «о неиз-

бежной революции, мчавшейся к нам на всех парах».

Между тем, отечественный историк и публицист Г.З. Иоффе в 1992 году так сформулировал ответ на вопрос о неизбежности Февральской революции: «Прошлое не несло в себе неотвратимости той социальной катастрофы, которая, начавшись в феврале 1917 года, кажется не исчерпала всех своих последствий и по сей день». Более того, он считал, что царские власти и военное командование Петрограда могли бы, будь они более энергичными и оперативными, локализовать и прекратить начавшиеся революционные выступления в столице в последние дни февраля 1917 г. И уж совсем сенсационно прозвучало выступление этого историка в апреле 1992 г. на встрече за «круглым столом», посвященной обсуждению основных проблем истории гражданской войны в России. Он, пытаясь умалить роль и значение мощного спонтанного социального взрыва в свержении самодержавия, произнес такую инновацию: «Нам надо пересмотреть наши канонические представления о том, что самодержавие было свергнуто вооруженным путем уже 27 февраля 1917 года. Это не день победы Февральской революции. 26 февраля восстание в Петрограде пошло на спад, а Николай II начал борьбу с революцией только 28 февраля. И власть он уступил в результате давления группы думских деятелей, поддержанных верхушкой командования русской армии».

Возникает вопрос, почему же это давление «небольшой группы думских деятелей и, поддержавших ее, верхушки командования» не привело к отречению Николая II от престола летом 1915 года, когда русская армия понесла крупнейшее поражение и оставила врагу 16 российских западных губерний, когда царский Совет министров в большинстве своем в знак несогласия с царем, решившимся стать верховным главнокомандующим, ушел в отставку, а вместо небольшой группы думских деятелей в 12 человек в 1917 году функционировала в 1915 году вся Дума в составе 442 человек? Ответ простой: тогда, в 1915 г., уже были условия для оказания давления думцев на Николая II, но еще не созрели условия для революционного взрыва, как это было в феврале 1917 года.

Г.З. Иоффе считает, что «ничего закономерного в Феврале 1917 года не существовало» и какого-то неотвратимого пути к нему он

лично не видит, а потому «буквально для всех она (революция) была неожиданной». Так и хочется сходу возразить автору этой версии. Неожиданным и ошеломляющим был сам февральский взрыв, как неожиданным для людей бывает извержение вулкана или землетрясение. Однако никто, не говоря уже о сейсмологах, не считает эту неожиданность простой случайностью. Даже школьники старших классов знают о глубинных, подспудных процессах, протекающих в толще земной коры, приводящих к вулканическим извержениям и землетрясениям. Видимо, не столь неожиданным оказался революционный «февральский взрыв», сколь недостаточно прозорливы оказались социальные сейсмологи.

Даже первое буржуазное Временное правительство в своем «Обращении к Гражданам Российского Государства» 6 марта 1917 года заявило: «Свершилось великое. Могучим порывом русского народа свергнут старый порядок. Родилась новая свободная Россия. Великий переворот завершает долгие годы борьбы... В течение девяти долгих лет у народа отнимались, пядь за пядью, все завоеванные им права. Страна опять ввергнута была в пучину произвола и самовластия. Все попытки вразумить власть оказывались тщетными и великая мировая борьба, в которую Родина наша была вовлечена врагом, застала ее в состоянии морального распада власти, необъединенной с народом, безучастной к судьбам России погрязшей в позоре порока. Ни геройские усилия армии, изнывавшей под тяжестью жестокой внутренней разрухи, ни призывы народного представительства, объединившегося перед лицом национальной опасности (речь идет о «Прогрессивном блоке» в IV Думе - П.Н.) не были в силах направить бывшего императора и его правительство на путь единения с народом.

И когда Россия противозаконными и пагубными действиями ее правителей поставлена была перед величайшими бедствиями, народ должен был сам взять власть в свои руки.

В западной историографии есть совсем другие ответы на вопрос о причинах Февральской революции. Так, известный американский историк, профессор русской истории в Гарварде Р. Пайпс более чем в 900-страничной книге «Русская революция» (1990) отрицает вообще какие-либо закономерности революции.

Он осуждает революцию как преступную глупость, как попытку совершить мгновенное переустройство общества в соответствии с абстрактными принципами. Для Пайпса дело сводится к тому, чтобы найти виновников, потому что «русскую революцию не совершили силы природы, ни анонимные массы, но вполне определенные люди, руководствующиеся собственными интересами». Однако сводить все к субъективному фактору, как это делает Пайпс, нельзя. Современные отечественные, да и многие западные историки считают, что Февральская революция явилась закономерным следствием длительной неспособности или нежелания самодержавной власти осуществить радикальные реформы, обеспечивавшие эволюционное преобразование социально-экономического и политического строя России. И вот тогда сами рабочие, солдаты и крестьяне по-своему, по-революционному решили эту проблему в 1917 году.

Обратимся к следующему вопросу - о влиянии первой мировой войны на время начала революции. С одной стороны, начало войны замедлило, более того, резко приостановило «девятый вал» освободительного и рабочего движения и этим задержала наступление революции. С другой стороны, длившаяся к февралю 1917 года более 30 месяцев неудачная и разорительная война так обострила все социально-экономические и политические противоречия внутри страны, что стихийный процесс масс с неимоверной быстротой и силой охватил рабочих, крестьян, солдат и частично буржуазию России, сотворивших Февральскую революцию. Война основательно приблизила революцию.

Наиболее ощутимыми проявлениями войны, приближавшими революцию, можно назвать такие: усиление и углубление кризиса общественного и государственного строя России; неспособность полицейско-бюрократической власти мобилизовать громадные ресурсы для успешного ведения войны; развал (под тяжестью военных поражений и хозяйственной разрухи) союза реакционного поместного дворянства и крупной буржуазии, служившего целое десятилетие (1907-1917 гг.) привычной опорой монархической власти; уход в оппозицию к царизму русской буржуазии и части дворянства, недовольных военными поражениями

ми, и нарастание революционного движения. Нельзя забывать, и о таком огромном социальном потенциале революции, как 10-миллионная масса вооруженных солдат-крестьян, собранных накануне февраля 1917 года в городских гарнизонах и фронтовых окопах. В их рядах с каждым годом все сильнее росло недовольство и протест против войны и ее последствий. Ведь не случайно же в ходе войны образовалась почти 2-миллионная армия дезертиров.

В российском пролетариате так же зрело недовольство антирабочими, антизабастовочными мероприятиями правительства и промышленников, запретами профсоюзов, рабочей печати и попытками милитаризации труда, предпринятыми в военные годы. Мировая война лишь временно прервала массовое рабочее движение, фактически подводящее страну в июне 1914 года к новому революционному рубежу. С осени 1915 года под воздействием ухудшевшегося экономического и политического положения, неуклонно нарастает рабочее движение, а к концу 1916 года оно играет ведущую роль в возникновении революционной ситуации в стране. Все это и многое другое, связанное с тяготами войны, дает нам основание утверждать, что неудачное участие России в изнуряющей войне приближало революцию, т.е. без первой мировой войны не было бы Февраля 1917 года.

Говоря о событиях первой мировой войны, не стоит преувеличивать роль и результаты большевистской антивоенной агитации и работы в тылу врага и на фронте под лозунгом превращения мировой войны в гражданскую войну против самодержавия. Такая деятельность в условиях военного времени была крайне усложнена и опасна, да и численность большевиков резко сократилась: с 40 тыс. в 1913 году до 24 тыс. к февралю 1917 года.

Ответ на вопрос: кто стоял во главе Февральской революции - буржуазия или пролетариат - в историографии решается далеко не однозначно. Все зависит от того, кто отвечает: историк-большевик-ленинец или меньшевик-плекхановец, мартовед или кадет, октябрист-монархист и т.д.

Длительное время в советской историографии без достаточных оснований утверждалось, что ведущая, руководящая роль в Февральской революции принадлежала большевистской партии,

поднявшей на свержение самодержавия рабочий класс и крестьян, переодетых в солдатские шинели. Одновременно приуменьшалось роль эсеров, меньшевиков, буржуазных партий (кадетов, прогрессистов, октябристов и др.), а также в известной степени игнорировался тот факт, что в революции был велик элемент стихийности. Ныне же кое-кто из историков, но особенно некоторые из публицистов, готовы утверждать и доказывать прямо противоположное, преувеличивают антисамодержавную деятельность буржуазных партий и Государственной думы. В их числе московский историк Г.З. Иоффе. В ответах на вопросы журнала «Родина» (№4. 1992) о сущности Февральской революции он заявил: «Сколько бы ни было значительным так называемое «массовое движение», сколько бы ни был неожиданным «пролетарско-солдатский» взрыв в Петрограде, без давления либерально-демократической оппозиции накануне и в ходе самих февральских событий ничего бы не произошло. Мне кажется, Милюков, сразу после Февраля утверждавший, что его исход решила Государственная дума..., был прав».

Однако тот же историк немногим более года назад утверждал прямо противоположное. (См. журнал «Вопросы истории КПСС» № 11 за 1990 год, стр. 59). Так в каком же случае Г.З. Иоффе прав?

Более объективным, на наш взгляд, будет такой ответ. Февральская революция была революцией рабочих, солдат и частично буржуазии. Февральская революция - это полустихийный, а в ряде случаев и просто стихийный, глубинно-народный, пролетарско-солдатский спонтанный «взрыв», подготовленный всем ходом предшествующего революционного и общедемократического движения.

Особо важная роль в этой революции принадлежит петроградским рабочим, сумевшим выстоять перед натиском военно-полицейского произвола в России в годы политической реакции и империалистической войны и стать, по выражению Г. В. Плеханова, тем динамитом, который взорвал самодержавие. А о роли солдат петроградского гарнизона наиболее точно написал известный ученый профессор, член кадетской партии М.И. Туган-Барановский 10 марта 1917 года: «Русский трон опрокинули 27

февраля гвардейские полки, которые пришли без своих офицеров, и во главе их стояли не генералы, а толпы рабочих, которые начали восстание и увлекли за собой солдат».

Таким образом. Февральская революция не была революцией, свершенной по команде сверху, а развивалась снизу благодаря усилиям и большевиков, и меньшевиков, и эсеров, и кадетов. Поэтому и трудно назвать персонально вождей, руководителей долгожданного и неожиданного Февраля 1917 года. Тем не менее необходимо отказаться от изображения Февральской революции как безликого процесса. Пора дать исторические характеристики основных партий и их лидеров, что и делается ныне историками и публицистами.

Подчеркивая действительно решающую роль пролетариата и крестьян, солдат, их политических партий накануне и в ходе самой революции, необоснованно замалчивать, игнорировать значимый вклад в освободительное движение либеральной оппозиции, российской буржуазии, особенно в предреволюционный период с 1915 по 1917 год. Объективно этот вклад сказался (через деятельность в Государственной думе, военно-промышленных комитетах. Всероссийские союзы земств и городов, через разоблачение в печати и т.п.) в ослаблении царского режима, в изоляции правящей царской камарилы от общества. Непременно следует по достоинству оценить позицию армейских верхов, генералитета и офицерства, т.к. в решающий момент царь остался без привычной военной опоры. Но также сильным ускорителем социального «взрыва» в феврале 1917 года стал сам Николай II и его ближайшее окружение, отвергавшие всякие предложения либерально-буржуазной оппозиции и высших военных чинов о необходимости конституционных уступок. В правительственном лагере брали верх крайне правые, представлявшие крепостников-помещиков. Они предлагали установить режим военной диктатуры и распустить IV Думу. Царь, предчувствуя приближение катастрофы, разделял такие предложения, но в то же время не мог игнорировать мнение умеренной части своего окружения, настаивавшего на уступке либеральной буржуазии, вплоть до дарования ответственного перед Думой правительства.

Николай Романов был твердо убежден, что «с первым днем конституции начнется конец единодержавия», а «конец самодержавия есть конец России».

Непросто ответить на вопрос, почему после Февральской революции в России не сложилось буржуазно-демократическое государство. Ныне некоторые публицисты, да и историки просто отвечают: помешали экстремисты-большевики, захватившие власть в октябре 1917, а в январе 1918 года разогнавшие Всероссийское Учредительное собрание, призванное решить вопрос о власти, земле, мире и национальные проблемы.

Как бы предвидя подобные обвинения, еще а 1920 году В.И. Ленин на первом Всероссийском съезде трудовых казаков, обращаясь к лидерам меньшевиков и эсеров, спрашивал: «Но разве вы, господа эсеры и меньшевики, не имели восемь месяцев для вашего опыта? Разве с февраля до октября 1917 года вы не были у власти вместе с Керенским, когда вам помогали все кадеты, вся Антанта, все самые богатые страны мира? Тогда вашей программой было социальное преобразование без гражданской войны. Нашелся ли бы на свете хоть один дурак, который пошел бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу? Почему же вы этого не сделали? Потому что ваша программа была пустой программой, была вздорным мечтанием. Потому, что нельзя сговориться с капиталистами и мирно их себе подчинить, особенно после четырехлетней империалистической войны».

Разные суждения высказывали и продолжают высказывать историки по поводу того, почему тогда в России не утвердились буржуазно- демократические порядки. Для примера приведем некоторые из них:

1) Буржуазия как класс не желала этого, боясь, что реальная власть в руках народа заведет революцию дальше, чем буржуазии представлялось возможным.

2) «Демократические партии-меньшевики и эсеры... страдали властebоязнью...»

3) «Российская буржуазия, ее либеральные круги, интеллигенция не имели демократических тенденций, не умели маневри-

ровать, у них не было никакого опыта социальных компромиссов...»

4) «Временное буржуазное правительство, как законный преемник власти, полученной через думу от царя, с первых же часов своего функционирования и не помышляло о радикальных демократических преобразованиях в стране, что и подтверждала вся его последующая политика».

Прав оказался последний русский император, не раз говоривший, что либеральные деятели «не знают России», поэтому, придя к власти, не сумеют удержать ее, что грозит развалом и анархией.

Этот развал и анархия не заставили себя долго ждать. Уже к осени 1917 года Россия фактически лежала в руинах: продукция фабрично-заводской промышленности сократилась более чем на 1/3 по сравнению с 1916 годом, упала добыча угля и нефти, почти в полное расстройство пришли железнодорожный транспорт и финансы. Крестьяне отказались продавать хлеб по твердым ценам, хлебный паек в Петрограде и Москве сократился до 200 граммов на человека в день, пышным цветом расцвела спекуляция, росла безработица. Многие ожидания от Февральской революции не оправдались. Временное правительство, по-прежнему коалиционное, составленное из лидеров кадетов, меньшевиков и эсеров, не бралось кардинально решать вопросы о земле, об окончании войны, о предоставлении свободы окраинным народам. Учредительное собрание в который раз откладывалось.

Временное правительство обнаружило почти «тотальную» неспособность руководить страной в условиях быстро назревавшего общенационального кризиса. К середине сентября 1917 года из 197 дней существования Временного правительства 56 дней ушло на кризисы. Таков был, к сожалению, печальный финал попыток становления буржуазно-демократического государства в России. Последняя надежда была на большевиков, предложивших быстрое решение насущных задач, стоявших перед революцией. И как результат - Октябрьский переворот и установление диктатуры пролетариата. Октябрьский переворот стал возможным только в обстановке назревавшей революции, которую большевики сумели использовать для установления советской власти.

Непросто ответить еще на один вопрос. Почему большевики, стоявшие до начала второй революции во главе революцион-

ного движения (как утверждает советская историография), после Февраля 1917 года оказались в меньшинстве почти во всех органах народного и рабочего представительства (Советах, городских думах, профсоюзах, фабзавкомах, армейских комитетах всех уровней и т.д.)?

Во-первых, видимо, потому, что в дореволюционное время большевики своим влиянием охватывали преимущественно фабрично-заводской пролетариат и большей частью в крупных промышленных центрах. А революция подняла к политической жизни и участие в Советах и других органах народного представительства крестьян и ту массу рабочих, а тем более солдат, которая ранее не участвовала в борьбе против царизма, помещиков и капиталистов. Они-то больше всего придерживались мелкобуржуазных взглядов на политику.

Во-вторых, сказалась малочисленность состава большевистских организаций: к 1917 году в их рядах насчитывалось не более 10 тыс., по другим данным - 24 тыс. человек, да и те большей частью находились в ссылках, тюрьмах, в эмиграции и в армии. Признанными лидерами большевиков были В.И. Ленин, Н.И. Бухарин, Ф.Э. Дзержинский, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, А.В. Луначарский, А.И. Рыков, Я.М. Свердлов, И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий. Но этот аргумент не безупречен, так как не намного большей была численность у меньшевиков (в мае 1917. г. их насчитывалось почти 47 тыс.). Меньшевики не были тогда хорошо организованной и сплоченной партией, но они занимали место в верхнем эшелоне революционной демократии и безраздельно господствовали там. Лидерами меньшевиков были: Ф.И. Дан, И.И. Либер, Г.В. Плеханов, М.И. Скобелев, Н.Н. Суханов, Ю.О. Цедербаум (Л. Мартов): И.Г. Церетели, Н.С. Чхеидзе. Выгодное положение меньшевиков объяснялось тем, что они меньше подвергались преследованиям, легально заседали в Государственной думе (а большевистские депутаты тогда были в сибирской ссылке), в рабочих группах Военно-промышленных комитетов и были за умеренное сосуществование с властями в рамках тогдашнего строя, не выступали за поражение России в войне.

Что касается эсеров, то с победой революции число членов этой партии быстро возросло (в том числе и за счет «мартовских

эсеров») и составило к весне 1917 года до 500-700 тыс. человек. Лидерами эсеров были: Н.Д. Авксентьев, Е.К. Бреш-Брешковская, М.В. Вешняк, А.Р. Гоц, В.М. Зензинов, А.Ф. Керенский, М.А. Натансон, М.А. Спиридонова, В. Трутовский, В.М. Чернов.

В-третьих, выйдя из глубокого подполья, большевики и их ЦК (неоднократно арестовывавшийся) не сумели быстро перестроиться в стратегическом и тактическом планах в новых легальных условиях. Они недооценили значение блокистской тактики, в частности, значения «левого блока», складывавшегося в Советах в условиях многопартийности. В партии с большим трудом прививались демократизм и терпимость в отношениях к другим политическим партиям.

Однако в ходе революции, по мере обострения общенационального кризиса и особенно после провала корниловского мятежа, влияние большевиков значительно возросло, а в октябре 1917 года они возглавили вооруженное восстание.

Рассмотренные нами отдельные проблемы истории Февральской революции дают основание утверждать, что из переживаемого революционного кризиса Россия мирным путем выйти не могла. А потому Февральская революция была неизбежна и революционное свержение самодержавия было закономерно: именно эту точку зрения позднее вынужден был признать виднейший историк, лидер кадетской партии и участник февральских событий 1917 года П.Н. Милюков. В его книге «Россия на переломе» (том 1) первая глава так и называется «Почему революция была неизбежна?» Попытка пересмотра этого давно доказанного исторической наукой основного положения вряд ли когда-нибудь удастся. Русский и другие народы России слишком долго жили в условиях несвободы. Это помешало развитию чувства гражданской ответственности, которое могло бы удерживать рабочих и крестьян от искушения «разрушить весь мир насилья», а господствующим классам проявить готовность к настоящим реформам и компромиссу.

История Февральской революции, открывшей путь для демократического развития России, достаточно сложна, в ней много уникального, противоречивого и неразгаданного. Попытки

«разгадать» Февраль будут вновь и вновь предприниматься и рождать новые концепции и новые точки зрения.

Источники и литература

- Аврех А.Я.* Распад тредьяюньской системы. - М., 1985.
- Алексеева И.В.* Агония сердечного согласия. - М., 1990.
- Александр Иванович Гучков* рассказывает // Вопросы истории. - 1991. - № 7-12.
- Анатомия революции: 1917 год в России. Массы, партии, власть.* - СПб. 1994.
- Ананьич Б.В., "Р.Ш. Ганелин* Кризис власти в России. Реформы и революционный процесс. 1905-1917. // Реформы или революция? Россия 1917 г.: Материалы международного colloquium историков. - СПб, 1992.
- Блок А.* Последние дни старого режима. Соб. соч. - Т.6. - М.-Л., 1962.
- Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломатов. - М., 1991.
- Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстания в Петрограде. - М., 1967.
- Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. - М., 1970.
- Волбуев П.В.* Выбор путей общественного развития... - М., 1987.
- Всесоюзная конференция по проблеме «История Февральской революции» // Вестник Московского университета. - Серия 8. - 1991. - № 1.
- Гиппиус З.Н.* Петербургский дневник. - М., 1991.
- Деникин А. И.* Очерки русской смуты: крушение власти и армии. - М., 1991.
- Гайда Ф.А.* Февраль 1917 г.: революция, власть, буржуазия // Вопросы истории. - 1996. - № 5.
- Дан Ф.И.* Демократизация станет исторически неизбежной // Коммунист. - 1990. - № 7.
- Дневники императора Николая II.* - М., 1992.
- Данилов Ю.Н.* На пути к крушению: Очерки из последнего периода русской монархии. - М., 1992.
- Зензинов В.М.* Февральские дни // Октябрьский переворот. Революция 1917 года глазами ее руководителей. - М., 1991.
- Ильин А.И.* О революции // Слово. - 1990. - № 11.
- Исторический опыт трех российских революций. - Т.2. - М., 1986.

- Иоффе Г.З.* Февральская революция. Крушение царизма // Вопросы истории КПСС. - 1990. - № 10, 11.
- История Отечества: люди, идеи, решения: Очерки истории Советского государства. - М., 1991.
- Искандеров А.А.* Российская монархия: Реформа и революция // Вопросы истории. - 1993 - 1994. - № 3, 5, 7; № 1, 6.
- К 75-летию Февральской революции // Родина. - 1992. - № 2.
- Ленин В. И.* Письма из далека // ПСС. - Т. 31.
- Луначарский А.В.* Письма мои к тебе, конечно, исторические. Луначарский - жене (март-декабрь 1917 г.) // Вопросы истории. - 1990. - № 11, 12. - 1991. - № 2.
- Мартов Л.* Из писем 1917 г. // Свободная мысль. - 1991. - № 6.
- Милюков П.П.* Воспоминания. - Т.2. - М., 1991.
- Наумов Н.В.* 1917 год: Концепция революции, историческая реальность // Вестник МГУ. История. - 1993. - №4.
- Набоков В.Д.* Временное правительство // Наше наследие. - 1990. - №5.
- Оболенский В.А.* В период Временного правительства. Февраль-октябрь 1917 г.: Воспоминания // Советские архивы. - 1991. - № 2.
- Отречение Николая II: Воспоминания и документы. - Л., 1990,
- Переписка В.А. Маклакова и А.А. Кизаветтера (о Февральской революции) // Источник. - 1996. - № 2.
- Плеханов Г.В.* Год на родине // От первого лица. - М., 1992.
- Плеханова Р.М.* Год на родине // Диалог. - 1991. - № 1-8.
- Палеолог М.* Царская Россия накануне революции (январь 1916 - май 1917). - М., 1991.
- Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г.: Протоколы и материалы. - Т.1. 27 февраля- 31 марта 1917 г. -Л., 1991.
- Радзинский Э.С.* Господи... спаси и умири Россию. Николай II: Жизнь и смерть. - М., 1993.
- Политическая история России в партиях и лицах. - М., 1993.
- Рабинович А.* Большевики приходят к власти. - М., 1989.
- Российская государственность: история и современность. - СПб, 2003.
- Россия и первая мировая война. - СПб, 1999.
- Солженицын А.И.* Размышления над Февральской революцией // Москва. - 1995. - № 2.
- Солженицын А.И.* Красное колесо. Узлы X-XX // Звезда. - 1993. - № 1-9.
- Страна гибнет сегодня: Воспоминания о Февральской революции 1917 г. - М., 1991.
- Старцев В.И.* Революция и власть. - М., 1978.

- Старцев В.И.* Штурм Зимнего. - М., 1967.
- Станкевич Б.В.* Воспоминания 1914-1917 гг. - М., 1994.
- Суханов Н.Н.* Записки о революции. - К. 1, 2, 3, 4. - М., 1991.
- Реформы или революция? Россия 1861-1917. - СПб, 1992.
- Харитонов В.Л.* Февральская революция в России // Вопросы истории. - 1993. - № 11-12.
- Черменский Е.Д.* Вторая российская революция. Февраль 1917 г. - М., 1986.
- Чернов В.М.* В бурю. - М., 1993.
- Шаццлло К.Ф.* Николай II: реформизм или революция? // История Отечества: люди, идеи, решения: Сборник. - М., 1991.
- Шляпников А. Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год: В 3-х тт. - М., 1992.
- Шульгин В.В.* Дни: воспоминания. - М., 1990.
- Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции // От первого лица. - М., 1992.

4. Октябрь 1917 г. (вопросы методологии)

Октябрьские события 1917 года стали событиями мирового значения, но историки еще долго будут спорить и расходиться в их оценках.

Октябрь 1917 оказался в центре острой идейной и политической борьбы, развернувшейся сейчас в нашей стране.

Большинство исследователей представляет Октябрь 1917 г. революцию* не только как важнейшее событие XX века, отражавшее вековые устремления человечества к свободе, демократии и социальной справедливости, но и как великую историческую драму народа, сотканную из противоречий, побед, поражений и трагедий, взлетов человеческого духа и его падений, теоретических озарений идеологов и вождей революции и их же грубейших ошибок и просчетов. Отвергнуто представление о «запрограммированности» революционного процесса на один победоносный исход и поставлен вопрос об альтернативности исторического процесса. В этой связи важна проблема предпо-

сылок Октябрьский событий и здесь необходимо отказаться от двух стереотипов: старого - будто Октябрь в Петрограде революция победила благодаря зрелости, готовности нашей страны для социализма и нового - будто у нас не было никаких предпосылок для социалистической революции, кроме желания большевиков захватить власть для социалистического экспериментирования. Причем предпосылки Октября и предпосылки социализма намеренно не различаются в обоих вариантах. В то время, как еще Ленин утверждал, «в России социализм не может победить непосредственно и немедленно», и Октябрьский переворот произошел в мелкобуржуазной стране именно благодаря отсталости ее капитализма. В этой связи необходимо в обобщающем плане остановиться на особенностях капиталистической эволюции России и их воздействии на развитие революционного процесса в 1917 году, так как подробно об этом уже говорилось в предыдущих параграфах.

1. Россия являла собой «запоздалый, вторичный, догоняющий» тип капиталистического развития, «второй эшелон» в цепи капиталистических государств, поэтому различные исторические эпохи оказались как бы спрессованными во времени.

2. Промышленный переворот произошел в России без аграрно-капиталистического, отсюда особая острота аграрного вопроса и узость внутреннего рынка. С целью быстрого развития промышленности и поддержки бездефицитного торгового баланса Россия активно экспортировала продовольствие (в основном зерно). Экспорт осуществлялся за счет недопотребления, а не переизбытка сельскохозяйственной продукции. Таким образом вырос род капитализма, вскормленный за счет крестьян, в результате прямого вмешательства государства, его протекционистской политики, широкого использования иностранных капиталов.

3. Этапы складывания крупного производства оказались смещены (сначала тяжелая, потом легкая промышленность). В результате деформировалось соотношение между экономическим и социальным развитием страны. Предпринятый в конце XIX - начале XX рывок (с 1861 по 1913 гг. объем промышленного производства вырос в 12 раз) усилил разлаженность хозяйства, уг-

любился разрыв между укладами. Кстати, советские историки изменили взгляд на проблему многоукладности. Многоукладность не рассматривается теперь как особенность России и тем более как источник революции. Любая развивающаяся общественно-экономическая формация многоукладна. Важна органичность сочетания традиционных укладов с наиболее передовыми. Для России, наоборот, был характерен резкий разрыв и замкнутость укладов (сравнительно развитый промышленный и финансовый капитализм и чудовищная отсталость- аграрного сектора экономики).

4. Неравномерность развития капитализма по регионам и имперская национальная политика привели к остроте национального вопроса в России.

5. И наконец, Россию отличала социально-политическая система (существование классов-сословий и монархии, не завершившей трансформации в буржуазную), а также низкий общий культурно-образовательный уровень населения.

6. Слабыми в России оказались реформистские силы из-за неразвитости средних классов - основной социальной опоры реформ, закоренелости бюрократического аппарата и социального эгоизма власти. Реформы не носили системного характера не хватало кадров для их проведения.

Войдя в XX век, наша страна должна была резко ускорить капиталистическую модернизацию и в целях выживания в быстро меняющемся мире ликвидировать свое отставание от передовых стран Запада. Масштабность и острота исторических задач (необходимость решения аграрного, рабочего и национального вопросов, задач капиталистической индустриализации, повышения культурно-образовательного уровня, общей цивилизованности, демократизации общественно-политической жизни) и недееспособность правительства ввергли страну в кризис, усугубившийся с началом первой мировой войны.

Особый тип капиталистической эволюции России обусловил развертывание в стране разнородных по составу, целям, характеру движущих сил революции. Таким образом, «благодаря отсталости, которая двинула нас вперед», Россия вступила на путь революций, и этот процесс вытекал из общего хода миро-

вого развития. В зарубежной историографии появилась тенденция рассматривать Октябрь 1917 г. революцию как составную часть революций периода первой мировой войны и как тип модернизации в отстающих странах, где отсутствуют возможности реформистского пути.

Следующей проблемой является вопрос, почему революционный процесс не остановился на буржуазно-демократическом этапе, а пошел дальше - к социалистическому? (И в связи с этим можно говорить о предпосылках Октября).

Точки зрения отечественных и зарубежных историков сводятся к следующему:

1. Февральская революция осталась только *политической* революцией, она не решила основных экономических, социальных, общедемократических и общенациональных задач (о мире, о земле, о ликвидации хозяйственной разрухи и голода, рабочий и национальный вопросы). Причем революционизирующим фактором было стремление крестьян получить землю. В зарубежной историографии Октябрьскую революцию в связи с этим называют «революцией крестьян по дороге с фронта домой».

2. Общенациональный кризис, охвативший страну в годы первой мировой войны, к осени 1917 года принял характер общенациональной катастрофы. Налицо были общая дезорганизация хозяйства, истощение мирных отраслей производства, нехватка сырья, продовольственный, топливный, финансовый кризисы. Обострились национальные проблемы: Финляндия и Польша требовали суверенитета, напряженными были ситуации на Украине и Кавказе. Все попытки Временного правительства решить насущные проблемы тонули в бюрократической рутине и бессилии власти противостоять хаосу. Тогда Временное правительство ежедневно принимало какие-то постановления о госзаказах, об усилении продразверстки, создании заградительных отрядов для борьбы с мешочниками, о монополии на хлеб и т.п. Но удержать страну с помощью этих мер не удавалось. К тому же Временное правительство не могло справиться с чудовищным ростом преступности. Летом 1917 года, насмотревшись на дея-

тельность правительства. А. Блок писал: «Это царство беспорядка, сплетен, каверз, растерях. Я нисколько не удивлюсь, если народ, умный, спокойный, понимающий, начнет также спокойно и величаво вешать и грабить интеллигентов - для водворения порядка». Т.е. бессилие власти усугубилось ее *политическим и моральным износом*, об этом ярко свидетельствуют не только листовки, исходящие от левых партий, но и материалы газет осени 1917 года.

3. К этому необходимо добавить *небывалую по глубине радикализацию масс*. Стремительное крушение самодержавия привело к тому, что Россия внезапно «обвенчалась со свободой». Триумф победы рождал веру в неограниченные возможности революции («массам был нужен разительный шок инобытия»). Требования безотлагательного решения не только политических, но и социальных проблем стали испытанием для всех партий, претендовавших на руководство массами. А кадеты и умеренные социалисты по разным теоретическим и практическим причинам пошли по пути поддержки не народа, а Временного правительства, стремившегося ввести революцию в «спокойные берега». Только большевики поддерживали лозунги масс.

Таким образом. Октябрь - это взрыв, который произошел в результате активизации разнородных социальных сил, недовольных последствиями Февраля. Причем среди этих сил необходимо учитывать и массу людей, далеких от радикализма, просто уставших от кризиса, боявшихся анархии и требовавших теперь твердой, дееспособной власти.

Почему же Временное правительство не смогло стать дееспособной властью, хотя в его состав входили умные, образованные, болеющие за судьбу России люди?

Существует несколько ответов на этот вопрос:

1. Масштабность и многомерность охватившего страну кризиса и анархии.

2. Невозможность, по убеждению правительства, решить аграрный вопрос без окончательного развала фронта, т.к. большинство армии составляли крестьяне. Решить же вопрос о мире правительство не могло, связанное союзническими обязательствами и, вероятно, тяжелыми условиями сепаратного мира,

учитывая линию фронта в 1917 году.

3. Неспособность русского общества к сотрудничеству и компромиссам (отсутствие такового опыта). К моменту буржуазной революции традиционный носитель власти - русская буржуазия была недостаточно организована и не имела позитивного опыта участия в управлении государством (в работе 3-х Дум было больше либеральной риторики, чем реальных достижений представительной власти). К тому же внутри либерального течения существовал идейный раскол, отражавший разницу во взглядах на будущее России («веховство», кружок Рябушинского и пр.). Но все эти взгляды не представляли *программу мер* по спасению страны, а лишь идею длительной эволюции России на парламентской основе. И в этом проявилась «хроническая болезнь нашего, национального развития - оторванность передовой интеллигенции от народа» (Н. Бердяев), т.к. большая часть интеллигенции не поняла неотложности требований народа. И только большевики пошли за радикализмом масс. Заметим, к слову, что в лице большевистского крыла социал-демократия обрела партию нового типа, поставившую своей целью борьбу за власть. Умеренные же социалисты, представители которых входили во Временное правительство, наоборот, признались во «властебоязни» из-за отсутствия четких программ переустройства России. Они взяли на себя неблагодарную роль «третьей силы», сдерживавшей правых и левых, но вели ее непоследовательно и неэнергично. Большевики и эсеры находились в состоянии идейного и организационного раскола с весны 1917 года. Налицо был разрыв между идеологией и политикой этих партий, их деятельность просто не соответствовала заданному народом темпу революционных преобразований. Правда, некоторые историки (О. Волобуев, Г. Иоффе) считают, что «демократия имела свой шанс» - буквально накануне Октябрьского переворота предпарламент принял решение о немедленном заключении мира. Не случайно Ленин торопил большевиков: «Завтра будет поздно!», т.е. произошло как бы наложение «организованной революции» на волну нарастающего возмущения народа против Временного правительства. Таким образом, пересмотрена альтернатива накануне Октября - не военная диктатура или большевизм (неудача корниловского мятежа, по мнению этих историков, надолго блоки-

ровала новую попытку решения вопроса о власти путем генеральского путча). Но существовало «противостояние демократии и революционизма». Большая роль в этой связи отводится радикализму в большевистской партии.

Вероятно, теперь уместно остановиться на краткой характеристике большевистской партии накануне Октября. От Февраля к Октябрю партия резко выросла количественно (с 80 тыс. в апреле до 400 тыс. в начале октября). Тонкий слой профессиональных революционеров пополнился рабочими от станка, военными - в основном бывшими крестьянами, а теперь солдатами, и унтер-офицерами. Интеллигентов и служащих было немного. Партия большевиков 1917 года - это партия молодых, со всем радикализмом и склонностью к простым решениям, которые свойственны молодым.

Недостаточно исследованным остается вопрос о социальной сущности большевизма. Этот вопрос существует в двояком виде: с одной стороны, он встает как вопрос о том, насколько можно выделять рабочих из всей совокупности общественных «низов», характеризовать их как носителей особого строя, идущего на смену капитализму, насколько можно также отделять большевиков от плебейской массы как целого, а большевистский вариант марксизма выделять из всей суммы идеологий, подверженных сильному влиянию социализма.

В более узком плане этот вопрос стоит как вопрос о том, в чем и как состав членов и руководящего ядра большевиков снизу доверху отличался по характеру представленных в его среде социальных групп, по характеру их мировоззрения, их идеологии, психологии и менталитета, по навыкам их общественного поведения. (М. Рейман, ФРГ)

Нового освещения заслуживает формирование руководства большевистской партии. Процесс этот шел демократическим путем. На Апрельской конференции и на VI съезде РСДРП(б) выбирались и возвратившиеся в страну эмигранты, и подпольщики, и выдвинувшиеся в ходе революции местные работники. Среди 31 члена и кандидата в члены ЦК самым «старым» был 47-летний Ленин, а многим не было и тридцати.

С резким выделением большевиков из революционно-демократического лагеря (после разрыва их с меньшевиками и эсерами в Советах под влиянием ленинской платформы) к ним потянулись наиболее нетерпеливые, радикальные революционные представители российской социал-демократии, часть которых раньше входила в другие фракции. Это Л.Д. Троцкий, А.В. Луначарский, М.Н. Покровский, М.М. Урицкий, В.А. Антонов-Овсеенко, А.А. Иоффе, М.З. Лурье (Ю. Ларин), Ю.М. Нахамкис и др. Все они обрели свое место в руководстве партии, выдвинувшей самые радикальные и максималистские лозунги для решения запутанных вопросов, вставших перед революционной Россией. И наоборот, часть умеренных и осторожных «центристов» вышла в апреле из большевистской партии и присоединилась к меньшевикам. Это размежевание проявилось и в том, что наиболее радикальным оказался Петроградский комитет партии. Умеренностью взглядов и действий отличался Московский комитет, а ЦК испытывал влияние и тех, и других, и только авторитет, энергия и напористость Ленина склоняли большинство членов ЦК к радикальным решениям.

Важнейший вопрос в этой связи - пересмотр Лениным теории социалистической революции и принятие ее большевистской партией. Старые схемы 1905 года, рассчитанные на длительный период борьбы за победу буржуазно-демократической революции и последующее медленное перерастание ее в социалистическую, оказались устаревшими перед стремительными событиями Февральской революции. Но им следовали «старые большевики», считавшие буржуазно-демократическую революцию еще не законченной. В ходе острейших дискуссий Ленин пытался убедить большевиков в необходимости взять власть на себя для социалистического переворота, целью и средством которого станет мировая революция. В сентябре во время дискуссии, начатой ленинскими письмами о восстании, победили умеренные большевики. Они отвергли предложение о практической подготовке вооруженного восстания и искали компромисса с меньшевиками и эсерами, ожидая Учредительного собрания. Готовилась даже объединительная конференция и 28 местных организаций, к неудовольствию ЦК, в октябре оставались объединенными

большевистско-меньшевистскими. К концу октября Ленин, проявив удивительную энергию и настойчивость и используя политическую обстановку, смог доказать необходимость вооруженного восстания и захвата власти. Сторонники реформистского пути в большевистской партии были побеждены, но продолжали отстаивать свою линию в ходе переговоров о создании «однородного социалистического министерства», начавшихся по ультиматуму Всероссийского Исполкома железнодорожников 26 октября. Эта проблема заслуживает особого внимания, т.к. с ней связан вопрос *о возможности многопартийного правительства и о «третьем пути в революции»*. Значительная часть большевиков склонялась в пользу формирования общесоциалистического правительства «любой ценой», что привело к кризисному положению в большевистском руководстве, когда 4 ноября Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев, В.П. Милютин, А.И. Рыков и В.П. Ногин вышли из ЦК, а двое последних отказались и от постов в советском правительстве в ответ на решение ЦК прекратить переговоры с Викжелем. (Правда, меньше, чем через неделю они вернулись с покаянием). Ленин рассматривал эти переговоры только как «дипломатическое прикрытие военных действий», которые велись в это время с войсками Керенского-Краснова под Петроградом. Непременным условием коалиции с представителями социалистических партий Ленин считал принятие ими программы большевиков, т.к. необходимо было создать работоспособное правительство. В противном случае, по мнению Ленина, «в советскую телегу впрягались лебедь, рак и щука, и создавалось правительство, неспособное спеться, сдвинуться с места». И большинство членов ЦК требовало сохранения «контрольного пакета» в правительстве за большевиками. Эта позиция имела объяснение: коалиция при правительственном большинстве из меньшевиков и эсеров меняла бы характер революции, превращая ее в социал-демократическую с переходом на парламентские рельсы. Это и был бы «третий путь». Но такая революция не оправдала себя в дооктябрьские месяцы, она не смогла удовлетворить народные массы, вызвала их крайнюю радикализацию. И опыт последующих месяцев показал, что эсеры и меньшевики, там где они оказывались у власти (в Сибири и на Урале), были не в состоянии отстаивать «третий путь» и капитулирова-

ли перед контрреволюцией. Главной причиной, по которой меньшевики и эсеры отказались от союза с большевиками, было различие во взглядах на перспективы революции, т.к. представители социалистических партий считали непрямым условием «исключение социалистических экспериментов как во внутренней, так и во внешней политике, т.е. отказ от второй революции, диктатуры пролетариата и сепаратного мира». К этому добавляются и другие причины, сделавшие невозможной широкую коалицию социалистических сил: исключительная обостренность классового сознания и нарастающая радикализация масс, отталкивавшая правых лидеров; сложность, запутанность внешних и внутренних обстоятельств, придававших особую окраску политическим решениям. Сказались давние разногласия, осторожность меньшевиков и максимализм большевиков, твердость, с которой те осуществляли диктатуру. В результате социалсты-меньшевики и эсеры оказались в лагере контрреволюции, а это сделало гражданскую войну более длительной и ожесточенной.

Следующий вопрос - о поддержке большевиков большинством народа. Подавляющая его часть - а это мелкобуржуазная масса классической мелкобуржуазной страны - не была с большевиками ни весной, ни летом 1917 года. Большинство народа, поддерживая тогда блок партий меньшевиков и эсеров и союз этого блока с частью русской буржуазии, было «центристским» и оказывало поддержку коалиции всех партий и общественных организаций. Центризм - это выражение векового опыта большинства народа в любом обществе и государстве. Но в переломные моменты, когда взрывоопасными становятся настроения отчаяния и разочарованности в массах, они становятся способными к быстрой смене своих симпатий, особенно если правящие партии преступно медлят с решением назревших вопросов, затрагивающих интересы и судьбы многих десятков миллионов людей. И тогда выдвигаемые массами требования воспринимались большевиками и оформлялись ими в социалистические одежды, натянутые на политические действия, симпатичные массам, как-то: социализация земли, передача фабрик рабочим, требование демократического мира. Это охотно воспринималось определенными классами общества и играло роль организатора массовых действий. Большевики и социализм воспринимались ими как предпочтитель-

ный путь решения всех проблем.

С этой точки зрения можно говорить о значительном массовом признании законности Октября в первые послеоктябрьские месяцы (роль первых декретов советской власти).

Всероссийское Учредительное собрание и демократическая альтернатива

Идея альтернативности пронизывает всю историографию проблемы. Одни видели в Учредительном собрании - «прекрасного лебедя демократии», другие - «гадкого утенка отжившего свое буржуазного парламентаризма». Необходимо системное исследование проблемы, включающее связи Учредительного собрания с развитием российской государственности, социума, национального менталитета и т.п.

В настоящее время наметились следующие подходы к проблеме Учредительного собрания:

- Идея Учредительного собрания долго оставалась в России элитарной из-за глубокого разрыва в уровнях и типах политической культуры образованного интеллектуального слоя общества и толщи социальных низов.

- Неодинаково было в социальном разрезе и понимание задач Учредительного собрания. Для средних слоев его сверхзадачей было создание правового государства при непременно мирном реформистском преодолении кризиса в стране. Для маргинализированных и люмпенизированных слоев Учредительное собрание должно было удовлетворить, главным образом, социальные нужды, обычно понимаемые как простое уравнильное перераспределение жизненных благ. Став символом радикального обновления страны и преодоления ее исторической отсталости, при отсутствии программы деятельности, идея эта приобрела отвлеченный, полулегендарный характер.

- Авторитарная власть невольно служила распространению идеи: проводя либеральные реформы, она способствовала росту конституционных иллюзий, преследуя движение за Учредительное собрание, она усиливала его романтический ореол жертвенности.

- Своего апогея идея Учредительного собрания достигла после свержения самодержавия. Но юридический статус Учредительного собрания как «хозяина земли Русской», выработанный соглашением лидеров Петроградского Совета и Государственной думы в ночь на 2 марта с основным принципом «непредрешения» главных вопросов государственной жизни до Учредительного собрания, сделал Временное правительство и советские партии заложниками формулы «непредрешения». Они не могли распорядиться властью, не рискуя быть обвиненными в посягательстве на права Учредительного собрания. Так создавался вакуум власти.

Груз исторически задержавшихся реформ обрушивался на плечи Учредительного собрания, и каждый просроченный день катастрофически умножал это бремя, подрывая его шансы остановить сползание страны ко всеобщему кризису и гражданской войне.

- Левоэкстемистские силы формула «непредрешения» связывала лишь в той мере, в какой они признавали за Учредительным собранием окончательную санкцию своих действий.

В этой связи необходимо остановиться на проблемах - *Советы и Учредительное собрание и отношение большевиков к Учредительному собранию.*

Взаимоотношения Учредительного собрания и Советов составляли суть разногласий в демократической среде по вопросу о власти. Правые социалисты, сохранив до ноября 1917 г. общее руководство советской системой, пытались предотвратить их политическое соперничество, признавая что «Советы были прекрасной организацией для борьбы со старым режимом, но они совершенно не в состоянии взять на себя создание нового режима: нет специалистов, нет навыка и умения вести дела и, наконец, нет самой организации». (Известия ЦИК Советов», 12 октября 1917 г.).

Раздавались предостережения, что если ведомые большевиками Советы захватят власть в стране, то это будет конец Учредительного собрания. Оно станет ненужным, т.к. большевики вынуждены будут осуществить то, ради чего оно созывалось. Смысл опасений был не в боязни самих свершений, а в том, что они будут использованы для узурпации власти, т.к. многие мень-

шевики рассматривали власть Советов как средство «поставить и утвердить у власти революционное меньшинство».

Большевики вели в отношении Учредительного собрания тактику гибкой и осмотрительной импровизации.

Любопытно, что именно большевики в манифесте Бюро ЦК РСДРП/б/ первыми среди политических партий провозгласили необходимость его созыва, но Ленин и его ближайшие соратники уже с периода первой русской революции отводили Учредительному собранию ограниченную роль «оформителя» преобразований, проводимых массами и их органами власти. Правда, в начале октября 1917 года Ленин писал о возможности временного «комбинированного» типа государственного строя (Советы плюс Учредительное собрание). Вопрос же о практической взаимосвязи Учредительного собрания с Советами перед Октябрьским восстанием не ставился, но его суверенитет не отрицался. 27 октября СНК принял решение о созыве Учредительного собрания в назначенный срок, и все основные решения Второго съезда Советов принимались «впредь до созыва Учредительного собрания». Этим подчеркивался его приоритет.

Ведя усиленную предвыборную кампанию в Учредительное собрание, партия, естественно, должна была поставить практически вопрос о взаимоотношении Советов с Учредительным собранием, и в середине ноября было определено, что Учредительное собрание будет работать под непосредственным давлением Советов как органов, «более непосредственно и близко отражающих настроения масс». 21 ноября во ВЦИК был поставлен вопрос о предоставлении Советам права отзыва и перевыборов членов Учредительного собрания на время «великого преобразования России» и приводился пример Английской и Французской революций, где из парламента и конвента были исключены правые крылья.

Отстранение кадетов из Учредительного собрания признавалось «неизбежным этапом в развитии революции», а возглавляемые кадетами контрреволюционные выступления на Дону, Урале, Украине ускорили темп этого процесса. 28 ноября СНК одобрил предложенный Лениным декрет «Об аресте вождей граждан-

ской войны», этим кадеты отстранялись от участия в Учредительном собрании. Обострение политической борьбы побуждало ЦК к еще более жестким установкам по отношению к Учредительному собранию. В этих условиях для партии важно было обеспечить единство взглядов на проблему Учредительного собрания, т.к. часть руководящих партийцев (Л.Б. Каменев, Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, В.П. Ногин, В.П. Милютин) по-прежнему считали необходимым комбинировать Советы с Учредительным собранием и, более того, отводили им подчиненную роль. Они же добивались созыва партийного съезда для решения вопроса об Учредительном собрании. После острой дискуссии на заседании ЦК были одобрены написанные Лениным «Тезисы об Учредительном собрании», согласно которым комбинированный тип республики уже не мог осуществиться. Республика Советов мыслилась отныне единственной формой демократизма, «способной обеспечить переход к социализму». Таким образом, стратегия большевиков в отношении к Учредительному собранию связывалась, безусловно, с главным вопросом - о перспективе революции. И 5 января, в день открытия Учредительного собрания, большевики ультимативно потребовали от него признания решений II-го съезда Советов.

Но альтернатива Учредительного собрания оказалась невозможной для России не только из-за жесткой политики большевиков. В среде отечественных и зарубежных историков, для которых проблема Учредительного собрания являлась предметом исследования, преобладает мнение, что путь альтернативного развития в связи с Учредительным собранием был исключен. В доказательство приводятся следующие аргументы:

- слабость массового протеста и сопротивления депутатов разгону Учредительного собрания создают впечатление о его политическом самоубийстве. Поддержка народом Учредительного собрания основывалась скорее на популистских представлениях, чем на демократических идеалах (Л.Г. Протасов; М. Ферро);

- борьба двух демократий: цензовой, буржуазной, классического типа и народной, советской и отсутствие структур политического согласия не позволило решить кардинально проблему Учредительного собрания (П.В. Волобуев);

- отсутствие у большинства депутатов программы действий (была лишь идея созыва) обрекало Учредительное собрание стать неработающим органом (Н.Н. Смирнов);

- учредительное собрание упустило свой исторический шанс.

В истории европейских революций лишь те Учредительные собрания выполнили свою историческую роль, которые были созданы по завершении революционного периода и институциировали ту власть, которая уже опиралась на реально сложившееся соотношение сил в обществе (В.И. Миллер, П.В. Волобуев).

И наконец, **проблема последствий Октябрьской революции и уроков Октября.**

Октябрьская революция - событие, бесспорно, мирового значения. Ее современная оценка требует взвешенного научного анализа, свободного от политической конъюнктуры и эмоций момента. Между всеми тремя российскими революциями существовала глубокая связь. Важнейший урок всех революций: они происходят тогда, когда общество утрачивает надежду на эволюцию. Революция - это огромная цена только за возможность прогресса. «Ее оправдание, высшее и бесспорное в том, что она является единственным способом движения вперед там и тогда, где и когда упрямство командующих групп и классов пытается глухою стеною отстаивать мощное и неудержимое историческое движение» (В.М. Чернов). И что бы ни случилось потом, после неё, сама революция - всегда великая надежда, даже если она сдобрена иллюзиями.

Победа большевиков не была случайной. И она не была контрреволюционной реставрацией дореволюционного строя. В стране вследствие революции произошли колоссальные изменения. Их нельзя однозначно характеризовать знаками - плюс или минус. В основе сегодняшнего отрицания роли и значения революции 1917 года лежит идеализация революций как фактора поступательного развития общества. В действительности в октябре, как до этого в феврале 1917г., вновь сказались недостаточная развитость и недостаточная закреплённость в России экономических и социальных структур гражданского общества. Революция тем самым получила исключительно разрушительный размах, умноженный на последствия

мировой, а затем и гражданской войн. В ее ходе был не только полностью разрушен уже подорванный традиционный строй, но и все здание нарождавшейся промышленной цивилизации, лежавшие в его основе отношения собственности, рынка, денежной системы организации, внутриотраслевой и межотраслевой кооперации и т.д. Уничтожены были имущие и образованные слои и классы общества. Утрата большей части прежних элитарных слоев означала громадные потери общественного опыта, культурного и научного потенциала, производственно-технических знаний.

В ходе революции была прервана преемственность модернизационного процесса. В послереволюционном обществе пришлось на новой основе строить и возобновлять горизонтальные и вертикальные структуры, заново создавать весь механизм модернизации. Модернизационный процесс приобрел совершенно новый характер, базирующийся на монопольном положении государства и правящей партии. Советский общественный строй нельзя в этом смысле рассматривать как простой продукт социалистических представлений, он был в гораздо большей степени продуктом предшествующего исторического развития России, продуктом революции и тех общественных изменений, к которым она привела.

Один из важнейших уроков революции - «безгосударственность» российской интеллигенции. Ее слабость в сфере государственного строительства сыграла в 1917 году далеко не последнюю роль. Уроком русской революции является признание теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами общежития. Признание того, что внутренняя жизнь личности есть главная творческая сила для всякого общественного строительства. (Идеология же русской революционной интеллигенции развивалась на противоположном принципе - признании безусловного первенства общественных форм). Н. Бердяев, указывая на трагизм русской революции, вместе с тем подчеркивал, что революция в России могла быть только социалистической, хотя по духовному складу она могла быть только тоталитарной. «И, несмотря ни на что, - писал философ, - русская революция пробудила и расковала огромные силы русского народа. В этом ее главный смысл!»

Бесспорно влияние Октябрьской революции на мир не только в смысле революционизирующего фактора, но и преобразующего тоже. Ей суждено было стать тем «пьяным Илотом», который испугал капиталистическое общество и подвинул его к социальным реформам.

Н овое в методологии исследования революций

В современной методологии исследования революционных эпох наметилась критика концепции модернизации, поскольку она выделяет закономерность в развитии общества, рассматривает как идеал западное капиталистическое, либерально-демократическое развитие и по сути является либеральным аналогом, зеркальным отражением марксистской схемы капиталистического развития. Обе теряют из вида активных субъектов истории -людей. В последнее время в зарубежной и отечественной историографии активно развивается методология социальной истории, делается попытка проследить динамику конфликтов в каждой из социальных и политических групп и динамику их взаимоотношений, окрашенную этими конфликтами.

Российские историки при изучении истории революций пытаются в качестве основы рассматривать не классы и партии, а человеческую личность. В частности, делаются попытки изучения психологии и психопатологии людей революционной эпохи. Эта проблематика не нова для отечественного обществоведения. В начале века российские ученые, в частности, В.И. Вернадский, указывали, что событиями управляет психопатология толпы. В этой связи глубокого изучения требует проблема формирования психопатологических черт в сознании и поведении людей. Из современных ученых В.П. Булдаков отмечает, что «стихию насилия и буйство утопий уместно объяснить тем, что самодержавная идеократия, замыкающая на себя, а затем бюрократически выхолащивающая ценностные установки народа, навязывает России кризисный ритм развития», т.е. в качестве глубинной причины выделяется социальный эгоизм власти, который формирует конфронтационное восприятие мира, когда личные обиды и неустроенность в жизни проецируются на общественный строй, а общественные беды становятся личной

болью. В конечном счете, рождается фанатичная вера в революцию (в «светлый путь» или «лютое отвращение к труду и жажда балагана пронизывают сознание и психику слишком многих людей» (О.В. Волобуев). Этому сопутствуют грабежи, пьянство, насилие, террор, в подтверждение тезиса «революция - это злобная реакция масс на дурную действительность».

Новым методологическим подходом является и попытка осмысления революций сквозь призму личного интереса, через представление о том, кому и что она реально дала и что отняла в экономическом, социальном, политическом, духовно-нравственном, мировоззренческом отношениях. При этом выделяется необходимость классификации личных интересов в отношении каждой революционной эпохи, установление их иерархии», реального содержания и вариантов противоборства. Учитывается и то, что число людей, которые заранее знают, что им нужно в революции, относительно невелико. Что же приводит в движение общество в целом? Острая неудовлетворенность своим положением, обстановка ожидания перемен, обстановка надежд и иллюзий о возможности быстрых, эффективных подвижек к лучшему. От того, как и по каким путям пойдут поиски движения к лучшему, какой эффект они дадут тем или иным социальным группам, зависят ход и результат революционного процесса. Всякая революция - это «езда в незнаемое». Ни одному идеологу и лидеру известных в истории революций не удавалось предугадать их истинных результатов.

В подходе к изучению проблемы личного интереса в революции выделяются определенные социально-психологические типы. Некоторые из них:

Убежденные революционеры. Их доминирующий личный интерес - воплощение доктрины в жизнь. На неизбежных поворотах истории наименее прагматичные из них, становятся пленниками идеи, её заложниками» Присущие их социальному поведению черты жертвенности способны перейти в фанатичное упорство в реализации идей, неразборчивость в средствах на пути к цели. Этим они часто обрекают себя на роль жертв уже в послереволюционную эпоху. С началом революции эта категория размывается за

счет притока конъюнктурщиков и приспособленцев.

Убежденные защитники старого строя (контрреволюционеры). Во многом являют собой зеркальное отражение предыдущей категории. Не признавая компромиссов, идут в борьбе с революционерами до конца, к реставрации старых порядков.

Именно социальная энергия указанных двух социально-психологических типов вносит в общество наиболее мощные импульсы ожесточения при незначительной доле тех и других в составе населения. Вместе с тем, ориентация революционеров и контрреволюционеров на личные и социальные интересы переплетается со служением определенного рода ценностям и идеалам, что делает их натурами цельными в социально-психологическом и мировоззренческом планах.

Оборотни революционных эпох. Социальная активность их сравнима с активностью убежденных революционеров, но формы ее проявления другие. Главная их ценность и личный интерес - власть и многообразные ее атрибуты и привилегии. Наличие такой категории способных, хватких, приспособляющихся политиков - одна из основ последующего перерождения революционной власти.

Не тождественной оборотням признается сплоченная на профессиональной основе ***категория специалистов***, готовых работать при любом режиме, но не служить ему. Личный интерес специалиста - заниматься своим делом вне зависимости от изменений социально-политического строя, тем более когда социальные функции их профессионализма претерпевают мало изменений, даже если социальный статус их профессии меняется. Наличие в целом аполитичного слоя специалистов может стать при определенных условиях как фактором углубления революции, так и ее движения вспять.

Мученики, страстотерпцы революции. Своеобразная категория деятелей как революционного, так и контрреволюционного лагерей, они видят свою личную роль и доминирующий интерес не в борьбе за осуществление конкретных целей, а в нравственном очищении посредством личных страданий. Психология мученичества не только удел «избранных», она становится по-

пулярной в психологии неустойчивой части общества в целом.

Обыватель революционной эпохи - консервативная часть общества, поднятая революцией «со дна» своего повседневного состояния. В ходе революции обыватель нацелен не столько на приобретение новых социальных благ и выгод, от которых он, конечно, не будет отказываться, но на сохранение уже имеющихся и возвращение тех, которые были утеряны в процессе кризиса старого строя. Облик и социальное поведение обывателя - наиболее надежная визитная карточка революции, чем портрет её активного ядра. Если портрет революционера позволяет понять как, с чего и почему началась революция, то облик обывателя подскажет, чем она неизбежно закончится.

Еще один социально-психологический тип - **среднеактивный субъект революционного процесса**. Эта часть общества склонна к переменам и в принципе готова поддержать их. Это динамичный, но и наименее устойчивый участник событий. Он не чужд новаций, но болезненно реагирует на те из них, которые не дают ожидаемого эффекта и, тем более, хотя бы временно ухудшают его социальное и материальное положение. Составляет массовую базу революционного процесса на этапе подъема. Способен резко менять ориентацию, обречен колебаться между революционерами и обывателями.

Но живая, многоликая революционная действительность никогда не укладывается в рамки последующих ее научных воспроизведений, явления и люди поддаются типологизации с большой долей условности. Проблема альтернативности развития России после февраля не сопровождается оценкой шансов той или иной альтернативы путем системного анализа политики, экономики, социокультурной сферы, международного контекста. В качестве нового **методологического подхода** выделяется необходимость учитывать влияние долгосрочных, среднесрочных, краткосрочных факторов (структур, конъюнктур и ситуаций) (В.С. Дякин). В краткосрочных процессах альтернативы возникают очень часто, но ничего принципиально не меняют. Ничего принципиально не изменила бы победа Корнилова: при существовавшей расстановке политических сил она могла бы лишь отсрочить победу большевиков или приблизить её.

Это не альтернативы, а зигзаги исторического пути. Более серьезное значение имеют альтернативные варианты среднесрочных процессов. Такая альтернатива существовала, по мнению В.С. Дякина, в 1906 году, когда власть упустила возможность соглашения с либералами на условиях последних. Но, с одной стороны, шансы на такое соглашение были ничтожны, а с другой - оно было бы слишком запоздалым. Реальными альтернативами меняющими ход исторического процесса, являются альтернативы долговременного развития, они возникают редко. В качестве долговременных факторов развития предлагается рассматривать *соотношение религиозного и революционного сознания*. Кризис религиозного сознания в конце XIX века признается явлением общеевропейским. В основе его позитивистская этика служения историческому прогрессу, пришедшая в Россию с Запада, как и марксизм. В России эта этика привела к формированию революционной морали интеллигенции, которая особенно ярко проявилась в поведении большевиков. В то же время кризис религиозного сознания широко затронул народные массы. Потеря религиозной этики способствовала принятию массой этики революционной.

Особое внимание уделяется оценке *«человеческих» модернизационных возможностей страны*, которые признаются весьма ограниченными из-за слабости среднего класса, основной социальной опоры реформ.

Решающим условием успеха большевиков называется то, что крестьянство России, т.е. большинство населения страны, отказало в доверии капитализму, провозгласив *своими лозунгами уничтожение частной собственности на землю, запрещение наемного труда, уравнительное землепользование*. Либеральные предложения воспринимались крестьянами чисто ситуационно; в целом же они остались равнодушными и даже враждебными «барской» политике (Т.Г. Леонтьева, Ю.П. Бокарев). Столь же массовым было разочарование народных масс в буржуазной демократии и их крутой поворот к власти Советов. Российский национальный кризис 1914-1918 гг. наложился на общемировой кризис капитализма и европейской цивилизации, в т.ч. либеральной буржуазной демократии. Наиболее видимым его проявлением стала первая мировая

война. Капиталистическая общественная система и цивилизация, казалось, потеряли право на легитимность. В этой связи происходит **уточнение характера революции** как антибуржуазного, но не социалистического (В.П. Булдаков), поскольку массы представления не имели о научном социализме. Октябрьская революция была по **замыслу социалистической**, по мечте о будущем, по мысли о направлении дальнейшего развития. Однако по реальным действиям она не была социалистической. И если были социалистические действия, то диктовались они скорее давлением масс, нежели доктриной (П.В. Волобуев, В.И. Миллер).

В условиях нарастания политической и социальной напряженности «начавшееся массовое движение нельзя было произвольно обуздать, остановить на полпути или повернуть вспять. Вzbунтовавшимся массам, - отмечал Н.А. Бердяев, - нужно было дать лозунги, во имя которых эти массы согласились бы организоваться и дисциплинироваться, нужны были выражающие символы... Только большевизм оказался способным овладеть положением». В связи с этим В.П. Булдаков рассматривает **большевизм не как большевистскую партию, а как «нечто большее, то, что по законам энергетики организует хаос движения масс»**.

В то же время именно подобные настроения, желание достичь всего в короткие сроки, создавали в дальнейшем условия для извращения социалистической идеи как по содержанию, так и по воплощению.

В целом же ответ на вопрос, почему в 1917 году симпатии масс оказались на стороне большевиков и левых эсеров, предлагается искать в комплексе факторов: отсутствие в стране широкого слоя средних собственников, ослабление консолидирующих начал - религиозного и монархического, рост деструктивных и центробежно-националистических тенденций, хрупкость созданного Февральской революцией демократического строя и др.

Октябрь 1917 г. революция рассматривается как революция народных низов, «плебейская» революция» (М. Рейман, ФРГ). Радикализм революции вытекал не из особой идейной и политической подготовленности, а из незавершенности буржуазно-демократических преобразований, из характера полицейского и

бюрократического режима, ставившего препятствия на пути борьбы даже за повседневные требования, из трудности положения рабочих в отсталой стране, в которой развивающаяся промышленность разрушала традиционные структуры, не создавая возможности для многих людей найти свое место в новом строе общественных отношений.

Дискутируемой проблемой в историографии Октября остается *структура революционного процесса*. Распространенным является представление о ней как соединении, слиянии двух, по сути, самостоятельных революций - пролетарской и общекрестьянской. Её составляющей была и национально-освободительная борьба. Как революция периода мировой войны, она включала мощное антивоенное, антиимпериалистическое и демократическое движение. Оно охватывало не только солдат, но и большинство народа, уставшего от тягот войны, т.е. общепринятым является тезис о совокупности, сумме революций. Интересно определение Октября как комплекса революций в эпоху мировых войн (Х. Вада, Япония). Встречается мнение о том, что крестьянская революция протекала отдельно и независимо от социальной революции городов и захвата власти большевиками, но именно крестьяне дали большевикам условную поддержку (О. Файджес, Великобритания). Противоположным является мнение о том, что пролетарский, крестьянский, национально-освободительный, антиимпериалистический и антивоенный потоки не были изолированными, взаимодействовали между собой, и здесь более подходит старая, идущая от «Краткого курса» формула потока революционного движения, которая теснее передает эту взаимосвязь (В.И. Миллер). Общим является представление о том, что исторические корни каждой из составляющих Октября революций разновременны, некоторые имеют докапиталистическую давность, в ней участвовали классы и социальные слои разных исторических эпох. Сплетение, соединение разных революций не только усиливало ее мощь и масштабность, но было и источником известной слабости, затрудняло решение задач той или иной революции. Сейчас, особенно на Западе, говорят вообще о II русской революции, прошедшей ряд этапов в 1917-1920 (1922) гг.

В числе исследовательских проблем, наметившихся в последнее время, народ и власть, революция и человек, революция быта и обыденность революции, отношение к собственности и деньгам, свобода и насилие, массовый террор и изменение отношения к смерти, маленький человек и лидеры, женщина в революционных и контрреволюционных социумах, специфика поведения этномаргиналов и бытовой национализм и пр.

Источники и литература

- Анатомия революции, 1917 год в России: Массы, партии, власть. - СПб. 1994.
- Архив русской революции, изданный *И.К. Гессеном*: В 22-х тт. - Репринт. издание. - М., 1991.
- Большевистский переворот: Воспоминания *Н. Авксентьева* // Отечественная история. - 1992. - № 5.
- Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. - М., 1992.
- Булдаков В.П.* На повороте. 1917 год: Революции, партии, власть // История Отечества: Люди, идеи, решения. - М., 1991.
- Волобуев П.* Революция мчалась на всех парах // Родина. - 1992. - №4.
- Волобуев О., Иоффе Г., Степанский А.* Логика переворота. - Там же.
- Воронков И.И.* Французская «социология революции» и новейшая буржуазная историография Великого Октября // Вестник Московского университета. - Серия 8. - 1988. - № 1.
- Журавлев В.В.* Революция сквозь призму личного интереса // Отечественная история. - 1995. - № 4.
- Деникин А.И.* Очерки русской смуты. - М., 1991.
- Из глубины. Сборник статей о русской революции. - М., 1990.
- Измозик В.* Оглянемся на историю. 1917 год // Наука и жизнь. -1991. - № 2.
- История политических партий в России. - М., 1994.
- Ленин В.И.* Поли. собр. соч. - Т. 32, 34.
- Лилина М.* Минувшего проклятые вопросы о характере Октябрьской революции // Диалог. - 1993.
- Мануйлов В.И.* Был ли возможен другой социализм в России? // Общественные науки сегодня. - 1992. - № 2.
- Набоков В.Д.* Временное правительство: Воспоминания. - М., 1991.
- Новые документы о финансовых субсидиях большевикам в 1917 г. //

- Отечественная история. - 1993. - № 2.
- Октябрь 1917: Величайшее событие века или социальная катастрофа. - М., 1991.
- Октябрьский переворот. Революция 1917 года глазами ее руководителей: Воспоминания русских политиков и комментариев западного историка. - М., 1991.
- Первухина К.М.* История Октября в англоязычной литературе // История СССР. - 1991. - № 3.
- Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: Протоколы, стенограммы, отчеты... В 5-ти тт. - Л., 1991.
- Пинегина Л.Л.* К проблеме культурных предпосылок Великого Октября // Вопросы истории. - 1987. - № 11.
- Политическая история Отечества (1861-1920). Хрестоматия для студентов гуманитарных факультетов. - М., 1991.
- Поляков Ю.А.* О возможности «третьего пути» // Коммунист. - 1990. - № 12.
- Протасов Л.* Хозяин земли русской: Об истор. роли УС // Родина. - 1993. - № 10.
- Революция и человек: социально-психологический аспект: Научная конференция 28-30 ноября 1994 г. // Отечественная история. - 1995.- № 6.
- Рейман М.* Заметки по интерпретации 1917 года // Отечественная история. - 1994. - № 4/5.
- Романовский Н.В., Левин Н.Б.* Классы и партии в период Октябрьской революции // Вопросы истории. - 1990. - № 11.
- Семенникова Л. И.* Октябрь 1917. Что же произошло? // Свободная мысль. - 1992. - № 15.
- Сироткин В. Г.* О мировой революции и России, которую мы потеряли // Свободная мысль. - 1992. - № 15.
- Солженицын А.* Черты двух революций (О сходствах и различиях Великой Февральской революции и Великой Октябрьской революции 1917 г.) // Новый мир. - 1993. - № 12.
- Старцев В. И.* Партия большевиков в канун Октября // Коммунист. - 1990. - № 12.
- Суханов Н.Н.* Записки о революции. В 3-х тт. - М., 1991.
- Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции // От первого лица. - М., 1992.
- Черменский Е.Д.* Вторая российская революция. Февраль 1907 г. - М., 1986.
- Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. В 3-х тт. - М., 1991.

Щетинина Г.И. Идейная борьба русской интеллигенции. Конец XIX-начало XX в. - М.: Наука, 1995.

5. Гражданская война. Политика «военного коммунизма» (1917–1921 гг.)

До середины 80-х годов в советской историографии история гражданской войны неизменно рассматривалась с позиций торжествующих победителей - «красных» над «белыми» и иностранными интервентами. А в сталинское время она была наполнена немалым числом мифов и легенд и одновременно умолчаниями о действительных событиях, полководцах и военачальниках. В военно-исторических исследованиях, как правило, не использовались или совсем мало использовались архивные документы и материалы противоборствующей (белогвардейской) стороны, если не считать те из них, в которых содержались сведения, отрицательно характеризующие белое движение. И как следствие, не могло быть и речи о создании правдивой, объективной истории гражданской войны, ее причинах, характере, ходе и значении.

Только в конце 80-х - начале 90-х годов в силу глубоких изменений, произошедших в общественно-политической жизни страны, получив возможность прямо и открыто высказываться по острым историческим проблемам, публицисты, а затем военные историки начали критический пересмотр своих прошлых концепций. Ныне все более пробивает себе путь осознание того, что только объективный (научный) взгляд на историю гражданской войны, учитывающий мнение и документальные источники противоборствующих тогда сторон, позволяет приблизиться к исторической правде.

Внимание историков сосредоточивается на широком комплексе вопросов:

- 1) Уточнение самих понятий «гражданская война» и «интервенция».
- 2) Исторические истоки гражданской войны, стоящие за ней силы.
- 3) Соотношение противоборствующих сил.
- 4) Периодизация гражданской войны и взаимосвязь ее с ин-

тервенцией.

5) Белый и красный террор, его причины, ход и результаты.

6) Итоги гражданской войны, переход от гражданской войны к гражданскому миру и др.

Остановимся на некоторых из этих проблем, которые больше всего вызывали и вызывают споры в исторической науке и в практике изучения их в учебных заведениях.

Гражданская война как историческое явление - организованная вооруженная борьба за государственную власть между классами и социальными группами внутри одной страны. Коротко, гражданская война - это вооруженная борьба за власть в стране между двумя частями народа. Гражданские войны, в отличие от обычных (межгосударственных), характеризуются особой непримиримостью и беспощадностью, в них особенно велика роль социально-психологических мотивов, веры борющихся в правоту своего дела, энтузиазма, жертвенности. Гражданская война в отличие от обыкновенной войны неизмеримо более сложна, характеризуется большей неопределенностью и неопределимостью состава борющихся - в силу перехода из одного лагеря в другой. Только за первые 70 лет XX века в мире произошло 25 таких войн (в России, Финляндии, Венгрии, Испании, странах Латинской Америки и др.).

Гражданская война в России - это величайшая трагедия нашего народа. Гражданская война в России была столь упорной и ожесточенной, какой, пожалуй, не было в мире. В основном это была война трудящихся классов России, поверивших большевикам и Советской власти в справедливость их идеалов, против свергнутых в 1917 году эксплуататоров и их сторонников.

Гражданская война проходила при активном вмешательстве иностранных государств, принимала различные формы: вооруженное восстание, мятежи, разрозненные столкновения, крупные военные операции с участием регулярных армий, действия вооруженных отрядов в тылу существовавших правительств и государственных образований, диверсионно-террористические акции.

Каковы причины и кто виновники гражданской войны? Однозначного ответа на этот вопрос пока нет. Прежде всего, на наш

взгляд, никак нельзя рассматривать гражданскую войну в отрыве от предшествующих ей революционных процессов. И, конечно же, революции всегда чреваты гражданскими войнами. Прав видный российский историк В.П. Дмитренко в своем четком утверждении, что гражданская война - это апофеоз революции, когда революционные процессы доведены до высшего социального напряжения. Корни гражданской войны лежат глубоко: крайнее обострение социально-классовых противоречий, огромный, долго копившийся запас ненависти трудящихся классов к помещикам, буржуазии, генералитету, царской бюрократии, крупномасштабные поражения Россия в первой мировой войне (16 западных губерний в 1915 г. были оккупированы германскими войсками), раскол российского общества (идейно-политический, морально-нравственный), доведенный до крайней степени.

Ныне у нас в стране и за рубежом получает широкое распространение точка зрения, что война была вызвана исключительно экстремизмом и непримиримостью большевиков, их приверженностью к насилию и терроризму к своим политическим противникам. Американский историк М. Малиа, например, утверждает: «Большевиками и, в первую очередь, Лениным руководила безграничная жажда власти и всепоглощающая ненависть ко всем своим противникам из буржуазного лагеря». Нельзя, однако, забывать, что непримиримость, конфронтационность и бескомпромиссность была одинаково присуща и большевикам, и меньшевикам, и эсерам. Ее они продемонстрировали в дни корниловского мятежа (август 1917), на Втором Всероссийском съезде Советов (октябрь 1917) при попытке сформировать однородное социалистическое правительство, в работе Всероссийского Учредительного собрания.

Эсеры и часть меньшевиков, считавшие себя главными поборниками свободы и демократии, для торжества своей идейной правоты первые взяли за оружие (демократическая контрреволюция). Нам представляется весьма предпочтительней точка зрения историка Г.З. Иоффе: «Конечно, неверно возлагать всю ответственность за «расколотый» мир на большевиков. Совершенно очевидно, что правые эсеры не искали путей к диалогу. В Учредительное собрание, как нам кажется, они пришли с твердой верой в то, что власть долж-

на перейти и перейдет к ним. Все их последующее поведение подтверждает это. Я даже решился бы высказать такую мысль: полномасштабную *гражданскую* войну в России начали *именно* правые *эсеры-учредиловцы*. До этого все-таки имели место локальные военные действия. Но когда правые эсеры потерпели поражение в попытке взять власть политическими средствами (через Учредительное собрание), они взялись за оружие».

Трудно представить себе большевистскую партию, которая, придя к власти при достаточно мощной и динамичной социальной поддержке под лозунгом всеобщего демократического мира, тотчас умышленно устремилась развязывать новую, гражданскую войну, отлично понимая, что война несет угрозу революционным завоеваниям, жертвы и страдания.

Ленин писал тогда: «Мы не хотим гражданской войны». Но позднее, через год, после роспуска Учредительного собрания. Ленин вынужден был признать, что в период всемирного «краха буржуазной демократии и буржуазного парламентаризма... без гражданской войны нигде не обойтись». Еще ранее, на второй день после победы Октябрьского вооруженного восстания (28 октября 1917 г.), видный вожь российской социал-демократии Г.В. Плеханов предупреждал о возможности гражданской войны в открытом письме петроградским рабочим: «Несвоевременно захватив политическую власть, - писал он, - русский пролетариат не совершит социальной революции, а только вызовет гражданскую войну...» Он оказался прав

В числе причин, приведших к войне, указывают и на неостывшее противостояние классов и общественных групп, богатых и бедных после двух революций 1917 года и стремление сторонников революции довести ее до полной победы, до полной капитуляции эксплуататоров и реализовать идею мировой революции.

В последнее время все чаще указывают, и не без основания, на роспуск (в форме «полицейской акции») Советским правительством в январе 1918 года Всероссийского Учредительного собрания как на самый серьезный насильственный акт, послуживший началу гражданской войны. А большинство Учредительного собрания - правые эсеры - вместе с их сторонниками, отказавшись признать Советскую власть и ее декреты, решили не ми-

риться с крушением своих последних надежд и попытались восстановить власть Учредительного собрания вооруженным путем. Собственно гражданская война и началась под лозунгом защиты Учредительного собрания внутри самого революционного лагеря.

Не подчинившись декрету Совнаркома о роспуске, правоэсеровская часть Учредительного собрания («учредиловцы») попытались создать свое правительство в Самаре - Комитет Учредительного собрания («Комуч») и помериться силами с советской властью. Но эта попытка оказалась для них неудачной.

Позднее колчаковцы расстреляли часть учредиловцев вместе с большевиками и меньшевиками, находившимися в тюрьме г. Омска. Таков был эпилог первого «демократического» акта начавшейся гражданской войны.

В числе первопричин называют и диктаторскую продовольственную политику большевиков в 1918 году: введение комбедов, продотрядов и системы продразверстки на сельскохозяйственные продукты, национализацию крупной, средней и части мелкой промышленности, централизацию и регламентацию государственной и общественной жизни в стране, введение военно-приказной системы управления, ограничение частной торговли и введение уравнительного распределения продуктов и товаров, натурализацию зарплаты, отмену денежных знаков, трудовую повинность. Введение такой политики оправдывалось условиями неслыханно тяжелой войны и необходимостью действовать по-военному в экономической области. Эта политика привела, мол, к расколу крестьянства, средняя и зажиточная часть которого создала, а затем расширила массовую базу белого движения. Так, якобы, большевики привнесли «сверху» гражданскую войну в деревню. По мысли философа А. Ципко и писателя В. Солоухина, насилие большевиков против крестьян было главной причиной гражданской войны. И хотя этот факт отрицать нельзя, но он не является главным.

И вот почему. Вплоть до конца апреля 1918 года ни о какой продовольственной диктатуре речи не было: продовольственную политику предполагалось вести при сохранении хлебной монополии (введенной еще Временным правительством в марте 1917 г.)

с оплатой продукции по твердым ценам и получении хлеба из деревни с помощью товарооборота. Не предполагалось и насильственное изъятие хлеба. Но вот 29 апреля 1918 года СНК принимает решение о введении продовольственной диктатуры. Чем это было вызвано? В это время Россия оказалась отрезанной от хлебного снабжения с Юга: австро-германские войска и гайдамаки гетмана Скоропадского захватили южные узловые железнодорожные станции на пути из Кубани и Северного Кавказа в Россию. Оставалась еще хлебная Сибирь с частью Поволжья, которые тоже оказались отрезанными от Центральной России. И как следствие, быстро нарастала угроза голода, росло недовольство в городах, начались мятежи и вспышки голодного насилия. Крупные города на 70-80% кормились за счет мешочников. Советское правительство предпринимает отчаянные усилия, чтобы улучшить экономическое положение страны.

В столь накаленной обстановке начала гражданской войны, усиления экономической разрухи и массового отказа зажиточного крестьянства продавать хлеб по твердым заготовительным ценам советское правительство вынуждено было пойти на принятие целого ряда декретов о чрезвычайных мерах по стабилизации продовольственного положения, национализации промышленных предприятий и банков, ограничению свободной торговли, централизации и регламентации всех сторон жизни, монополизации торговли на основные продукты питания, трудовой повинности. Наконец, 11 января 1919 г. был принят важный декрет о разверстке зерновых хлебов и фуража. Таковым было законодательное оформление политики «военного коммунизма».

Эти декреты резко ограничивали частника, вольный рынок и обязывали крестьян большую часть урожая зерновых в обязательном порядке сдавать государству. Продразверстка касалась, прежде всего, 1/3 крестьянских хозяйств (3 млн. середняков и около 2 млн. кулаков), а подавляющая часть крестьянства (10 млн. семей бедноты) от нее не зависела.

Взятие хлеба у кулаков и зажиточной части крестьянства в тех экстремальных социальных условиях можно было осуществить лишь с использованием военной силы при опоре на бедняков. Все это в значительной степени усилило классовое проти-

воборство и инициировало начало гражданской войны в деревне. Но было ли это главной непосредственной причиной и содержанием гражданской войны? Видимо, нет. Если бы так было, то как смогли бы большевики и поддерживающие их рабочие победить, сражаясь не только против интервентов и белогвардейцев, но и значительной части трудового населения страны?

Приведенная выше версия об антикрестьянской политике большевиков - как главной причине гражданской войны - не отвечает и на такой вопрос, почему военные дела белых всегда шли тем хуже, чем больше была захваченная ими территория, чем больше было контролируемое им крестьянское население. В борьбе с Красной Армией у них были немалые успехи, они захватывали до 3/4 всей территории страны, но с населением захваченных территорий общего языка не находили.

И тем не менее с большевиков и Ленина нельзя полностью снять ответственность за гражданскую войну, которую они первое время не предвидели. Прав видный отечественный историк Л.М. Спирин в своем утверждении, что развязыванию гражданской войны, ожесточению ее способствовала левацко-догматическая политика РКП(б) в решениях крестьянско-казачьего вопроса: искусственное форсирование классовой борьбы в деревне, классового расслоения, создания комбедов, насильственное изъятие хлеба, репрессии к основным массам казачества.

В числе первых, самых существенных причин гражданской войны следует назвать стремление свергнутых революцией классов общества - помещиков и буржуазии - к реставрации прежних порядков. Это вполне понятно и естественно. Ведь они потеряли не только громадные сословные привилегии, но и прежде всего власть и крупную собственность (заводы, фабрики, землю, усадьбы, имения и т.д.). И если свергнутые классы стремились к реставрации, то пришедшие к власти новые общественные силы были полны решимости не допустить этого.

Одной из причин войны являлось заключение большевиками позорного архитяжелого сепаратного Брестского мира с Германией, чтобы любой ценой выйти из войны, добиться передышки и удержать Советскую власть. Такой мир вызвал негодо-

вание антибольшевистских и антисоветских сил как внутри страны, так и в западных странах Антанты. Бывшие союзники России в войне посчитали советское правительство предателем и стали активно помогать белогвардейскому движению. Они поддерживали свергнутые классово-политические силы и словом, и делом, снабжая их в больших количествах оружием, деньгами и организацией непосредственной вооруженной интервенции на территории Советского государства. Более того, они рассчитывали, что, свергнув большевиков, новые правители России смогут восстановить восточный фронт против Германии в 1918 году.

Здесь уместно напомнить о том, что длительное время в советской литературе устойчиво пропагандировалась несостоятельная версия, усматривающая причины гражданской войны лишь в «присках мирового империализма». Безусловно, роль мирового империализма была реальной и весьма значительной, но это не давало оснований всю историю гражданской войны сводить лишь к «трем походам Антанты». Правда, есть и другая точка зрения, согласно которой гражданская война была в большей степени отечественной из-за интервенции более десятка стран в Советскую Россию.

Анализ всего спектра сил, классов и партий, участвовавших в гражданской войне, их соотношение в конечном счете определило исход этого драматического социального конфликта. Вопрос о противоборствующих силах и их социально-политических интересах в годы войны гораздо сложнее, нежели просто выяснение их полярно противоположных состава и позиций. Условно, упрощенно (как часто раньше и делалось) противодействующие силы можно резко разделить в основном на две части: 1) победивших в революции большевиков и подавляющее число их активных сторонников в лице промышленного пролетариата, городской и сельской бедноты, мелких ремесленников, части радикальной интеллигенции (в том числе и военной); 2) свергнутой революцией помещиков, крупную буржуазию, значительную часть офицеров и генералов царской армии, чинов бывшей полиции и жандармерии, зажиточное крестьянство и казачество, буржуазную интеллигенцию, - все они ярые противники Советской власти. Одни из них занимали «красную» баррикаду, другие - «белую». В принципе, в основном, на первый взгляд, такое де-

ление подтверждает сама история гражданской войны, сами факты, которые, как говорят, вещь упрямая.

Но состав вооруженных сил белых и красных частично менялся в ходе войны. Особенностью гражданской войны является то, что она отличается от обыкновенной войны неопределимостью полного состава борющихся - в силу переходов из одного лагеря в другой. Первые добровольные красноармейские формирования вместе с красногвардейцами, отражавшими нашествие германских интервенционистских войск на советскую Россию в феврале-марте 1918 года, насчитывали около 30 тыс. бойцов. Но расширение масштабов войны и иностранной интервенции вызвали необходимость ускоренного строительства Красной Армии.

Так, в мае 1918 года в ее составе насчитывалось 264 тыс. бойцов, в конце декабря того же года - 1 млн. 630 тыс., в конце 1919 года - 3 млн., а к 1 ноября 1920 года - 5,5 млн. красноармейцев, командиров и комиссаров. Среди них было 370 тыс. коммунистов и комсомольцев, до 300 тыс. добровольцев-интернационалистов, в т.ч. 80 тыс. венгров, 40 тыс. китайцев, десятки тысяч поляков, сербов, немцев, румын. Кроме того, на защиту Советской власти поднялись более 200 тыс. партизан, в т.ч. 140 тыс. в Сибири, 12 тыс. в Псковской губернии, 10 тыс. в Крыму.

Вооруженные силы белых армий создавались при активной финансовой и материальной поддержке сначала германских, а затем и антантовских правительств и их военных. Первой по времени (ноябрь 1917 г.) начала формироваться в Новочеркасске Добровольческая армия под командованием известного генерала Л.Г. Корнилова из бежавших на Дон антисоветски настроенных офицеров, юнкеров, кадетов старших классов, студентов, гимназистов и др. Вначале состав ее был невелик. «Во всей «Армии», - пишет в своих воспоминаниях атаман Войска Донского А.П. Богаевский, - было едва 4000 человек, т.е. обычная численность пехотного полка боевого состава. Все ее части имели разную численность, а часто и организацию. Еще большее разнообразие было по возрасту: в строю стояли седые боевые полковники рядом с кадетами 5-го класса; состав - почти исключительно интеллигенция, очень мало простых рядовых солдат и казаков». Примерно

таким же было зарождение Северной добровольческой армии в Пскове при активной финансовой и материальной поддержке кайзеровских войск, оккупировавших этот город еще в феврале 1918 года. Вербовка в армию проходила с угрозами и насилием по отношению к местному населению. В донесениях разведчиков, проникших в оккупированную немцами зону, сообщалось: «Белая гвардия формируется... но только из интеллигенции, крестьяне все категорически поступать к белогвардейцам отказываются... несмотря на обещание большого жалования».

К середине ноября 1918 года в Псковский отдельный белогвардейский корпус удалось завербовать и насильственно мобилизовать не более 4500 человек, в том числе 150 офицеров. Генерал А.П. Родзянко, командующий Северо-Западной белогвардейской армией, побывав в те дни в Пскове, позднее в своих воспоминаниях писал: «Разнужданного, ободранного, невежественного вида солдат и офицеров, попадавшихся мне навстречу, было совершенно достаточно для того, чтобы я сразу же решил, что псковское формирование есть не более чем авантюра».

Наибольший успех в их формировании и в боевых действиях против Красной Армии можно отнести к 1919 году. К этому времени в армии Колчака насчитывалось до 400 тыс. солдат, в том числе около 30 тысяч офицеров, у Деникина - более 100 тыс., у Юденича - до 20 тыс., в белогвардейской армии Временного правительства Северной области (г. Архангельск) - до 20 тыс.

Гражданская война - весьма сложное, но единое в своих противоречиях явление, где каждая из противоборствующих сил была полнокровной участницей исторического процесса. Более того, социальная ориентация каждого из ее участников определялась не только классовым положением, но и совокупностью действующих тогда конкретно-исторических факторов. Прежде всего встает вопрос, и далеко не простой: а какова была позиция в ходе войны почти 100-миллионного и неоднородного по составу российского крестьянства? С кем было оно? По-разному за прошедшие три четверти века отвечали на этот вопрос и советские, и эмигрантские, и зарубежные историки.

Известный буржуазно-либеральный экономист и публицист,

один из лидеров партии кадетов, активный участник «белого» движения П.Б. Струве вообще отрицал сколько-нибудь заметное участие основного населения страны в войне. «Гражданская война, - писал он, - была состязанием двух меньшинств, при политическом безразличии «народа», т.е. большинства простонародья, «настроение которого колебалось так же, как колеблется погода».

Но наиболее непримиримые ответы даются в наше смутное и конвульсивное время. Понятно, что это связано с попыткой использовать эти разные ответы в конъюнктурно-политических целях бывшими и настоящими политиками и идеологами.

В последнее время навязывается, например, такая необоснованная точка зрения (и у нас и за рубежом), согласно которой гражданская война была якобы борьбой не трудящихся Советской власти с внутренней и внешней контрреволюцией, а борьбой большевиков с крестьянством.

Советский писатель-публицист В. Солоухин договорился до утверждения, что практически все население, состоящее до 90% из крестьян, выступило против большевиков, кроме узкого слоя «передовых рабочих». Это явная фальсификация. На самом же деле позиция крестьянства, да и большинства трудящегося населения в годы гражданской войны во многом определялась социально-экономической политикой, проводимой, с одной стороны Советами и большевиками, а с другой - белогвардейскими вождями и их правительствами.

В начале гражданской войны подавляющее большинство трудящихся оказалось на стороне Советской власти. Именно такая позиция большинства крестьянства помогла только что родившейся Советской власти успешно подавить в конце 1917 - начале 1918 гг. такие крупные вооруженные антисоветские выступления, как мятеж Керенского-Краснова под Петроградом, юнкеров в Петрограде и Москве, донских, южноуральских и забайкальских казаков, польских легионеров в Белоруссии и, наконец, захватить и ликвидировать Ставку Верховного Главнокомандующего русской армией в Могилеве. И это в то время, когда мятежники имели регулярные, прошедшие опыт войны войска (преимущественно казаки) и насчитывали в общей слож-

ности до 300 тыс. штыков и сабель.

Но установленный в октябре 1917 года большевистский режим и начавшиеся в условиях гражданской войны четко классовые, антибуржуазные преобразования: радикальная национализация почти всей промышленности, запрещение торговли, рынка, продразверстка, попытка строжайшей регламентации всех сторон жизни, военно-приказная система, трудовая повинность - все это (да еще плюс допускавшийся произвол комбедов, продотрядов, ревкомов на местах) больно задевало интересы различных слоев населения и множило число недовольных. Наконец, все это подталкивало, мобилизовывало наиболее активные антибольшевистские элементы к вооруженной конфронтации, а крестьян и казаков на восстания (особенно в начале 1919 года) и вступление в армии Колчака и Деникина, во всякого рода банды и отряды. Трудно не согласиться с точкой зрения историка П. Шевоцукова о том, что «советской власти приходилось бороться не только с белогвардейцами, кулаками, но и со средним крестьянством, хотя в целом середняк при всех его колебаниях склонен был поддерживать новый режим». Эта поддержка, поощряемая решениями VIII съезда РКП(б) в марте 1919 года об укреплении союза со средняком, в конце концов решила исход гражданской войны в пользу советской власти, несмотря на сложность взаимоотношений с крестьянством.

Кстати, это косвенно признают и вожди белого движения, в частности Деникин в своих воспоминаниях о «русской смуте», когда он говорит о своих тщетных ожиданиях (при приближении его войск к Москве) начала восстания в тылу красных. От Москвы его отогнали, а массового восстания он так и не дождался. Зато в тылу у Колчака (в Сибири, Забайкалье, Приамурье) развернулось массовое партизанское движение, несмотря на то, что там проживало крепкое крестьянство, то, которое по российским масштабам можно было бы отнести к кулакам. В чем дело? Да в том, что колчаковцы проводили антикрестьянскую политику.

Глава колчаковского совета министров П.В. Вологодский в одном интервью признавался, что его правительство в своих политических заявлениях выступало «против всякого рода насилия», за общественную самостоятельность. Но исполнители на

местах, воспитанные на старых навыках обращения с народом, творили безобразия, карали без разбора и старых, и малых, и виновных и невинных, реквизировали крестьянское добро за мизерное вознаграждение. Такие действия сильно дискредитировали в глазах населения центральную власть. Военная же власть «не считалась с правительством и творила такое, что у нас волосы на голове становились дыбом».

И еще показательно в этом отношении свидетельство из лагеря интервентов. Один из антантовских «советников» и помощников Колчака, английский генерал Нокс докладывал своему правительству: «Можно разбить миллионную армию большевиков, но когда 150 миллионов русских не хотят белых, а хотят красных, то бесцельно помогать белым». Еще более категоричен в суждениях по этому вопросу историк-белоэмигрант И. Солоневич: «общего языка с народом ни одно из белых формирований не нашло». Как ни сложны и ни просты были отношения Советской власти и большевиков с крестьянством в годы гражданской войны, они нашли общий язык: крестьяне были согласны временно отдавать воюющему государствуprodразверстку, только бы избежать возврата помещиков.

Гражданская война достигла такого упорства и ожесточения, какое едва ли имело место в мировой истории. Она не могла не сказаться на деятельности политических партий, уцелевших после октября 1917 г. Драматически закончился краткий, но в целом позитивный опыт сотрудничества (в т.ч. и на правительственном уровне) партии большевиков с партией левых эсеров - выразительницей крестьянской социалистической идеологии. Выступление против Брестского мира, разрыв блока с большевиками, организация антисоветского мятежа 6 июля 1918 года привели к тому, что эта самая близкая к большевикам крестьянская партия не без их помощи перестала существовать, а вместе с ней было кончено с многопартийностью в правительстве.

Вынужденная стать воюющей, партия большевиков все более приобретала военизированный облик. Внутрипартийная демократия свертывалась и заменялась приказными методами, партийная дисциплина заменялась военной. Возникла идеология «военного коммунизма», рассчитывавшая на политическом

и военном народном энтузиазме решить социально-экономические задачи. Позже Ленин признал, что «жизнь показала нашу ошибку».

Правые эсеры, меньшевики и другие «социалисты», опиравшиеся на поддержку буржуазно-монархических кругов, летом и осенью 1918 года встали в авангарде антисоветских сил. Это время в советской историографии определенно называют этапом «демократической контрреволюции».

Правые эсеры, меньшевики в коалиции с отдельными членами кадетской партии приняли активное участие в создании областных антисоветских правительств: в Западной Сибири, Самаре, Уфе, Омске, Ашхабаде, Архангельске.

К концу 1918 года в связи с усилением буржуазно-монархического белого движения большая часть этих временных правительств деформировалась или же прекратила свое существование, многие эсеры и меньшевики - члены Учредительного собрания - как уже отмечалось выше - вскоре были арестованы или расстреляны колчаковскими властями.

После окончания гражданской войны в 1922 году большевики устроили судебный процесс над 34 членами ЦК партии эсеров, обвинив их в контрреволюционной деятельности. К середине 20-х годов эта партия перестала существовать.

По-разному оценивается роль партии кадетов (партии «народной свободы») в ходе гражданской войны. Длительное время кадеты однозначно считались организаторами антисоветского саботажа и инициаторами развязывания гражданской войны. СНК РСФСР в декрете и воззвании от 28 ноября 1917 года объявил кадетов партией врагов народа. Уйдя в подполье, кадеты сотрудничали со всеми внутренними и внешними врагами Советской власти. Преимущественно интеллигентская, кадетская партия не укрепила свои ряды в военные годы и уже к лету 1918 года фактически распалась на отдельные части, большинство ее членов бежало под защиту Добровольческой армии. Советская историография постоянно отводила кадетам, наряду с монархистами, главную роль в «белом деле», в организации всех контрреволюционных сил, в установлении на захваченных белогвардейцами территориях военно-диктаторских режимов. Но теперь столь однозначная оцен-

ка ставится под сомнение. Участие кадетов в подготовке контрреволюции не подлежит сомнению, но с точки зрения фактической роли в войне интеллигентов - оценка их, как вождей гражданской войны, представляется крайне преувеличенной: они находились на вторых и третьих ролях в белом движении.

Не избежала частичного падения своего авторитета в массах и правящая партия большевиков. Не случайно выплеснулось массовое недовольство крестьян в антисоветских мятежах (антоновщина) в Тамбовской и Воронежской губерниях, на подавление которого потребовалось направить 40-тысячное войско под командованием одного из лучших полководцев М.Н. Тухачевского. То же самое произошло и в период антибольшевистского восстания в Kronштадте.

Советская власть претерпевала политический и экономический кризис, колоссально усиливаемый страшным голодом. Поэтому нет оснований идеализировать ни большевиков, ни их противников. Обе стороны проявляли равное рвение в стремлении победить в братоубийственной войне, каждая считая себя абсолютно правой. В современной историографии гражданской войны нет единого, общепринятого мнения по вопросу о периодизации гражданской войны. Одни исследователи годами гражданской войны считают 1918-1920 (наиболее устоявшееся мнение), другие - с июля 1917 по 1922, третьи - с октября 1917 по 1922.

Что можно сказать об этих суждениях? В каждой из них есть большая и меньшая степень убедительности. Однако более правы, очевидно, те, кто считает хронологическими гранями гражданской войны время с конца октября 1917 года (начало вооруженного похода войск Керенского и Краснова на Петроград) до конца октября 1922 года (полный разгром войсками Народно-революционной армии и партизанами Дальневосточной республики белогвардейских армий на Дальнем Востоке и освобождение от японских интервентов г. Владивостока).

Время же с лета 1918 года до конца 1920 года, когда гражданская война и интервенция слились в единое целое и военный вопрос выступал как главный, определяется как основной период гражданской войны.

В свою очередь, все пятилетие гражданской войны по воен-

но-политическому содержанию, характеру военных действий и их результатам можно с определенной степенью условности разделить на следующие этапы:

Первый - начало гражданской войны (октябрь 1917 - май 1918). На этом этап идет борьба Красной гвардии и революционных солдат и матросов с антисоветскими мятежами Керенского-Краснова, восставшими юнкерами в Петрограде и Москве, Ставкой Верховного главнокомандующего в Могилеве, казачьими антисоветскими выступлениями на Дону, Южном Урале, Забайкалье, корпусом польских легионеров генерала Довбор-Мусницкого в Белоруссии. Военные действия в это время носили очаговый характер, не было сложившихся фронтов и армий. В феврале-марте 1918 года Советская республика пытается отражать военную интервенцию германских войск, но неудачно и, как следствие, вынуждена была заключить позорный или, как Ленин его называл, «похабный» Брестский мир.

Второй этап - лето-осень 1918 года. Этот этап включает борьбу Советской республики с объединенными силами внутренней контрреволюции («демократическая контрреволюция», белогвардейские военные формирования), поддержанные интервенцией стран Антанты и Германии, чехословацкий мятеж. К концу лета 1918 года врагу удалось захватить 3/4 территории Советской республики, она оказалась в кольце фронтов. Для отражения совместных широкомасштабных военных действий белых армий и интервентов в Советской республике создаются первые фронты гражданской войны: Восточный, Южный, Северный и Западный район обороны. Идет дальнейшее ускоренное строительство РККА, которая добивается первых успехов.

К концу 1918 г. Красная Армия окончательно разгромила почти 100-тысячную так называемую «Народную Армию» учредилловцев и чехов на Волге. С «демократической контрреволюцией» было покончено. На смену самарскому Комитету Учредительного собрания («Комуч») против советской выступал куда более серьезный враг - адмирал Колчак со своей почти 400-тысячной армией, поддержанный антантовскими союзниками.

Третий этап - конец 1918 г. и начало 1919 года, характеризуется окончанием первой мировой войны (ноябрь 1918 г.), пре-

кращением австро-германской интервенции и освобождением оккупированных ранее территорий Украины, Белоруссии и Прибалтики, восстановлением в них советской власти. Одновременно предпринимается попытка усиления интервенции войск стран Антанты: в конце ноября англо-французские войска высаживаются в Новороссийске, Севастополе и Одессе, а в декабре занимают Баку и Батуми. В ноябре в Омске устанавливается военная диктатура адмирала А.В. Колчака, провозгласившего себя «верховным правителем» России и верховным главнокомандующим. Попытка Антанты развернуть свои войска на юге России окончилась полным провалом из-за антивоенных и революционных настроений среди иностранных солдат и матросов. «Мы у нее (Антанты - П.Н.) отняли ее солдат», - заявлял В. И. Ленин. Этот этап войны характеризуется также усилением строительства РККА и углублением социально-экономических преобразований, возникновением системы «военного коммунизма».

Четвертый этап - весна 1919 - весна 1920 года. Завершается уход из России основных интервенционистских войск. Весна и осень 1919 года - критическая фаза и крупнейшие победные сражения РККА над белогвардейскими армиями Колчака на Востоке, Деникина на Юге, Юденича на Северо-Западе. 1919 год вошел в историю войны как год решающих побед Красной Армии. В это же время получает дальнейшее развитие система «военного коммунизма».

Пятый этап (весна - осень 1920 года) - советско-польская война и борьба с белогвардейской армией генерала П.Н. Врангеля. Полная победа над вооруженными силами внутренней контрреволюции и «гигантски неслыханное поражение» (Ленин) в войне с Польшей поддержанной Антантой.

Необходимо обратить внимание на то, что сам Ленин говорил о советско-польской войне как о наступательной с советской стороны, дающей надежду продолжить путь к мировой революции. Выступая на IX Всероссийской партийной конференции 22 сентября 1920 г., он заявил: «В мае-июне 1920. г. оборонительный период войны со всемирным империализмом кончился и мы можем, и должны использовать военное положение для начала войны наступательной с целью советизации Польши и Литвы» (См. Исторический архив. 1992. № 1. С.107). В 1920

году были ликвидированы основные очаги гражданской войны. Наступил апогей системы «военного коммунизма». Росло крестьянское недовольство продразверсткой, вспыхивали крестьянские восстания - таковы события этого этапа.

Шестой этап - 1921-1922 гг. Ликвидация последних локальных очагов гражданской войны и иностранной интервенции. Подавление антибольшевистского Кронштадтского восстания и антисоветских крестьянско-повстанческих выступлений в Тамбовской, Воронежской, Саратовской губерниях, Поволжье, Урале, Сибири, на Дону и Украине. К этому же времени относится и ликвидация повстанческих отрядов батьки Махно. Характерными чертами этих выступлений были: народный характер, наличие многочисленных очагов борьбы и партизанская тактика боевых действий. На заключительном этапе войны проводились Волочаевская и Приморская операции по освобождению Дальнего Востока. Шла борьба с басмачеством в Средней Азии (вплоть до конца 20-х годов). Началась демобилизация Красной Армии, переход к НЭПу и выход страны из дипломатической изоляции.

* * *

Наиболее острые споры идут по проблемам красного и белого террора. Нельзя сделать не бывшим то, что свершилось - таково простое правило объективного исторического исследования. А вот в сталинские времена это правило сплошь и рядом нарушалось. Задача историков чаще всего сводилась к тому, чтобы уловить колебания «генерального курса» партийного руководства и соответственно расставлять акценты в своих исторических сочинениях. Так произошло и с трактовкой такого жестокого явления в гражданской войне, как белый и красный террор: усиленно подчеркивались массовость, бесчеловечность и неоправданность белого террора и лишь вынужденность, оправданность и целесообразность революционного, красного террора.

Некоторые современные историки и особенно недостаточно информированные публицисты утверждают прямо противоположное, приводя в доказательство целый набор фактов красного террора. Споры о красном и белом терроре напо-

минают бокс в несколько раундов. Прав ленинградский ученый В.Г. Бортневский в своем утверждении, что «этот бой» может длиться бесконечно, поскольку «защитники» как красного, так и белого террора всегда в запасе будут иметь новые «аргументы».

Коротко напомним об этих аргументах, не забывая, что обе враждующие стороны как бы соперничали одна перед другой в жестокостях, т.к. речь шла о борьбе не на жизнь, а на смерть, о самом физическом существовании противоборствующих сил. Прежде всего надо каким-то образом определить понятия красного и белого террора. Под красным террором принято понимать временную (с июля по ноябрь 1918 г.) карательную политику Советской власти, направленную против свергнутых и разбитых, но сопротивляющихся эксплуататорских классов, против белогвардейцев. Под белым террором понимают все репрессивные действия антибольшевистских сил, в т.ч. и расстрелы красных командиров и комиссаров по приговорам военно-полевых судов, произвол белогвардейской контрразведки, карательные акции против большевизированных сел и деревень.

Эскалация насилия, начавшаяся еще в тяжелые годы первой мировой войны, пройдя революционный 1917 год, во время гражданской войны достигла своего апогея. Известно, например, что генерал Л.Г. Корнилов призвал участников Первого Кубанского («Ледяного») похода на Екатеринодар: «В плен не брать! Чем больше террора, тем больше побед». Колчак тоже в своей политике не отставал от Корнилова: «Моя цель, первая и основная, - стереть большевизм и все с ним связанное с лица России, истребить и уничтожить его».

После того, как петроградское советское руководство во главе с Г.Е. Зиновьевым не поддержало митинговые требования рабочих о введении массового террора в ответ на убийство эсерами известного тогда большевистского трибуна, члена Президиума ВЦИКа и редактора «Красной газеты» В. Володарского, В.И. Ленин резко выступил в поддержку рабочих. В письме к Г.Е. Зиновьеву он писал: «Протестую решительно! Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную инициа-

тиву масс, вполне правильную. Это невозможно! Террористы будут считать нас тряпками. Время архивоенное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего решает».

Предостережение Ленина вскоре подтвердилось. Летом и осенью начался разгул контрреволюционного террора: 6 июля мятеж левых эсеров в Москве, 6-21 июля антисоветские мятежи в Ярославле, Рыбинске, Муроме. В период вспышки антисоветских мятежей, в ночь с 16 на 17 июля 1918 года бывший царь и его семья были расстреляны в Екатеринбурге по приказу Уральского областного Совета, санкционированному из Москвы.

После убийства эсером 30 августа председателя Петроградской ЧК М.С. Урицкого в городе прошли массовые шествия под лозунгами: «Они убивают личности, мы убьем классы», «За каждого нашего вождя - тысячи ваших голов». «Настал час расплаты» и др. В связи с убийством М.С. Урицкого и покушением на В.И. Ленина ВЦИК принял резолюцию, в которой говорилось: «...За каждое покушение на деятелей Советской власти и носителей идей социалистической революции будут отвечать все контрреволюционеры и все вдохновители их. На белый террор врагов рабоче-крестьянской власти рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и ее агентов». 5 сентября 1918 года (эта дата, от которой многие историки и ведут начало красного террора - П.Н.) принимается радикальное постановление СНК РСФСР, в котором прямо говорилось, что «подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам». Итоговой цифрой расстрелянных за осенние месяцы 1918 г. называют (только по 20 губерниям) около 5000 человек. В то же время (июль - декабрь 1918 г.) лишь в 13 губерниях белогвардейцы и их власти по данным НКВД РСФСР расстреляли 22760 человек. Других обобщенных данных пока не установлено.

Можно было бы приводить еще многие факты репрессий, красного и белого террора, но в принципе картина не изменилась бы. Точных весов, на которых бы можно взвесить тяжесть красного и белого террора, вряд ли можно найти. Для осуществ-

ления репрессий и террора у каждой из противоборствующих сторон были созданы и действовали свои военно-карательные структуры.

Нередко практиковался и самосуд или прямой приказ о расстреле. К примеру, генерал П.Н. Врангель вспоминал, как он создавал стрелковый полк в своей дивизии из взятых в плен красноармейцев: «Выделив из их среды весь начальствующий элемент вплоть до отделенных командиров, в числе 370 человек, я приказал их тут же расстрелять. Остальным было выдано оружие». Картины красного террора описаны в письмах В.Г. Короленко А.В. Луначарскому, в «Окаянных днях» И.А. Бунина, в потрясающей директиве Оргбюро ЦК РСДРП/б/ (январь 1919 г.) «О расказачивании».

Все уже известные материалы и документы открывают перед нами во всем своем кровавом ужасе страшное лицо гражданской войны, жестокой и беспощадной, с людским озверением, смертельной злобой, местью и расправами. И у нас нет нравственных оснований говорить об оправдании ни красного, ни белого террора. Так же, как и нет оснований обвинять в терроре лишь одну из сторон.

Сколько бы отрицательно мы ни относились к террору, этому неизбежному спутнику любой гражданской войны, тем не менее это наша история, и историкам еще предстоит комплексно и объективно исследовать идеологию, политику и практику террора, определить его место и роль в гражданской войне.

* * *

Победа в войне оказалась на стороне Советской власти и Красной Армии. Она была обусловлена рядом социально-экономических, политических и военных факторов. В гражданской войне, как и в любой другой, побеждает, как правило, тот, кто сильнее. В чем же оказались сильнее советская власть, большевики?

Во-первых, Советская республика, несмотря на круговую осаду и блокаду белыми армиями и интервентами, отрезавшими ее от продовольственных и сырьевых ресурсов, сумела довольно

быстро сосредоточить и мобилизовать все имеющиеся у нее ресурсы (промышленные, продовольственные, человеческие и др.) для нужд огромного фронта. В годы гражданской войны большинство казенных военных заводов, размещавшихся в центральных районах России (Адмиралтейский, Балтийский, Ижорский, Обуховский, Сестрорецкий, Тульский, Ижевский и др.), не попали в руки белых армий, а работали на снабжение Красной Армии вооружением и боеприпасами. Уже к середине 1919 года Красная Армия оказалась вооруженной не хуже бывшей царской армии. Для нужд армии использовались запасы вооружения, оставшиеся со времени первой мировой войны.

Во-вторых, на защиту советской власти в годы гражданской войны встали впервые почувствовавшие себя творцами истории миллионы ранее угнетенных и бесправных людей, поверивших в ее идеалы, цели и лозунги.

Выдающийся философ XX века, лауреат Нобелевской премии Бертран Рассел, трезво и критически относившийся к большевикам, пробыв пять недель в 1920 году в разгар гражданской войны в России, так описал и осмыслил то, что ему пришлось увидеть: «Главное, что удалось большевикам, - это зажечь надежду... Даже при существующих условиях в России еще чувствуется влияние животворного духа коммунизма, духа созидательной надежды, поиска средств к уничтожению несправедливости, тирании, жадности, всего того, что мешает росту человеческого духа, стремление заменить личную конкуренцию совместными действиями, отношение хозяина и раба - свободным сотрудничеством».

«Дух созидательной надежды» помогал сражающимся рабочим и крестьянам, несмотря на неимоверные лишения, в т.ч. из-за режима «военного коммунизма», голод, холод, эпидемии, найти в себе силы выдержать испытания тех суровых лет и победоносно закончить гражданскую войну.

В-третьих, советскому правительству, Советам на местах, высшим военным органам страны в тяжелейших условиях после четырех лет изнурительной первой мировой войны удалось создать сначала на добровольной, а затем на мобилизационной

основе более чем пятимиллионную Рабоче-Крестьянскую Красную Армию и привлечь в нее десятки тысяч младших командиров, офицеров и генералов старой русской армии. Из их числа в ходе войны выдвинулись талантливые командующие и командиры: В.А. Антонов-Овсеенко, В.К. Блюхер, М.Д. Бонч-Бруевич, С.М. Буденный, И.И. Вацетис, Б.М. Думенко, А.И. Егоров, А.И. Корк, С.С. Каменев, Г.И. Котовский, С.Г. Лазо, Ф.К. Миронов, В.М. Примаков, А.Я. Пархоменко, С.К. Тимошенко, М.А. Тухачевский, В.И. Чапаев, И.П. Уборевич, В.И. Шорин, Я.Ф. Фабрициус, М.В. Фрунзе, И.П. Якир и многие другие.

В-четвертых, на стороне революционно сражающейся России были сочувствующие и солидарная поддержка многих трудящихся зарубежных стран, нередко выступавших под лозунгом «Руки прочь от России». Это движение солидарности сковало силы интервентов, ослабляло их напор. В 1918-1920 гг. в Советской России было создано 370 интернациональных отрядов, рот, батальонов, полков, бригад и дивизий.

Но не только сила и успехи характерны были для советской стороны. В годы войны Советская республика и ее вооруженные силы испытывали огромные трудности. В их числе усталость населения и солдат, вернувшихся с фронта для мирной жизни, нежелание вновь воевать. А отсюда трудности в комплектовании Красной Армии, частые случаи дезертирства, особенно в период успехов белых армий. Вооруженная борьба «красных» осложнялась экономической разрухой, а также колебаниями (от «красных» к «белым») среднего крестьянства, стонавшего от режима «военного коммунизма».

Колебания крестьянства решали судьбу Советской власти и власти Колчака-Деникина. Факт создания многомиллионной Красной Армии, в которой восемь десятых - крестьяне, свидетельствовал, что в конечном счете они в массе своей все-таки поддерживали Советскую власть. Это определило победу в гражданской войне.

Несмотря на общую меньшую численность белогвардейских военных формирований по сравнению с численностью вооруженных сил Советской республики, белое движение имело

ряд преимуществ в войне:

Во-первых, преимущественно опытнейший, командный состав, прошедший через горнило четырех лет мировой войны. В числе руководителей белого движения находились два бывших главнокомандующих русской армией: Л.Г. Корнилов, М.В. Алексеев, а также опытнейшие генералы и адмиралы: А.В. Колчак, А.И. Деникин, П.Н. Врангель, М.Г. Дроздовский, П.Н. Краснов, А.П. Кутепов, В.О. Каппель, А.С. Лукомской, Е.К. Миллер, К.К. Мамонтов, С.Л. Марков, В.З. Маймаевский, И.П. Романовский, Я.А. Слащев, А.В. Туркул и другие.

О силовом динамизме противоборства «белых» и «красных», точно и образно сказал в предисловии к книге белого генерала Я. Слащева «Крым в 1920 году» Д. Фурманов: «В области специальной они (белые) были большими мастерами. И провели против нас не одну талантливую операцию. И совершили по-своему не мало подвигов, выявили не мало самого доподлинного личного героизма, отваги и прочего. Красная Армия имела перед собой не случайный сброд, а организованного, стойкого, часто отважного и решительного, прекрасно обеспеченного врага».

Во-вторых, поддержка белого движения со стороны бывших союзников царской России - стран Антанты, США, Японии и временно со стороны Германии. Эта поддержка выражалась не только в снабжении белых армий вооружением, снаряжением, продовольствием, деньгами и советниками, но и в организации непосредственной интервенции и оккупации значительных районов и жизненных центров страны, а также установлении военной и экономической блокады. В результате блокады практически были прерваны все морские и сухопутные сообщения Советской республики с внешним миром. Только к концу войны эта поддержка заметно ослабла.

Вместе с тем, у белого движения и руководителей его армий были свои сложности и трудности. Прежде всего организаторы и идеологи белого движения так и не смогли открыто с полной ясностью сформулировать и провозгласить общегосударственную политическую и экономическую программу, которая смогла бы привлечь на их сторону большинство народа России. Из различных манифестов, воззваний и публичных заявлений лиде-

ров белого движения можно примерно так определить некоторые пункты этой программы:

1. «Сокрушение большевистского самодержавия и замена его...»

2. «Создание в стране временной сильной верховной власти для низвержения гибельной диктатуры черни», возрождение армии.

3. «Поднятие транспорта и производительных сил страны».

4. Восстановление могущественной и неделимой России, т.е. отказ национальным окраинам в предоставлении независимости.

5. Гарантии полной гражданской свободы и свободы вероисповедания.

6. Немедленный приступ к земельной реформе.

Программа носила общий декларативный характер.

Попытка же спекулировать на популярных в то время лозунгах (вроде созыва Учредительного собрания, демократических свобод), чтобы выдать свой интерес за общий интерес всех членов общества, провалилась. Когда же белое движение окончательно себя дискредитировало в глазах крестьянства, тогда оно отбросило всякую политическую неопределенность, все демократические прикрасы и над белым движением было поднято знамя помещичьей реставрации. На протяжении всей войны вождям белого движения не удалось создать по-настоящему единый антибольшевистский центр, способный объединить всех хотя бы в одном вопросе - в создании армии и использовании ее в общих интересах.

Трудности для белого движения, его военных формирований и установленных им режимов на занятых территориях представляло чаще всего отрицательное отношение местного населения. В книге воспоминаний «1920 год», написанной в эмиграции, известный монархист и активный деятель белого движения В.В. Шульгин, стремясь найти объяснение краху белогвардейщины, пришел к заключению, что «белое знамя» было запачкано насилием над населением, грабежами, бессмысленным террором и т.д. П. Н. Милюков - один из идеологов белого движения - уже в сентябре 1921 года вынужден был признать: «После Крымской катастрофы (войск Врангеля), когда с

несомненностью для меня выяснилось, что даже военное освобождение (от власти большевиков - П.Н.) невозможно, ибо оказалось, что Россия не может быть освобождена вопреки воле народа».

В конечном счете красная сторона оказалась ближе к трудящимся, сумела стать более гибкой и организованной, а потому смогла победить. С точки зрения общечеловеческой победу в гражданской войне не одержал никто. Лучшей победой стало бы историческое примирение противоборствующих сторон, которое, к сожалению, и до сих пор окончательно не наступило.

* * *

В 1922 году закончилась гражданская война (к которой применяют даже термин «апокалипсис») на всей территории страны. Прекратилось беспредельное истребление человеческих жизней. Оно исчислялось миллионами. Война, внутренние волнения, террор, насилие, болезни, голод опустошили великую страну и в общей сложности сократили ее население на 13 млн. человек, в том числе примерно 8 млн. убитых, искалеченных, умерших от ран, голода и эпидемий. Только потери участников вооруженной борьбы с обеих сторон составили около 2,5 млн. солдат, красноармейцев, командиров и офицеров, убитых в боях и умерших от ран и болезней. Видимо, число жертв с обеих сторон никогда не удастся точно установить. Из России эмигрировало по различным данным до 2 млн. военных и гражданских лиц: многие лидеры ликвидационных большевиками политических партий, бывшие члены четырех созывов Государственных дум, депутаты разогнанного Учредительного Собрания, представители торгово-промышленных и финансовых кругов, крупные землевладельцы, писатели и журналисты, деятели науки, элита военной интеллигенции, а также казаки и рядовые солдаты. Кульминационным моментом эмиграции была эвакуация остатков разбитой в Крыму белогвардейской армии Врангеля совместно с гражданскими беженцами. В ноябре 1920 года морская армада в составе 126 судов с грузом и со 135693 пассажирами вышла в Черное море, чтобы увезти их из России в европейские страны. Покидая Крым, врангельцы увели с собой 2 линкора, 2 крейсера, 10

эсминцев, 4 подводные лодки, 8 канонерок, 12 тральщиков, 119 вспомогательных судов, транспортов, буксиров.

После победы в гражданской войне и отражения интервенции сильнейших государств мира была сохранена независимость советской России. Капиталистические страны и внутренние антисоветские силы оказались не в состоянии задуть молодое советское государство. Между ним и капиталистическим миром возникло неустойчивое равновесие сил. Россия потратила много усилий, чтобы преодолеть еще сохранившуюся экономическую блокаду и дипломатическую изоляцию. Но ее международное существование среди капиталистических государств было отвоено. Однако сохранить целостность страны в результате войн и революций не удалось. От дореволюционной России отделилась Польша, Финляндия, Латвия, Литва и Эстония.

В ходе революции и войны произошли коренные изменения в экономике и классовой структуре общества: вместе с ликвидацией частной собственности на помещичьи земли, фабрики и заводы перестали существовать классы помещиков и буржуазии; почти вся промышленность, транспорт, земля и ее недра перешли в руки государства; сократилось число сельской буржуазии; выросло количество мелкотоварных крестьянских хозяйств.

К началу 1921 года все наличное население страны (в границах 1939 г.) составляло 134 млн. 275 тыс., в т.ч. 85% сельского. Численность рабочих определялась приблизительно в 1,4 млн. человек.

С ликвидацией класса помещиков, крупной буржуазии исчезли и их партии - кадеты, октябристы и др. Партии эсеров, меньшевиков, трудовиков, анархистов из-за временного и частичного пособничества иностранным интервентам в глазах трудящихся потеряли авторитет и, преследуемые в своей последующей деятельности правящей партией большевиков и государственными административными органами, организационно прекратили свое существование в начале 20-х годов. Большевицская же партия из «воюющей» утвердилась как единственно правящая, которая в будущем могла править так, как она считала нужным, что создавало предпосылки для роста тоталитарных тен-

дений в самой партии, государстве и обществе. Более того, за годы войны существенно изменился и характер политической власти: произошло не существо слияние партийных и государственных органов снизу доверху. С прекращением войны не исчезли зародившиеся в годы военного коммунизма военные методы руководства.

Война глубоко отразилась на политической и психологической атмосфере в обществе. Почти пять лет люди, находившиеся в противоположных лагерях, отнюдь не сразу перестали смотреть друг на друга с неприязнью и подозрением. Надолго сохранилось глубокое недоверие и к правящим кругам стран, пришедших в Россию с интервенцией 1918-1920 гг. Надолго закрепилось и рожденное революцией и гражданской войной обостренное классовое сознание и убежденность в непобедимости революции и созданного ею строя.

В конце войны страна оказалась в тяжелейшем экономическом положении после более чем восьми лет империалистической и гражданской войн и иностранной интервенции.

Огромные жертвы и потери, понесенные в ходе войны и отражения интервенции, страшно затруднили последующее восстановление народного хозяйства страны. В.И. Ленин так охарактеризовал положение страны весной 1921 года: «Россия из войны вышла в таком положении, что ее состояние больше всего похоже на состояние человека, которого избили до полусмерти: семь лет колотили ее, и тут, дай бог, с костылями двигаться! Вот в каком мы положении!»

Еще более эмоционально резко характеризует положение, в котором оказалась Россия после войны, правый эсер, известный социолог, высланный из России в 1922 г. Питирим Сорокин: «В результате войны и революции наше отечество лежит в развалинах. Великая Русская равнина стала великим кладбищем, где смерть пожинает большую жатву... Мы сейчас похожи на людей, ошарашенных ударом дубины... Есть ли сейчас на земле другой народ более обнищавший, более голодный, более несчастный, более эксплуатируемый, чем наш родной, великий - даже в своем несчастье - русский народ.» Далее он резко отрицательно формулирует нравственный итог войны: «Мы сейчас захлебываемся в вакханалии зверств, хищничества..., бессовестности и «шакализма».

С такого послевоенного старта страна приступила к восстановлению народного хозяйства через осуществление новой экономической политики. Центр тяжести с политической, военной борьбы переносился на мирную организаторскую, культурную работу.

Источники и литература

- Антисоветская интервенция и ее крах. 1917 - 1922. - М., 1987.
- Балтийские моряки в борьбе за власть Советов (ноябрь 1917 - декабрь 1918). - Л., 1968.
- Балтийские моряки в борьбе за власть Советов в 1919: Документы и материалы. - Л., 1974.
- Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. - М., 1987.
- Гражданская война в СССР. - Т. 1 и 2. - М., 1980, 1986.
- Гуль Р.Б. Красные маршалы: Тухачевский, Ворошилов, Блюхер, Котовский. - М., 1990.
- Директивы командования фронтов Красной Армии (1917 - 1922 гг.): Сборник документов. В 4 томах. - М., 1971, 1972, 1974. 1978.
- Директивы Главного командования Красной Армии (1917-1920). - М., 1969.
- Деникин А.И. Поход на Москву («Очерки русской смуты»). - М., 1989.
- Иоффе Г.З. «Белое дело» генерала Корнилова. - М., 1989.
- Какурин Н.Е. Как сражалась революция. - Т. 1 и 2. - 2-е изд. - М., 1990.
- Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе республики Советов 1917 - 1920. - М., 1988.
- Козлов А.И. Рассказывание // Родина. - 1990. - №№ 6, 7.
- Кораблев Ю.И. Почему Троцкий? // Политическое образование. - 1989. - № 2.
- Ленин В.И. Поли. собр. соч. - Тт. 37-40. Ленин В.И. Военная переписка. 1917 - 1922 гг. - М., 1987.
- Млечин Л.Н. Русская Армия между Троцким и Сталиным. - М., 2002.
- Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России. - М., 1990. Реввоенсовет Республики (6 сентября 1918 г.- 28 августа 1923 г.). - М., 1991.
- Садуль Ж. Записки о большевистской революции (октябрь 1917-январь 1919). - М., 1990.
- Троцкий Л.Д. Моя жизнь...: Опыт автобиографии. - М., 1990.
- Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. -Брянск, 1998.

- Ушаков А.И.* История гражданской войны в литературе русского зарубежья: Опыт изучения. - М., 1993.
- М.В. Фрунзе на Восточном фронте: Сборник документов. -Куйбышев, 1985.
- Хрестоматия по истории СССР. 1917 - 1945: Учебное пособие для пединститутов по специальности «История». - М., 1991.
- Хрестоматия по истории России. 1917 - 1940. - М., 1995.
- Шевоцуков П.А.* Страницы истории гражданской войны: Книга для учителя. - М., 1992.
- Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. - М., 1986.
- Шкаренков Л.К.* Наваждение белых миражей. О судьбах и утраченных иллюзиях белой эмиграции // Переписка на исторические темы. Диалог ведет читатель. - М., 1989.

Раздел IV

Проблемы отечественной истории 1920-30-х гг.

I. Сущность и уроки НЭПа

В связи с радикальной реформой экономики значительно повысился интерес к опыту и идеям новой экономической политики. НЭП - это цельный неразрывный комплекс мер экономического, политического, социального, идеологического, психологического характера.

К концу 1920 года В. Н. Ленин окончательно понял, что решить лобовой атакой судьбу капитализма не удалось. Выяснилось и другое: попытка осуществления социалистического идеала по Марксу - национализация всей экономики, банков, слом старого государственного аппарата и т.д. - не привела к подъему экономики, развитию самоуправленческих начал, усвоению социалистической идеологии не только крестьянами, но даже рабочими. Введенная система рабочего контроля себя не оправдала. Но самым большим минусом стало резкое падение производительности труда в промышленности: к началу НЭПа страна давала всего 2% довоенного (1913 г.) производства чугуна, 3% - сахара, 5-6% хлопчатобумажных тканей. Попытка введения «коммунизма сверху» привела к разрыву связей между городом и деревней, распылению рабочего класса, вооруженному сопротивлению крестьянства. «Жизнь показала нашу ошибку», - отметил В.И. Ленин. «Красногвардейская атака на капитал» не оправдала себя на практике. Разработанная В.И. Лениным и принятая в 1921 г. X съездом РКП(б) новая экономическая политика явилась решительным поворотом по отношению к крестьянству. Именно в этот период формируется ленинская концепция строительства социализма, новое понимание экономических

основ социализма и форм функционирования экономики. Здесь надо отметить прежде всего отказ от понимания социализма как безраздельного господства государственной собственности, признание необходимости многообразия форм общественной собственности, которые наилучшим образом позволяют преодолеть отчуждение человека от средств производства. Видимо, именно в этом смысле следует понимать тезис «Социализм - это строй цивилизованных кооператоров».

В результате допущения капиталистических предприятий и частной торговли общество получило и нэпмана - новую фигуру в социальной структуре страны. Его появление заметно повлияло на расстановку социально-классовых сил. Естественно, что такой крутой поворот в политике был болезненно воспринят Н.И.Бухариным, Е.А.Преображенским, Ю.Лариным и др. Многие сподвижники Ленина впоследствии поверили, что, ликвидируя НЭП, Сталин возвращает их к К.Марксу, и это стало одной из причин их трагедии, трагедии всей страны.

В период НЭПа помимо комплекса мер по подъему сельского хозяйства были выдвинуты новые и поистине грандиозные задачи, реализация которых была непосредственно связана с решением задач восстановительного периода. В начале 1920-х гг. впервые в мировой практике были разработаны и применены при подготовке плана ГОЭЛРО методы планирования хозяйственного развития. Этот план, который Ленин называл второй программой партии, стал яркой страницей мировой экономической мысли и практики. Это был не только грандиозный план электрификации, но проект гармоничного соединения земледелия, промышленности, энергетики и транспорта; по сути дела это комплексная программа размещения и развития производительных сил страны. Переход от политики «военного коммунизма» к НЭПу потребовал новых подходов к организации всей общественной жизни, к взаимоотношениям партии и масс, к участию трудящихся в управлении. Именно в этой связи в партии развернулась дискуссия о профсоюзах, отразившая всю гамму политических настроений в обществе. НЭП привел к созданию в 1920-х гг. нового хозяйственного механизма управления народ-

ным хозяйством, главными элементами которого стали рынок и хозрасчет. К новому делу были привлечены квалифицированные силы. В результате восстановления капитализма и товарно-денежных отношений заработал рынок. С целью оздоровления рынка был проведен ряд мер по упорядочению финансовой системы государства, прежде всего созданию устойчивой валюты. Особое значение в этом сыграла проведенная в 1924 г. денежная реформа, которая обеспечила конвертируемость рубля.

Результаты НЭПа выявились довольно скоро. В 1922-1927 гг. ежегодные темпы роста промышленности в среднем составляли 30-40%, сельскохозяйственного производства - 12%. В результате за 5-6 лет были достигнуты довоенные объемы производства в этих отраслях, а также уровень производительности труда и реальных доходов населения. В 1925/26 г. было заготовлено более 89 млн. ц хлеба, покончено с голодом. Быстро восстанавливался транспорт, налаживалась его работа. Огромная сеть бирж, ярмарок, различных торговых предприятий устанавливала прочную связь государственной промышленности с рынком, крестьянским хозяйством.

НЭП показал свои потенциальные возможности, но когда на первый план выдвинулись сложные задачи индустриализации, руководящие органы начали допускать серьезные просчеты в экономической политике, не обращая внимания на предостережения ведущих специалистов. С середины 1926 г. по отношению к сельскохозяйственной и частной торговле стала проводиться такая политика, которая сдерживала возможности их развития. Началось резкое перераспределение бюджетных средств в пользу промышленности. Обострилась проблема «ножниц цен» - промышленные товары, которые покупала деревня, стоили дорого, а заготовительные цены на сельскохозяйственную продукцию были низкие. Зажиточные крестьяне были обложены высоким налогом, им перестали продавать тракторы, лишали избирательных прав. Значительно сократился отпуск товаров в частную торговлю, ее кредитование. Все это сочеталось с усилением административного регулирования, игнорирующего требования рынка.» В результате с середины 1927 г. на стыке промышленно-

сти и сельского хозяйства стали возникать заторы, обострился дефицит и промышленных, и продовольственных товаров. Для выхода из создавшейся ситуации было два пути: или внести коррективы в проводимый курс, или резко изменить его. Большинство руководства страны во главе со Сталиным избрало второй путь. Его оппоненты в Политбюро - Бухарин, Рыков, Томский - не смогли отстоять свою позицию. Главная причина их поражения заключалась в том, что к концу 1920-х гг. уже сложился такой внутренний партийный режим, который исключал возможность демократического обсуждения различных точек зрения.

НЭП был свернут не только желанием Сталина и его окружения. Он успел пронизать далеко не все экономические отношения страны, покончил далеко не со всеми учреждениями и традициями эпохи «военного коммунизма». В стране существовали мощные административные и социальные силы, которые были вообще не заинтересованы в сохранении и развитии НЭПа. НЭП требовал компетентного использования хозяйственных рычагов, а в управленческом аппарате доминировали кадры, привыкшие действовать административным способом, приказным порядком. С НЭПом в промышленность пришел хозрасчет, но он сочетался в ней с сильными административными подпорками: государство ограничивало действие рыночных отношений между тяжелой и легкой промышленностью; не была разработана система внутризаводского хозрасчета - его заменяла традиционная система норм, тарифов, расценок, связывавшая заработок рабочего не с конечным результатом труда, а с распоряжениями администрации. В сохранении НЭПа не были заинтересованы и те 30-50% крестьян (полупролетарские, пролетарские, люмпенские элементы деревни), которые были освобождены от уплаты налога и непосредственно от государства получали разного рода льготы и гарантии. И в начале, и в конце 1920-х гг. в деревне очень сильными оставались военно-коммунистические настроения. Хотя переход к продналогу оживил оборот, но остались ограничения росту частнохозяйственного накопления. Крестьянское хозяйство, превышающее средний уровень, независимо от того, каким путем оно вырастало, нередко зачислялось в кулацкое со всеми вытекающими отсюда последствиями. Со-

хранился также административно-командный стиль управления. Сельсоветы и волисполкомы свою основную задачу видели в сборе сельскохозяйственного налога и выполнении различных распоряжений вышестоящих органов. Что же касается помощи крестьянам в подъеме хозяйства, организации хозяйственного и культурного строительства в деревне, то эти задачи их волновали гораздо меньше. В то же время местные органы власти стремились контролировать всю деревенскую жизнь. Оживившаяся после войны община все больше «зажималась» официальной властью. Командный стиль характеризовал и деятельность сельских партячеек. Сохранение административного вмешательства в деятельность кооперации являлось одной из главных причин недоверия к ней крестьян. Именно на эти настроения низового партийного и советского звена опирался Сталин. Таким образом, в недрах НЭПа с его демократическим потенциалом, ориентацией на личный интерес и т.п. зрело одновременно его отрицание.

Резкая перемена политического курса, совершенная в 1928-29 гг., вызвала упреки в том, что НЭП свертывается. В ответ на это Сталин, стремясь скрыть отход от ленинского курса, развернул концепцию о двух этапах НЭПа: НЭП не кончается, а вступает во второй этап, связанный с развернутым строительством социализма. В исторической литературе до последних лет господствовало сталинское положение, что НЭП как политика переходного периода от капитализма к социализму завершился победой социализма в 1936-37 гг.

Наиболее значительные работы о НЭПе стали появляться после Великой Отечественной войны. Но вопрос о переходе к НЭПу в историографии второй половины 40-х - начале 50-х гг. рассматривался традиционно, в русле установок «Краткого курса истории ВКП(б)»: писалось о неизбежном отказе от политики «военного коммунизма», достаточно сложная ситуация 1921 г. значительно упрощалась. Перелом в подходах к НЭПу произошел в середине 50-х гг., когда вышла монография Э.Б. Генкиной о переходе к НЭПу (1954 г.) и коллективный труд «СССР в период восстановления народного хозяйства» (1955). В них впервые была предпринята попытка комплексного исследования всего

этапа 1921-1925 гг., однако новый период в изучении НЭПа начался уже в 60-х гг. Большую роль здесь сыграли дискуссии в журналах «Вопросы истории» (1964-1967) и «Вопросы истории КПСС» (1966-1968), в которых приняли участие Ю.А. Поляков, Э.Б. Генкина, И.Я. Трифонов, И.Б. Берхин и др. В ходе дискуссий была подчеркнута преемственность экономической политики весны 1918 г. и весны 1921 г., предпринята попытка критического анализа общепринятой периодизации НЭПа. Так, во время дискуссии в журнале «Вопросы истории КПСС» Ю.А. Мошков впервые выступил с постановкой вопроса о свертывании НЭПа в конце 20-х гг. Но в условиях этой странной «дискуссии», когда вместо действительно свободного обмена мнениями выводы историков подгонялись под установки, закреплённые в партийных документах, печатались только «правильные» выступления. Статья Ю.А. Мошкова света не увидела, о ней лишь критически упомянули в редакционной статье по итогам дискуссии. Значение дискуссий заключалось прежде всего в том, что они способствовали широкому монографическому изучению НЭПа.

В последующие 20 лет появилось множество статей и книг, среди которых выделялись работы Ю.А. Полякова «Переход к НЭПу и советское крестьянство», И.Я. Трифоновой о классовой борьбе в период НЭПа, М.И. Бахтина о союзе рабочего класса с крестьянством, Э.Б. Генкиной о государственной деятельности В.И. Ленина в 1921-1923 гг., И.Б. Берхина об экономической политике государства. Интенсивно стала разрабатываться история регионов страны в период НЭПа. В результате в научный оборот были введены новые документы, выросла фактическая обоснованность исследований, но в теоретической разработке проблем НЭПа историческая наука вперед почти не продвинулась. В конце же 60-х-первой половине 80-х гг. изучение истории НЭПа стало фактически сворачиваться, проблемы его стали подменяться тематикой восстановления народного хозяйства после войны, либо разработкой отдельных вопросов периода НЭПа: Ю.А. Поляков - голод 1921 г., В.П. Дмитренко - торговая политика государства в 1921-1924 гг., И.Я. Трифонов - ликвидация эксплуататорских классов.

Вновь в центре внимания исследователей НЭП оказался в середине 80-х гг., когда появились работы о возможностях НЭПа, его кри-

зисах и перспективах (В.П. Данилов, В.П. Дмитренко, В.С. Лельчук, Ю.А. Поляков и др.) Историки отметили, что даже в условиях НЭПа политические интересы довели над экономической целесообразностью, что являлось характерной чертой большевизма. Достаточно четко это просматривается при анализе «антоновщины», которую современные авторы предлагают рассматривать как крестьянское восстание, форму народного сопротивления военно-коммунистической диктатуре, поиск крестьянской альтернативы «диктатуре пролетариата» в момент ее кризиса. В связи с этим в литературе открыто были поставлены вопросы об альтернативных путях советского общества, о сущности власти, господствующей в стране. Произошел окончательный отказ от трактовки НЭПа как политики, продолжавшейся до середины 30-х гг. В 1987 г. выступлением в журнале «Коммунист» М.П. Ким предложил новую датировку НЭПа - 1921-1927 гг., конечную грань которой ряд историков продлили до 1929 г. Сегодня со всей очевидностью бесспорно то, что ленинская трактовка новой экономической политики была отброшена уже к концу 20-х гг., после 1928-29 гг. происходило лишь «доламывание» остатков НЭПа. С введением в январе 1933 г. обязательных, имевших силу и характер налога поставок колхозной продукции государству, трудодня в колхозах, натуральной оплаты за работу МТС, в экономических отношениях между городом и деревней нельзя найти каких-либо остаточных элементов НЭПа. Новая экономическая политика была заменена командно-административной, сверхцентрализованной системой управления.

Опыт НЭПа показал, что в условиях плановой экономики рыночный механизм может успешно действовать, но только тогда, когда центральные ведомства принимают компетентные решения с учетом законов товарного производства и интересов различных социальных слоев населения. Другим необходимым условием является демократический характер самого процесса, выбора среди этих альтернатив наилучшего варианта. В современных условиях речь, разумеется, не идет о восстановлении НЭПа. В стране другая историческая обстановка, другие исторические условия, другие задачи. Но в сегодняшнем наступлении на бюрократизм, диктат, административный произвол в экономике, социальной и духовной сферах идеи НЭПа могут сыграть полезную роль.

Источники и литература

- Горинов М.М., Цакунов С.В.* Ленинская концепция НЭПа: становление и развитие // Вопросы истории. - 1990. - № 4.
- Голанд Ю.* Как свернули НЭП // Знамя. - 1988. - № 10.
- Данилов В.П., Дмитренко В.П., Лельчук В.С.* НЭП и его судьба // Историки спорят. Тринадцать бесед. - М., 1988.
- Дмитренко В.П.* «Военный коммунизм», НЭП ... // История СССР. - 1990. - № 3.
- НЭП: взгляд со стороны. - М., 1991.
- НЭП: приобретения и потери. Сб. статей/ Под. ред. В.П. Дмитренко. - М., 1994.
- НЭП: суть, опыт, уроки // Урок дает история. - М., 1989.
- Неретика Л.А.* НЭП: идеи, практика, уроки // История СССР. - 1992. - №1.
- «Круглый стол»: Советский Союз в 20-е годы // Вопросы истории. - 1988. - № 9.

2. Индустриализация: достижения и издержки

Индустриализация страны являлась ключевой задачей строительства социализма в СССР. В 1946 г. И.В. Сталин, говоря о коренных отличиях советского метода индустриализации от капиталистического, назвал одно из таких отличий: в капиталистических странах индустриализация обычно начинается с легкой промышленности, в нашей же стране этот «обычный путь» партия отвергла и начала с развертывания тяжелой индустрии. Односторонне толкуя это положение, многие историки и экономисты поставили знак равенства между методом социалистической индустриализации и содержанием этого процесса. Свое внимание они начали концентрировать вокруг проблемы первоочередного форсированного развития тяжелой промышленности. Постепенно эта тема стала в литературе единственной, процесс индустриализации в ее первоначальном, ленинском понимании стал существенно обедняться. Такое представление стало хрестоматийным, вошло в учебники и пособия. Данный тезис фактически иллюстрировался в работах историков второй половины 40-х - начала 50-х

гг. (Э.Ю. Локшин, И.М. Бровер, К.А. Петросян и др.), а при освещении индустриализации в отдельных регионах исследователи не проводили различия между понятиями «индустриализация СССР» и «индустриализация республики».

Между тем, в 1920-е годы индустриализация рассматривалась как многогранный процесс создания многоотраслевой экономики при более ускоренном темпе развития «группы А», как процесс реконструкции всего народного хозяйства на основе передовой техники, перевода отсталых форм хозяйства на социалистический путь развития, как процесс, имеющий своей экономической и политической основой союз рабочего класса и крестьянства. Главной целью индустриализации являлось завоевание экономической независимости страны от мирового капиталистического хозяйства. Такое понимание индустриализации стало постепенно утверждаться с середины 50-х гг. (с выходом в 1954 г. учебника политической экономии), но тема развития тяжелой промышленности (или одной ее отрасли - машиностроения) продолжала преобладать. С середины 60-х гг. большой размах приобрела публикация документов об индустриализации, своеобразной вершиной которой стал четырехтомный свод «Индустриализация СССР. Документы и материалы» (1969-1973). Расширение источниковой базы позволило выйти общим работам А.Ф. Хавина (1962) и Ю.В. Воскресенского (1969), коллективным монографиям (1967, 1969). Несомненным достоинством историографии той поры можно считать обращение к сопоставлению уровня незавершенной капиталистической индустриализации России и особенностей индустриализации в СССР; важный шаг был сделан в изучении борьбы за технико-экономическую независимость СССР (В.И. Касьяненко); получили распространение работы по отдельным отраслям промышленности; наметились некоторые шаги в изучении социально-экономических последствий индустриализации страны. Однако крупного обобщающего труда об индустриализации создано так и не было, лишь в определенной степени его восполняет вышедшая в 1984 г. небольшая монография В.С. Лельчука «Индустриализация СССР. Пути, средства, достижения».

Обращаясь к истории индустриализации, мы, как правило, берем за точку отсчета XIV-й съезд партии, за которым укрепилось название «съезд индустриализации». Но его решения были в известном смысле уже вторым шагом в этом направлении. Первым документом, в котором получила выражение идея индустриального преобразования России, был план ГОЭЛРО. Речь в 1920 г. шла не просто об электрификации народного хозяйства, к чему порой сводят существо плана, а и о том, чтобы на этой основе перевести экономику на путь интенсификации: предусматривалось первоочередное развитие машиностроения, металлургии, топливно-энергетической базы и химии. В постановлении VIII съезда Советов РСФСР (1920 г.) «О тяжелой индустрии» был поставлен вопрос о высоких темпах развития тяжелой промышленности и ее финансовом обеспечении: примерно 1/3 всех средств планировалось получить за счет внутренних источников, а остальные 2/3 - с помощью иностранных концессий и кредитных операций.

Однако надежды на реализацию этого плана не оправдались, т.к. обстановка, сложившаяся в стране в 1921 г., потребовала пересмотра экономической политики. От штурмовых методов, прямых путей пришлось перейти к созданию предварительных условий для перехода к социализму, несколько ослабить внимание к тяжелой промышленности и все силы бросить на подъем сельского хозяйства и производство предметов потребления, ибо первоочередной задачей было спасение трудящихся, приостановление деклассирования рабочего класса. Лишь с середины 20-х гг. вновь приоритетное внимание стало отдаваться тяжелой промышленности, энергетике, машиностроению. Одновременно совершался переход к жесткой централизации и концентрации всех ресурсов, регулированию народного хозяйства с помощью государственных планов. Надежды на получение средств от концессий, на зарубежные кредиты не оправдались, а внешнеторговые операции 1918-1925 гг. должной выручки не дали. XIV съезд ВКП(б), взяв в конце 1925 г. курс на индустриализацию страны, определил в качестве основных внутренние источники ее осуществления. Но какие именно? На этот счет в руководстве не было единого мнения. Троцкий, Зиновьев, Каменев, Преображенский, поднимая вопрос о «сверхиндустриализации»,

видели единственный источник в увеличении налогов на крестьянство, а по существу предлагали ограбление деревни. Такой путь казался неприемлемым Бухарину, который считал его «безнравственным» и предлагал получить средства за счет растущей рентабельности промышленности, прогрессивного налогообложения на капиталистические элементы и привлечения личных сбережений населения, помещаемых в государственный банк. Однако государственная промышленность в середине 1920х гг. не могла дать необходимых средств немедленно, налоги же были и так велики: в 1923/24 г. доходы от них составили 1/3 всех поступлений бюджета, а в 1924/25 г. - 45,5%. Около 1/3 доходов давал транспорт, а удельный вес поступлений от промышленности, торговли и банков составлял не более 2-4%. Сбережений же у населения практически не было. Вариант Бухарина - это путь медленного, постепенного накопления средств, ориентации производства на рынок.

Выход все же был в активном вовлечении деревни в процесс индустриализации. Это предполагало насыщение рынка промышленными товарами, в которых нуждалось крестьянство, получение в обмен на них необходимого сырья и хлеба, от продажи которого и появлялись нужные средства. Однако сталинское руководство пошло по пути более простому для него, но трудному и мучительному для крестьянства. Решено было форсировать коллективизацию с целью безвозмездного получения хлеба с крестьянства, но уже не путем продналога, а обязательных поставок. Внешне это напоминало на практике реализацию идей Троцкого, превратилось, по определению Бухарина, в «военно-феодалную эксплуатацию крестьянства». Между тем, Советское государство получало гораздо больше средств не от продажи хлеба, а нефти и леса. Так, в 1930 г. за счет продажи хлеба было выручено 883 млн. руб., а нефти и леса - 1 млрд. 430 млн. рублей. Даже в 1932-33 гг., когда на больших территориях страны в результате сталинской коллективизации разразился голод, хлеб продолжали вывозить за границу. Но получено было от его продажи только 389 млн. руб., в то время, как от реализации нефти и леса - 700 млн. По мере роста промышленности увеличивалось значение как источника индустриализации и внутренних накоплений. К тому же, стала широ-

ко использоваться практика займов у населения, резко возросла продажа спиртных напитков.

Основные практические результаты были достигнуты в годы первой и второй пятилеток. В 1929 г. правительством был принят первый пятилетний план развития народного хозяйства, который был напряженным, но реальным для выполнения. Однако вскоре плановые задания стали искусственно завышаться. Если по плану к концу пятилетки предусматривалось ежегодное производство электроэнергии в объеме 23 млрд. квт. часов, чугуна - 10 млн.т, тракторов - 53 тыс. штук, автомобилей - 100 тыс. штук, то уже в 1930 г. И.В. Сталин говорил о достижении в 1932 г. производства 17 млн. т чугуна, 170 тыс.тракторов, 200 тыс. автомобилей. Ежегодные темпы роста с 22% решено было увеличить до 45-47%. Но решение о форсировании темпов шло не только от Сталина. Лозунг «5-летка - в четыре года» был широко поддержан массами, прежде всего в среде рабочего класса, который значительно пополнился малограмотными и политически невежественными выходцами из деревни. Для них идеи «догнать и перегнать», «рвануть вперед» были очень притягательными.

Лозунги о выполнении пятилетки в четыре и даже три года, попытки насильственного ускорения привели к диспропорциям, нарушению плановости и в итоге к спаду темпов в конце пятилетки, продолжавшемуся и в начале второй пятилетки. В горячке были преданы забвению вопросы улучшения организации и стимулирования труда, развития хозрасчета, социальной сферы. В результате возникло несоответствие между ростом производительности труда и зарплаты, началось расстройство денежной системы, по ряду показателей стал ощущаться товарный голод, стали расти розничные цены. В стране была введена карточная система. Частые аварии на производстве, низкое качество товаров стали объясняться «вредительством», главными виновниками были признаны старые специалисты. В 1930 г. в стране прошел один из первых шумных процессов по делу «Промышленной партии». На стройках пятилетки широко применялся труд заключенных (например, половину из возводивших Магнитку составляли так называемые спецпереселенцы, чаще всего вчерашние крестьяне).

Но это не мешало И.В. Сталину на январском (1933) Пленуме ЦК и ЦКК ВКП/б/ сделать вывод о превращении страны из аграрной в индустриальную и объявить о выполнении первой пятилетки за 4 года и 3 месяца. На деле страна производила в 1932 г. 13 млрд. квт. часов электроэнергии, 6 млн. т чугуна, 50 тыс. тракторов и менее 25 тыс. автомобилей. Рубежей, намеченных первым пятилетним планом, удалось достичь только на втором-третьем году второй пятилетки. Что касается еще больших показателей, обещанных Сталиным в 1930 г., то они оказались достигнутыми лишь по завершении второй пятилетки, а то и после войны. При подведении итогов Сталин не привел никаких сравнительных данных плановых и итоговых показателей, он лишь констатировал создание новых отраслей промышленности.

Итоги второй пятилетки оказались несколько лучшими, чем первой, но говорить о ее досрочном выполнении (за 4 года и 4 месяца) также не приходится. Добиться намеченных целей или приблизиться к ним помогло лишь массовое стахановское движение, означавшее наряду с административно-командными методами использование мер по стимулированию труда и оживлению социальной политики. Не случайно поэтому стахановское движение уже в ходе его развертывания пользовалась повышенным вниманием авторов: только за 1935-1940 гг. ему было посвящено свыше 4,6 тыс. работ. Большинство из них носили экономический характер, лишь в некоторых содержались исторические экскурсы, но такого количества статей и книг о стахановском движении не знал ни один из последующих периодов историографии. Наибольшие результаты в промышленном развитии были достигнуты в период 1931-1937 гг., когда руководство тяжелой промышленностью осуществляли Г.К. Орджоникидзе и Г.Л. Пятаков. Производство черной металлургии в 1933 - 1937 гг. выросло в три раза, среднегодовой прирост составлял 40-60%. За годы второй пятилетки страна, по существу, прекратила ввоз сельскохозяйственных машин и тракторов, в целом удельный вес импортной продукции в общем потреблении страны снизился до 1-0,7%.

Но инициатива и новаторство подверглись суровым испытаниям в 1937-38 гг. В результате массовых репрессий снизился творческий потенциал общества, созданный кадровый корпус сильно пострадал.

Нарушения законности, репрессии, произвол превращали административно-командное управление в административно-карательное. Сталин в ходе индустриализации стремился достичь успехов, не считаясь с их ценой. Однако, несмотря на большие трудности, перегибы, тяжелые и трагические издержки, энтузиазм и усилия советских людей подняли производство основных видов промышленной продукции на новый уровень, отличный от дореволюционной России. К началу Великой Отечественной войны СССР преодолел абсолютное отставание от главных государств Западной Европы по производству основных видов индустриальной продукции. В конце 1930-х гг. производство электроэнергии, топлива, чугуна, стали, цемента превосходило соответствующие показатели Германии, Англии, Франции или приближалось к ним. По абсолютному объему только в США производство было существенно большим. Индустриализация сопровождалась и качественными изменениями, появлением новых производств. Одновременно шел процесс формирования кадров рабочего класса. Общая численность рабочих в СССР выросла с 9 млн. в 1928 г. до 23 млн. в 1940, в том числе в промышленности - с 4 до 10 млн. число специалистов народного хозяйства выросло с 0,5 до 2,5 млн.

Но главный показатель - производство продукции на душу населения - в СССР был значительно ниже уровня развитых капиталистических стран, составляя от него 1/4, половину, иногда 2/3. Правда, в 20-х гг. разрыв был еще большим, и в 30-е годы он сократился. Выступая в феврале 1931 г. на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, И.В. Сталин заявил: «Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». Ровно через 10 лет началась война. Но победить нас уже не смогли, потому что в кратчайший срок, хотя и ценой невероятных потерь, страна вырвалась из отсталости, заложила основы современной промышленности, создала индустриальную базу на востоке страны. В конечном итоге исход военного столкновения решали не показатели производства на душу населения, а абсолютные. Чем больше было валовое производство стали и чугуна, тем больше страна могла получить военной техники. Разъясняя в 1946 г. причины победы СССР в войне, Сталин сказал о важности политики

индустриализации и добавил, что на превращение СССР в страну индустриальную потребовалось всего 13 лет (1928-1941 гг.).

Под влиянием высказываний Сталина одни авторы стали связывать индустриализацию лишь с первой пятилеткой, другие (их большинство) - с 1930-ми годами в целом. Верны ли эти оценки сегодня? Трудности развертывания НТР, перевода народного хозяйства на путь интенсивного развития придали этому вопросу особую остроту. Действительно, почему в стране (если

она стала индустриальной еще в 1930-е годы) столь распространен ручной труд? В 1930-е годы в сфере промышленности удалось создать мощный потенциал. Тем не менее в 1940 г. фондоотдача фактически оставалась такой же, как и в 1928 г. Выдвинутый на рубеже 1920-30-х гг. лозунг «Техника решает все!» не оправдал себя. Он отражал технократические представления о всемогуществе машин, упор на подготовку квалифицированных рабочих, усиление внимания к освоению новой техники было сделано с опозданием. Суть курса составляла практика всемерного развития тяжелой промышленности, легкой индустрии должного внимания не уделялось.

В основу тезиса о превращении страны из аграрной в индустриальную в ходе довоенных пятилеток были положены официальные подсчеты о соотношении продукции промышленности и сельского хозяйства. В 1988-1989 гг. в печати появились статьи О. Лациса, Л. Гордона, Э. Клопова, Н. Шмелева, В. Селюнина и др., поставивших проблему содержания и методов индустриализации. Ими было отмечено, что в эпоху индустриализации возникли инфляционные тенденции и произошли громадные подвижки в ценах. Поэтому сравнения, основанные на обобщающих стоимостных показателях и характерные для советской историографии, оказались ненадежными. Исследователи завышали темпы роста, особенно в периоды заметного обновления продукции. Фактически даже накануне войны деревня вносила в национальный доход государства больше, нежели индустрия. И хотя тяжелая промышленность наращивала выпуск разного рода машин и механизмов, по-прежнему ручной труд превалировал (особенно на селе). Таким образом, из всего комплекса объективно назревших задач индустриализации к началу 1940-

х гг. была в основном решена одна, хотя и принципиально важная. Решение остальных задач переносилось на последующие годы.

Источники и литература

- Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Что это было?: Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы. - М., 1989.
- Лельчук В.С.* Индустриализация ... // Переписка на исторические темы. Диалог ведет читатель. - М., 1989.
- Лельчук В., Ильин А., Кошелева Л.* Индустриализация СССР: Стратегия и практика // Урок дает история. - М., 1989.
- Лельчук В.С.* 1926-1940 годы: Завершенная индустриализация или промышленный рывок?// История СССР. - 1990. - № 4.
- Финогенов В.Ф.* В лабиринте мнений (К проблеме индустриализации)// В поисках исторической истины: Сборник статей. - Л., 1990.

3. Драма «раскрестьянивания»

Исследование истории коллективизации - этого драматического поворота в жизни деревни - в течение долгого времени основывалось на установках, закрепленных в партийно-государственных документах 30-х гг., затем в «Кратком курсе истории ВКП(б)», а в начале 50-х гг., дополненных работой И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Поэтому тематика работ первоначально сводилась в основном к характеристике «года великого перелома» (Н.Н. Черноморский, С.П. Трапезников, П.Н. Шаров и др.). Особое место в историографии 50-х гг. заняла монография М.А. Краева «Победа колхозного строя в СССР» (1954), явившаяся наиболее полным описанием аграрной истории первых 20 лет Советской власти, но теоретические положения ее не выходили за рамки «Краткого курса». Во второй половине 50-х-70-е гг. происходит существенное расширение круга изучаемых проблем: детальному исследованию был подвергнут ленинский кооперативный план и политика партии на селе (С.П. Трапезников, В.М. Селунская), началось изучение развития кооперации в 20-е годы и ее роли в подготовке коллективизации (И.Г. Булатов, В.А. Голиков), поднимались вопросы характера социальных отношений внутри крестьян-

ства (В.П. Данилов), анализировалась материально-техническая база сельского хозяйства (М.А. Вылцан), появились первые монографические исследования по истории создания квалифицированных сельскохозяйственных кадров (Ю.В. Арутюнян, Ю.С. Борисова), освещалась деятельность двадцатипяти тысячников (В.М. Селунская), деятельность сельских Советов в ходе коллективизации (Ю.С. Кукушкин), интенсивно изучался процесс коллективизации в отдельных регионах страны. Но в большинстве работ преувеличивалась степень готовности материально-технической базы сельского хозяйства к началу коллективизации, абсолютизировался советский опыт борьбы с кулачеством, т.е. единственным способом признавалась его насильственная экспроприация, а главное - утверждалось, что коллективизация, несмотря на имевшие место перегибы, осуществлялась в строгом соответствии с ленинским кооперативным планом.

В 60-70-е гг. исследователи стали уделять особое внимание истории классовой борьбы в деревне и ликвидации кулачества как класса. В связи с подготовкой многотомной «Истории СССР» и двухтомника по истории коллективизации (последний был подготовлен, но света не увидел), историку Н.А. Ивницкому впервые удалось поработать в Кремлевском Архиве Политбюро ЦК КПСС (ныне Архив Президента РФ) с документами, ранее не доступными исследователям. Изучение материалов закрытых архивов позволило выявить многие неизвестные ранее факты, открыть «белые пятна» и скрытые страницы истории коллективизации. В итоге этой работы в 1972 г. автор опубликовал монографию «Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929-1932)». Общая концепция коллективизации, раскулачивания и депортирования крестьян, данная в книге, мало чем отличалась от официальной, но приведенный конкретно-исторический материал и некоторые оценки автора в ряде случаев противоречили партийным оценкам. В 1975 г. в журнале «Вопросы истории КПСС» на книгу появилась разгромная рецензия, в которой автора обвиняли в отступлении от принципа «партийности». Было подвергнуто критике положение книги о том, что при построении социализма можно было обойтись без насильственной экспроприации кулачества, обрушились рецензенты и на утверждение, что «если бы коллективизация проводилась без перегибов и ошибок, то проис-

ходило бы затухание, а не обострение классовой борьбы». Таким образом, даже отдельные, весьма робкие попытки отойти от официальной концепции были в тех условиях обречены на неудачу.

Только с конца 80-х гг. для исследователей открылись возможности более широкого использования архивных материалов и свободного изложения своих взглядов. И это не замедлило сказаться: с 1987 г. стали появляться первые работы по истории крестьянства и коллективизации, в которых более объективно освещались драматические события в жизни деревни. С достаточной остротой проблемы коллективизации были поставлены в публицистике (В.А. Тихонов, Ю.Д. Черниченко, Г.Н. Шмелев и др.), когда трудности и неурядицы современного сельского хозяйства все больше связывались с коллективизацией. Г.Н. Шмелев, например, писал, что утверждение курса на сплошную коллективизацию «означало не только изменение курса аграрной политики, но и создание иной политической обстановки в стране», В.А. Тихонов назвал коллективизацию «периодом гражданской войны Сталина с крестьянством», Ю.Д. Черниченко ввел термин «агрогулаг». Значительно расширилась публикация источников, начало чему положили сборники документов «Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927-1932» (1989) и «Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1923-1927» (1991), среди научных работ выделяются прежде всего статьи В.П. Данилова в периодической печати, сборниках и отдельных изданиях. Некоторым вопросам коллективизации и ее последствиям посвящены статьи М.А. Вылцана, И.Е. Зеленина, Н.А. Ивницкого, в которых поднимались вопросы о социальном облике кулачества, роли коллективизации в укреплении тоталитарной системы общества, разгорелись споры вокруг тезиса о коллективизации как революции, произведенной сверху по инициативе государственной власти, при поддержке снизу крестьянскими массами.

В настоящее время окончательно развеян один из основных мифов нашей официальной истории: будто бы так называемая «сплошная коллективизация» явилась результатом массового добровольного движения крестьян в колхоз. На самом деле это была насильственная акция, следствием которой явилось «раскрестьянивание» страны.

В апреле 1929 г. устранением группы Бухарина были отброшены несталинские идеи и варианты, открылась зеленая улица модели «социализма», базирующейся на упрощенных представлениях о новом обществе и путях его построения. Окончательно определилась сталинская альтернатива социалистического преобразования сельского хозяйства: кардинальная перестройка его по типу промышленности. Ее решение стало осуществляться на путях насильственной ломки производственных отношений, ликвидации всех видов собственности, включая и кооперативный тип, их огосударствления, создания сельскохозяйственных фабрик по типу индустриальных предприятий. Это вело к коренному изменению классового содержания крестьянства, отделению его от средств производства, в первую очередь от земли, превращению в наемного работника, прикрепленного к колхозу поденщика.

Речь Сталина на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г., в которой он провозгласил лозунг - «ликвидация кулачества как класса на базе сплошной коллективизации», открыла первый этап создания жестко централизованной командно-мобилизационной системы сельскохозяйственного производства. Сердцевину механизма ее осуществления составил тезис об обострении классовой борьбы в ходе строительства социализма. Главным врагом был объявлен кулак, а все трудности, ошибки, просчеты стали объяснять кулацкими происками. Это и понятно: отчуждение производителя от средств производства требовало применения насильственных акций. Были репрессированы выдающиеся ученые-аграрники: А.В. Чапанов, Н.Д. Кондратьев, А.Н. Челинцев и др. Их подлинно научные обоснования путей развития сельского хозяйства не могли устроить сталинское руководство.

С самого начала обобществления крестьянских хозяйств был сделан упор на высокие темпы. После принятия 5 января 1930 г. ЦК ВКП(б) постановления «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» - уровень коллективизации стал стремительно расти: в начале января 1930 г. в колхозах числилось свыше 20% крестьянских хозяйств, к началу марта - свыше 50%. Сплошная коллективизация проводилась одновременно с раскулачиванием - невиданной по масштабу реп-

рессивной кампанией. Она резко отличалась от антикулацких акций 1918-1920 гг. Тогда у зажиточных крестьян изымали «лишнюю» землю и технику, теперь конфисковали все хозяйство, а семьи раскулаченных выселяли в отдаленные районы Севера, Востока, Средней Азии на вечное жительство в наспех сооружаемых здесь «спецпоселениях».

Официальные органы в начале 1930-х гг. явно занижали общее число жертв «раскулачивания». В 1933 г. на январском Пленуме ЦК ВКП (б) Сталин назвал подозрительно точную цифру: 240757 семей, высланных из районов сплошной коллективизации. В исторических исследованиях 1960-х гг. упоминалось уже 381 тыс. раскулаченных. Но эти цифры вызывают много вопросов. Прежде всего, неизвестен средний размер семей раскулаченных. В зажиточных крестьянских семьях 1930-1932 гг., редкая насчитывала 5-6 человек, близкой к тогдашней «норме» была семья в 10-12 человек. Если считать «средней» семью в 8 человек, то 380 тысяч высланных семей - это 2,7-2,8 млн. человек. По данным 1927-1928 гг., в стране насчитывалось более миллиона семей, которых по социальной статистике того времени относили к кулакам. И нет свидетельств, что хотя бы малая часть их была оставлена на своих прежних местах. Более того, выселялись и середняцкие семьи, которых в иных районах было значительно больше, чем «кулацких». Во многих областях выселялись так называемые подкулачники, т.е. даже бедные крестьяне, выступавшие против методов коллективизации. Сколько их было, неизвестно. Выселяли также сельских священников, мелких торговцев, кузнецов, вообще всех неугодных людей. Случалось, что под выселение попадали целые селения (на Кубани, например, было выселено население 16 станиц, включая колхозников и бедняков-единоличников). По данным историка Н.А. Ивницкого, всего в 1930-31 гг. было раскулачено около 600 тыс. хозяйств, кроме того, примерно 200-250 тыс. «самораскулачились», т.е. распродали и побросали свое имущество и бежали в город и на новостройки. А если учесть и раскулаченных осенью 1929 г., то общее число их составит не менее 1 млн. хозяйств, или 5-6 млн. человек. Но эта цифра может быть и большей, достигнув не менее 10 млн., т.е. цифры, которые сообщил Сталин Черчиллю,

когда тот спросил его о жертвах коллективизации.

В ходе сплошной коллективизации и раскулачивания в стране вновь обостряется политическая обстановка. Недовольство крестьян проявилось в различных формах, что было реакцией крестьянства на извращения в политике коллективизации. Ответом стало определенное снижение темпов коллективизации, роспуск «бумажных» колхозов. Но с конца 1930 г. вновь наблюдается рост численности колхозов. К началу второй пятилетки число их достигло 224,5 тыс., в них было объединено 65% крестьянских хозяйств. На XVII съезде ВКП(б) Сталин заявил, что «реорганизационный период сельского хозяйства, когда количество колхозов и совхозов и число их членов росли бурными темпами, уже закончен, закончен еще в 1932 году. Следовательно, дальнейший процесс коллективизации представляет процесс постепенного всасывания и перевоспитания остатков индивидуальных крестьянских хозяйств». Он нацелил на свертывание экономической деятельности единоличных хозяйств, ограничение их воспроизводственной структуры, ликвидацию арендных отношений. Начался второй этап формирования всеобъемлющей колхозной системы, который завершился в конце 1930-х гг. К этому времени удельный вес единоличных хозяйств в посевных площадях сократился до 1% в 1940 г. (в границах до 17 сентября 1939 г.), в СССР было коллективизировано 96,9% крестьянских хозяйств.

На всех этих этапах неуклонно проводилась политика раскрестьянивания страны. Можно предположить, что колхозы, даже созданные столь грубыми методами, могли быть рано или поздно освоены и приняты крестьянами, если бы им было обеспечено полноправное участие в организации производства, распоряжении совместной собственностью и произведенной продукцией. Но с самого начала создания колхозов советские и партийные органы стали бесцеремонно вмешиваться во внутривоспроизводственные дела, подрывая тем самым основы кооперативного хозяйствования. Начался процесс огосударствления колхозов, регламентации деятельности подсобного хозяйства, а вместе с тем и процесс «раскрестьянивания» деревни. На протяжении 1930-х гг. был принят ряд документов, всячески ограничивающих права крестьян в сфе-

ре владения и распоряжения средствами производства. В феврале 1930 г. было отменено в районах сплошной коллективизации действие закона о разрешении аренды земли и о применении наемного труда в единоличных крестьянских хозяйствах. В марте 1930 г. был опубликован разработанный по указанию ЦК ВКП(б) Примерный устав сельхозартели. Этот устав (который в нарушение всех демократических норм создавался без участия самих колхозников, не обсуждался и не принимался на их съезде) категорически запрещал наделение выбывающих членов артели земель за счет площади колхоза. И позже принятый 2-м Всесоюзным съездом колхозников-ударников в 1935 г. Примерный устав сельхозартели, названный сталинским, подтвердил, что вся земля, находящаяся в пользовании колхозов, закрепляется за ними навечно, и тем самым лишил крестьян наделов, которые они же передали колхозам. А сами колхозники были «закреплены» за колхозами паспортной системой, введенной в 1933 г. 7 августа 1932 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление, в котором предписывалось «применять в качестве судебной репрессии за хищение (воровство колхозного и кооперативного имущества) высшую меру социальной защиты - расстрел с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества». В конце 1930-х гг. за подписью Сталина и Молотова было принято постановление «О мерах охраны общественных земель колхозов и совхозов от разбазаривания», которым запрещалась заготовка кормов для личного скота, изымались излишки из приусадебных земель, ликвидировались хутора (почти 690 тыс. хуторов), полевая земля единоличников в хлопковых районах - поливных - была ограничена десятью сотыми гектара, в неполивных, а также в районах садово-огородных и свекловичных - половиной, во всех остальных - гектаром. Если не хватало приусадебной земли колхозникам, ее прибавляли за счет единоличных наделов. Вследствие этого сокращалось поголовье скота. Все это вместе с тяжелыми налогами и штрафами обрекало единоличное хозяйство на полное исчезновение. Были огосударствлены МТС, действовавшие вначале как акционерные предприятия, еще в начале 1930-х гг. ликвидированы все неколхозные виды сельскохозяйственной кооперации.

Неэквивалентный обмен между сельским хозяйством и го-

сударством искажал, уродовал систему расширенного воспроизводства в колхозах. Обязательная сдача продукции по низким ценам не могла обеспечить нормальное воспроизводство общественного хозяйства колхозов. После выполнения годовых обязательств по поставке продукции государству, сдаче зерна в порядке натуроплаты работ МТС и возврата ссуд колхозам разрешалось приступить к засыпке семенных фондов, образованию фуражных фондов, небольшой части (10-15%) страховых фондов. Создание других фондов (для оказания помощи инвалидам, семьям красноармейцев, на содержание детских яслей и др.) запрещалось. И лишь после этого остатки продукции разрешалось распределять между колхозниками по трудодням.

Отчуждение крестьян от средств производства и произведенного продукта приводило к негативным последствиям, что выражалось в огромных потерях. В ряде колхозов только в 1931 г. потери исчислялись в размере 20-40% валового сбора; потери зерновых хлебов от несвоевременной уборки достигли 216 млн. пудов.

В 1930-е годы сложился жесткий централизм в управлении колхозами. Производственные планы их заменялись разверсткой государственных заданий, диктуемых из центра. Организация производства была строго регламентирована и централизована. Например, колхозы должны были представлять отчеты в различные органы по 1362 показателям, не считая дополнительной специальной отчетности. Дело дошло до того, что постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1933 г. предписывалось «обязательно ввести там, где это еще не организовано, ежедневную чистку лошадей, своевременную расчистку копыт», а «контроль и проверка фактического проведения случной кампании возлагается на парторганизацию и сельсоветы». По типу промышленного производства создавались формы организации и оплаты сельскохозяйственного труда. Во многих колхозах система управления сводилась в основном к надзорным, контролирующим функциям.

В конечном счете поставленная Сталиным цель - создать крупное сельскохозяйственное производство - была достигнута. Но за это пришлось уплатить непомерно высокую цену, а глав-

ное - сконструированная система была лишена внутреннего источника саморазвития: она более эффективно проявляла себя в изъятии произведенного продукта, чем в организации его производства. Следует все же подчеркнуть, что создание крупных хозяйств открывало дорогу для применения в сельском хозяйстве современной техники, что способствовало повышению производительности труда. В результате оказалось возможным высвободить из деревни часть рабочих рук, которые были использованы в других отраслях народного хозяйства. Применение машин дало стимул для культурного развития села, т.к. для овладения трактором, комбайном и т.п. требовался известный уровень образования. Но в целом создание такой системы не привело к каким-либо крупным сдвигам и эффективности аграрного производства. Валовая продукция сельского хозяйства в 1936-1940 гг., по существу, оставалась на уровне 1924-1928 гг., а поголовье крупного рогатого скота в 1934 г. уменьшилось вдвое по сравнению с 1928 г. Количество лошадей сократилось с 32,1 млн. голов в 1928 г. до 14,9 млн. голов в 1934 г. Средняя урожайность зерновых в 1933-1937 гг. оказалась меньше, чем в 1922-1928 гг., несмотря на то, что 1937 был наиболее урожайным за период 1921-1941 гг.

Долгое время было широко распространено мнение, что создание колхозов помогло решить проблему накопления для развития индустрии, приобретения за рубежом передовой техники и оборудования. Но в начале 30-х гг. сельскохозяйственные продукты, являвшиеся основными статьями экспорта СССР, значительно упали в цене на мировом рынке. И больше всего подешевел хлеб. Если в 1929 г. было вывезено 260 тыс. т хлеба и это дало 22,5 млн. рублей, то продажа за рубежом в 1931 г. 5,2 млн. т зерна принесла доход всего лишь 156,5 млн. рублей. Пожалуй, именно в ходе хлебозаготовок, одной из важнейших целей которой являлся экспорт хлеба, наиболее жестко применялись меры репрессивного и мобилизационного характера. Здесь осуществление принципа «любой ценой» привело к массовому голоду 1932-33 гг. в районах Северного Кавказа, Нижней и Средней Волги, Украины, Казахстана и др. В результате репрессивного изъятия здесь всего хлеба вымирали целые селения, появились факты людоедства. Драма голода 30-х гг., являвшегося на протяжении десятилетий «белым пятном» нашей историографии, стала впервые

подвергаться анализу с конца 80-х гг., получив освещение в работах С.В. Кульчицкого (на Украине), Е.Н. Осколкова (на Северном Кавказе), В.В. Кондрашина (Поволжье), Б. Тулепбаева и В. Осипова (Казахстан). Чрезвычайно трудно установить сегодня число умерших, разные авторы называют цифры от 4 до 10 млн. человек. В процессе хлебозаготовок был завершен в основном и такой драматический процесс, как рассказывание, начатый согласно секретной директиве Оргбюро ЦК РКП (б), подписанной Я.М. Свердловым еще 29 января 1919 г. Первые крупные меры по рассказыванию были приняты в годы гражданской войны, а в период 1932-33 гг. несколько станиц Дона были занесены на «черную доску». В них был прекращен подвоз товаров, всякая торговля, любые ассигнования. Одновременно по всему краю проводились повальные обыски для изъятия остатков хлеба. Ростовское ГПУ командировало в казачьи станицы карательные экспедиции в составе трех отрядов войск особого назначения, в которые вошли латыши, венгры и китайцы. Только в станице Тихорецкой (на Кубани) экспедиция в течение трех дней арестовала и расстреляла около 600 старых и пожилых казаков. Эти акции дополняли страшную картину голода. Полной картины репрессий на Дону в 30-е годы пока что не создано, хотя, без сомнения, это была настоящая трагедия, приведшая к исчезновению имени «казак», уклада жизни большой социальной группы.

Отчуждение крестьянина от земли, от результатов труда, сопровождавшееся к тому же массовыми репрессиями, сделало его безразличным, равнодушным исполнителем команд свыше. Посуществу, произошло разрушение всего жизненного уклада, духовных и нравственных ценностей, присущих именно крестьянству. Произошло то, о чем еще в 1932 г., т.е. в разгар коллективизации, писала группа М.Н. Рютина («Союз марксистов-ленинцев»): «Авантюристическая коллективизация с помощью раскулачивания, направленная фактически главным образом против середняцких и бедняцких масс деревни, и, наконец экспроприация деревни путем всякого рода поборов и насильственных заготовок привели страну к глубочайшему кризису, чудовищному обнищанию масс и голоду ... Все молодое и здоровое из деревни бежит, миллионы людей, оторванные от произ-

водительного труда, кочуют по стране, перенаселяя города, остающееся в деревнях население голодает ... В перспективе - дальнейшее обнищание, одичание и запустение деревни». Потеря крестьянина, хозяина на земле - самое тяжкое наследство «великого перелома».

Источники и литература

Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927-1932 гг. / Под ред. В.П. Данилова и Н.А. Ивницкого. - М., 1989.

Из истории коллективизации. 1928 г. Поездка И.В. Сталина в Сибирь: Документы и материалы. Публикация А. Артизова // Известия ЦК КПСС. - 1991. №5 и 7.

Данилов В.П. Коллективизация: Как это было // Урок дает история. - М., 1989; в той же книге: Переписка на исторические темы.

Судьбы российского крестьянства / Под рук. Ю.Н. Афанасьева. - М.: 1996.

Данилов В. П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. - 1990. - № 5.

Зеленин И.Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. - 1989. - № 2.

Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов) - М., 1994.

Коллективизация: истоки; сущность, последствия: Беседа за «круглым столом» // История СССР. - 1989. - № 3.

Кондрашин В.В. Голод 1932-1933 годов в деревнях Поволжья // Вопросы истории. - 1991. - № 6.

Козляков В. Как рубили руки «кулаку» // Известия. - 1990. - 6 октября.

Кульчицкий С. Голод. Несколько страниц трагической статистики // Союз. - 1990. - № 3.

Левченко В. Письма с Кубани. 20-30-е годы: Драма рассказывания // Литературная Россия. - 1989. - 12 мая.

Заворотный С., Положевец П. Операция «голод» // Комсомольская правда. - 1990. - 3 февраля.

Медведев Р. Наш иск Сталину // Страницы истории. Дайджест прессы. Июль-декабрь 1988 г. - Л., 1989.

Осокина Е.А. Жертвы голода 1933 года. Сколько их? / Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР // История СССР. - 1991. - № 5.

Тепцов Н.В. Аграрная политика. На крутых поворотах 20-30-х гг. - М., 1990.

4. Становление административно-командной системы и режима личной власти И.В. Сталина

Отказ от экономических методов хозяйствования, от практики хозрасчета означал поворот к административно-командным методам управления. «Штурмовые методы» строительства нового общества, методы «кавалерийской атаки» кроются не только в теоретических просчетах руководства, торопливости Сталина, желании достичь высот социализма одним эффективным скачком. Корень допущенных деформаций лежит в полном извращении идеи социализма, его гуманистической сущности.

Выбор пути завершился в конце 1929 г. на ноябрьском Пленуме ЦК ВКП(б), когда произошел фактически политический переворот, выразившийся в следующем:

- в изменении персонального состава руководства;
- в сломе прежней политики и методов ее проведения;
- во внедрении сталинских идеологических установок.

В июне 1929 г. по инициативе Сталина, которого поддерживали члены Политбюро Молотов, Ворошилов и др., был взят курс на «великий перелом» - резкое повышение показателей первого пятилетнего плана в области индустриализации и коллективизации сельского хозяйства. Это рушило всю систему и без того напряженных межотраслевых балансов. Для хозрасчета места почти не осталось. НЭП был «выброшен к черту», как выразился Сталин. Складывание административно-командной системы руководства обществом, а также культа личности Сталина привели к серьезным деформациям всей политической системы общества. Административно-командная система выражалась прежде всего в сосредоточении всех нитей руководства жизнью

государства в центральных, республиканских и местных партийных комитетах, в руках партийно-государственной номенклатуры. Без разрешения Политбюро не могло быть принято и опубликовано ни одно постановление СНК, ни один Указ ВЦИК. При обсуждении вопросов в Политбюро решающее слово чаще всего принадлежало Сталину; нередко он формулировал тексты решений, а другие члены Политбюро лишь соглашались с его предложением. Для создания такой системы были политические, экономические и социальные причины. Вот основные из них.

1. Произошли определенные деформации в самой партии.

Прежде всего наблюдался форсированный рост партийных рядов. Если к концу 1925 г. численность партии превысила 1 млн., то уже в 1930 г. почти 2млн., в 1933 г. - 3.2 млн. Следует учесть, что рост партийных рядов отражал процессы, обусловленные высокими темпами индустриализации страны и соответственно ростом численности рабочего класса. В то же время с 1924 по 1933 гг. регулярно принимались директивы, которые требовали увеличить в партии прослойку рабочих от станка. На смену индивидуальному приему пришли кампании массовых призывов в партию, что отрицательно сказалось на качественном составе ее рядов. В 20-30-е годы не произошло и заметного повышения интеллектуального потенциала партии. К концу 30-х гг. свыше 80% коммунистов имели низшее и неполное среднее образование, высшее - лишь 5,5%. Среди секретарей обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий свыше 40% не имели даже среднего образования. Такие руководители, являясь слабо подготовленными в теоретическом плане, воспринимали марксизм-ленинизм зачастую лишь как догму, что также являлось питательной средой распространения и укрепления административно-командной системы. К этому следует добавить, что образовательный уровень рабочих, за счет которых происходило преимущественно пополнение рядов партии, был крайне низким. В таких условиях партия практически не могла обеспечить должный уровень интеллектуального лидерства и «добровольно» делегировала свои права партийному аппарату, а через его иерархическое построение – на вершину пирамиды партийно-государственной власти, где все больше

утверждался режим единоличного руководства Сталина. Партия начала утрачивать свое предназначение быть коллективной «лабораторией политической мысли», на которую к тому же в буквальном смысле начался запрет. В условиях реконструкции народного хозяйства на партийной политике не мог не сказаться рост технократических тенденций, что привело к размыванию ее гуманитарных ориентиров, нравственных ценностей. Партийный аппарат стал главной несущей конструкцией административно-бюрократической системы советского общества. Безраздельная власть Сталина вовсе не означала, что те или иные представители партийно-государственного аппарата не делали попыток стать на сторону народа, бросить вызов деспотическому господству вождя. Хотя эти попытки, как правило, не приводили к желаемым результатам и кончались, трагически, само их возникновение было неизбежным, неистребимым.

2. Выборные органы власти не только лишились функции контроля над исполнительными органами, но и попали в их зависимость. Так, за весь период действия высших государственных органов, образованных в соответствии с Конституцией 1936 г., правительства СССР, союзных и автономных республик или их министерства фактически не отчитывались о своей работе на сессиях Верховных Советов СССР, союзных и автономных республик. Исполнительный аппарат вопреки Конституции стал принимать на себя законодательные функции, начав сочинение бесконечных инструкций и приказов, которые часто противоречили законам. В ряде случаев государственные органы совершали действия, в том числе карательные, вообще без каких-либо законных оснований. Уже во второй половине 20-х гг. появились факты арестов и ссылок участников внутрипартийных оппозиций, специалистов старой школы. По существу карательной акцией стала и сплошная коллективизация. Сигналом к развертыванию массовых репрессий стало убийство 1 декабря 1934 г. С.М. Кирова. От жестоких репрессий прежде всего невосполнимый урон понесла сама партия, дееспособность ее была значительно ослаблена. Всего за 1937-1940 гг. из партии было исключено около 300 тыс. коммунистов, в 1937-38 гг. исключение происходило в массовом порядке. Чаще всего репрессиям подвергались руководящие работники партии. «Выбивались» буквально все, кто

хотя бы внутренне мог быть в чем-то не согласен со сталинскими методами строительства социализма. На смену «старой гвардии» приходили новые, менее опытные работники. Сложилась такая обстановка, когда ротация, сменяемость, контроль масс за деятельностью руководителя на всех уровнях отсутствовали.

По мере укрепления административно-командных методов управления происходили деформации и в таких важных составных частях политической системы, как профсоюзы, комсомол. Профсоюзы по существу были огосударствлены, постепенно снизилась их эффективность как школы хозяйствования, в их деятельности стали ослабевать самостоятельные начала и усиливаться заорганизованность. Партийное руководство комсомолом все больше приобретало форму назидания, мелочной опеки.

3. Надежда на быстрый рывок, скачок в «счастливый мир» социализма владела сознанием достаточно широких слоев трудящихся, склонных к «революционному нетерпению», которым, прежде всего, страдало молодое пополнение рабочего класса, рвавшегося из отсталости к достойной жизни. Режим личной власти Сталина не висел в воздухе, он был достаточно стабилен, так как имел социальную опору. Существует мнение, что такой опорой была управленческая бюрократия, номенклатура. И это так, но она сама, как институт надстроечный, нуждалась в базисном фундаменте. Опорой сталинского режима было главным образом пополнение рабочего класса, преимущественно из крестьянства. В самом деле, переход в ряды рабочего класса для этих новобранцев представлял повышение их социального статуса. Они обретали гарантированный заработок, не зависящий от колебаний погоды, рыночной конъюнктуры, обеспечивались их минимальные потребности в жилье (общежития, бараки) с перспективой последующего улучшения. Это были в основном неквалифицированные и малоквалифицированные работники, и политика уравнительности в оплате труда импонировала им. Кроме того, они принесли с собой психологию мелких товаропроизводителей, уповающих на защиту сильной власти. Представления о социализме у этих новых слоев рабочих были самые примитивные, во многом утопические, что совпадало с тогдашней практикой социалисти-

ческого строительства. Не случайно поиски классовых врагов, расправы над «врагами народа» встречали бурное одобрение на многочисленных демонстрациях и митингах. Не следует забывать и о том, что присущие народу царистские черты сознания трансформировались в веру в вождя. Это самая глубинная причина появления всех культовых аномалий. К тому же в России отсутствовали глубокие демократические традиции, за многие столетия народ привык к единовластию в государстве. Невысокая культура преобладающего крестьянского населения создавала предпосылку для того, чтобы любая сильная личность получила поддержку широких масс. В силу низкой общей и особенно политической культуры, культовой психологии люди и мысли не допускали о преступности действий человека, которого официальная пропаганда ставила на одну ступень с Лениным. Они верили обману, но не лгали сами. Их труд и подвиг были истинны, и свои победы они считали результатом «мудрой сталинской политики». Конечно, люди видели горе, жестокость, бесхозяйственность, но недостатки они связывали с конкретными людьми, а победы - лишь со Сталиным и его окружением. Все это увеличивало вероятность ошибок субъективистского плана, связанных с переоценкой роли политики как командной силы, влияния государства на общественные процессы с целью их «подхлестывания», а также забвением объективных закономерностей общественного прогресса, забегания вперед. Произошел подрыв элементарных правовых основ общественной жизни, извращение, деформация сути Советской власти, отчуждение от нее рабочего класса, трудящихся. Система, чтобы оградить свои интересы, формировала специальные механизмы - административно-карательный и пропагандистско-идеологический. Первый уничтожал тех, кто покушался на интересы системы, второй, в отсутствие гласности, создавал и поддерживал культ личности вождя.

4. Капиталистический мир смотрел на первое государство рабочих и крестьян с ненавистью. И это государство, которое не было еще сильным, вынуждено было постоянно заботиться о том, чтобы устоять, выжить в этом сложном, быстро меняющемся мире. Нужно было создавать промышленность, армию, что в какой-то степени оправдывало централизацию, ограничение демократии. И Сталин в максимальной степени использовал эту постоянную угрозу для укрепления своей власти, возвел попрание демократии в норму.

5. Большую роль в создании административно-командной системы, становлении культа личности сыграли и отрицательные черты характера Сталина, о которых в декабре 1922 г. в «Письме к съезду» писал Ленин. Жестокость Сталина, его лицемерие, преступная игра жизнями миллионов людей, стремление к единоличной власти, готовность постоянно применять насилие и другие негативные качества привели к глубоким порокам политической системы. Сталин к тому же умело использовал такой прием: свою борьбу с оппозицией, фракциями он представлял как борьбу за выбор пути социалистического строительства. Он взял на себя роль единственного толкователя марксизма-ленинизма. Тот, кто был не согласен с ним, по его мнению, выступал против Ленина. Утвердившись после XVII съезда (1934 г.) во главе партии и государства, Сталин стал вынашивать решение одним ударом освободиться от всех потенциальных соперников. Бухарин назвал его «великим дозировщиком»: он шел маленькими шажками к цели, не сразу развязал кровавый террор.

Созданию культа личности Сталина во многом способствовал он сам, а также его окружение.

Вместе с тем возникает вопрос: всегда ли административно-командная система приносила только вред? Если учесть крайне сложную обстановку предвоенных лет, возрастающую опасность нападения на СССР, то усиление централизма в партийной и государственной работе становится в какой-то мере объяснимым. В самом деле, если проанализировать решения Политбюро только за 1939-1940 гг., то можно видеть, сколь много внимания оно уделяло развитию оборонной промышленности, выпуску новой военной техники и др. В этих условиях принятие партией на себя не свойственных ей функций сыграло консолидирующую роль в мобилизации сил советских и хозяйственных работников. Что касается атмосферы репрессий и нарушений социалистической законности, то они, безусловно, являются антипартийными и античеловечными.

Трагедия нашей страны усугублялась тем, что во главе этой административно-командной системы оказался именно Сталин, культ личности которого придал ей худший из возможных вариантов. Многих трагических страниц можно было бы избежать, если

бы на XIII съезде партии в 1924 г. делегаты прислушались к мнению Ленина и переместили Сталина с поста Генерального секретаря. Но руководящее ядро ЦК не поняло или не захотело понять ленинских рекомендаций, и события пошли по иному руслу.

В условиях господства административно-командной системы в стране не было возможности глубоко проанализировать процесс складывания тоталитарного режима и его сущности, поэтому первые работы стали появляться уже в 20-30-х гг. за рубежом и принадлежали перу эмигрантов. Наибольший интерес среди них представляет работа философа Н.А. Бердяева, высланного из страны в 1922 г., «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937). Бердяев пытался разобраться в идеологии русского коммунизма, и это стремление неизбежно приводило его к творцу этого мировоззрения - В.И. Ленину. Он писал: «Ленин - империалист, а не анархист. Все мышление его было империалистическим, деспотическим ... Ленин был революционер до мозга костей именно потому, что всю жизнь исповедовал и защищал целостное, тоталитарное мирозерцание, не допускал никаких нарушений этой целостности». По мнению Бердяева, именно Ленину Россия обязана установлением в 1917 г. тоталитарного режима: «Вся Россия, весь русский народ оказался подчиненным не только диктатуре коммунистической партии, ее центральному органу, но и доктрине коммунистического диктатора ...». Политическая система, сложившаяся в России после 1917 г., по Н.А. Бердяеву, скомпрометировала себя крайней степенью бесчеловечности, однако она сохранила государственность. Кроме того, Советская власть была единственной реальной силой, обеспечивающей защиту страны от внешних опасностей. Поэтому внезапное падение этой власти, по мнению философа, было бы не меньшей трагедией, чем ее существование. Налицо, таким образом, стремление Бердяева вывести истоки тоталитарной системы в СССР из событий 1917 года.

В 30-е гг. за рубежом вышел целый ряд работ, принадлежавших Л.Д. Троцкому - «Перманентная революция», «Коммунистический Интернационал после Ленина», «Сталинская школа фальсификаций», два тома биографии И.В. Сталина. Троцкий,

высланный в 1929 г. из СССР, являясь воинствующим непримиримым противником Сталина, рисует СССР как тоталитарное государство, где правит бюрократия: «В Советском Союзе существует правящая иерархия, строго централизованная и совершенно независимая от так называемых Советов и народа ... Бюрократия располагает огромными доходами не столько в денежном, сколько в натуральном виде: прекрасные здания, автомобили, дачи, лучшие предметы употребления со всех концов страны. Верхний слой бюрократии живет так, как крупная буржуазия капиталистических стран, провинциальная бюрократия и низшие слои столичной живут, как мелкая буржуазия. Бюрократия создает вокруг себя опору в виде рабочей аристократии, т.к. герои труда, орденосцы и пр. - все они пользуются привилегиями за свою верность бюрократии, центральной или местной. Все они пользуются заслуженной ненавистью народа».

Среди работ эмигрантов «второй волны» выделяются прежде всего книги А.Г. Авторханова, оставшегося после второй мировой войны в Западной Германии. В 1959 г. в Мюнхене вышло первое издание его монографии «Технология власти», посвященная становлению и развитию командно-бюрократической системы СССР. Авторханов проследил процесс прихода И.В. Сталина к власти и становление культа его личности, проанализировал репрессии 30-40-х гг., охарактеризовал падение сталинизма. Им был сделан вывод, ставший краеугольным камнем советологии - о соотношении партии и бюрократии. «Партия, - писал он, - была и есть резервуар, откуда ЦК черпает бюрократию - партийную, хозяйственную, советскую, культурную и военную». Дальнейшее развитие эти идеи получили в работах «Сталин и КПСС» (1959) и «Коммунистический партаппарат» (1966), а в 70-х гг. он проанализировал развитие системы политической власти после смерти Сталина, проследил тенденции единства и противоречий в треугольнике диктатуры: партия, полиция, армия.

В конце 60-х - первой половине 80-х гг. историографическим фактом стали работы историков «третьей волны» российской эмиграции, среди которых выделяется книга М.Я. Геллера и А.М. Некрича «Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 г. до наших дней», многие оценки которой вошли в арсенал совре-

менной советологии. Тогда же появляется ряд работ авторов, живущих в СССР, но отнесенных к числу «диссидентов». Наиболее известным из них был Р.А. Медведев, книга которого - «К суду истории», рассказывающая о преступлениях Сталина и его окружения, анализирующая сущность сталинизма, была издана в 12 странах мира. За опубликованные книги за рубежом автор был в 1969 г. исключен из рядов КПСС. С конца 80-х гг. проблема становления административно-командной системы стала предметом историков и публицистов в России (О. Лацис, Ю. Голанд, Ю.С. Борисов, А.Л. Гордон, Э.В. Клопов и др.). Лавинообразная критика Сталина, развернувшийся процесс реабилитации репрессированных, «лагерная» тема в литературе - все это закономерно поставило вопрос: что такое сталинизм? - отход от ленинизма, деформация его или естественное продолжение? С крушением просоветских режимов в странах Восточной Европы нарастает волна критики всего советского, социалистического, Ленина и ленинизма, а после августовских событий 1991 г. в России эти тенденции стали официальными. История снова оказалась заложницей политики: вместо глубокого научного анализа появилось огульное ниспровержение и отрицание. Для создания научной истории общества 20-30-х гг. требуется время.

Источники и литература

- Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. - М., 1990.
- Борисов Ю.С., Курицын В.М., Хвал Ю.С.* Политическая система конца 20-х - 30-х годов. О Сталине и сталинизме // *Историки спорят.* - М., 1988.
- Калганов А, Бузгалин А.* Как была воздвигнута «административная система» (20-30-е гг.) // *Вопросы экономики.* - 1988. - № 12.
- Восленский М.С.* Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза. - М., 1991.
- Зевелев А.И.* Истоки сталинизма. - М., 1990.
- Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений. - М., 1991.
- О Сталине и сталинизме: Беседа с Д.А. Волкогоновым и Р.А. Медведевым // *История СССР.* - 1989. - № 4.
- Осмыслить культ Сталина. - М., 1989.
- Режим личной власти Сталина: К истории формирования / Под ред. акад. Ю.С. Кукушкина. - М.: МГУ, 1989.

Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. - М., 1989.

Ципко А. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. - 1988. - № 11-12.

5. Окружение И.В. Сталина

В политической системе советского общества длительное время ведущая роль принадлежала Политбюро (Президиуму) ЦК партии. Многие важнейшие для судеб страны и народа решения принимались на его заседаниях, поэтому немаловажное значение имеет вопрос о его составе. В составах Политбюро ленинского периода (после его создания на VIII съезде партии в 1919 г.) за 6 лет произошли незначительные изменения, в основном состав его оставался стабильным. В.И. Ленин и его соратники отличались высоким интеллектуальным уровнем: среди них были профессиональные юристы, экономисты, публицисты. Исключение, пожалуй, составляли И.В. Сталин и М.И. Калинин, хотя каждый из них имел опыт революционной борьбы. В 1921 г. средний возраст членов и кандидатов Политбюро составлял 40 лет. Кстати, самыми молодыми в Политбюро были В.М. Молотов и А.И. Микоян, ставшие кандидатами в члены Политбюро в возрасте 31 года. В.И. Ленин был самым старшим, ему в тот год исполнился 51.

На первом Пленуме ЦК РКП(б), избранного XI съездом партии, Ленин предложил установить пост Генерального секретаря и двух секретарей ЦК. Предполагалось, что этот шаг будет способствовать проведению в жизнь решений коллегиальных органов партии. По предложению Л.Б. Каменева, Генеральным секретарем ЦК стал член Политбюро И.В. Сталин, а уже через несколько месяцев В.И. Ленин писал о необходимости обдумать способ перемещения Сталина с этого места. Однако в силу различных обстоятельств это предложение не было реализовано, будущий тиран остался Генсеком.

Сталин методично укреплял свое единовластие в партии. Он поочередно убрал всех оппонентов с политической арены, а за-

тем уничтожил их физически. При этом в качестве шантажа он несколько раз прибегал к угрозам мнимой отставки, в 1934 г. формально отказался от титула Генерального секретаря (возглавлял партию в качестве секретаря ЦК ВКП(б/)). В сложившихся условиях название должности, которую занимал Сталин, значения уже не имело, ибо в его руках была реальная неограниченная власть. Постепенно Политбюро ЦК из коллегиального органа, каким его определил VIII съезд партии, превратилось в бюро при Сталине. Это окружение имело, пожалуй, единственное право - поддакивать «вождю». Если при Ленине в Политбюро постоянно велись горячие дискуссии, целью которых было дать объективную оценку тем или иным процессам и принять наиболее правильное решение, то после Ленина, особенно после объединенного Пленума ЦК и ЦК ВКП(б) в апреле 1929 г., с которым связывается победа сталинизма в партии, ситуация резко изменилась. Противопоставление различных течений и групп внутри партии по вопросам политической и «генеральной» линии все более превращалось в беспринципный спор за их единоличное влияние на ход событий, а затем в жестокую непримиримую борьбу за личную власть конфликтующих между собой партийных вождей. На апрельском (1929) Пленуме Сталин потребовал введения «единомыслия» в высшем партийном руководстве, а после XVII съезда началась полоса трагических событий. Прокатилась волна репрессий, унесших жизни видных деятелей партии и государства, представителей «ленинской гвардии». На операционном столе умер в 1925 г. М.В. Фрунзе, в 1926 г. скончался Ф.Э. Дзержинский, до сих пор не выяснены обстоятельства убийства С. М. Кирова в 1934 г., в 1935 г. скончался В.В. Куйбышев, покончили жизнь самоубийством М.П. Томский и Г.К. Орджоникидзе (они вместе с Кировым и Куйбышевым, несмотря на присущие недостатки, представляли лучшую часть сталинского окружения), репрессиям и физическому уничтожению подверглись Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев, Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, Г.Л. Пятаков, Н.Н. Крестинский, А.С. Бубнов и др. В августе 1940 г. в своем доме в Мексике был убит Л.Д. Троцкий, высланный из страны в 1929 г. «Ленинская гвардия», за исключением немногих, оказалась к концу 1930-х гг. полностью уничтоженной. На смену им пришли новые люди.

Имена уничтоженных и репрессированных на долгие годы были вычеркнуты из истории, а если и упоминались, то лишь в негативном плане. Мрак завесы был приподнят лишь в середине 50-х гг., после XX съезда КПСС «История наша заговорит теперь полным голосом о деятелях революции, расставит всех по местам, где они на самом деле были, и расскажет грядущим поколениям всю правду-истину», - писал в 1955 г. бывший управляющий делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевич. Но только 30 лет спустя начали создаваться условия для восстановления подлинно исторической правды. В 1991 г. впервые было предпринято издание книги-справочника «Первое Советское правительство», в которой содержались очерки о первых народных комиссарах. Под одной обложкой впервые были собраны имена В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого, И.В. Сталина и А.Г. Шляпникова, А.И. Рыкова и Н.В. Крыленко, В.А. Антонова-Овсеенко и Г.И. Петровского ..., чем было положено начало комплексному изучению «ленинской гвардии». Одновременно вышли книги и статьи о только что реабилитированных Бухарине, Зиновьеве, Каменеве и др. - тех, кто представлял руководство страны в 20-е годы.

Новому руководству был чужд опыт Ленина или Бухарина, их гибкость, практическая мудрость, стремление найти компромисс в критической ситуации, постепенно, (а не разом, с наскока) решать острые социальные и экономические проблемы. Все уже диктовала сила, а также взятые из левого радикализма нетерпимость, нигилизм, презрение к объективным законам развития общества и элементарному здравому смыслу. Образовательный уровень окружения Сталина в 1930-40-е гг., был значительно более низким по сравнению с окружением В.И. Ленина. Значительная часть членов Политбюро, избранного в марте 1939 г., например, имела образование на уровне реального училища. Лишь В.М. Молотов два года учился на экономическом отделении Петербургского университета, а Н.С. Хрущев - в Промышленной академии. Религиозное образование имели И.В. Сталин и А.И. Микоян, по несколько классов школы окончили К.Е. Ворошилов и Л.М. Каганович. Все они в силу недостаточного образования не оставили сколько-нибудь заметных теоретических трудов. Многие делали на «ощупь», так и строили социализм. Специальные знания

казались тогда не столь важными для руководителя, больше ценились энергия, напористость, умение командовать или принудить людей к работе. А уж умением командовать сталинское окружение обладало в совершенстве.

Одновременно развивался процесс духовно-нравственного перерождения части правящей партийно-государственной элиты, готовой удержаться на верху управленческой пирамиды любыми средствами, с помощью любых доктрин. Творчество и самобытность все активнее вытеснялись охранительным догматизмом. Человек идеи безнадежно уходил в прошлое, на смену ему все увереннее выдвигался слуга идеи. Впрочем, и сама идея неузнаваемо изменилась. В результате негативных процессов в верхних эшелонах власти были отброшены разумные рекомендации и выводы общественнознания, экономической науки, а носители их подавлялись путем идеологических репрессий и физического уничтожения. Теория социалистического хозяйства все дальше уходила от науки, поиска истины, реальной жизни, вынуждена была фальсифицировать научные данные, оправдывая преступную политику Сталина. Сложившаяся и обслуживающая режим тоталитаризма идеология требовала не мысли и рассуждений, а исполнительности, не таланта, а преданности. Личность нивелировалась в сложившейся системе до набора необходимых государству качеств и ценна была не своей индивидуальной неповторимостью, а вульгарной и насильственно внедряемой социальностью - стремлением быть как все. И чем выше в строгой иерархической структуре государства находился человек, тем меньше он принадлежал самому себе, тем ограниченнее у него была возможность выбора (в том числе и нравственного) и тем больше он становился частью целого. Время требовало безгласных и нераздумывающих, посредственности гораздо легче было выжить и продвинуться «вверх». Требовались для этого хитрость, гибкость, расчет, умение «плести интриги». И в этом представители сталинского окружения с годами преуспели.

Большинство их не может быть названо, в сущности, выдающимися политическими деятелями, хотя на исторической сцене им и доводилось играть важные роли. Молотов не был насто-

ящим дипломатом, хотя и занимал долгие годы пост министра иностранных дел; Ворошилов не был выдающимся полководцем, хотя и командовал армиями и фронтами и в течение 15 лет был наркомом обороны; Маленков был многоопытен в аппаратных интригах, но малоопытен в настоящей государственной деятельности; Каганович сменил множество самых высоких должностей, но так и не научился даже грамотно писать. Несколько выше других по интеллекту можно поставить только Микояна, однако и он был лишь полуинтеллигентом, лучше других знавшим тот предел, выход который означал для него смерть.

Цель Сталина - подобрать новую кагорту руководителей - оказалась на деле не такой уж трудной и вполне осуществимой, ибо в руководящих эшелонах партии оказалось немало людей, которые не могли расстаться с «полюбившейся» им военно-коммунистической идеологией и практикой. НЭП был им непонятен, и они не воспринимали его «всерьез и надолго». Некоторым из них импонировали и черты характера Сталина. Троцкий когда-то писал, что аппарат создал Сталина. Правильнее было бы сказать: Сталин создал аппарат власти, но в то же время аппарат сыграл ключевую роль в том, что он укрепил свое единовластие.

Сталинское окружение при многих общих для всех чертах тем не менее к концу 1930-х гг. не было однородным: оно состояло из нескольких категорий людей.

Первая из них включала деятелей, причислявших себя к «старой гвардии» Ленина, но на самом деле не имевших с ней ничего общего (В.М. Молотов, Л.М.Каганович, К.Е. Ворошилов). Это были люди, которых Сталин знал лично со времен гражданской войны или с которыми тесно соприкасался по совместной работе в ЦК. Они в большинстве случаев были убежденными и преданными сторонниками Сталина, его мировоззрения и методов, именно они первыми записали Сталина в ранг «великого вождя», считали его стоящим наравне с Лениным. Это, по существу, был отказ от революционного прошлого.

Вторая категория состояла из тех, кто по своему жизненному опыту и практическому участию в работе ЦК и Политбюро не мог не видеть пагубные действия Сталина, но в силу главным

образом своей интеграции в партаппарат и командно-административную систему, а может быть, и по карьеристским соображениям занимал позицию молчания, что было, конечно, на руку Сталину. К ним относились М.И. Калинин, А.И. Микоян и др.

Сталин неоднократно ставил деятелей этих двух групп в экстремальные ситуации (арест их жен и родственников), испытывая на «прочность» их личную преданность. Известно, что некоторые, входя вначале в близкое окружение Ленина, позднее становились по разным причинам (даже вопреки своему миропониманию) если не соучастниками Сталина, то, несомненно, помогали ему укреплять свою власть и даже расправиться с некоторыми соратниками Ленина.

Третья группа (самая отталкивающая) пришла в аппарат на смену поредевших рядов первых двух в начале 1930-х гг. Она состояла из людей, ничего общего не имеющих с идеями коммунизма. Это были беспринципные карьеристы - чиновники и обыватели, способные улавливать малейшие желания «вождя» и готовые выполнить любой его приказ. К ним относились А.А. Жданов, Г.М. Маленков, не говоря уже о Ежове и Берии.

Ко всему прочему это была очень недружная команда, все они враждовали между собой. Но Сталин и не хотел иметь около себя дружной команды. Они часто спорили друг с другом, и Сталин поощрял эти споры, следуя принципу «разделяй и властвуй». Он допускал некоторый «плюрализм» в своем окружении и извлекал выгоду из взаимных споров и вражды членов Политбюро, т.к. это позволяло ему нередко лучше формулировать свои собственные предложения и идеи. Почти все они были старательными и энергичными работниками, умели заставить работать своих подчиненных, используя главным образом методы запугивания и принуждения. Любопытно, что среди окружения Сталина оказалось немало «долгожителей»: Молотов умер в конце 1986 г. на 97-м году жизни, Маленков - в январе 1988 г. в возрасте 88 лет, до 87 лет дожил Ворошилов, до 83 - Микоян. Последним в возрасте 98 лет умер Каганович (1991 г.). Некоторые из них на склоне лет начали писать мемуары, однако успели рассказать лишь о начале своей революционной деятельности (К.Е. Ворошилов «Рас-

сказы о жизни») или о политической карьере до середины 20-х гг. (А.И. Микоян «Дорогой борьбы» и «В начале двадцатых»). С В.М. Молотовым, а впоследствии и с Л.М. Кагановичем в течение ряда лет беседовал писатель Ф. Чуев, записывая их рассказы, составившие целые книги. Прочитав их, увидим, что эти «апостолы» ни в чем содеянном ими не раскаивались.

Отход Сталина от ленинизма, его стремление к единовластию закономерно сплотили вокруг него группу деятелей-бюрократов, которые служили не идее, а руководителю, ставили свои личные и групповые интересы выше общественных, партийных.

При жизни И.В. Сталина все представители его окружения (естественно, уцелевшие от репрессий) неизменно представлялись как верные его ученики и соратники, продолжатели дела Ленина, в связи с юбилеями «за большие заслуги» отмечались орденами и званиями. Попытки протеста против существующей системы, как и лиц, ее олицетворявших, были обречены на неудачу. Но протесты все же были, и в них содержались критические оценки Сталина и его окружения в противовес официальным. Этим в первую очередь отмечены «Платформа» группы М.Н. Рютина («Союз марксистов-ленинцев»), «Открытое письмо Сталину» Ф.Ф. Раскольниковца, письмо-завещание Н.И. Бухарина, обращенное к будущим руководителям страны и др., которые, однако, широкому кругу людей долгое время оставались неизвестными. Особый интерес вызывает и незавершенная биография И.В. Сталина, написанная Л.Д. Троцким. По мнению Троцкого, Сталин уже в годы гражданской войны объективно выступал организатором «нового политического режима»: «Он подходит к делу только с точки зрения подбора кадров, укрепления аппарата, обеспечения своего личного руководства аппарата, т.е. своей личной власти ... Дальше этого его обобщающая мысль не идет», «Сталин сформировался в обстановке гражданской войны, как и вся та группа, которая помогла ему установить его личную диктатуру: Орджоникидзе, Ворошилов, Каганович и целый слой работников в провинции». Условия для открытой критики действий Сталина появились в стране лишь после его смерти. На июльском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС, где рассматривался вопрос «об антипартийных,

антигосударственных действиях Берии», Сталин критическому анализу практически не подвергался, все преступления связывались исключительно с происками «врага народа» Берии. С началом в 1954 г. частичной реабилитации жертв репрессий все больше стали вырисовываться чудовищные масштабы беззакония, а «секретный» доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС (1956) произвел эффект разорвавшейся бомбы. Но речь теперь шла лишь о Сталине, представители его окружения находились еще на руководящих постах в партии и государстве, поэтому правда об их действиях умалчивалась. Они стали объектом критики с момента июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС, принявшего постановление «Об антипартийной группе Г.М. Маленкова, Л.М. Кагановича, В.М. Молотова», а впервые об их преступлениях рассказал с высокой трибуны XXII съезда КПСС в своем Заключительном слове Н.С. Хрущев, в выступлениях - отдельные делегаты съезда. Большинство представителей сталинского окружения были исключены из КПСС, сняты с руководящих постов и оставлены доживать век в качестве почетных пенсионеров. А затем последовало продолжавшееся два десятилетия умолчание, когда критика беззаконий и преступлений периода культа личности была приостановлена, началась «ползучая» реабилитация Сталина, коснувшаяся и его соратников (К.Е. Ворошилов в 1969 г. был с почестями похоронен на Красной площади, В.М. Молотов в 1984 г. восстановлен в рядах КПСС). Лишь с началом перестройки пришло время, когда начала освещаться истинная роль Сталина и представителей его окружения, которые вместе с ним несут всю полноту ответственности за нарушения законности, гибель миллионов людей, за извращение социалистической идеи.

Источники и литература

Берия: Конец карьеры. - М., 1991.

Верба И.А., Гусарова Л.О. М.И. Калинин: Эпизоды биографии // Вопросы истории КПСС. - 1989. - № 10.

Медведев Р.А. Они окружали Сталина. - М., 1990.

Мошняга В., Бородай А. Политбюро: Штрихи к ретроспективному портрету // Неделя. - 1989. - № 51.

Опенкин Л.А. На историческом перепутье: Штрихи к политическому портрету Г.М. Маленкова // Вопросы истории КПСС. - 1990. - № 1.

Пономарев А.Н. С. Хрущев - первый секретарь МК // Политическое образование. - 1989. - № 13.

Сто сорок бесед с Молотовым // Из дневников Ф. Чуева. - М., 1991.

Чуев Ф. Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. - М., 1992.

Они не молчали: Сборник / Сост. А.В. Афанасьев. - М., 1991.

6. Архипелаг ГУЛАГ

Октябрьская революция одной из своих конечных целей ставила полную ликвидацию насилия. Как писал В.И. Ленин: «...в нашем идеале нет места насилию над людьми...», «...Все развитие идет к уничтожению насильственного господства одной части общества над другой» (Полн. собр. соч. Т. 30. С. 122). Однако теория сразу же стала расходиться с практикой. Уже в 1918 г. террор объявляется по сути государственной политикой. Постановление, принятое 5 сентября 1918 г. СНК, разрешало расстреливать «всех лиц, прикосновенных к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам». Кровопролитная гражданская война, сопровождавшаяся массовым террором и насилием с обеих сторон, наложила глубокий отпечаток на психологию масс, особенно руководителей низового звена, уверовавших в насилие как универсальное средство разрешения всех проблем. В концепции построения социализма, которой придерживался Сталин, насилие занимало все большее место. По сталинской концепции «ликвидации» подлежали нэпман и кулак, а сделать это без прямого насилия было никак невозможно, как невозможно было изъять средства накопления у населения, заставить переместиться массу населения из деревни в город, крестьян объединиться в колхозы, наладить дисциплину труда среди пришедших на фабрики и заводы крестьян, а также среди крестьян, вошедших в колхозы.

Но уже с первых лет существования Советское правительство, увлеченное идеей скорого построения социализма, решило перевоспитать всех явных и потенциальных противников Советской власти трудом. И уже в середине 1923 г. в стране насчитыва-

валось 702 исправительных учреждения: концлагеря, исправдома, тюрьмы, сельскохозяйственные поселения и домзаки. В них содержалось около 140 тыс. человек. В числе первых был создан в июне 1923 г. СЛОН - Соловецкий лагерь особого назначения ОГПУ (В 1936 г. лагеря переименованы в Соловецкую тюрьму особого назначения - СТОН).

Осенью 1926 г. принят декрет ВЦИК, в котором говорилось, что теперь можно держать преступников без конвоя. Перековавшись, они будут возвращаться в советскую здоровую трудовую семью. Было убеждение, что труд и только труд преобразует личность и что нора покончить с тюрьмами - этим гнусным наследием эксплуататорского режима, создав вместо них лагеря, чтобы свободный труд не совсем свободно собравшихся людей способствовал перековке преступников и правонарушителей в полноценных граждан страны. Так были задуманы и Соловки: чуть ли не «город Солнца» посреди моря. Над воротами одно время была надпись: «Соловки - рабочим и крестьянам». Имелась в виду продукция, которую лагеря поставляли стране. Второй страшный смысл надписи тогда едва ли кто-то мог предугадать. А между тем здесь только за одну ночь в 1929 г. было расстреляно 300 заключенных, в то время как за всю дореволюционную историю Соловков в них побывало 316 узников. В советское время на Соловецких островах содержались инакомыслящие, члены бывших политических партий, дворяне, священнослужители, а позднее - крестьяне, рабочие, военные, интеллигенция, чекисты. Отличительной особенностью СЛОНа были полная изоляция от населения, армейская организация и принудительный труд при 12-часовом рабочем дне. Соловки сложились как маленькое государство, ставшее одним из первых очагов будущего ГУЛАГа. Здесь были свои мини-наркоматы (части - административная, информационно-следственная, культурно-воспитательная), своя железная дорога, пароход и аэроплан, радиостанция, свои театры, журналы, газеты и даже свои деньги. СТОН закончила свое существование в 1939 г., но к этому времени вся страна была уже покрыта густой сетью различных «лагов».

Казарменный социализм, который в соответствии с пред-

начертаниями Сталина строила страна, требовал атмосферы постоянного страха. Создать ее можно было только с помощью насилия. Тогда и родилась теория обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму, которая оправдывала беззакония и репрессии. Сталин строил «новое государство» с феодальной жестокостью, для их строительства нужны были в качестве дешевой силы заключенные. Но лагеря создавались прежде всего для тотального подавления личности, ибо именно личность - главный враг любого деспотического режима. Всех, кто не был слепо предан вождю, Сталин зачислял в потенциальную «пятую колонну». Туда же автоматически были записаны миллионы коммунистов и беспартийных, которые участвовали в оппозициях, раскулачивались, преследовались как «вредители» или были связаны с «врагами народа» семейными или дружескими узами. Этот мотив уничтожения «пятой колонны», обоснования репрессий ссылками на наличие притаившихся врагов активно внедрялся в общественное сознание в 1920-30-е гг. Запугивая страну, Сталин рассчитывал не только подхлестнуть волну террора, но и укрепить единоличную диктатуру. К тому же советская экономика все больше развивалась, опираясь на использование «дешевой» рабочей силы заключенных. В широких масштабах началось это с конца 1920-х гг. Весной 1929 г. в ЦК ВКП(б) была образована комиссия под председательством Н. Янсона, выработавшая предложения о применении труда заключенных. 27 июня Политбюро утвердило соответствующее решение. И после этого в стране начала формироваться целая сеть исправительно-трудовых лагерей ОГПУ. Объектом жестокой эксплуатации стали тогда и сотни тысяч спецпереселенцев из раскулаченных.

В 1931-1933 гг. на территории Карелии силами 126 тыс. заключенных Беломорско-Балтийского ЛАГА ОГПУ сооружался Беломорско-Балтийский канал. Идея строительства, конкретные сроки, формы и методы работы были определены Сталиным совместно с руководителями ОГПУ. В качестве обоснования этой «сверхударной» стройки приводились факторы экономических и военно-политических интересов страны. Канал длиной 227 км на самом деле был экономически мало полезен - он полгода находился подо льдом, зато стал одним из мощных пунктов «перековки бывших врагов в патриотов». Газеты с гордостью писали о том, насколько ниже проектной

оказалась его реальная стоимость, ни разу не упоминая о рабском труде заключенных, о тысячах загубленных жизней. Этим же характеризуется и объемистая книга «Канал имени Сталина», изданная в 1933 г. при активном участии А.М. Горького.

К концу первой пятилетки помимо строительства Беломор-канала, превращенного в один из символов индустриальных преобразований, в ведение ОГПУ передали строительство канала Волга-Москва и Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, освоение районов Ухты и Печоры, заготовку дров для Москвы и Ленинграда. Достаточно отметить, что экспорт деловой древесины в начале 1930-х гг. сразу возрос в 3 раза. Тогда же началось функционирование одного из самых значительных хозяйственных подразделений ОГПУ-НКВД - известного треста «Дальстрой». За несколько лет на далекой Колыме трудом заключенных было создано большое количество предприятий, построены дорога, поселки, организованы совхозы. «Дальстрой» занимал 1-е место среди золотопромышленных районов Союза. В 1931 г. создается Карлаг, называвшийся вначале исправительно-трудовым лагерем НКВД и совхозом ОГПУ СССР, но фактически он всегда был громадным концлагерем. Совхоз-тюрьма сразу же, в год своего рождения, получил задание: освоить громадный район Центрального Казахстана, ибо развивающемуся Карагандинскому угольному бассейну нужна была продовольственная база. Карлаг называли еще государством в государстве. По его окружности несли службу на постах и разъездах «пограничники», в лагере существовал свой суд и прокуратура с прямым подчинением Москве. Имелись здесь и заводы - сахарные, маслобойные, мясокомбинат, развивалась «лагерная наука». Идеи освоения целины, насильственного насаждения совхозов, специализация, концентрация, гигантомания - все это проходило здесь практическую проверку. Слава Карагандинского совхоза ОГПУ гремела на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве.

В 1930-е гг. трудом заключенных держались многие отрасли экономики - лесозаготовка, добыча золота и цветных металлов, строительство в районах Севера и Дальнего Востока. Постепенно хозяйственные наркоматы стали перекладывать возве-

дение и эксплуатацию наиболее сложных объектов на ОГПУ (например, Норильского комбината). Более того, при низкой производительности труда и текучести рабочей силы, лихорадивших советскую индустрию, хозяйственные ведомства охотно использовали заключенных на своих предприятиях. ИТК существовали на многих объектах, не принадлежавших ОГПУ-НКВД. На строительстве Магнитогорского комбината, например, в середине 1934 г. в такой колонии насчитывалось 12 тыс. человек, а в 1939 г. НКВД направил на стройки и предприятия других наркоматов и организаций более 130 тыс. заключенных.

В годы 3-ей пятилетки хозяйственная деятельность НКВД приобрела невиданный размах. В 1941 г. в соответствии с государственным планом Наркомат должен был закончить основные работы по Рыбинскому гидротехническому узлу, ввести в действие ряд электростанций, мощности по добыче Ухтинской нефти, первую очередь комбината «Североникель», три сульфатно-спиртовых и цементный заводы, провести закладку восьми угольных шахт в Воркутинском бассейне и др. Если на 1937 г. государственным планом предусматривалось освоение наркоматом 6% средств, направленных на капитальное строительство (1,8 млрд. рублей), то по плану 1941 г. этот показатель увеличивался до 14%, т.е. около 7,3 млрд. руб. Это означало, что НКВД превратился в крупнейшее строительное ведомство. А кроме этого, в его ведении находилась добыча руды, угля, золота, заготовка леса и др. По состоянию на 1 марта 1940 г. ГУЛАГ состоял из 53 лагерей (включая лагеря, занятые железнодорожным строительством), 425 исправительно-трудовых колоний (в том числе 170 промышленных, 83 сельскохозяйственных и 172 «контрагентских», т.е. работавших на стройках и хозяйствах других ведомств лагерей), и 50 колоний для несовершеннолетних (на воротах некоторых по свидетельству поэта Д. Кугультинова, красовались надписи: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!»). Наряду с органами изоляции в систему ГУЛАГа входили так называемые «бюро исправительных работ» (БИРы), задачей которых было обеспечение выполнения судебных решений в отношении лиц, приговоренных к отбыванию принудительных работ.

Для осуществления крупных программ требовалось все большее количество заключенных, тем более что их труд был малоэффективен, а смертность в лагерях высокая. По предложению Сталина в июне 1939 г. Президиум Верховного Совета СССР утвердил Указ «О лагерях НКВД», в котором, в частности, требовал «отказаться от системы условно-досрочного освобождения лагерных контингентов». Для обеспечения строек НКВД на Дальнем Востоке туда в течение июня-июля 1939 г. предполагалось перебросить 120 тыс. человек, а с января 1940 г. НКВД получил право вернуть себе все «контингенты», направленные им ранее на объекты - других наркоматов. Таким образом, политические цели террора подкреплялись «хозяйским» расчетом и репрессии получали в глазах вождей дополнительное обоснование. Идея принудительного бесплатного труда была применена и к ученым. В феврале 1939 г. в Болшево, под Москвой, по приказу Берии было создано «Особое техническое бюро при НКВД СССР», где трудились свезенные со всех тюрем и лагерей ученые и конструкторы - создатели новых образцов военной техники. В этом и подобных им бюро работали А.Н. Туполев, С.П. Королев, А.И. Некрасов, Б.С. Стечкин, В.М.Петляков, В.М. Мясищев и многие другие светлые умы.

Тема ГУЛАГА в период его существования являлась закрытой для объективного освещения. Хотя уже в 20-40-е гг. создавались литературно-художественные и публицистические произведения, посвященные «лагерной» теме, но созданная в них благостная картина «перевоспитания» заключенных и их «самоотверженного» труда была открытой фальсификацией. Таковыми являлись, например, хроникально-документальная лента «Соловки» (1928 г.), художественный фильм «Заключенные» (1936 г.), роман В. Ажаева «Далеко от Москвы» (1948 г.) и др. Люди же, выжившие в условиях ГУЛАГа, рассказывать о пережитом первоначально не могли. Так, генерал армии А.В. Горбатов, освобожденный в марте 1941 г. после 30-месячного пребывания в Лефортовой тюрьме и на Колыме, в книге «Годы и войны», впервые изданной в 1965 г., писал: «Я рассказывал, где был, что видел, хотя, по вполне понятной причине, в то время я не мог сказать и сотой доли того, о чем пишу сейчас: уходя с Лубянки, я дал подписку о молчании».

Лишь в 1953-1954 гг., когда только начинался пересмотр дел жертв репрессий, стало осуществляться пророческое заявление репрессированного Х. Раковского: «Когда-нибудь и трупы заговорят ...» Тогда впервые стали просачиваться сведения об изуверских пытках, применявшихся по отношению к арестованным, о чудовищных масштабах этой гигантской мясорубки. Потом из «архипелага» ГУЛАГа стали возвращаться уцелевшие, затем были XX и XXII съезды партии, солженицынский «Один день Ивана Денисовича». И хотя за ними последовали более двух десятилетий умолчания, общество уже не могло избавиться от глубокого нравственного потрясения, от той небольшой доли правды, услышанной в середине 50-х-начале 60-х гг. В начале 70-х гг. создается эпическое произведение А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», но напечатанное первоначально за границей, а в СССР известное лишь в «самиздате».

Новый поток сенсационных, разоблачительных и резких материалов о сталинском терроре пришелся уже на конец 80-х гг. Были написаны многие лагерные мемуары, увеличился список исследовательских работ, приоткрылись архивы и из многих документальных публикаций, прежде всего в журнале «Известия ЦК КПСС», люди в подробностях стали узнавать о том, как готовили «дела» в застенках НКВД, как «репетировали» политические процессы 30-х гг., в каких условиях жили и трудились репрессированные.

Уже много лет разговор о репрессиях начинается с вопроса: сколько же было жертв террора? К сожалению, цифры пока что могут быть только примерные. Общий контингент заключенных, содержавшихся лагерях и ИТК ГУЛАГа, определяется по данным централизованного учета на 1 марта 1940 г. в 1 668 200 человек. Из этого числа в ИТК содержалось 352 тыс. (в том числе в промышленности и сельском хозяйстве - 192 тыс.). Следует учесть, что среди заключенных было немало уголовников, справедливо наказанных судом. Однако их чаще всего размещали вместе с «политическими», поощряя издевательства над последними. Военизированная охрана ГУЛАГа насчитывала около 107 тыс. человек, стоимость содержания которых в год определялась суммой в 790 млн. рублей.

В списки «врагов народа» заносили представителей всех слоев населения без оглядки на социальное происхождение и профессиональную принадлежность. Жернова сталинских репрессий не щадили ни рабочих, ни ученых, ни партийных работников, ни хлебопашцев. Система ГУЛАГа - одна из самых страшных составных частей сталинской эпохи.

Источники и литература

- «Архипелаг ГУЛАГ»: Глазами писателя и статистика // Страницы истории. Дайджест прессы. Июль-декабрь 1989. - Л., 1990.
- Дугин А.* ГУЛАГ глазами историка // Союз. - 1990. - № 9.
- Исюмова Н.* СТОН // Страницы истории. Дайджест прессы. Июль-декабрь 1988 г. - Л., 1989.
- Медведев Р.* Террор против народа // Ветеран. - 1988. - № 52.
- Ратавнин Ф.* Архипелаг Карлаг // Собеседник. - 1989. - № 25.
- Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ (любое издание).
- Хлевнюк О.В.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. - М., 1992.
- Цаплин В.В.* Архивные материалы о численности в конце 30-х гг. // Вопросы истории. - 1991. - №4.

7. Советская власть и церковь

Одной из догм нашего общественного сознания долгое время являлось утверждение, что всякие религии во все времена реакционны, что церковь играла только отрицательную роль в жизни людей. Особенно активно внедрялись эти идеи в массовое сознание в первые десятилетия советской власти. При этом распространялись иллюзии, что с уничтожением религиозных убеждений общество освободится «от морали рабов» и быстро выработает «мораль победителей старого мира». К сожалению, при этом нередко мало ценились простые нормы человеческой морали, великая ценность жизни каждого человека, что, к слову, всегда признавалось религией. В литературе история церковно-государственных отношений в СССР чаще всего выглядела так, что церковь представлялась как абсолютно реакционный, антинародный институт, а органы государственной власти показаны

исключительно в положительном плане. С помощью публицистики, приоткрывшей многие тайны в нашей недавней истории, эта картина начинает открываться в истинном свете.

Отношения между церковью и Советской властью с самого начала складывались непросто. Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви не мог означать устранения религиозного сознания. К тому же сознание и культура народных масс в значительной степени были религиозными. Не случайно на VIII съезде партии в 1919 г. отмечалось, что лица, посягающие на свободу веры и богослужения для граждан всех вероисповеданий, должны подвергаться строгому взысканию. Но декреты правительства являлись для верующих «громом среди ясного дня». В январе 1918 г. в Троице-Сергиевой лавре состоялся Собор Русской православной церкви. Патриарх Тихон (избран в конце 1917 г.) в своем приветствии к участникам заседания сказал: «Правительство обратило неблагоклонное внимание на церковь Божию: оно выпустило ряд декретов, которые нарушают основные положения нашей церкви». Требовалась особая осторожность, чтобы не нарушать складывающиеся взаимоотношения между государством и церковью. Но обычное нетерпение новой власти, стремление идти напролом часто брали верх. В период деяний Собора приходили все новые сведения о гонениях на верующих, осквернении властями храмов, административном изъятии ценностей в церквях. 19 января 1918 г. патриарх Тихон обратился с посланием к Ленину и Свердлову. «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело сатанинское, за которое подлежат огню геенскому в жизни загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей - земной», - говорилось в послании, в котором приводились факты разрушения и ограбления храмов. Тихон тут же предал новое правительство анафеме.

Давление на православную церковь, однако, не ослабевало, продолжались повсеместные закрытия монастырей и церк-

вей. В январе 1918 г. СНК выделил 5 млн. золотых рублей на антирелигиозную пропаганду, несмотря на то, что в стране царил голод. Подобные выступления вызывали возмущения верующих. Несмотря на запрет властей, 21 января 1918 г. состоялся грандиозный крестный ход в бывшей столице, в котором приняло участие до 200 тыс. человек, прошедших от Казанского собора до Александро-Невской лавры. В этот же день Кремль посетила делегация православной церкви, передавшая послание правительству: «Да будет вам известно, что религиозное успокоение 100 млн. русского православного населения может быть достигнуто не иначе, как отменой всех распоряжений, посягающих на жизнь и свободу народной веры». Послание содержало приглашение к мирному диалогу, который, однако, не состоялся. Новые жалобы мирян к патриарху Тихону на бесчинства властей по отношению к православной вере вновь заставили его в марте 1919 г. обратиться к В.И. Ленину. Патриарх требовал прекращения вскрытия мощей, чем практически объявил войну властям. С этого времени отношения между Советской властью и церковью еще более обострились. Разумеется, было немало примеров открытого пособничества служителей культа белогвардейцам, сотрудничества с антисоветскими силами, что вызывало негативную реакцию со стороны Советской власти и усиливало насильственные акции против церкви.

Чтобы внести раскол в умы верующих, власти стали активно заигрывать с другими религиозными течениями в России. Так, 4 января издается декрет, который разрешил сектантам замену воинской службы «другой, общепользой по выбору». Было дано указание на местах всячески поддерживать расколы в русской православной церкви, особенно течения «Живая церковь», «Церковное обновление» и др., набиравшие силу с 1922 года. Новые секты со своей симпатией к Советской власти и антипатией к православной церкви, особо к ее главе - патриарху Тихону, а также обновлением христианских обрядов (введение женатого епископата, разрешение второбрачия священников, сближение коммунистических и христианских идеалов) породили сумятицу в умах верующего населения. Кстати, на это и рассчитывали власти - развалить церковь изнутри. Обновленческие вожаки в публичных выступлениях в своей печати критиковали право-

славную церковь, обвиняя Синод в политической неблагонадежности, но всячески подчеркивали свою лояльность к Советской власти. Обновленцы захватили не только храмы, но даже целые епархиальные управления с полного согласия и содействия властей. В 1922 г. они установили полный контроль над всеми петроградскими и московскими приходами. Перед второй мировой войной в ведении обновленцев насчитывалось до 15 тыс. приходов.

В 1921-22 гг. в стране разразился голод. 22 августа 1921 г. патриарх Тихон призвал священнослужителей и мирян помочь голодающим. Огромные суммы денег, золотых и серебряных украшений отправила церковь в фонд голодающих. Вскоре - 23 февраля 1922 г. - ВНИК принимает решение об изъятии церковного имущества. В глазах верующих и тех, кто принимал такое решение, эти ценности имели разное значение. Для первых они являлись русскими святынями, для вторых - просто материальными средствами. К маю 1922 г. стоимость изъятых у православия церкви ценностей составила 200 млн. золотых рублей. По данным зарубежной печати того времени, из этой Фоминой суммы правительство выделило голодающим лишь 1 млн.

Варварское уничтожение церковного имущества вызывало возмущение в народе. Патриарх Тихон обратился к верующим «в связи с осквернением храмов» о неподчинении властям. Это привело к окончательному разрыву: патриарх был подвергнут аресту, обновленческие секты получили право на легализацию. В июле 1923 г. в «Известиях» было опубликовано письмо Тихона, в котором последний приносил покаяние «в поступках против Советской власти». Вскоре (1925 г.) Тихон скончался. Несмотря на «покаянное письмо», отношения между Советской властью и Русской православной церковью вплоть до начала Великой Отечественной войны оставались напряженными. Результаты же атеистической пропаганды, на которую правительство выделяло большие суммы, имели незначительный успех. Даже по завышенным данным Союза Воинствующих Безбожников (СВБ) к 1923 году всего от православной религии отошло 26 млн. чел. При этом СВБ вел пропаганду атеизма, вовсе не считаясь с чувствами верующих, боролся не столько с религией, сколько религиозными организациями.

В связи с трудным положением православной церкви 29 июля 1927 г. несколько архиереев приехали в Москву. Они посетили местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия (вплоть до войны власти запрещали избрание Патриарха Московского и всея Руси). Состоялось совещание с целью «вывести Русскую православную церковь из хаотичного состояния». Было выработано обращение к Советской власти временного Патриаршего Синода, вошедшее в историю под названием «Декларация 1927 года». Началась эпоха дипломатического заигрывания руководящего ядра православной церкви с властями. «Мы теперь должны показать, что мы, церковные деятели, не с врагами нашего Советского государства, а с нашим правительством», - говорилось в обращении Синода. Кремль потребовал еще одной жертвы от архиереев - осуждения деятельности зарубежного русского духовенства. За выход из подполья, за легализацию митрополит Сергий потребовал в своем послании от заграничного духовенства лояльного отношения к Советской власти и «молитвы о ней». Своей лояльностью архиереи хотели сохранить хотя бы маленький светильник русской веры с ее обрядностью и национальным патриотизмом. Однако легализация не означала предоставления свободы действий русскому православному епископату. Власти по-прежнему относились к нему с большим недоверием. При этом Советская власть по-прежнему оказывала всяческую поддержку главе обновленцев митрополиту Введенскому. Сотни, тысячи его противников из главенствующей церкви были убиты или находились в лагерях. По данным 3-го Интернационала, до 1930 г. в России были расстреляны 31 епископ, 1600 священников, 7 тыс. монахов.

В 1930 г. в «Правде» появилась статья Е. Ярославского, призывавшего «превратить пятилетку промышленного развития в пятилетку уничтожения религии». Пятилетка превратилась в «десятилетку» массового закрытия, осквернения, разрушения храмов, монастырей, часовен, репрессий против духовенства и верующих. Была физически уничтожена большая и лучшая часть епископата, духовенства, большая и наиболее трудоспособная часть крестьянства, ибо политические лозунги коллективизации использовались и для самой широкой расправы с верующими. Создание колхоза в деревне нередко начиналось с закрытия церкви. Повсеместное закрытие и разруше-

ние церквей, в том числе варварский взрыв замечательного памятника русского зодчества - храма Христа Спасителя в Москве - символа освобождения Родины от наполеоновской армии 1812 г., сожжение икон на площадях, грубые публичные выпады против представителей духовенства отнюдь не способствовали процессу укрепления единства общества перед угрозой войны с фашизмом. К тому же многие факты этих негативных явлений использовались противниками советского государства. Если уничтожение партийных, военных и научных кадров не было связано со стремлением уничтожить Коммунистическую партию, армию и науку, то регулярная плановая расправа с религиозными деятелями рассматривалась Сталиным и руководством НКВД как одно из главных направлений внутренней идеологической политики в предвоенные годы.

Предлагая себя в жертву ради простых мирян в разгар травли, Синод русской православной церкви вновь идет на уступки. 15 февраля 1930 г. состоялась пресс-конференция для иностранных журналистов с разрешения властей, с заранее одобренным текстом выступления митрополита Сергия. На вопрос, соответствуют ли действительности сведения за границей относительно жестокостей, чинимых Советской властью к отдельным священнослужителям. Сергей вынужден был заявить: «Ни в какой степени не отвечают действительности. Все это сплошная клевета, вымысел, совершенно недостойные серьезных людей».

А между тем некоторые общие итоги «крестового похода» против церкви были следующими:

По данным Коминтерна, в сентябре 1935 г. в тюрьмах и лагерях томилось до 40 тыс. лиц духовного звания.

«Всепрощение» пришло в суровую годину Великой Отечественной войны, когда нужда заставила власти забыть атеистическую сущность и обратиться к церкви ради спасения Отечества.

С 1943 г., после знаменитой встречи И.В. Сталина с иерархами церкви храмы вновь начали открывать. В 1945 г. действовало уже около 22 тыс. православных церквей и 103 монастыря (в 1940 г. не было ни одного монастыря), но из них 80 были на присоединенных западных землях. Симптоматично, что в постановлении ЦК партии от 27 сентября 1944 г. «Об организации

научно-просветительской пропаганды» не были определены задачи непосредственно научно-атеистической работы, а к концу 40-х гг. из лексикона партийных и государственных документов, по существу, исчезли термины «антирелигиозной» и «атеистической» работы. Их не было и в Отчетном докладе ЦК ВКП (б) XIX съезду партии (октябрь 1952 г.), где речь велась, и то довольно расплывчато, лишь о проблемах «преодоления пережитков капитализма в сознании людей».

После смерти Сталина политика властей по отношению к церкви вновь ужесточилась. С именем нового руководителя партии и государства Н.С. Хрущева были связаны многие антирелигиозные акции 30-х гг. Так, будучи первым секретарем МК и МГК ВКП (б), он на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 г. говорил: «Перестраивая Москву, мы не должны бояться снести дерево, церквушку или какой-нибудь храм», перед чем не останавливался и на практике. Теперь же, увлеченный идеей быстрого построения коммунистического общества, он решил как можно скорее избавиться от «духовного гнета религии». В 1954 г. принимаются два весьма значительных решения о проблемах и задачах атеистической работы. 7 июля 1954 г. ЦК партии принял постановление «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», а спустя четыре месяца, 10 ноября того же года, другое - «Об ошибках, в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». Оба постановления, казалось бы, должны были исправить существующие недостатки во взаимоотношениях государства и церкви, изжить факты оскорбительных действий по отношению к верующим, но, по существу, они пересматривали сложившиеся в 40-х гг. новые, довольно доверительные отношения к религии и церкви. Многие идеи и формулировки этих документов явно перекликались с антирелигиозными материалами 30-х гг. Возобновились массовые закрытия и сносы храмов всех вероисповеданий. Ежегодно (вплоть до 1964 г.) сносилось более тысячи храмов, примерно столько же закрывалось. Всего в период «оттепели» было закрыто более 13 тыс. православных храмов, количество монастырей к 1964 г. уменьшилось до 32. К началу перестройки в стране действовало около 10 тыс. храмов, в том числе 7 тыс. православных церквей и 400 мечетей.

Коренной поворот в политике государства по отношению к церкви произошел в конце 80-х гг., мощным толчком к чему послужило празднование в 1988 г. 1000-летия «крещения Руси». Наряду с изменением политики в отношении церкви появилась возможность объективного анализа истории взаимоотношений государства и церкви в послеоктябрьское время, чего нельзя было сделать раньше. Работы «воинствующих атеистов» 20-30-х гг., несмотря на их многообразие, в своих выводах сходны: религия - зло, которое необходимо изжить, церковь - реакционная, враждебная организация, которую надлежит

Численность	1917 г.	1936 г.
Церквей	46457	4225
Священников	50960	5665
Дьяконов	15210	3100
Епископов	130	28
Монастырей	1026	38

уничтожить, поэтому основное внимание обращалось на борьбу церкви с Советской властью, а все действия последней оправдывались (книги и статьи Б. Кандидова, В. Зеленцова, Ф. Мегружана и др.). Даже в 40-50-х гг., когда волна «воинствующего атеизма» спала, ученые в своих теоретических выводах по отношению к истории церкви остались на прежних позициях, на которых оставались и позже. Этим, например, отмечена и вышедшая уже в 1987 г. книга Р.Ю. Плаксина «Тихоновщина и ее крах», в которой рассказывается о том, как церковь «активно боролась против революции и благословляла тех, кто с оружием в руках выступал против Советской власти. В то же время выходят такие книги, как Н.С. Гордиенко «Современное русское православие» (Л., 1987), В.А. Алексеева «Иллюзии и догмы» (М., 1991), в которых намечается новый подход к освещению проблемы. На рубеже 80-90-х гг. вышло большое количество работ, посвященных первому советскому патриарху Тихону, причисленному в 1989 г. к лику святых. Наряду с освещением его жизни и деятельности, авторы все больше касались и драматических страниц истории церкви 1917-середины 20-х гг.

Источники и литература

Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. - М., 1991.

Булгаков Н. Патриарх // Комсомольская правда. - 1990. - 31 января.

Вострышев М. Избранник // Литературная Россия. - 1990. - 5 января.

Владимиров Л. Была ли темною Россия? // Советский патриот. - 1990. - № 23.

Елисеев А.Л. Политика советского государства по отношению к Русской Православной церкви в 1920-е -30- гг. - М., 1997.

Протоиерей Лев Лебедев. Церковь на Голгофе: Размышления Церковного историка // Советская литература. - 1990. - № 1.

«С беспощадной решительностью ...»: Письмо В.И. Ленина т. Молотову для членов Политбюро // Собеседник. - 1990. - № 16.

8.0 характере общественного строя в СССР в конце 1930-х гг.

В 1930-е годы советское общество претерпело коренные изменения. Отсталая «лапотная» Россия превратилась в страну с сотнями и тысячами новых фабрик и заводов, шахт и электростанций, колхозов и совхозов, вузов и школ. Сталин, указав на эти изменения, заявил: «Это - социализм!» Тогда в 1936 г., все в это поверили, тем более, что вывод «вождя» был немедленно подхвачен официальной пропагандой. В 1936 г. принимается Конституция «победившего социализма» - подлинно демократический по содержанию документ, в 1937 г. на ее основе проводятся первые свободные выборы - всеобщие, равные, прямые, при тайном голосовании (несмотря на формальный характер их проведения). И хотя было видно невооруженным взглядом, что декларации и реальная жизнь расходятся, появился дополнительный импульс для пропаганды «преимуществ социализма». В конце 50-х гг. тезис «Краткого курса истории ВКП (б)» о «полной победе социализма» был дополнен понятием «окончательной победы». Эти выводы, закрепленные в партийно-государственных документах, не могли подвергаться сомнению, поэтому в течение полувека историография вынуждена была усиленно доказывать с помощью конкретных фактов тезис о построении к концу 30-х гг. в СССР социалистического общества. Но подсознатель-

но все более крепла и другая мысль. Чем дальше развивались события и накапливался жизненный опыт, тем яснее становилась не доходящая вначале до сознания многих истина: жить без капиталистов - еще не значит жить по-социалистически! Прimitивное сталинское мышление навязывало народу альтернативное восприятие мира: или капитализм, или социализм. Однако реальная жизнь гораздо многокрасочнее, она более вариантна. Вот и в СССР получилось нечто иное. Сталин считал, что построить социализм - это значит огосударствить все средства производства в промышленности и обеспечить полную коллективизацию крестьянских хозяйств. Поскольку Сталин, несомненно, обладал сильной волей и организаторскими способностями, был упрям и жесток в достижении своих целей, то, подчинив своему видению социализма и партию, и государственный аппарат, он, организовав с их помощью повседневную деятельность масс, добился своего: в СССР в конце 1930-х гг. была реализована сталинская модель «социализма». Был построен «в основном» государственно-административный социализм с господством партийно-государственной номенклатуры, с массовыми репрессиями и страхом, с лагерями и тюрьмами, но без элементарной демократии и гласности, социализм, вполне соответствовавший каноническим представлениям марксизма не о действительном, а о казарменном социализме. По К. Марксу, это общественный строй, «отрицающий повсюду личность человека». (К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. Т. 42. С. 114). Здесь, как подчеркивал Маркс, «стремлением каждого будет производить для общества как можно больше и потреблять как можно меньше», т.е. приносить сегодняшнюю свою жизнь в жертву будущим поколениям, и «в этом сознании своей пользы для общества будет заключаться вся гордость, все честолюбие тогдашних деятелей», а «во главе всего, в качестве высшего руководителя безымянный и никому неизвестный наш комитет». (Там же. Т. 18. С. 414). Это было общество, которое отражало много нового - революционный энтузиазм, веру в идеалы, подвижничество, но было очень многое, отвергаемое сегодня. Это, по сути был цезаризм 30-х годов, который, однако, не мог погасить революционный заряд Октября.

Спустя почти два десятилетия после победы социалисти-

ческой революции, когда Сталин сделал вывод о победе социализма в СССР, в советском народе был жив дух революции, крепка вера в социализм и убежденность в его преимуществах. С этой верой и убежденностью миллионы людей участвовали в грандиозном деле социалистического строительства. Своим героическим трудом, энтузиазмом, перенося лишения, они в кратчайший срок вывели страну на качественно новый экономический уровень. К тому же пафос созидания, гордость за успехи страны стали главной темой идеологического воздействия. Однако действительность во многом противоречила идеалам, которые исповедовали люди труда.

Провозглашалась окончательная ликвидация эксплуататорских классов, которая на деле означала экспроприацию значительной части крестьянских хозяйств, высылку в отдаленные районы и физическую гибель миллионов людей. Провозглашалось торжество общенародной собственности, а повсеместно распространялась командно-административная система в экономике, и труженик отторгался от участия в управлении хозяйством.

Провозглашалась полная демократизация политической жизни, в то время как усиливались массовые репрессии против партийных, государственных, военных, хозяйственных кадров, научной и творческой интеллигенции, рабочих и колхозников.

Провозглашалось завершение переходного от капитализма к социализму периода, построение социализма, хотя советское общество в конце 1930-х гг. никак не соответствовало идеям К. Маркса, Ф. Энгельса. В.И. Ленина.

У социализма 1930-х гг. были совершенно определенные черты:

В политическом плане - это сращивание партии с государством, деспотизм «вождя», хотя и опирающегося на партийно-государственный аппарат, но фактически стоявшего над ним; наблюдалась одновременно взаимозависимость вождя и аппарата:

- в экономическом - господство директивных и внеэкономических методов, подмена социализации основных средств производства их огосударствлением;

- в организационном - максимальная централизация;

- в социальном - формальная демократия и тотальная бю-

рократия, подавление демократических форм общественной жизни;

- в нравственном - коллективистские взгляды, которые, несмотря на многие объективно положительные аспекты, поглотили личность как таковую;

- в духовном - господство штампов, клише и мифов;

- в идеологическом - идеологический конформизм и послушание масс, обещание благ, неизменно отодвигаемых на необозримое будущее;

- в международном - закрытость страны, тенденции к автаркии во всех сферах жизни.

С одной стороны, торжественно провозглашалось морально-политическое единство общества, а с другой - оставалась в силе выдвинутая Сталиным на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП (б) «теория» о том, что по мере дальнейшего продвижения по пути социализма классовая борьба будет все более обостряться. Этот догмат, а также утверждение, что «у троцкистских вредителей есть свои резервы», которые «состоят прежде всего из остатков эксплуататорских классов», культивировали в советском обществе не единство, а подозрительность и нетерпимость. Под предлогом обострения классовой борьбы и враждебности капиталистического окружения теоретически обосновывалось ограничение демократии.

Советы все больше превращались в учреждения, механически штампующие предложенные им решения, в придаток формально подотчетных Советам исполнительных органов. Реальная власть перешла к бюрократическому аппарату, присвоившему себе право действовать от имени народа и утверждавшему свою власть репрессиями и расправами со всяким инакомыслием. В результате возникла стена отчуждения между властью и народом, что порождало политическую пассивность простых тружеников. Но при всей своей жестокости сталинский режим был вынужден прикрываться демократическими декорациями, ему приходилось подкрашивать демократический фасад общества, чтобы придать ему какую-то привлекательность. Свидетельством тому служит принятие Конституции 1936 г., демократической по своему содержанию, но не реализованной на прак-

тике жизни.

В стране в исторически кратчайшие сроки была ликвидирована неграмотность, создана всеохватывающая система народного образования, все классы и слои общества получили доступ к знаниям, и сокровищам культуры, была сформирована советская интеллигенция, главным образом за счет выходцев из рабочих и крестьян, крупных успехов достигли наука и техника. Но культ личности Сталина, административно-командная система и здесь наложила свою зловещую печать. Марксистско-ленинская идеология в вульгарной сталинской интерпретации стала господствующей в обществе. Обычной практикой стало административное вмешательство в процесс художественного творчества: одни его направления произвольно объявлялись социалистическими, другие - враждебными социализму, причем представители последних нередко истреблялись. Под предлогом борьбы за чистоту материалистического мировоззрения запрещались целые направления научного знания. Все это нанесло серьезный урон интеллектуальному потенциалу и нравственному здоровью общества.

Одним из бесспорных завоеваний Советской власти являлось установление социальных гарантий для трудящихся. Была ликвидирована безработица, создана разветвленная система бесплатного здравоохранения, введены социальное страхование по болезни и социальное обеспечение по старости и инвалидности. Однако и в решении социальных проблем очевидны серьезные противоречия. Те или иные решения в этой области преподносились как результат доброй воли «вождя», государства, как подарок трудящимся, как государственная благотворительность. В то же время экономика оказалась неспособной обеспечить население страны основными продуктами питания, товарами потребления и другими благами на достойном человека уровне. В течение 6 лет - с конца 1928 до начала 1935 г. - действовала карточная система, обострилась жилищная проблема. С другой стороны, отчуждение трудящихся от формирования и проведения социальной политики вело к нарастанию бюрократизации этой веры, к торжеству остаточного принципа, к понижению качества социальных гарантий.

В официальных документах и выступлениях, в массово-поли-

тической работе неизменно провозглашалась идея дружбы народов СССР, демонстрировались их успехи в хозяйственном и культурном строительстве, поощрялся культурный взаимообмен. В ряде случаев предусматривалось уважительное отношение к национальным чувствам народов, имевших свою национально-государственную автономию. Так, в связи с введением в национальных школах обязательного изучения русского языка было сделано предупреждение против попыток превращения его в язык преподавания других предметов. В то же время замалчивались существенные различия между союзными и автономными республиками, областями и округами, обусловленные своеобразием и неодинаковым уровнем их исторического развития, которые невозможно было преодолеть за короткий срок. Эти различия породили значительные трудности в межнациональных отношениях. Касательно мелких национальных групп и представителей так называемых национальных меньшинств, не имевших своей автономии, с 1937 г. стала проводиться политика, направленная, по существу, на их дискриминацию, насильственную ассимиляцию. Были ликвидированы национальные районы и сельсоветы, закрыты школы, где преподавание велось на языках этих групп. Прекращался выпуск газет на этих языках. Сталин, прямо не посягая на федеративный принцип, на практике, осуществил предлагаемую им в начале 1920-х гг. идею «автономизации».

Как известно, К. Маркс и Ф.Энгельс пришли к идее социализма именно через гуманизм, подводя под последний научную материалистическую базу. Но с полным основанием можно сказать, что самой существенной деформацией социалистической идеи Сталина был подрыв ее гуманистической сущности.

Но даже после осуждения Сталина на XX съезде партии, в Постановлении ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» от 30 июня 1956 г. содержалось утверждение о том, что культ личности нанес большой вред обществу, но «он не изменил и не мог изменить природы социализма». Историки вынуждены были опять же придерживаться старого положения о победе социализма в конце 30-х гг. Лишь с началом перестройки появилась возможность критического переосмысления пройденного пути, преодоления упрощенного представления о социализ-

ме. Об этом впервые открыто было сказано в докладе М.С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается», а в следующем, 1988 году, в журнале «Вопросы истории» прошли два «Круглых стола» - «СССР в 20-е годы» и «СССР в 30-е годы», где уже из уст специалистов прозвучали выводы о том, что в СССР вообще не завершился переходный период от капитализма к социализму, а для общества 30-х гг. были характерны не только социалистические черты, но и несоциалистические и даже антисоциалистические. В последующем авторы ряда статей и книг убедительно доказали, что общество, созданное к концу 1930-х гг., не стало воплощением на практике теории научного социализма.

Источники и литература

Гордон Л., Клопов Э. Что это было? - М., 1989.

Ленинское завещание // Историки спорят. Тринадцать бесед. -М., 1988.

Плимак Е.Г. Политическое завещание В.И. Ленина. Истоки, сущность, выполнение. - М., 1989.

30-е годы. Взгляд из сегодня. - М., 1990.

Сокольников О.Ф. Построен ли в СССР социализм? // Политическая информация. - 1989. - № 12-13.

«Круглый стол»: Советский Союз в 30-е годы // Вопросы истории. - 1988. - № 12.

Раздел V

Проблемы отечественной истории 1940-1990-х годов

---

1. Великая Отечественная война

В данной проблеме необходимо остановиться прежде всего на *историографии вопроса*. Принято считать, что первый период историографии войны охватывает время от начала войны и до середины 1950-х годов. Чем характеризуется этот период?

Прежде всего необходимо отметить монопольный авторитет И.В.Сталина в разработке отдельных версий о подготовке и начале Великой Отечественной войны. Так, именно он, называя причины отступления Красной Армии на начальном этапе войны, ввел в оборот понятие внезапности, неподготовленности армии, превосходства врага. Оправдывая отступление в глубь страны, Сталин выдвинул идею «заманивания» врага и «контрнаступления как главного способа военных действий в справедливых войнах». Историкам необходимо было подгонять факты под основные высказывания вождя. Основное число исследований посвящалось крупным битвам, героизму советского народа, подчеркивалась роль Сталина и партии в победе над врагом. Многие работы были написаны участниками этого великого события, поэтому они окрашены эмоционально, в них субъективное превалирует над объективным.

Справедливости ради необходимо отметить, что были и определенные условия которые сдерживали создание серьезных исследований о войне. Прежде всего, это период «холодной войны», который не позволил выполнить решение Ялтинской конференции о создании международного коллектива историков и соединении архивов для написания объективной истории вто-

рой мировой войны. Другая причина коренилась в том, что до середины 50-х годов в нашей стране в ходе формирования архивов как центральных, так и областных шел процесс засекречивания отдельных фондов.

Несмотря на эти условия, многое было сделано. Написаны небольшие труды о Героях Советского Союза, выдающихся партизанах, о дружбе народов в годы войны. Меньшее внимание уделялось проблемам экономики, здесь можно отметить только небольшую брошюру Н. А. Вознесенского, который занимал пост первого заместителя председателя СНК и, естественно, был прекрасно осведомлен по данной проблеме. В работе доказывается, что победа над фашистской Германией была достигнута благодаря превосходству социалистического экономического строя.

Особый интерес для исследователей последующих поколений представляют труды Генштаба, которые создавались и в годы войны, и сразу после нее, но шли под грифом «секретно» и «для служебного пользования». Главное внимание в них уделялось военным победам, там не освещался начальный период войны и неудачи на отдельных участках фронта. Как ни странно, но даже в этих работах нет материала о соотношении сил противников, о людских потерях в боях. Таким образом, исследования первого периода не отличаются объективностью.

В период «оттепели» (после смерти Сталина и до середины 60-х годов) для изучения истории Великой Отечественной войны были созданы соответствующий сектор в Институте Истории АН СССР и отдел в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В журналах «Вопросы истории», «История СССР», «Новая и новейшая история», «Вопросы истории КПСС» и других стали появляться статьи, в которых по-новому исследовались проблемы войны. Одним из условий успешной работы историков стала публикация сборников документов. Это право было предоставлено Генштабу Вооруженных Сил, Главному Политическому Управлению, комиссии при МИД СССР, Главному Архивному Управлению при Совете Министров. Так, увидела свет переписка глав государств (Сталин-Рузвельт-Черчилль) в годы войны; сборник документов «Преступные цели - преступ-

ные средства», в который вошли документы об установлении «нового порядка» на оккупированной территории. Появился статистический сборник «Народное хозяйство СССР», в котором были данные о развитии отдельных отраслей производства в годы Великой Отечественной войны. Все это послужило основой для написания много томной «Истории Великой Отечественной войны». С 1960 по 1965 год коллектив авторов создал многоаспектное, фундаментальное исследование, главным достоинством которого является создание научно обоснованной периодизации войны, в соответствии с которой рассматривались в комплексе основные проблемы фронта, советского тыла и партизанского движения, а также краткое изложение основных событий на других театрах военных действий второй мировой войны. В этом исследовании впервые была дана критическая оценка деятельности Сталина с 1939 по 1941 год, впервые говорилось о репрессиях в Красной Армии. Конечно, в данном труде есть и существенные недостатки. К ним необходимо отнести в первую очередь замалчивание роли Г. К. Жукова, находившегося в опале за «бонапартизм», и преувеличение в деятельности Н. С. Хрущева в период обороны и освобождения Киева. Не изменилось и понимание основных источников победы: преимущества социалистического строя, героизм советского народа, руководящая роль партии, дружба народов и т.д. Но и здесь не было сказано о людских потерях, хотя Н.С. Хрущев в одном из докладов назвал 20 млн. человек.

Таким образом, «История Великой Отечественной войны» есть первая попытка дать оценку войны с позиций верхнего эшелона власти: правительство, генералитет, ЦК КПСС. Но и миллионы советских людей нашли в этом труде уважительное отношение к своему ратному подвигу и труду, приняли и признали эту историю войны.

Значительным событием периода «оттепели» стала книга писателя-документалиста С. С. Смирнова «Брестская крепость», в которой автору удалось рассказать о судьбе защитников крепости, многие из которых прошли через немецкие концлагеря и советский ГУЛАГ. Автор поведал нам, как шел поиск этих людей, где ему удалось с ними встречаться, как эти люди боялись рассказывать о тех страшных днях, не верили в возможность реабилитации. Эта книга оказала огромное влияние на формирование общественного мнения. Ста-

ло невозможно замалчивать правду о трагедии Брестской крепости. Город и герои были награждены, был создан мемориальный комплекс, а оставшихся в живых защитников стали приглашать на встречи, окружили заботой и вниманием. Но это был только эпизод, настоящая правда о войне так и не была раскрыта!

После кратковременной «оттепели» страна и историческая наука погрузились в длительный период застоя, который характеризуется прежде всего попыткой реанимировать образ Сталина и его концепцию войны. Для этого было принято решение о создании 12-томной «Истории второй мировой войны», где делаются попытки заменить понятия «репрессии» на «обвинения», а расправы над командным составом Красной Армии объясняются как массовое увольнение командиров и политработников. В этом издании полностью отсутствует хоть какая-либо критика в адрес Сталина, Генштаба, Наркомата обороны.

В это двадцатилетие (с середины 1960-х до середины 1980-х гг.) большое внимание уделялось изданию мемуарной литературы. Своими воспоминаниями поделились почти все видные полководцы. Наибольший интерес вызвали «Воспоминания и размышления» Г. К. Жукова. Здесь был дан противоречивый образ вождя, сделана попытка показать весь путь от замысла до реализации наиболее крупных сражений в годы войны, впервые с горечью говорится о больших людских и материальных потерях. Все это выгодно отличает труд Г. К. Жукова от многих других мемуаров. Но позднее маршал вспоминал, что не смог дать объективные данные и оценки, так как ему постоянно угрожали не выпустить воспоминания в свет. Он вынужден был идти на компромиссы, писать полуправду.

Зато «Малая земля» Л.И. Брежнева, которая в тот период считалась эталоном мемуарной литературы, была внесена в список обязательной литературы в институтах и школах.

В целом третий период историографии истории Великой Отечественной войны немногим отличается от первых двух. Может быть, самой главной заслугой этого периода можно считать создание значительного числа монографий по экономике, о советском крестьянстве и рабочем классе, о роли интеллигенции в годы войны.

Завершается этот период изданием энциклопедии по истории Великой Отечественной войны, которая как бы объединяет все исследования предшествующих периодов.

Новый период изучения истории Великой Отечественной войны рождается сейчас. Для этого создаются благоприятные условия: открыты архивы, есть доступ к «секретным» документам, появилась группа молодых историков, способных отказаться от догматизма и по-новому рассказать о великой трагедии советского народа. Генерал-лейтенант, доктор исторических наук Н. Павленко считает, что «увеличение новаторских публикаций внушает надежду, что военная история на пути к выходу из кризисного состояния».

Что нового узнал народ о войне? Прежде всего, названо общее количество жертв - 27 млн. человек! Но некоторые историки считают, что это не окончательная цифра. Обнародованы данные о количестве войск и техники в приграничных округах перед войной, что опровергает легенду о превосходстве противника; знакомство с текстом секретных протоколов к Пакту о ненападении Молотова-Рибентроппа и Договором о дружбе и границе 28 сентября 1939 года дает основание по-новому взглянуть на ту проблему, которая возникла в Прибалтике через 50 лет. Публикации о первом периоде войны убеждают в том, что основная часть действующей армии оказалась в плену. Мы познакомились с текстами наиболее жестоких приказов: № 270 и 227, на основании которых многие военнопленные и оставившие линию фронта были отправлены в штрафные роты, прошли через немецкие концлагеря и ГУЛАГ. Стало известно, что в резерве находилось более 30 млн. человек, что давало возможность командованию планировать и осуществлять операции, не считаясь с людскими потерями.

Суммируя все сказанное выше, вероятно, можно сделать вывод о том, что определенная группа историков пытается критически оценить деятельность партии и правительства в период, предшествующий войне, и в ее ходе, показывая безнравственность принципа «победа любой ценой», т. е. перенесение основных тягот на плечи народа.

Однако есть и другие исследователи, которые пытаются защитить просчеты и сшибки тогдашнего руководства. Эта группа принадлежит к «старшему поколению» и объединяется вокруг «Военно-исторического журнала». Критический анализ статей этого направления дан в работе А.Н.Мерцалова.

Известно, что в 1987 году было принято решение о создании 10-томной «Истории Великой Отечественной войны советского народа». Первый том этого труда в марте 1991 года был обсужден и осужден, так как исследователи сделали крен на негативные стороны истории минувшей войны. Но в собранном материале есть много ценного. Прежде всего дана оценка подписанного Германией и СССР «Пакта о ненападении», секретного протокола к нему и «Договора о дружбе и границе». Если первый документ (без секретного приложения) не противоречит международному праву, то секретный протокол и особенно «Договор...» направлены на раздел Европы между тоталитарными государствами. Осуществил эту договоренность СССР в войне с Финляндией, оккупацией Прибалтики, возвращением Бесарабии. Вместе с Германией СССР участвовал в разделе Польши, о чем свидетельствует и совместный парад в Бресте, и уничтожение тысяч польских военнопленных. В результате этих действий СССР присоединяет 0,5 млн. кв. км территории, на которой проживало 25 млн. человек. Но самое главное - между двумя тоталитарными государствами появилась общая граница.

Именно это делало войну неизбежной, столкновение двух диктаторов, двух тоталитарных государств становилось делом времени. Все заключалось лишь в том, какая из сторон сумеет быстрее подготовиться к войне, кому удастся использовать наиболее благоприятный момент для начала войны.

Современные отечественные и зарубежные исследователи (М. Мельтюхов, В. Данилов, В. Невежин, Ю. Горьков, А. Печенкин, И. Хоффман) не без основания считают, что в последние месяцы перед войной в СССР был разработан план наступательной операции. Уже в октябре 1939 г. Генштаб начал разработку плана на случай войны Германией, который был утвержден в октябре 1940 г. Основная задача Красной Армии определялась следующим образом:

«нанести поражение Германии силами, находящимися в Восточной Пруссии и в районе Варшавы». В январе 1941 г. Генштаб проводит учения, в результате которых план несколько меняется в пользу «южного варианта», по которому наступление необходимо начать в южной части Польши, чтобы отсечь Германию от ее саттелитов. Об этом же свидетельствует и документ с условным названием «Соображения по плану развёртывания вооружённых сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками». Этот документ, как предполагают исследователи, может быть датирован серединой мая 1941 г. Существует несколько версий по поводу данного плана. Но одно остается неизменным, что решение о превентивной войне не соответствовало ни боеспособности Красной Армии, ни военно-стратегической обстановке. Кроме того, все отмечают, что конечной целью данного плана был не только разгром Германии, но и расширение мировой системы социализма.

Необходимо добавить также, что подписание Пакта о ненападении и особенно Договора о дружбе и границе заставило СССР прекратить антигитлеровскую пропаганду, лгать народу о том, что с Германией самые дружественные отношения. Но в директиве Главного управления политической пропаганды «О политических занятиях с красноармейцами и младшими командирами Красной Армии на летний период 1941 г.», которая была направлена в войска 15 мая, говорилось о войнах справедливых и несправедливых и делался вывод, что «всякая война, которую будет вести Советский Союз, будет войной справедливой». Из текста «Соображений...» видно, что наше командование знало о подготовке Германии к войне и предлагало **«унредить»** противника... атаковать германскую армию в тот момент, когда она еще не успеет организовать фронт и взаимодействие родов войск». Для этого предполагалось: произвести скрытное отмотилизование войск под видом учебных сборов запаса; скрытное сосредоточение войск ближе к западной границе; скрытное сосредоточение всей авиации на полевых аэродромах.

Но Сталин боялся паники, не верил в народ. Именно этим можно объяснить, что 14 июня (за неделю до начала войны!) появилось известное Сообщение ТАСС, в котором опровергались слухи о ско-

ром начале войны.

Знакомство с «Соображениями»... делает понятными пункты Директивы № 1, созданной Сталиным, Тимошенко и Жуковым за несколько часов до начала наступления немцев. В ней повторяются положения о скрытном занятии огневых точек на границе, о размещении всей авиации на полевых аэродромах. Но там же есть приказ не отвечать на огонь противника, так как это может быть провокацией!

Из многочисленных публикаций (Н.Павленко, В. Данилов, В. Анфилов) можно сделать вывод, что обе стороны вели подготовку к войне по четырем основным направлениям: дипломатическому, экономическому военному и идеологическому.

дипломатическая подготовка

Германия имеет союзников (Италия, Япония) и саттелитов (Финляндия, Болгария, Венгрия, Румыния)

СССР практически находится в дипломатической изоляции, так как только Пакт о ненападении и Пакт о нейтралитете с

Германия	СССР
----------	------

Японией обеспечивают ее безопасность.

экономическая подготовка

Германия использует экономический потенциал всей Европы за исключением Великобритании, Швеции и Швейцарии.

СССР обладает колоссальными материальными и людскими ресурсами, но по основным показателям страна несколько отстает от Германии.

военная подготовка

а) численность вооруженных сил и техники:

сухопутные войска 5,2 млн.
танки - 4,3 тыс.

4,5 млн.
11,2 тыс., из них новых типов -

самолеты - 5 тыс.

орудия - 61 тыс.

корабли - 217

1,5 тыс.

10-11 тыс., из них новых типов
- 1,8 тыс.

67 тыс.

267

б) 18 декабря 1940 г. был утвержден план «Барбаросса» (план молниеносной войны) и в мае 1940 года план «Ост» (уничтожения славянского населения).

в) опыт ведения современной войны.

б) был утвержден план приграничных боев, а затем наступления на Польшу)план разработан начальником штаба Г.К. Жуковым).

в) отрицательный опыт финской войны.

идеологическая подготовка

Фашизм - это не только диктатура наиболее реакционной крупной финансовой буржуазии, но и человеконенавистническая, шовинистическая, реваншистская идеология.

Сталинизм - идеология, основным содержанием которой в 20-30 годы становится защита завоеваний Октября и социализма от внутренних и внешних врагов.

Таким образом, можно сделать вывод, что Германия в дипломатическом, экономическом и военном отношении была лучше подготовлена к войне, но советский народ еще до начала великих испытаний был идейно готов к защите Отечества, завоеваний Октября, к жертвам во имя идеалов социализма.

Необходимо отметить, что большинство авторов предлагают следующую периодизацию второй мировой войны (в западной историографии употребляется только этот термин), центральной частью которой является Великая Отечественная война.

1 сентября 1939 - 22 июня 1941 года - первый период второй мировой войны, когда СССР и Германия в соответствии с секретным протоколом и договором о дружбе и границе осуществ-

ляют присоединения и захват территорий ранее независимых государств.

22 июня 1941 - 18 ноября 1942 года - первый период Великой Отечественной войны; образование антигитлеровской коалиции.

19 ноября 1942 - конец 1943 года - коренной перелом в ходе второй мировой войны: успехи на всех театрах военных действий против Германии, развал гитлеровского блока.

Январь 1944 - 9 мая 1945 года - победоносное завершение Великой Отечественной войны; завершение военных действий в Европе.

Август - 2 сентября 1945 года - участие СССР в войне против Японии: завершение военных действий на Дальнем Востоке. Таким образом, СССР участвует во второй мировой войне весь период, но с 22 июня 1941 по 9 мая 1945 года ведет справедливую, освободительную. Отечественную войну, внося основной вклад в разгром немецко-фашистского государства и человеконенавистнической идеологии.

Н а ч а л ь н ы й п е р и о д в о й н ы

Этот период имеет очень точные хронологические рамки: с 22 июня по 10 июля 1941 года. Чем он характеризуется? Прежде всего тем, что на этом этапе в военных действиях принимает участие армия, укомплектованная до начала войны. Вот в связи с этим и рассматривается вопрос о судьбе миллионов солдат и офицеров, находившихся в этот период у западных границ. Длительный период времени считалось, что пограничники первыми приняли бой, мужественно боролись, армия с боями отступала и затем приняла участие в оборонительных сражениях у Смоленска, Луги, Киева, около Одессы. Современное изучение начального периода дает возможность говорить о трагической судьбе пограничных войск и армии. Действительно, пограничники были обречены на гибель уже тем, что заставы были малочисленны, а войска расположены на расстоянии 30-50 км от границы и прийти на помощь не могли. Многие воинские части находились в летних лагерях, а техника - в

городах. Все склады с боевой техникой и горючим были засекречены, а в танках и машинах топлива было примерно на 50 км. Многие командиры частей были отправлены в отпуска. Авиация оказалась уничтоженной в первые часы войны прямо на аэродромах. Связь между армиями и центром была прервана диверсионными группами. Превосходство немецкой техники на отдельных участках достигало порядка 7-8 раз. Боязнь танковых охватов заставляла отступать. Если добавить к этому то, что солдаты были вооружены винтовками, а у офицеров не было карт той местности, по которой они вели войска, и то, что господствовала неразбериха и возникала паника, то можно сделать вывод о том, что на начальном периоде армия потерпела сокрушительное поражение. По немецким данным, к концу 1941 года в плену находилось более 3,5 млн. советских военнопленных, без сомнения, большая часть из них оказалась в плену в начале военных действий. Но Ставка не знала истинного положения дел. И 23 июня была издана Директива № 2, которой предусматривалось осуществление контрнаступления. К чему это привело, видно из следующих данных. Нанесение контрудара 12 и 3 мехкорпусами Северо-Западного фронта было назначено приказом на 12 часов 22 июня. Сделать это не удалось, т. к. под ударами вражеской авиации соединения не смогли вступить в бой. К середине дня обстановка изменилась. Намеченные рубежи развертывания были заняты противником, назначить новые никто не мог, так как с утра штаб фронта и 8-я армия потеряли связь с мехкорпусами. Во второй половине дня танковые соединения перешли в наступление... У города Шауляя самоотверженно сражалась 28 танковая дивизия полковника И. Д. Черняховского... Но действия танковых соединений не были поддержаны артиллерией, авиацией и пехотой. Контрудар Северо-Западного фронта не достиг в эти дни цели, но было задержано продвижение противника на Шауляй.

На Западном фронте основное внимание командования фронта было уделено организации контрудара силами конно-механизированной группы в северном направлении из района Гродно. Сделать это тоже не удалось. Кавалерийская дивизия была уничтожена фашистскими самолетами с бреющего полета, танковый корпус также понес значительные потери в ходе марша и остался практически без горючего. Связь же с командующим фронта отсутствовала. Положительное

значение этого эпизода в том, что 6 немецких дивизий были 5 суток прикованы к району Гродно, понесли потери и не смогли развивать наступление в восточном направлении. Был сорван срок их выхода к Днепру.

На Южном направлении противник располагал двойным перевесом сил, в 1,5 раза - по самолетам. По 25 июня на направлении группы «Юг» враг продвинулся на 80 км. Особенно напряженные бои шли на львовском, перемышльском направлениях. Перемышль, захваченный гитлеровцами 23 июня, был освобожден в этот же день нашими войсками и удерживался до 27 июня.

Контрудар войск Юго-Западного фронта намечался Ставкой на 26 июня. Осуществить его было поручено подвижной группе фронта в составе нескольких мехкорпусов (вторая попытка в годы войны после Гродно). Но и на этот раз он оказался неудачным: отсутствовало взаимодействие войск.

25 июня, когда определилась безуспешность попыток советских войск контрударами разгромить противника, Ставка Главного Командования пришла к заключению о необходимости перехода к стратегической обороне. К этому времени главный удар немецко-фашистской армии обозначился в районе севернее Полесья. Над многими нашими соединениями нависла угроза окружения. 25 июня военным советам Северо-Западного фронтов было разрешено отвести войска на тыловые рубежи. С 26 июня Ставка уже не ставила задачу нанесения ответного удара по врагу и на юго-западном направлении.

В речи 3 июля Сталин был вынужден сказать о том, что Красная Армия отступает, и назвал причины: внезапность нападения, лучшая подготовка противника, накопленный им опыт ведения войны.

Однако главной причиной отступления и разгрома Красной Армии у западных границ Сталин считал предательство командиров и красноармейцев. Чтобы остановить панику, 16 августа был издан приказ № 066 для войск западного направления (или приказ № 270). Документ был подписан Сталиным и Г. К. Жуковым. Он очень точно характеризует время и безнравственность руководителей страны, которые свою вину переложили на плечи солдат и командиров, а так-

же на людей, которые в тылу обеспечивали подготовку армии к войне. По этому приказу была арестована большая группа военных специалистов, руководители военных производств, генералов. Среди арестованных оказались нарком вооружения Б.Л.Ванников, зам. наркома К.А. Мерецков, видный конструктор Я.Г.Грабин, более 10 боевых генералов, в том числе Г.М. Штерн, А.Д.Локтионов, И.И. Проскуров и др. Большинство из этих ни в чем неповинных людей были расстреляны в Куйбышеве и Саратове 28 октября 1941 г.

Оборонительные операции

Впервые враг был остановлен на дальних подступах к Москве и Ленинграду 10 июля. Ставка разработала план оборонительных операций, в осуществлении которых приняли участие резервные войска. Более двух месяцев продолжались бои на Лужском рубеже, который протянулся от Нарвы до Новгорода у стен древнего Смоленска, в ходе которых в районе Ельни было осуществлено наступление Красной Армии под командованием К. К. Рокоссовского и Г. К. Жукова.

Продолжались бои в районе Киева и Одессы. И хотя оба города были сданы, но враг был задержан здесь также на длительный период. Все это дает возможность выяснить значение четырех оборонительных операций летом-осенью 1941 года. Прежде всего, в ходе их осуществления была создана сплошная линия фронта, что заставило немецкое командование изменить тактику - от танковых охватов перейти к рассредоточению войск по всему фронту. Именно здесь был сорван план «блиц-криг», а война приобрела затяжной, изматывающий характер. В Берлине стало ясно, что одновременное продвижение по всему фронту невозможно, началась подготовка к наступлению на Москву. Таким образом, к концу сентября линия фронта стабилизировалась, стороны начали подготовку к решительному сражению - Московской битве.

Московская битва: трагические и героические страницы истории

Москва в планах наступления группы армий «Центр» являлась важнейшим стратегическим объектом. И именно на этом направлении впервые с начала второй мировой войны Гитлер вынужден был подписать приказ от 30 июля 1941 года о переходе основных сил к обороне. В сентябре 1941 года фронт немецко-фашистских войск был растянут до 240 км. Перед войсками была поставлена задача расколоть фронт Красной Армии на 2 части и разгромить в котлах окружения (под Вязьмой и Брянском), затем силами мощных танковых соединений с севера и юга захватить Москву.

К 8 октября этот план был выполнен. Фашистам открывался прямой путь на Москву. Сплошного фронта обороны у наших войск не было. Судьба Москвы зависела от стойкости отдельных соединений.

Так, наступавшей на центральном московском направлении немецкой танковой армии путь преграждали 3 ослабленные в предыдущих боях стрелковые дивизии без танков и без артиллерии. Катастрофически не хватало оружия мобилизуемым из населения Московской области соединениям. В одном из таких батальонов численностью 675 человек перед отправкой на фронт имелось 295 винтовок, 120 ручных фанат, 9 пулеметов, 145 револьверов и пистолетов, 2 тысячи бутылок с зажигательной смесью.

После наступления противника 15 октября была прорвана московская линия обороны (300 км от Москвы). К концу октября фронт стабилизировался. Дата нового наступления врага - 15 ноября - стала известна штабу Западного фронта. Сталин предложил сорвать замысел врага упреждающим контрударом в районе Волоколамска и Серпухова. Возражения Г.К.Жукова о недостаточности сил для нанесения удара не были приняты во внимание. Контрудар был осуществлен, но ожидаемых результатов он не принес. В то же время переброска наших войск осложнила положение войск под Клином. На южном направлении враг занял населенные пункты в 25 км от Москвы. Но угроза прорыва немецко-фашистских войск была ликвидирована. 5 декабря 1941 года началась крупнейшая наступательная операция советских войск с начала войны.

Идея о переходе в контрнаступление Красной Армии появилась в начале ноября 1941 года, но до конца ноября из-за отсутствия необходимых сил не ставилась как первоочередная задача. С переброской к Москве резервных армий (6 армий) по настойчивому предложению Г. К. Жукова идея контрнаступления получила свое реальное воплощение. Среди отличительных черт Московской битвы выделяются прежде всего такие: отсутствие оперативной паузы между оборонительным этапом и наступлением; отсутствие численного превосходства наступающих советских войск; впервые к действиям регулярных войск были привлечены партизанские соединения.

Первые месяцы войны были использованы Советским правительством для превращения страны в единый военный лагерь.

Созданная еще в 1930-е годы административно-командная система продемонстрировала свои преимущества в чрезвычайных условиях войны. ГКО, Ставка и Генеральный штаб - вот главные органы управления, им был подчинен весь аппарат на местах.

Одним из первых документов, где определялись задачи советского народа, была Директива СНК и ЦК ВКПб от 29 июня 1941 года, в которой были даны четкие приказы-лозунги для армии (бороться до последней капли крови), для советского тыла (все для фронта, все для победы!) и для оккупированной территории (создание партийно-комсомольского подполья и в дальнейшем - партизанского движения). Этот документ говорит о том, что Советское правительство в условиях чрезвычайных сумело определить главные направления деятельности народа.

Важным фактором для первых дней войны было выполнение приказов о мобилизации (23 июня и 10 августа), на основании которых призывались в армию мужчины с 1890 по 1922 год рождения, т. е. 32 возрастов.

Кроме мероприятий по увеличению рабочего дня до 11 часов, военной дисциплины на производстве, необходимо подчеркнуть, что была введена целая система налогов и займов, заморожены вклады в сберегательных кассах, увеличен в 2 раза подоходный и сельскохозяйственный налог. Был принят приказ о всеобщей трудовой повинности, смысл которого заключался в мо-

билизации мужского и женского населения на создание оборонительных укреплений, в строительство, на транспорт. Всего за годы войны через систему трудовой мобилизации прошло более 12 млн. человек.

К мероприятиям военного времени относится и создание карточной системы для жителей городов. Размеры пайков были строго нормированы по классовому признаку.

В первые же месяцы войны изменилась политика по отношению к церкви. Государство разрешило открыть церкви, мечети, молельные дома, синагоги. Частично были возвращены из ГУЛАГа служители культа. Народ, как в годы великих испытаний, обратился к Богу с мольбой, ища защиты и облегчения страданий. Принято считать, что в тылу было легче, чем на фронте. Но документы свидетельствуют о том, что это было не так. В тылу шла изматывающая работа по обеспечению армии хлебом и оружием. Особенно сложно было колхозникам, у которых забирали все, что они производили. Поэтому единственным источником существования оставался приусадебный участок, с которого также платили значительный сельскохозяйственный налог. Совершенно не было возможности купить одежду и обувь. Эти предметы колхозник мог получить только за стахановский, ударный труд. Добавим к этому, что в колхозах почти не осталось техники, а на полях работали в основном женщины, старики и подростки. Знакомство с документами дает возможность увидеть это тяжелейшее положение и почувствовать уважение к людям того поколения. Но одновременно нас не покидает чувство горечи и обиды. К сожалению, у нас нет возможности проанализировать статистику преждевременных смертей и тяжелых заболеваний сельских тружеников. Но то, что многие миллионы остались инвалидами, умерли раньше времени, очевидно.

На оккупированной территории немцы установили «новый порядок», т. е. возвращали земли русским дворянам, отдавали их немецким офицерам, грессбауэрам. Осуществлялось изъятие сельскохозяйственных продуктов, здоровые люди отправлялись в Германию для работы в хозяйствах тех, кто ушел воевать. Была разработана и доведена до сведения населения целая система различ-

ных ограничений, штрафов, а за невыполнение их - расстрел.

На оккупированной территории оказалось около 70 млн. человек. По сведению современных исследователей, приблизительно 1 млн. (полицаи, оуновцы, предатели из северокавказских народов и крымских татар, власовцы) оказали вооруженную поддержку завоевателям. Основная масса крестьян, рабочих, интеллигенции оказалась на положении заложников и вынуждена была экономически сотрудничать с оккупантами, выполняя приказы и распоряжения немецкой администрации и военного командования.

И только незначительная часть населения оккупированных территорий примкнула к партизанскому движению. По подсчетам историков их численность равняется приблизительно 1 млн. человек. При этом в различных регионах страны интенсивность партизанского движения была неодинаковой. Известно, что самое большое количество партизан и самые активные формы борьбы против немцев вели партизаны Украины (около 500 тыс.), Белоруссии (около 400 тыс.), областей Северо-Запада (Ленинградская, Калининская). Очень незначительные отряды и менее активные методы борьбы отмечаются в республиках Прибалтики, в Молдавии, на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, т. е. присоединенных к СССР накануне войны.

Партизанское движение прошло 3 основных этапа: от начала войны до окончания Московской битвы (апрель 1942 года); коренной перелом; завершение движения партизанских соединений приходится на 1944 год, когда после взаимодействия с частями Красной Армии по освобождению территорий они вливались в ее ряды.

* * *

При стратегическом планировании на 1942 год, включающем наступление и оборону одновременно, Сталиным и Ставкой не были учтены объективные данные.

То, что в основу стратегического плана Сталиным закладывались прежде всего политические расчеты (разгром врага уже в 1942 году), а не объективные возможности, привело к большим

человеческим потерям во всех крупных операциях 1942 года - под Ленинградом (Любанская), под Вязьмой, в Крыму, около Харькова, под Сталинградом.

Любанская операция была осуществлена с 7 января по 30 апреля с целью деблокады Ленинграда. В ней участвовали армии Ленинградского и Волховского фронтов. В результате декабрьского наступления у Тихвина части 54 армии Ленинградского фронта, 4, 52, 59 и 2 ударная армия Волховского фронта должны были соединиться в районе Любани. 2 ударная Армия не была укомплектована авиацией, танками, артиллерией. Это была в основном пехота, которая продвигалась по лесистой, болотистой местности. Но 17 января 2 ударная прорвала оборонительный рубеж противника, перерезала железную дорогу Новгород-Ленинград и подошла к Любани. 54 армия Ленинградского фронта подошла к Любани только в марте. До соединения ее с 2 ударной оставалось 30 км. Но соединение не состоялось. Вторая ударная была окружена, а ее командующий генерал Власов сдался немцам.

* * *

В период 1-4 декабря 1941 года немецко-фашистские войска пытались через Наро-Фоминск прорваться к Москве. Эта попытка была сорвана силами 33 и 5 армий. 17 января 1942 года 33 армия генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова по приказу Жукова была брошена под Вязьму. Совместные действия с другими воинскими соединениями руководством не были скоординированы. Оставались невыполненными многократные просьбы командарма Ефремова военному совету фронта о пополнении вооружением и продовольствием. В начале февраля 1942 года армия Ефремова попала в окружение. Более 2,5 месяцев 33 армия вела оборонительные и наступательные бои на пределе человеческих возможностей. Разрешение на выход из окружения командарм просил у Жукова еще в феврале, но лишь в апреле 1942 года тот дал согласие.

Под Вязьму лично за генералом Ефремовым Сталин прислал самолет. Сесть в самолет генерал отказался: «Я с солдатами сюда пришел, с солдатами и уйду». Самолетом были отправлены знамена

частей.

В ночь на 14 апреля 1942 года обессиленная армия, фактически без техники пошла на прорыв. Врагу удалось разрезать армию на две части и почти целиком уничтожить ее. По имеющимся данным, погибло около 2 тысяч человек.

Тяжело раненный генерал Ефремов 17 (или 18) апреля 1942 года застрелился. Существует такая версия: немцы с почетом хоронили советского генерала, показывая тем самым - за Германию нужно сражаться так же доблестно, как сражался за Россию генерал Ефремов.

Судьба солдат 2-й ударной армии известна всем: те, кто вышел из окружения, дошел до Берлина, затем оказался в ГУ-ЛАГе, как «власовцы». Те же, кто пал на поле боя, до сих пор лежат в лесах и под Любанью, и под Вязьмой захороненные!

* * *

Сегодня очевиден факт той нежизнеспособной системы управления войсками, которая сложилась в начале Великой Отечественной войны. Крымский фронт (командарм генерал-лейтенант Д. Т. Козлов) до начала и в ходе проведения операции в мае 1942 находился под прессом указаний маршала С. М. Буденного, представителя Ставки Л. З. Мелхиса и самой Ставки в лице Сталина.

Не вызывает сомнений, чьи распоряжения выполнялись в первоочередном порядке, хотя налицо противоречивый характер таких распоряжений. В середине апреля 1942 года Ставка согласилась с предложением командарма фронта Д.Козлова о переходе к прочной активной обороне фронта на 10 дней, но через неделю было от дано распоряжение продолжать операцию по очистке Крымского полуострова от противника. 6 мая 1942года, за 1 сутки до начала наступления вражеских войск, Сталин приказал закрепиться на рубежах и одновременно улучшать тактическое положение войск на отдельных участках.

Несмотря на превосходство в соотношении сил со стороны вражеского фронта над противостоящей II армией немецких войск генерал-полковника Э. Манштейна (по количеству людей

в 2 раза, артиллерии в 1,8 раза, по танкам в 1,2 раза), Крымский фронт потерпел поражение и был ликвидирован. Потери советских войск в мае 1942 года - 150 тыс. человек (по немецким данным в плену оказалось 170 тыс. человек), потери немецких войск - 7,5 тыс. человек.

В мае 1942 года в сводках Совинформ-бюро было сообщено о наших потерях под Харьковом - 5 тысяч погибших и 70 тысяч пропавших без вести. На сегодняшний день данные о числе потерь «харьковской мясорубки 1942 года» достигают 240 тысяч человек.

Оборонительное сражение под Сталинградом

Оборонительное сражение за Сталинград распадается на несколько этапов, каждый из которых имеет свое значение.

В период с 17 июля до середины августа 1942 года оборонительные бои шли на дальних подступах к городу. Гитлеровское командование директивой № 45 от 23 июля 1942 года ставило задачу группе армий «А» (командующий Вейхс) нанести удар по Сталинграду, разгромить группировку противника, захватить город, перерезать перешеек между Волгой и Доном. К Сталинграду устремились немецкие войска, сюда же выдвигались резервы наших войск. И те и другие соединения вступали в бой сразу по мере подхода. Но с ходу ворваться в город немцам не удалось.

К лету 1942 года в городе Сталинграде проживало 490 тысяч жителей (перепись 1939 года), с февраля по май 1942 года к ним добавились 10,5 тыс. человек эвакуированных ленинградцев, не менее 400 тысяч эвакуированных с Украины, Орла, Смоленщины, Курска и около 300 тысяч стихийных беженцев. До трагических событий августа 1942 года город сумело покинуть лишь около 100 тысяч человек - раненые, ленинградские дети, семьи высокопоставленных работников, несколько тысяч квалифицированных работников «оборонки». Все, кроме людей, спасли заблаговременно - металлы, бумагу и т.д.

С середины августа по 12 сентября 1942 года - оборонительное сражение шло на ближних подступах к городу. К 17-19 августа относится первое концентрированное наступление немецких войск с целью овладеть Сталинградом - охватить город с севера

и юга танковыми корпусами.

После выхода врага к Волге 23 августа (северные пригороды Сталинграда) противник осуществил самую массированную бомбардировку. По свидетельству очевидцев, от пожаров в городе было так светло, что на расстоянии 70 км от Сталинграда можно было читать газету. Это был акт террора со стороны фашистов, предпринятый с целью убить как можно больше мирных жителей города, вызвать панику, деморализовать защитников Сталинграда. Как уже отмечалось, город был сознательно принесен в жертву врагу во имя «высших ценностей». Мирные сталинградцы стали главным заградотрядом для наших войск. За спиной солдат был живой город, на передовой кричали раненые дети и обезумевшие матери и поэтому для солдат за Волгой земли не стало.

Противнику удалось отсечь 62 армию от 64, в итоге 62 армия оказалась изолированной от остальных советских войск. Армия героически держала оборону в центральных и в северных частях города.

К концу августа удалось остановить врага на северо-западном направлении - до Сталинграда оставалось 2-10 км.

Начиная с 12 сентября и по 18 ноября 1942 года, оборонительное сражение шло в самом городе. К концу сентября немецкое командование бросило на Сталинград более 80 дивизий. Советские войска уступали по численности личного состава и артиллерии в 1,7 раза, в танках - в 368 раз в самолетах - в 5 раз.

Уже на этом этапе Г.К. Жуковым и А.М. Василевским был предложен следующий план действий - активной обороной продолжить изматывание противника и приступить к подготовке контрнаступления для изменения стратегической обстановки. По решению Ставки к октябрю-ноябрю 1942 г. должно быть закончено формирование стратегических резервов. 14 октября Гитлер подписал оперативный приказ № 1 - о переходе к стратегической обороне на всем советско-германском фронте, чтобы сосредоточить все силы у Сталинграда. Именно 14 октября фашисты начали очередной штурм города. До этого срока на заводах Сталинграда, Тракторном и на «Баррикаде», шло восстановление

подбитых танков и артиллерии. Здесь был наиболее сильный участок обороны и сюда нацелен удар врага. Три недели шли бои в этих районах.

Но в ходе последнего штурма Сталинграда врагу удалось захватить южные части территории завода «Баррикада» и Тракторного.

19 ноября 1942 года начался новый период Сталинградской битвы - контрнаступление советских войск. С 19 по 22 ноября фронт румынских и немецких войск на севере был прорван на протяжении 80 км на юге более 50 км.

Советские войска столкнулись в этот период не только с ожесточенным сопротивлением окруженных немецких частей. В кольцо оказалось гитлеровцев значительно больше, чем предполагали вначале, не 80-85 тыс., а более 200 тыс. Это создало дополнительные сложности для наших войск наряду с холодом, перебоями в снабжении.

Но несмотря на это, под Сталинградом в ходе контрнаступления была осуществлена блестящая операция наших войск. Итог операции ознаменовал переход стратегической инициативы к Красной Армии.

Восточный вал

В августе 1943 года командование вермахта отдало приказ о строительстве стратегического оборонительного рубежа.

Линия обороны под названием «Восточный вал» проходила от Балтийского до Черного моря, по линии Нарва-Псков-Орша-Гомель, по рекам Сож, Днепр, Молочная.

В сентябре 1943 г. в полосе групп армий «Юг» рубеж стал называться «Вотан», в полосе групп армий «Север» и «Центр» - «Пантера».

Главной преградой «Вотана» немецкое командование считало Днепр, который они называли «линией обороны их собственного дома».

Битва за Днепр - 25 августа - 22 декабря 1943 включала в

себя ряд крупных военных операций - Черниговско-Припятскую, Донбасскую, Киевские (наступательную и оборонительную)...

К 20-ым числам сентября войска Центрального, Воронежского, Степного и Юго-Западного фронтов вышли на 700-километровый участок от Лоева (верховья Днепра) до Запорожья. Наши соединения столкнулись с целым рядом трудностей при форсировании реки - ожесточенное сопротивление врага; недостаточная плотность огня наступавших войск (15-30 орудий на 1 км фронта); отсутствие необходимых переправных средств. Последнее обстоятельство, в частности, вынуждало использовать большей частью подручные средства, в результате чего переправа танков началась лишь на 3-4 день с начала форсирования. Бои на захваченных плацдармах велись без танков, огнем артиллерии плацдармы поддерживались только со своего берега. Это приводило к значительным потерям со стороны советских войск.

И тем не менее к концу сентября 1943 г. Восточный вал на Днестре рухнул. На правом берегу Днепра было создано 23 плацдарма.

Линия «Пантера» была также сильно укреплена. На ней было две полосы обороны - 1-я проходила в границах берегов озера Псковского, рек Великой, Псковы, Черехи; 2-я - по западному берегу р. Великой. Среди средств обороны - противотанковые рвы, минные поля, проволочная сеть, оборудованные пулеметные площадки.

Первая попытка прорвать линию «Пантера» на Черском направлении в конце февраля-марта 1944 г. силами 42 и 67 армий Ленинградского фронта оказалась неудачной.

С целью прорыва «Пантеры» 18 апреля 1944 г. был создан новый фронт - 3 Прибалтийский (командарм генерал армии И.И. Масленников).

Псковско-Островская наступательная операция была проведена с 17 по 31 июля 1944 г. На 1 этапе операции ставилась задача занять Остров, на 2-ом - Псков.

В ходе упорных боев 17-19 июля вражеская линия обороны была прорвана до 70 км в районе Стрежнево, 21 июля занят Остров, 23 июля 376 стрелковая дивизия форсировала р.Великую в

районе Писковичей, Коновичино, Алмазова. Части 128 стрелковой дивизии осуществили форсирование в районе Промежиц и в районе улиц Профсоюзной - мост Советской Армии - устье р. Псковы. В этот день Псков был освобожден.

Вопрос о взятии Берлина

На основании Ялтинской конференции Берлин не входил в зону операций американских войск, а Черчилль был сторонником овладения столицей Германского Рейха без советских войск. Однако прежде чем начать разработку плана операции, командующий союзными войсками в Европе генерал О. Брэдли просчитал потери. Они превышали 100 тыс. человек. Это и охладило У. Черчилля. Э.Эйзенхауэр получил приказание наступать южнее Берлина и соединиться с русскими на Эльбе.

И.В. Сталин и Г.К. Жуков считали необходимым взять столицу Германии самостоятельно. Поэтому после освобождения Польши было объявлено о награждении тех войск, которые первыми придут в Берлин. Ставка разработала план без учета потерь.

Много позже генерал 3-й армии А.В.Горбатов писал, что с военной точки зрения в Берлинской операции не было необходимости. Главную роль здесь сыграли политические соображения. Город мог быть блокирован со всех сторон и сдался бы через несколько недель. Между тем при штурме Берлина погибло не менее 100 тыс. солдат.

* * *

Также необходимо внести ясность в цели СССР на последнем этапе второй мировой войны, т. е. обратить внимание на то, что СССР недвусмысленно заявил на Крымской конференции о стремлении вернуть Южный Сахалин и Курильские острова. Таким образом, участие СССР в военных действиях на Дальнем Востоке опять, как и в 1939 году, прежде всего было направлено на расширение и улучшение границ. Здесь уместно сказать о проблеме «северных территорий». Дело в том, что, осуществляя освободительную операцию на Курильских островах, наши войска заняли все острова, включая и 4 острова южной гряды, которые никогда Рос-

сии не принадлежали. Именно эти острова являются сейчас яблоком раздора между великими соседями.

И тоги войны .И сточники победы

Это одна из самых сложных проблем. Здесь уместно рассматривать **источники победы** стран антигитлеровской коалиции, а не только СССР. Предлагаем следующий вариант.

Первый источник. Превосходство людских и материальных ресурсов коалиции над странами гитлеровского блока.

Таблица 1

Второй источник. Справедливый характер войны стран антигитлеровской коалиции, который породил массовое движение Сопротивления. По подсчетам современных исследователей в европейском движении Сопротивления принимали участие более 2 млн. человек, в СССР - только в партизанском движении около 1 млн.

Третий источник. Трудовой героизм населения стран антигитлеровской коалиции, что подтверждается данными не только по СССР, но и по США и Великобритании. Так 55% населения Великобритании и 40% США были привлечены к службе в армии и на военных заводах. Число женщин, занятых физическим трудом в Англии, увечилось в 5,3 млн. до 7 млн. Во всех странах были введены сверхурочные часы работы и карточная система.

Четвертый источник. Превосходство антигитлеровской коалиции по количеству и качеству вооружения.

	СССР	США	Велико- брита- ния	Гер- мания	Ита- лия	Япо- ния	завое- ван. страны
электроэнергия млрд. кв/ч	40	1673	315	414	123,1	242,9	-
уголь млн.т.	142	3758,5	1468,3	2504	22	365	1054
нефть млн.т.	22	1466,1	93,5	5,4	-	1,7	65,9
сталь млн. т.	16	511,7	99,2	122	11,7	43,1	72,1
население млн. чел.	195	149	48	71	45	81	

Таблица 2

Пятый источник. Военное искусство полководцев и героизм армий. Уместно назвать выдающихся полководцев второй мировой войны: маршал Г. К. Жуков (1896-1974), генерал Д. Эйзенхауэр (1890-1969), фельдмаршал Б. Монтгомери (1907-1976), генерал де Голль (1890-1970), маршал Б. Тито (1892-1980). Миллионы солдат и офицеров сражающихся армий были награждены орденами и медалями за проявленное мужество в боях на всех континентах и морях.

Шестой источник. Авторитет и организаторские способности глав государств антигитлеровской коалиции: И. В. Сталин (1879-1953), Ф. Рузвельт (1882-1945), У. Черчилль (1874-1965). Английский историк А. Тейлор отмечает, что представители «большой тройки» пользовались в своих странах исключительной властью».

Седьмой источник. Социальный мир и отсутствие оппозиции в странах коалиции, что проявилось в отсутствии забастовочного движения в метрополиях и национально-освободительного движе-

	СССР	США	Велико- британия	Герма- ния	Ита- лия	Япония
орудия тыс.шт.	482,2	548,9	389,7	319,9	18,2	160,1
танки тыс. шт.	102,8	99,5	29,3	46,3	1,9	4,8
самолеты тыс.шт.	112,1	192	94,6	89,5	7,6	55,1

ния в колониях.

Итоги войны современные исследователи рассматривают с позиций положительных или отрицательных последствий. К положительным относят: уничтожение фашизма; образование ООН как гаранта сохранения мира; наказание военных преступников. Отрицательные последствия войны сказались в огромных человеческих жертвах. Самые большие потери понес СССР - 27 млн., Польша - 6 млн., Югославия - 1,5 млн., Китай - 13 млн., Франция - 0,6 млн., Англия - 0,4 млн., США - 0,3 млн. Значительные поте-

ри людских ресурсов и в странах германского блока: Германия - 6,5 млн., Италия - 0,3 млн., Япония - 0,8 млн., человек. Во всех воюющих странах отмечается спад производства и снижение жизненного уровня населения. Например, во Франции и Польше производство сократилось на 50%, Югославия потеряла 2/3 довоенного потенциала. Большая часть европейской территории СССР лежала в руинах. Отрицательное последствие войны проявилось и в «холодной войне», которая характеризуется противостоянием СССР и США в политической, экономической и идеологической областях.

Уроки войны. Каждое событие мирового значения дает возможность человечеству извлечь уроки. Итоги второй мировой войны показали, что с войной нужно бороться, пока она не началась, и прежде всего тем, чтобы не допускать создания тоталитарных, диктаторских режимов; бороться против фашизма, шовинизма, национализма; добиваться компромисса в решении спорных международных проблем. И наверное, самое главное - отказаться от мифологизации войны, учить подрастающее поколение правдой о войне, показать ее непривлекательные антигуманные стороны, чтобы непризнание войны, как средства разрешения конфликтов, стало нормой человечества.

Источники и литература

- Анфилов В. А.* Крушение похода Гитлера на Москву. - М., 1989.
- Анфилов В. А.* Незабываемый 1941. - М., 1982.
- Бобылев П.* Точки в дискуссии ставить рано/Отечественная история. - 2000. - № 1.
- Вознесенский Н. А.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. - М., 1948.
- Великая Отечественная война: Энциклопедия. - М., 1985.
- Великая Отечественная война: Факты и документы в исторических исследованиях и художественной литературе //История СССР. - 1988. - № 4.
- Волкожинов Д.* Правдой нельзя очернить историю //Народное образование. - 1990. - № 5.
- Вторая мировая война: Итоги и уроки. - М., 1985.
- Гевуркова Е. А., Колосков А. Г.* Задания для самостоятельной работы

- по истории СССР. XI класс. - М., 1991.
- Генцберг Л.* Восточная Европа между Гитлером и Сталиным // Отечественная история. - 2001. - № 3.
- Донгаров А. Г., Пескова Г. Н.* СССР и страны Прибалтики (август 1939 - август 1940) // Вопросы истории. - 1991. - № 1.
- Данилов В. Л.* Ставка Верховного главнокомандующего. 1941- 1945. - М., 1991.
- Данилов В.* Сталинская стратегия начала войны: Планы и реальность // Отечественная история. - 1995. - № 3.
- Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. - 10-е издание. - М., 1990.
- Канун и начало войны: Документы и материалы. - Л., 1991.
- Козлов В. И.* О людских потерях Советского Союза в Великой Отечественной войне // История СССР. - 1989. - № 2.
- Кульков М.* и др. Война 1941-1945. Факты. Документы. - М., 2001.
- Куманев Г.* От коренного перелома к победе // История СССР. - 1991. - № 3.
- Лидеры войны. - М., 1995.
- Мельтюхов М.* Споры вокруг 1941 г. // Отечественная история. - 1994. - № 3.
- Мерцалов А.* Некоторые проблемы Великой Отечественной войны на страницах «Военно-исторического журнала» // Вопросы истории. - 1991. - № 2-3.
- Политическая история: Россия - СССР - Российская федерация. - Т.П. - М., 1996.
- Невежин В.* Идеология наступательной войны в советской пропаганде 1939-1941 гг. // Преподавание истории в школе. - 1994. - № 5.
- Невзоров В.И.* Май 1942 // Военно-исторический журнал. - 1992. - № 8.
- Преступные цели - преступные средства. - М., 1983.
- Приказ № 227 // Военно-исторический журнал. - 1988. - № 8.
- Подвиг, 1991, № 38.
- Поляков Ю.* 1939. Уроки истории // Вопросы истории. - 1990. - № 10.
- Родина, 1991, № 6-7; 1995, № 5, 6, 7, 8; 1998, № 8.
- Соколов Б. В.* О соотношении людских и материальных ресурсов Германии и СССР в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. - 1988. - № 9.
- Сталин И. В.* О великой Отечественной войне. - М., 1948.
- Тейлор А.* Вторая мировая война: два взгляда. - М., 1995.
- Тыл. Оккупация. Сопротивление. - М., 1993.
- Уроки истории. - М., 1990.

2. Проблемы науки и культуры

В годы господства марксистско-ленинской идеологии духовность понималась как особый высший результат общественно-исторической практики людей, как отражение бытия, а главной задачей социалистической культуры объявлялось формирование нового человека, строителя коммунизма. Поэтому вся духовная жизнь общества была идеологизирована и политизирована. Особенно ярко эта тенденция проявилась в послевоенные годы. Убеждение в духовном равенстве людей привело идеологов к необходимости, с одной стороны, искоренения мелкобуржуазного индивидуалистического мировоззрения, а следовательно, и всего крестьянского уклада и народных традиций, а с другой - подчинения творческой интеллигенции задачам создания искусства, понятного и доступного народу. Естественно, что этому крестовому походу против культуры и творчества противились как широкие массы, продолжавшие сочинять частушки, анекдоты, сказания, так и творческая элита: писатели, поэты, композиторы, художники и т.д.

Для борьбы с несогласными и осуществлялась «ждановщина», которая понимается как борьба с инакомыслием, физическое и моральное уничтожение несогласных, навешивание ярлыков, обвинение в антисоветизме, аполитичности, в оторванности от жизни. Главным аргументом «ждановской критики» было утверждение, что такое искусство народу чуждо, народу не понятно!

Печально известные Постановления ЦК ВКП(б) 1946-1948 годов о культуре свидетельствуют о хорошо организованном походе против всего талантливого, неординарного, а, может быть, просто непонятного. Все постановления состоят из констатирующей и постановляющей частей. В первой дается

оценка того или другого деятеля культуры или направления искусства, а во второй части перечисляются репрессивные меры: закрыть, запретить, снять. В постановлении о журналах «Звезда» и «Ленинград» М. М. Зощенко назван «подонком и пошляком», а А.Ахматова - создательницей «пустой, безыдейной поэзии, пропитанной духом пессимизма и упадничества».

Но самое ужасное, что после появления этих постановлений шла разнузданная кампания травли, в которую вовлекали и талантливых людей. Думается, немногие искренне думали так, как писали или говорили официальные инстанции, но отказ от осуждения уже рассматривался как защита тех, кого травлили.

Главный идеолог страны А.А.Жданов был доволен, он писал: «Моральная тягота разрядилась. Столбы подрублены, заборы сами повалятся...». Действительно, на определенный срок «порядок» был наведен, искусство стало управляемым, главным содержанием произведений стало восхваление Сталина, показ преимуществ социализма, превосходства советского человека. Начинает формироваться так называемое бесконфликтное искусство. В таких произведениях действуют героин-схемы, а ситуации легко разрешаются, так как в их основе лежат недоразумения. Примером такого произведения является кинофильм И. Пырьева «Кубанские казаки», созданный в 1948 году.

Апофеозом «всенародной любви» к вождю и учителю Сталину стало празднование его 70-летия. За один только год было создано более 2 тысяч произведений об «отце народов». Среди них были талантливые, например, «В окопах Сталинграда» В.Некрасова, «Звезда» Э. Казакевича. Но создавались произведения и по заказу, например, И. Дунаевский написал песню, которая Сталину не понравилась и никогда не исполнялась. А. Ахматова также создает стихи о Сталине, читать их жутко но кто осудит поэта-мать, спасавшую сына (Л.Н. Гумилева), находившегося вторично в ГУЛАГе!

«Ждановщина» была призвана разгромить несогласных и в науке. Сталин и Жданов применяли различные методы. Так, для разгрома философии, языкознания и политэкономии были организованы «дискуссии» соответственно в 1947, 1950 и 1951 годах.

Результатом стало закрытие научных центров, увольнение ученых, изъятие уже опубликованных работ. В дискуссии о философии главным выводом стали знаменитые слова Сталина о «непосредственной связи философии с жизнью». В результате дискуссии по политэкономии появилась работа Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», в которой он доказывал, что при социализме иначе действует закон стоимости, оправдал необходимость товарообмена. Самой одиозной была дискуссия по проблемам языка. Сталин высказал мысль о том, что русский язык зародился в междуречье Ока-Волга, а затем распространился по всей Руси, что нет и не может быть никакого праязыка, высказался против сравнительно-исторического метода изучения языков. Все это можно было бы простить не очень образованному вождю, но главная беда - это рабская покорность ученых, студентов и учителей. Так, в Псковском пединституте в 1951 году было проведено заседание совета института с повесткой: «О преподавании русского языка в свете учения товарища Сталина о языке». В том же году учителя русского языка рапортовали горно о том, что «успеваемость по русскому языку в школах повысилась на 1,2%, что явилось результатом преподавания в свете учения товарища Сталина»!

Этот духовный пресс не мог длиться бесконечно. Смерть Сталина создала условия для «оттепели». Это сложное время. С одной стороны, идет процесс восстановления прерванного в 1930-е годы авангардного искусства, а с другой - впервые очень сильно проявилось западное влияние. В культуре появляется то новое, что позднее будет названо искусством «шестидесятников». Это искусство не было направлено на разрушение идей, скорее, наоборот, они стремились вернуться к ленинским идеалам (ранние Е. Евтушенко. А. Вознесенский, Р. Рождественский), оно выражало свое несогласие с застывшими формами, методом социалистического реализма. Эрнст Неизвестный писал: «Разногласия с соцреализмом особенно остро возникали у студентов-фронтовиков. Мы не теоретически, а экзистенциально выпадали из общепринятого, нам требовались иные средства выразительности».

Естественно, что такие произведения во всех видах искус-

ства находились под прицелом критики. По традиции роль главного ценителя взял на себя Н.С.Хрущев. Особенно ярко это проявилось в период посещения выставки в манеже в 1962 году. Воспоминания об этом событии находим, в частности, у Э. Неизвестного и Е.Евтушенко.

Сложным было вхождение в большую литературу многих писателей - «шестидесятников» (В. Белов, В. Быков, Ю. Нагибин, Е. Носов, А. Солженицын. Ч. Айтматов). Большую роль в том, что они стали известны, сыграл А.Т.Твардовский и сотрудники журнала «Новый мир».

В те годы «властителем дум» стал новый театр «Современник», в котором творили О. Ефремов, О.Табаков, Г. Волчек, Е.Евстигнеев и др. Этот театр возник как альтернатива «старым театрам», сделал много авангардных, скандальных спектаклей.

Таким образом, во все виды искусства приходят новые, талантливые деятели, которые вносят новые идеи, новые темы, новые формы. Не всегда это новое укладывалось в рамки дозволенного. Они выражались более резко и прямолинейно.

При всем несогласии с новым искусством Н. С. Хрущев все же пытался найти общий язык с творческой интеллигенцией. Об этом свидетельствуют неоднократные встречи в непринужденной обстановке. И хотя все чувствовали себя в гостях у Хрущева не очень уютно, но все же в безопасности. Этот стиль отеческого внушения, когда каждый оставался при своем мнении, совсем не был похож на тот, что был при Сталине, Жданове. Никто из «шестидесятников» в гот период не был наказан, хотя они чувствовали надзор, цензуру, запреты. Искусство и в эти годы находилось под строгим контролем нового идеолога М. А. Суслова и министра культуры Е.А.Фурцевой.

После кратковременной «оттепели» наступает длительный период застоя в духовной жизни страны. Это особенно было контрастно с тем, что переживал западный мир. Именно в это

время Ж.П. Сартр писал о духовности как о процессе «достижения человеком абсолютной свободы. Человек всегда и во всем свободен, или его нет вовсе». А в нашей стране, как и в большинстве стран социалистического мира, идет возврат к сталинизму. ЦК КПСС принимает ряд постановлений о повышении

бдительности, было создано 9-е отделение в КГБ, сотрудники которого специально занимались наблюдением за благонадежностью граждан, была принята статья 190 УК РСФСР о наказании за хранение и распространение запрещенной литературы. В этих условиях стали формироваться два направления в культуре: официальное и неофициальное. Официальная культура была призвана обслуживать существующий режим. Выдающимся образцом такого искусства могут служить песня А. Пахмутовой «Малая земля» или «Генеральный секретарь» полотна И. Глазунова, особенно заказные портреты Л.И.Брежнева. И. Ганди и других руководителей государств, это картины А. Шилова, Д. Налбандяна. Нельзя не упомянуть многотомное произведение Б. Чаковского «Блокада» и «Победа», где дан образ умного, спокойного, все знающего вождя и исполнительного, верящего в него народа. К официальной литературе необходимо отнести таких писателей, как Г. Марков, А.Иванов, М. Алексеев.

Социальной средой, которая питала неофициальную культуру, были в основном «шестидесятники», разочарованные в столь быстрой смене «оттепели» брежневским похолоданием, и то новое поколение, которое пришло в искусство в 1970 -начале 1980 годов. Многие из них стали диссидентами. Что это такое? В Постановлении ЦК КПСС о бдительности, принятом в 1977 году, диссидентство определяется как «вредное течение, порочащее советский государственный строй». Таким образом, этому явлению придается политический характер. Но сами диссиденты, например, А. Синявский, считали, что это «нравственное, интеллектуальное сопротивление той системе, которая унифицировала мысль и вела к омертвлению общества». Диссидентство было двух типов: добровольное и вынужденное. Государство выслало из страны приблизительно 170 человек, лишив их гражданских прав, а тысячи уехали сами. Среди них Виктор Некрасов, Эрнст Неизвестный, Илья Кабаков, Михаил Шемякин, Юрий Любимов, Галина Вишневская, Мстислав Растропович, Дмитрий Пригов, Феликс Горенштейн и другие.

В отличие от диссидентов, которые ориентировались на западное искусство, в России в застойные годы сформировалась группа писателей, которых в дальнейшем стали называть «деревенщиками» не только потому, что они жили в провинции, а главным образом пото-

му, что в их произведениях впервые зазвучала правда о деревне 1930-1950-х годов. Это В.Тендряков, Ф. Абрамов, В. Астафьев, В. Белов, В. Распутин, Б.Можаев. Осуждение коллективизации, показ беспросветности в положении крестьян в годы войны, бесправия колхозников в первые послевоенные годы - вот круг проблем, которые подняты в этих произведениях.

Определенная группа писателей предпочитала писать «в стол», в надежде на лучшие времена. Это - В. Гроссман, Ю. Домбровский, В. Дудинцев, Ф. Искандер, О.Думбадзе, Д. Гранин, А. Приставкин.

Показательна судьба произведений ряда композиторов. А. Шнитке, С. Губайдулина, Э. Денисов, Н. Каретников отсылали свои творения в лучшие оркестры мира, поэтому западный слушатель знал их имена лучше, чем советские люди.

Выдающемуся кинорежиссеру А.Тарковскому неоднократно приходилось выслушивать оскорбительные замечания при просмотре картин. В таком же положении находился и А. Сокуров.

Несколько лет провел на поселении И.Бродский, позже удостоенный Нобелевской премии за поэтическое творчество. Особое место среди выдающихся деятелей русской эмигрантской культуры занимает А. И. Солженицын. С его именем связано появление в нашей литературе темы сталинских лагерей («Один день Ивана Денисовича») и послевоенной деревни («Матренин двор»). В конце 1960-начале 1970-х годов, работая в школе учителем математики, он продолжал создавать художественные произведения: «Раковый корпус». «В круге первом», закончил автобиографическое и публицистическое произведение «Архипелаг Гулаг», которое появилось в «самиздате», а затем и за рубежом. В 1974 году А.И.Солженицын был выслан из страны как антисоветчик, так как осуждал и революцию, и Ленина, и сталинский режим, и главное - призывал все это разрушить. Но тогда не была ясна его позитивная программа. И только позже он сделал это в публицистическом произведении «Как нам обустроить Россию?» Влияние А.И.Солженицына на определенную часть русской интеллигенции очень велико. Многие связывают с его идеями духовное возрождение нации.

Не менее значительной личностью в 1970-80-е годы был А.Д. Сахаров -академик, «отец водородной бомбы», как и А.И.Солженицын, - лауреат Нобелевской премии. Но в данном контексте нас интересует правозащитная деятельность А.Д. Сахарова.

Движение в защиту прав человека в нашей стране было и в более ранние годы, но знали об этом только карающие органы. Впервые общественное мнение вокруг правозащитного движения было сформировано в 1965 году на процессе над А. Синявским и Ю. Даниэлем. Второй серьезной акцией протеста была демонстрация семи человек на Красной площади под лозунгом «За вашу и нашу свободу!» по поводу введения советских танков в Прагу. Тогда же появились первые выпуски «Хроники текущих событий», на страницах которых рассказывалось о после- сталинских лагерях, психушках, о роли КГБ в подавлении свободы творчества, свободы мысли. На страницах этого машинописного журнала увидели свет показания А. Марченко, генерала П. Григоренко и других правозащитников. То, что невозможно было опубликовать здесь, пересылалось в русские эмигрантские журналы «Посев», «Грани», «Новый журнал», «Синтаксис», «Континент», которые выходили в Париже, Берлине, Нью-Йорке. Западный мир узнавал правду о положении творческой личности в условиях брежневского застоя.

Определенным этапом в развитии правозащитного движения явилось создание в 1970 году Комитета прав человека, в который вошли А. Д. Сахаров, В.Н. Чалидзе и А.Н. Твердохлебов, позже к ним присоединился И. Шафаревич. С этого момента правозащитное движение приобретает сторонников как внутри страны, так и за рубежом, вокруг этого движения складывается определенное общественное мнение.

Правозащитники исходили из основных положений «Всеобщей декларации прав человека», принятой ООН в 1948 году. Главными требованиями правозащитников были: свобода личности; восстановление прав репрессированных народов; право наций на самоопределение; свободный въезд и выезд для всех желающих; гласность и т.д. Методы, которыми действовал А.Д. Сахаров и его сторонники, были самые лояльные: письма в ЦК

КПСС и лично Л.И. Брежневу, обращение к конгрессу США, в ООН. Но даже это воспринималось как подрыв системы, за что академик А.Д. Сахаров был сослан на 6 лет в город Горький, и, конечно, ему было запрещено выезжать из страны. В целом правозащитное движение не было массовым, оно охватило тонкий слой столичной интеллигенции, ориентирующейся на западную цивилизацию, в основе которой лежат реформизм и правовая государственность.

В отличие от А.И. Солженицына, А.Д. Сахаров не был антисоветчиком, он верил в возможность конвергенции капитализма путем медленного изменения обеих систем в процессе взаимного сближения, что видно из составленной А.Д. Сахаровым «Конституции». В этом академик видел гарантию сохранения мира на земле и решения наиболее острых экологических проблем.

Таким образом, можно отметить, что к середине 80-х годов в нашей стране шел поиск пути преодоления застойных явлений. Необходимость перемен чувствовали и прогрессивные деятели в КПСС. Следует подчеркнуть, что идея перестройки, демократизации жизни партии и страны нашла горячую поддержку широких народных масс.

Важным моментом в определении дальнейшего пути стали решения XIX партийной конференции, которая теоретически обосновала необходимость одновременного проведения политической, экономической и идеологической реформы. При этом отмечалась необходимость плюрализма, гласности, свободы выбора. Многое удалось сделать: начался пересмотр истории страны, открыты для дискуссии и исследования ранее запрещенные темы, открыта для людей культура русской эмиграции и диссидентское наследие 70-х годов, многим из диссидентов было возвращено наше гражданство.

Однако, главное не было сделано: в стране отсутствовали условия для развития многопартийности, КПСС с трудом расставалась со своим господствующим положением; не был решен вопрос об отношении центра и республик, что в конечном счете привело к распаду СССР; не был решен вопрос о постепенном переходе к многоукладности, что объясняет современное обвальное реформирование экономики.

Перестройка закончилась известными событиями 19-21 августа 1991 года. История еще даст конечную оценку этому явлению.

нию, но уже ясно, что народные массы опять оказались в тяжелом положении. Конечно, многое изменилось: есть свобода выбора, особенно в духовной сфере. Вот почему очень остро встает вопрос о насыщении образовавшегося после крушения идеологии тоталитаризма вакуума полноценной гуманистической духовностью.

На формирование современного духовного состояния народа огромное влияние оказывают публикации в периодической печати. На смену откровенно разрушительным статьям приходят более взвешенные оценки нашей истории, делается попытка объяснить многие негативные явления не только субъективными факторами, но и объективными условиями, в которых жила страна в предшествующий период. Понемногу меняется тональность телевизионных передач; много материала о дореволюционной России, есть возможность посмотреть фильмы 1930-1960 годов, большое место занимает классическая музыка.

Большим достижением последних лет является возможность познакомиться с литературой русского зарубежья. Современный читатель смог приобщиться к творчеству И. Бунина, В. Ходасевича, Е. Замятина, Б. Зайцева, М. Алданова, М. Осоргина, В. Розанова, А. Ремизова, Н. Берберовой. Изданы превосходные альбомы о творчестве Марка Шагала. В более полном объеме возможно познакомиться с деятельностью С. Дягилева, В. Нижинского, М. Фокина.

Более сложное положение в современной художественной литературе. Глубокий анализ происходящих процессов дан в статьях писателей и критиков Виктора Ерофеева, Вячеслава Курицына, Сергея Носова, Андрея Битова. Главный смысл их рассуждений заключается в утверждении гибели литературы социалистического реализма, которая, по мнению таких авторов, была носителем идей «классового» гуманизма. Для того, чтобы прийти к подлинному человеколюбию, необходимо пройти через период разрушительной литературы. Это литература, условно называемая постмодернизмом, исследует зло. Раньше писатели находили зло во внешних обстоятельствах, в общественном устройстве. Современные писатели видят зло как явление, внутренне присущее человеку. Видные писатели-постмодернисты

Саша Соколов, Эдуард Лимонов, Татьяна Толстая, Виктор Ерофеев оставляют, очевидно, заметный след в литературе последнего двадцатилетия. Это наследие интересно еще и тем, что оно выводит русскую литературу на европейский уровень. Но указанные выше критики задаются и таким вопросом: постмодернистская литература наращивает объем культуры или нет? И отвечают, что здесь должен быть диалектический подход: с одной стороны, суровое содержание, но с другой - это совершенствование формы произведений, это литература индивидуальных стилей, хотя есть и общие приемы: цитирование хорошо известных произведений. Такое чтение требует хорошей подготовки читающего, иначе многое остается непонятным.

Критики прогнозируют рождение новой литературы, основанной на оптимизме, человеколюбии. Но для этого обществу нужно освободиться от чувства вины, от синдрома зла, она должна быть близка позитивизму. Возможно, это будет время, когда главным содержанием духовности станет «спасение человека от зла» (Н. Бердяев). По мнению Д.С. Лихачева, возможно, в культуре нового времени ярко зазвучат идеи, созданные русской культурой в начале XX века, которые не нашли полного воплощения из-за событий 1917 года. Тогда в России был как бы впрок создан такой запас духовных ценностей, которого хватит для развития русской культуры в будущем. Эта культура должна сохранить русскость, как соединение сокральности, народной патриархальности и реализма. Именно это должно помочь русской культуре противостоять динамической постиндустриальной западной цивилизации.

Постмодернизм - это специфический метаязык культуры, активно входящий в спонтанное течение жизни. Поэтому здесь уже можно говорить о формировании нового типа культуры. На Западе это проявляется во всех видах искусства, в политике, моде.

Русский постмодернизм имеет глубокие корни (А. Рубцов. Родина. 1996. № 1). Он как бы соединяет «язычество культуры» и «всемирную отзывчивость» (склонность к заимствованию). Но это не простое копирование, а преломление через собственную призму и переплавка в особую русскость. Это скорее коллаж, где русское и нерусское соединяется в новое, (Ю. Орлицкий, Е. Яб-

локов. Родина. 1996, № 2). Эта культура основана на игре-узнавании того, что было раньше, поэтому уместна метафора современной культуры со стеклянной матрешкой, через которую видно «прошлое» свое и чужое. Но для того, чтобы понять это, необходим «ключ». Как правило, это видение прошлого появляется на стыке эпох, когда одни тенденции отмирают, а другие нарождаются. Это переосмысление и дает возможность посмотреть на собственную культуру через «стеклянную матрешку» и по-новому ее оценить. Сейчас идет переоценка культуры советского периода и одновременно мощное влияние западной культуры, что и создает основу русского постмодернизма.

Но духовность народа и развитие культуры должны быть заботой не только творческих личностей, но и четкой государственной политики. Одной из проблем является отношение к религии и церкви. Принят закон о религии, который объявляет равенство всех конфессий и свободу совести. Естественно, в условиях снижения жизненного уровня и духовного вакуума многие обратились к религии. Но духовность, по мысли Н.А. Бердяева, это «свободное, активное, творческое начало в человеке» и не может быть основано на слепой традиционной вере. Недаром молодежь увлекается евангелистскими течениями, больше приближенными к обычной человеческой жизни.

Как положительное можно отметить стремление общества к знакомству с историей религии, с творчеством религиозных художников, поэтов, композиторов. Но искусственное насаждение религиозного воспитания в школах опасно, тем более, что преподавание, как правило, ведут учителя-атеисты.

Вторая проблема, которую государство решает на современном этапе, - совершенствование системы образования. Принят «Закон об образовании», главным содержанием которого является введение различных типов учебных заведений, включая частные. Предполагается давать разнообразное и разноуровневое образование как в школах, так и в высших учебных заведениях.

К сожалению, пока мало что сделано для осуществления этого закона. Конечно, многое в его реализации будет зависеть от стабилизации экономики, но вызывает опасение разрушение материально-технической базы и уход высококвалифицирован-

ных кадров из сферы образования. Это может принять необратимый характер и негативно отзовется через определенное количество лет.

И третья проблема - это государственная политика в области культуры. Приняты «Основы законодательства о культуре». Документ создает правовую базу для сохранения и развития отечественной культуры, декларирует невмешательство государства в творческую деятельность граждан и объединений, гарантирует учреждениям культуры финансовую поддержку. Но от закона до реализации - дистанция огромного размера. Поэтому в современных условиях продолжается отток выдающихся деятелей культуры за рубеж. (В. Спиваков, Ю. Темирканов, М. Плисецкая, М. Казаков и др.)

Не решен до сих пор вопрос об охране памятников истории и культуры. В условиях перехода архитектурных зданий в частные владения этот вопрос требует незамедлительного решения.

Несмотря на то, что сейчас многие проблемы не могут быть решены, важно отметить, что закладывается правовая основа будущего культурного развития страны.

Но необходимо уже сейчас утверждать идеи особой духовности русского народа, который неоднократно спасал Европу от врагов (татаро-монгольское нашествие, 1812 год, 1945 год), нужно почаще вспоминать слова А.С. Пушкина, что «Европа по отношению к России всегда была столь же невежественна, сколь и неблагодарна».

Хочется закончить рассуждения о духовности словами великого художника и философа Николая Константиновича Рериха, написанными в 1942 году: «Можно ли сейчас говорить о красоте, о прекрасном? И нужно, и должно. Через все бури человечество пристает к этому берегу. В грозе и молнии оно научится почитать прекрасное. Без красоты не построятся новые оплоты и твердыни».

Вероятно, эта красота будет воплощаться в исконно русском эстетическом типе героя и обстановки. Должен вернуться так называемый «стиль империи», который возродит гордость за свою Родину, за русский народ и его историю.

Источники и литература

- Аверинцев С.С.* Надежды и тревога // Наше наследие. - 1988. - № 4.
- Бердяев Н.А.* Избранное. - М., 1990.
- Битов А.* Мы проснулись в незнакомой стране. - Л., 1992.
- Борин Ю.* Сталиниада. - М., 1990.
- Быстрова А.* Мир культуры. - М., 2000.
- Вагнер Г.К.* Духовной жаждою томим // Наше наследие. - 1990. - № 5.
- Гройс Б.* О пользе теории для искусства // Литературная газета. - 1990. - 31 октября.
- Досье (приложение к Литературной газете). - 1991. - № 9.
- Дружба народов, 1988, № 7-10 (переписка Б. Пастернака с О. Фрейд-денберг).
- Другое искусство: 1956-1976 // Литературная газета. - 1991. - № 1.
- Евтушенко Е.* Фехтование с навозной кучей // Литературная газета. - 1991. - № 3.
- Емохова Л.* Мир художественной культуры. - М., 2000.
- Ерофеев В.* В лабиринте проклятых вопросов. - М., 1990.
- Ерофеев В.* Новая смена вех // Российская газета. - 1993. - 4 января.
- Иконников А.* О ценностях подлинных и мнимых // Наше наследие. - 1990. - № 3.
- Кублановский Ю.* Поэзия нового измерения // Новый мир. - 1991. - № 2.
- Курицын В.* Постмодернизм: новая первобытная культура // Новый мир. - 1992. - № 2.
- Курицын В.* На пороге энергетической культуры // Литературная газета. 1990. № 3.
- Лихачев Д.С.* Сохраним ли литературное пространство // Литературная газета. - 1991. - № 143.
- Лихачев Д.С.* Слишком долгий путь к закону // Российская газета. - 1993. - 10 января.
- Литература русского зарубежья. - Т. I. - М., 1990.
- Медведев Ф.* После России. - М., 1992.
- Нагибин Ю.* О русской культуре замолвите слово // Правда. - 1991. - 20 апреля.
- Наше наследие. - 1990. - № 3.
- Неизвестный Э.* Катакомбная культура и официальное искусство // Литературная газета. - 1990. - № 40.
- Носов С.* Литература и игра // Новый мир. - 1992. - № 2.
- //Огонек, - 1987, - № 10; 1988, - № 20; 1989, № 9; 1990, № 32.

Пархоменко И. Радугин А. История мировой и отечественной культуры. - М., 2000.

Постановления ЦК ВКП(б) 1946-1948 гг. - М., 1951.

Рерих Н. Лишь мощь духа переборет ужас исковерканной жизни // Комсомольская правда. - 1991. - 19 ноября.

Родина, 1991, №№ 2, 3, 4, 5, 8-9. О русских эмигрантских журналах. //Родина. - 1996. - № 1,2.

Сахаров А.Д. Мир, прогресс, права человека. - М., 1990.

Сахаров А.Д. Конституция // Новое время. - 1989. - № 52.

Солженицын А.И. Бадался теленок с дубом // Новый мир. - 1991. - № 6-12.

3. Лидеры тоталитарной системы

Высшая власть всегда была в руках партийных лидеров единственной партии, узурпировавшей власть в результате государственного переворота в октябре 1917 года.

Д. Волкогонов

Никита Сергеевич Хрущев (1894–1971 гг.)

После ухода с политической сцены двух вождей (Ленина и Сталина) еще около 40 лет страной будут руководить лидеры, которым власть достанется в результате решения узкого круга лиц - Политбюро правящей партии.

Так получил всю полноту власти и Никита Сергеевич Хрущев в сентябре 1953 года, став Первым секретарем ЦК КПСС, а в 1958 году Председателем Совета Министров СССР.

Хрущев принадлежал ко второму, послереволюционному поколению партийных руководителей, за плечами которых был рабфак, промакадемия и другие учебные заведения, которые они заканчивали заочно. В основном это были практики, помогавшие Сталину утверждать административно-командную систему и тоталитарный режим.

Н. С. Хрущев ни разу не подвергался «испытаниям» карающими органами, ни разу у Сталина не возникло сомнений в его

преданности. Почему? Скорее всего потому, что он был из самых «низов» русского дореволюционного общества. Но, кроме этого, он верно и преданно служил делу Ленина-Сталина, напористо проводил в жизнь идеи партии.

30 лет Н. С. Хрущев был членом ЦК (в начале ВКП(б), а затем КПСС), с 1939 года - член Политбюро, т.е. у самой вершины власти. По воле Сталина он направлялся на различные партийные посты: на Украине возглавлял ЦК, в Москве - городскую партийную организацию.

Его подпись стоит на многих «расстрельных» списках. Именно это было главной причиной скорой расправы над Берией после смерти Сталина. Хрущев, как и другие, боялся за себя. Но уже в момент ареста и суда над Берией, вероятно, начал созреть план нанесения удара по сталинизму. А пока главная забота - уничтожение личного архива Берии, в котором находились документы, «содержащие провокационные и клеветнические данные».

Смерть Сталина вселила надежду у заключенных о скором освобождении. Пошел поток писем в ЦК и Верховный Совет. Особенно массовым это стало в 1955 году, когда заканчивался 10-летний срок отбывания в лагерях военнопленных-предателей, оуновцев, «лесных братьев» и других категорий осужденных. Началась их реабилитация и освобождение. Была осуществлена замена старых «сталинских кадров» в судах и прокуратуре, поставлена под контроль ЦК КПСС деятельность карающих органов. 31 декабря 1955 года была создана комиссия о нарушении социалистической законности под председательством академика П. Н. Пospelова. Хрущев лично беседовал с членами комиссии по расследованию массовых репрессий. Ему нужны были громкие факты и имена, чтобы доказать сталинский произвол и беззаконие. В результате работы комиссии родилась главная мысль: культ личности и нарушение социалистической законности - дело рук Сталина и его помощников Ежова и Берии. При обсуждении в Политбюро результатов деятельности комиссии не было единой оценки. Хрущев считал, что необходимо с этим материалом ознакомить делегатов XX съезда. Доклад «О культе личности и его последствиях», который Хрущев читал 4 часа, деле-

гаты слушали, затаив дыхание, так как многие впервые услышали о зверствах, чинимых сталинским режимом. Хрущев резко противопоставлял Ленина Сталину, упоминая о ленинском «Завещании», в котором Ленин предупреждал страну и партию о грубости и капризности Сталина. Свалив всю вину на Сталина, Хрущев призывал «вернуться к ленинским нормам государственной и внутривластной жизни».

Однако, Хрущев не решился рассказать правду народу, а ограничился только тем, что разослал брошюру с текстом доклада в партийные комитеты для ознакомления. Никакого обсуждения ни на съезде, ни на местах не было. Но слухи и разговоры, вызванные отсутствием информации, становились опасными. Поэтому летом 1956 года ЦК КПСС принимает постановление «О культе личности и его последствиях», в котором очень кратко характеризовался культ как чуждое социализму явление, определялись причины его возникновения в период деятельности Сталина и намечались пути его преодоления в ближайшее время. Главное внимание уделялось коллективным методам руководства, что должно было еще больше укрепить социалистическую систему, придать ей демократизм, способствовать продвижению к коммунизму.

Неоднозначно восприняли это постановление и вообще осуждение Сталина не только в нашей стране, но и в других социалистических странах. Попытки сбросить ярмо социализма проявили руководители Польши, а противоположная реакция последовала из Югославии и Китая, где возникли собственные культы И. Б. Тито и Мао Цзедуна. Но значение этой политической, гражданской акции Хрущева огромно. Началась эпоха десталинизации общества, всего социалистического мира. И хотя этот процесс затянется на долгие десятилетия, остановить его было уже невозможно. Это не смогли сделать его главные оппоненты (Маленков, Молотов, Каганович, Булганин в 1957 году).

Но, борясь против культа, сам Хрущев стремился приобрести авторитет у широких народных масс, поэтому главную роль, которую он играл - это роль реформатора («новатора, ниспровергателя, экспериментатора, волюнтариста, преобразователя» по мнению Д. Волкогонова). Многие удалось сделать для

колхозного крестьянства (списана задолженность, увеличены заготовительные и закупочные цены, увеличены капиталовложения в сельское хозяйство, введен новый порядок планирования, началось освоение целины). Но этому энергичному человеку с «вулканическим характером» нужно было еще увлечь народ своей мечтой.

На XXII съезде в докладе «О программе Коммунистической партии Советского Союза» Хрущев объявил о том, что «нынешнее поколение людей будет жить при коммунизме!» Это означало, что за 20 лет необходимо создать не только мощную материально-техническую базу и сформировать новые коммунистические общественные отношения, но и изменить человека, воспитать гармонично развитую личность! Естественно, аналитики Запада, да и здравые политики и экономисты нашей страны понимали всю абсурдность этой утопической идеи, но, перефразируя известные слова поэта, можно сказать: «Обмануть народ нетрудно, он сам обманываться рад». Действительно, народным массам казалось, что, одолев войну и ликвидировав ее последствия в исторически короткие сроки, свалив груз сталинского режима, можно сделать качественный рывок в светлое будущее.

Если обратиться к тексту «Программы КПСС», то увидим, что вся система доказательств возможности построения коммунизма в СССР не выдерживает никакой критики, так как пути, там указанные, отражают примитивизм ее создателей. Например, переход от кооперативно-колхозной собственности к общенародной рассматривался как быстрый перевод колхозов в совхозы! А воспитание гармонично развитой личности видится как проведение в жизнь основных положений «Морального кодекса строителя коммунизма»! Но самое потрясающее - это убеждение в том, что коммунизм можно строить в одной стране! Таким образом, вновь утопия, но привлекательная, поданная в примитивно-доступной форме. Нет необходимости говорить о том, как быстро народ разочаровался и в самой идее, и в ее авторе.

Но Хрущев вошел в историю нашей страны как деятельный руководитель. В отличие от Сталина, который почти не покидал Кремль, Хрущева видели везде: на стройках, в цехах, в колхозах, на оборонных объектах. Много сил и энергии он отдал развитию ракетостроения и освоению космоса. Здесь есть определенные вехи.

Одно из важных событий произошло в сентябре 1954 г., когда на высоте 350 м был взорван ядерный заряд на Тоцком полигоне в Оренбургской области, что привело к многочисленным жертвам животных и заболеваниям людей; в 1957 г. был запущен первый искусственный спутник Земли; в 1961 году началось перевооружение Советской Армии ракетно-ядерной техникой; в том же году в космос ушел первый корабль, пилотируемый Ю. А. Гагариным. Хрущев верно оценил отечественных создателей космической техники и космонавтов, сказав: «Эти достижения являются не только достижениями нашего народа, но и всего человечества».

В дипломатической деятельности Н. С. Хрущева наряду с удачами следовали существенные провалы. К первым можно отнести попытки улучшить отношения с Югославией и Китаем в 1954 году, подписание договора о запрещении испытаний атомного оружия в трех средах в 1963 г., ко вторым - возведение Берлинской стены, Карибский кризис. Но не столько результаты важны для понимания личности Хрущева, сколько его поведение на международных форумах. Особенно памятен миру визит лидера Советской страны в США, который он совершил в окружении многочисленной свиты и семьи с 19 сентября по 13 октября 1960 года на теплоходе «Балтика». В это время в Нью-Йорке работала XV сессия ООН, на которой Хрущев выступал 10 раз! Он угрожал мировому капиталу («Мы вас закопаем», «ликвидация капиталистической системы - вопрос времени»). Наводил ужас на обывателей, говоря, что производство ракет у нас поставлено на поток, как изготовление колбасы на Чикагском мясокомбинате.

Хрущев имел четкие ориентиры, кто - друг, кто - враг. Враждебен СССР капиталистический мир, а дружба возможна только с социалистическими странами. Но в его время возник и «третий мир». 1960 год принес освобождение от колониальной зависимости значительному числу стран африканского континента. За 10 лет в странах «третьего мира» было построено более 6 тысяч предприятий на многие миллиарды рублей. Хрущев пытался убедить лидеров арабских стран (Бен Белу, Абдель Гамаль Насера) в необходимости следовать социалистическим курсом.

Но у Хрущева хватало мудрости и ответственности в решающие моменты, когда мир балансировал на грани войны (осень 1962 года - не только Карибский кризис, но и сбитый советскими ракетами американский самолет U - 2).

В чем трагедия Н. С. Хрущева? Понимал ли его народ, были ли у него настоящие друзья, единомышленники? Анализ его деятельности как лидера показывает, что он был невероятно одинок как в своих устремлениях, так и в бурной деятельности. Д. Волкогонов пишет: «После мрачных гигантов, носивших выдуманные фамилии Ленин и Сталин, Хрущев в конце концов оказался для общества как бы легковесным, недостаточно ортодоксальным руководителем. Реформы не смогли понять, а многие не захотели простить разоблачение «культа личности». Хрущев был первым лидером, которого отстранили от высшего поста, принудив к отставке путем заговора. Не многие тогда жалели об этом. Новый руководитель страны Л. И. Брежнев казался более основательным и предсказуемым, чем неумный реформатор». Но современная оценка деятельности Хрущева значительно отличается от той, что была дана на октябрьском (1964 года) Пленуме ЦК КПСС. Признавая его низкий культурный уровень и образованность (особенно это проявилось на выставке в Манеже в 1962 году), современные исследователи видят в нем человека не книжного, а природного ума, человека со страдающей душой, что и привело его к совершению морального подвига: сделать отчаянную попытку порвать с мрачным прошлым, монополией диктатуры. Но будучи сыном своего времени, он не знал, как это сделать лучше, а действовал импульсивно, поэтому не всегда верно. Вот какую характеристику дает Ф. Бурлацкий, долгие годы находившийся рядом с ним: «Хрущев властен, вспыльчив, необуздан, груб. В том числе и в отношении своих близких коллег, самоуверен и падок на лесть. Одновременно - порывист, нетерпелив, увлекающийся, одержимый духом новаторства, но без серьезной концепции...»

Леонид Ильич Брежнев (1906-1982 гг.)

Власть Л. И. Брежневу досталась в результате партийного заговора в октябре 1964 года. Это была не просто смена лидера,

а изменение партийного курса от робкой «оттепели» до реставрации консервативных основ. Открытое возвращение к стабилизации началось в 1969 году, в газете «Правда» была опубликована статья к 90-летию со дня рождения И. В. Сталина.

Консерватизм Брежнева проявился в стремлении сохранить неизменным партийный, государственный и хозяйственный аппарат не только в верхах, но и на всех уровнях, обеспечить этому бюрократическому аппарату привилегии и льготы. Эти две линии и будут определять его деятельность внутри страны.

Брежнев - типичный номенклатуришник. В его биографии значительное место занимает деятельность в хозяйственном и партийном аппарате. В годы войны он дослужился до звания генерал-майора на 4 Украинском фронте в политуправлении. Его можно назвать выдвиженцем Н. С. Хрущева, который предлагал его после войны на должность секретаря обкома на Украине, а затем и первого секретаря в Молдавии, позже - секретаря ЦК Казахстана, где под его руководством было осуществлено освоение целины, за что в 1956 г. он стал секретарем ЦК. Последнее «благоденствие» Хрущева состояло в назначении Брежнева Председателем Президиума Верховного Совета СССР в 1960 году. Многие исследователи отмечают невысокий уровень грамотности и образованности Л. И. Брежнева, не имевшего высшего образования. Получив всю полноту власти, он действовал по контрасту с Хрущевым: не проявлял кипучей инициативы, был благожелателен и радушен со всеми. Он устраивал всех, все могли надеяться на его поддержку. Но это было для него опасно, так как возникали условия, при которых влиятельные сподвижники могли проводить собственные решения. И все же эти годы нельзя назвать и безвластием, так как реальная власть находилась в руках Андропова (председатель КГБ) и Черненко (секретарь ЦК по организационным вопросам). Именно они по сути уже в эти годы осуществляли руководство страной и партией, а Брежнев был проводником идей консервативно настроенных сторонников.

На смену бурному периоду реформ и преобразований пришла эпоха застоя и стабильности. На чем держался этот новый курс? Прежде всего на военно-стратегическом паритете СССР и

США. Некоторая стабильность во внешнеполитической деятельности сказалась и на внутренней политике. Определенным компромиссом с капиталистическим миром можно считать пересмотр идеи построения коммунизма, которая была заменена созданием «развитого социализма». Но это внешне благополучное общество начало давать сбой, в основе которого лежало отсутствие веры в истинность партийных призывов. Народ почувствовал, что у руководителей партии нет реального решения самых насущных экономических проблем. Переход к «использованию экономических рычагов и стимулов», отказ от чрезмерной централизации, декларированный в 1965 году, так и не были проведены в жизнь, а это с необходимостью вело к иждивенчеству, снижению трудовой дисциплины, падению темпов прироста производства товаров и т. д. Знал ли об этом Леонид Ильич Брежнев? Несомненно. Но и сам генсек, и его ближайшие помощники, Андропов и Черненко, видели панацею в укреплении партийного аппарата, улучшении деятельности руководства предприятий. Отсюда бесконечное число курсов повышения квалификации, обучение партийного и комсомольского аппарата в партийно-комсомольских школах и т. д. Но это мало что меняло, лишь увеличивало число беспринципных руководителей.

Страна впадала в паралич, который вызывался как болезнью лидера, так и боязнью молодых начать перемены, пока он жив. Так рождалась двойная мораль, пронизывающая все клетки огромной страны.

Однако было бы неверно думать, что в период застоя слабо действовали карающие органы. Как раз наоборот! Именно в эти годы с огромной силой заработал репрессивный аппарат, который был призван защищать отмирающую систему.

Одним из значительных событий брежневского времени стала «пражская весна» и ее разгром в августе 1968 года. А. Дубчек, лидер «пражской весны», не хотел полного разрыва с Москвой, его цель - освободиться от сталинщины, сделать социализм более демократичным. Но в Москве восприняли либерализацию в области печати и молодежного движения как оппортунизм и вынашивание темных контрреволюционных планов. На Дубчека оказывалось мощное давление со стороны руководителей ком-

партий Венгрии, Болгарии, ГДР. Неоднократно выносили этот вопрос на заседания Политического Консультативного Комитета Варшавского Договора. Летом проводились военные учения, что можно было рассматривать как репетицию подавления «пражской весны». Страна и мир были подготовлены к военному разрешению конфликта между Москвой и Прагой. 21 августа Прага была молниеносно занята десантными войсками стран Варшавского договора. Руководителей КПЧ отправили в Москву, где они согласились изменить курс на прежний, ортодоксальный, в русле КПСС. Этот стиль в западной политологии получил название «доктрина Брежнева», но это не совсем верно, так как уже Сталин и Хрущев пользовались этим приемом. В определенном смысле эта угроза силой была продемонстрирована и Польше в 1980 году, когда на политическую сцену вышла «Солидарность» Леха Валенсы. И только последовательная твердая позиция Войцеха Ярузельского предотвратила военное вмешательство СССР.

Запомнятся годы застоя и Афганской войной, а проще говоря, вмешательством СССР в дела одной из восточных стран, имеющей очень выгодное стратегическое положение. Дворцовый переворот там рассматривался Москвой как апрельская революция, а противоречия между Тазаки и Амином закончились победой последнего. Это не устраивало СССР, поэтому Амина убрали, на политической сцене появилась новая марионетка - Бабрак Кармаль. В декабре 1979 года за подписью Брежнева, Андропова, Устинова, Черненко, Суслова, Гришина, Кириленко, Пельше, Громыко, Тихонова, Пономарева и Щербицкого было решено ввести войска в Афганистан.

Переход нашими войсками государственной границы в районе Афганистана вызывал шок во всем мире. СССР стал участником чужой гражданской войны, из которой вышел при другом генсеке, через 10 лет, потеряв около 14 тыс. убитыми и около 50 тыс. ранеными.

Чем хуже шли дела внутри страны и на международной арене, тем больше развивалось тщеславие Л. И. Брежнева. Он, ссылаясь на общественное мнение, настоял на присвоении ему маршальского звания, а затем и многих орденов и медалей. Совершенно уникально награждение Брежнева 4 звездами Героя Со-

ветского Союза (1966 г., 1976, 1978 г., 1981 г.). Он был также Героем Социалистического Труда, получил высшие награды всех социалистических стран и многих стран «третьего мира». Страна и мир с сарказмом внимали этому звездопаду.

Время Брежнева - время активной борьбы КПСС и советского государства с диссидентами, правозащитниками, борца ми за свободу личности. Значительную роль в настрое Брежнева против инакомыслящих играл председатель КГБ Андропов. Для борьбы с этим «чуждым советскому строю явлением» принимались многочисленные постановления. Например, «О мерах по усилению борьбы с незаконным использованием радиопередатчиков» (1971 г.) или «О мерах дальнейшего повышения бдительности советских людей» (1977 г). В Уголовный Кодекс СССР была введена статья 190/1, которая предусматривала наказание «за антисоветскую пропаганду и агитацию». По этой статье с 1967 по 1971 года было осуждено 1583 человека. Насильственное выселение из страны, принудительное лечение в психиатрических больницах, лагеря и ограничение в передвижении по стране - вот методы, которыми КГБ и КПСС пытались защитить систему от инакомыслящих. Но эти ростки свободомыслия уже не могли быть уничтожены.

Система приближалась к кризису. Нужды быть ответственные, исторические решения по кардинальным переменам. Прежние методы, основанные на насилии, администрировании, единовластии, идейной одномерности начали давать сбой. Страна ожидала глубоких перемен.

Ю рий В ладимирович Андропов (1914-1984)

В ноябре 1982 года в СССР в очередной раз произошла смена власти В связи со смертью Л. И. Брежнева. Новым Генеральным секретарем ЦК КПСС, а с июня 1983 года и Председателем Президиума Верховного Совета стал Ю. В. Андропов, до этого возглавлявший КГБ.

На фоне бездарного, безграмотного, политически и физически слабого руководства Андропов казался умелым и крупным политиком. Прежде всего ему удалось удержать КГБ от корруп-

ции, сохранить деятельность этого органа, который вместе с армией составлял основу власти. Андропов преодолел неприязненные отношения между этими силовыми структурами и установил дружеские отношения с министром обороны Д. Ф. Устиновым.

Переход власти в руки представителя силовой организации казался вполне оправданным, так как в США президентом был избран жесткий Рональд Рейган.

Андропов занимал пост Генеральной секретаря всего 15 месяцев. Но популярный американский журнал «Тайм» назвал его в декабре 1983 года «Человеком года». Даже по рейтингам в 1995 г. он занимал первое место (по 5-балльной системе - 4,06 баллов). Почему? Этот период наглядно показал, что в обществе жива тоска по «сильной руке», «сильному лидеру», который заботится о благе народа, а не о собственных привилегиях.

Чем отличается Андропов от своих предшественников Хрущева и Брежнева? Все исследователи отмечают его образованность и скромность. Андропов родился в семье инженера-путейца, мать была учительницей. Он рано потерял родителей, поэтому с детства началась его трудовая жизнь (киномеханик, телеграфист), учился в техникуме водного транспорта, а с середины 30-х годов начинается его комсомольско-партийная карьера в Рыбинске, Ярославле и Петрозаводске. В годы войны участвовал в партизанском движении Карелии, затем там же работал секретарем ЦК компартии республики. Его миновало «ленинградское дело», благодаря заступничеству Отто Куусинена, который занимал пост председателя Президиума Верховного Совета Карело-Финской республики. С 1951 г. он в ЦК партии в Москве, здесь заканчивает высшую партийную школу. Некоторое время работает в МИДе (посол в Венгрии), а с 1961 года и до конца жизни состоит членом ЦК КПСС, с 1967 - Председатель КГБ.

Андропов возглавил этот карающий орган в тот момент, когда активизировалось диссидентское движение. На протяжении 15 лет совершенствовалось научно-техническое обеспечение внешней разведки, были разработаны и осуществлены многочисленные операции по защите государственных интересов, создан спецназ. Но КГБ в представлении определенной части интеллиген-

ции не всегда связан с активной борьбой «пятого управления» против диссидентов. Чтобы усилить контроль за поведением и настроением советских людей, были восстановлены, как в 30-е гг., районные отделы КГБ, спецотделы на предприятиях и учреждениях.

Следует серия судов над активными деятелями диссидентского движения: А. Гинзбургом, Ю. Талановой, и В. Дашковой (1968 г.), П. Литвиновым, Л. Богораз и др. (1968 г.), П. Григоренко (1969 г.), Н. Горбаневской (1970 г.), Р. Пименовым и В. Вайлем (1970 г.), В. Буковским (1972 г.) и др. Более часто стали применять принудительное лечение в психиатрических больницах (Ж. Медведев, Л. Плющ и др.).

Одним из методов борьбы с диссидентами стала высылка за границу (А. Солженицын, 1974 г.). КГБ тщательно фильтровало людей, добровольно покидающих страну (в основном еврейской национальности).

Множество докладных записок направил Андропов в ЦК КПСС по поводу академика А. Д. Сахарова.

По инициативе Андропова создавались отдушины, где можно было «критиковать» недостатки. Таковую роль играла в 70-е годы «Литературная газета», редактор которой получал соответствующие разрешения из КГБ.

Ю. В. Андропов, возглавляя борьбу с диссидентами, признавал их реальную опасность для советского строя и тоталитарного, режима. Он действовал как профессионал, на уровне мировых стандартов.

Став генсеком, большое внимание Андропов уделял подбору кадров. Своим заместителем он назначил В. А. Крюкова. Секретарем ЦК, отвечающим за экономику, стал Н. И. Рыжков.

Итак, избрание Ю. В. Андропова на самый высокий пост СССР породило надежду на изменения. Оправдал ли он эти надежды? Прежде всего отметим, что он был великолепно информирован о состоянии всех сфер жизни общества - политической, экономической и духовной; видел неэффективность тех методов, которые применялись его предшественниками. Он искренне хотел изменить это положение. И главным рычагом этого изменения он считал искоренение коррупции в верхах и укрепление исполнительной дисциплины на всех уровнях.

Борьба с коррупцией началась со штата правоохранительных органов самого высокого эшелона. Так; в декабре 1982 года был освобожден министр внутренних дел Щелоков (впоследствии покончил жизнь самоубийством). К мафиозным группировкам были отнесены директора гастрономов Ю. Соколов и С. Нониев, что вызывало панику в Московском горисполкоме и горкоме партии. Началась охота на «подпольных миллионеров» с Северного Кавказа и Средней Азии (началось расследование хлопкового дела Гдляном и Ивановым). Усилилась деятельность ОБХСС (отдел милиции по борьбе с хищениями социалистической собственности) по выявлению преступлений в Министерстве плодоовощной промышленности. Началась борьба с пьянством на производстве, были введены наказания за прогулы, простои, опоздания. Увеличилось число нарядов милиции, дружинников в вечерние часы на улицах городов.

Изменился и график работы всего аппарата, а отличие от «брежневского времени», были отменены и «барские выезды», когда 6-8 ЗИЛов мчались с огромной скоростью по проспектам Москвы. Андропов приезжал на работу к 9 часам, в машине, почти без сопровождения. Изменился и протокол встречи глав государств, которых Андропов ждал в Кремле, а не у трапа самолета, так как это занимало много времени.

Приход Андропова к власти положил конец обильным пиршествам как в Кремле, так и в охотничьих угодьях. Были взяты на учет все правительственные дачи. Например, под Москвой существовало 8 личных дач семьи Брежнева.

Но главной заботой руководителя огромной страны оставалась экономика. Ю. В. Андропов в статье «Учение К. Маркса и некоторые проблемы построения социализма в СССР» высказал мысль о стадийности построения социализма и подверг сомнению факт построения «развитого социализма». Он обратил внимание на то, что в предшествующий период оплата труда производилась не в соответствии с уровнем производительности труда, что вначале производило благополучное впечатление, но в дальнейшем привело к отрицательным экономическим последствиям. Началась перестройка управления промышленностью. В соответствии с этими замечаниями был принят ряд постанов-

лений, направленных на совершенствование методов руководства процессом оплаты труда, увеличение производства товаров широкого потребления, экономического стимулирования, развития приусадебных и садово-огородных участков и т. д.

Изменилось содержание газетных публикаций. Здесь можно было прочесть о еженедельных заседаниях Политбюро с кратким содержанием рассматриваемых проблем, чего раньше не было. Появляются статьи критического содержания Ю. Черненко по проблемам экономики в журнале «Новый мир».

Нелегкие проблемы пришлось рассматривать Андропову и в области идеологической жизни общества. Творческая интеллигенция ожидала серьезных перемен. Но все шло по-прежнему: жесткий контроль за репертуаром театров (Ю. Любимов не смог показать «Бориса Годунова»: пьеса Ф. Эрсмана «Самоубийца» в Московском театре сатиры и др.), большое внимание уделялось идеологизации жизни страны. Множество мероприятий было проведено в связи со 165-летием со дня рождения К. Маркса, 80-летия образования РСДРП и др. Но вместе с тем необходимо отметить более объективную оценку Курской битвы, 40 лет со дня которой было отмечено рядом статей в нескольких журналах.

Значительное место в деятельности Ю. В. Андропова занимали проблемы внешней политики и, прежде всего, европейской безопасности, но тогда в конечном счете эта проблема сводилась к ограничению вооруженных сил стран «НАТО и Варшавского договора». Именно в эти годы идет замена устаревших ракет на более мощные и совершенные (Першинг-2 и SS-20). Андропову не удалось договориться с США о сокращении ракет на европейском континенте и военный паритет был восстановлен, но на более высоком уровне ракетного потенциала.

Андропов принимал участие в работе совещания партийных руководителей стран социалистического содружества, где вырабатывалась стратегия политических, экономических и культурных связей.

1 сентября 1983 г. над Японским морем был сбит южнокорейский гражданский самолет, на борту которого находилось 269 человек. Сам факт уничтожения объекта, нарушавшего воздушное

пространство, не может быть оспорен, но неясным остается то, почему советское руководство не сообщило подробности инцидента для освещения в мировой печати. В нашей прессе сообщалось только об уничтожении самолета-нарушителя без уточнения того, что это гражданский самолет. Этот инцидент существенно отразился на наших отношениях с США и Японией, которые закрыли аэропорты для наших самолетов.

Одной из болевых точек СССР оставалась война в Афганистане: увеличилось число погибших, не просматривалась перспектива развития событий в этой восточной стране, участились случаи коррупции среди генералов, увеличился приток наркотиков через границу.

Андропов имел серьезные проблемы со здоровьем: инфаркт в 1960 г., подагра, почечный диабет, в конце 70-х долго страдал острым кишечным заболеванием после визита в Китай, а в начале 80-х переболел «азиатским гриппом» в Афганистане. Напряженная работа не оставляла возможности для отдыха. Здоровье катастрофически ухудшалось, особенно зимой, когда возникала необходимость подключения к искусственной почке. В мае 1983 г. ему стало трудно передвигаться, подниматься по лестнице, выходить из машины. В сентябре Юрий Владимирович отдыхал в Крыму, во время одной из прогулок переохладился, что и ускорило течение болезни.

В его отсутствие все заседания Политбюро вел К. У. Черненко, но решения по всем вопросам согласовывались с Андроповым. Лечащие врачи отмечали, что до последнего времени он сохранял ясный ум, прекрасную память и стремление к получению разнообразной информации. Он много читал, хотя видел только одним глазом, смотрел информационные передачи по телевизору, читал художественные произведения, сочинял стихи, посвященные жене, часто говорил о живописи. Перед смертью он пожелал встретиться с теми людьми, которые ему были близки. 9 февраля 1984 года его не стало. Слишком небольшой срок пребывания у власти не позволил создать прочную основу для продолжения его курса, поэтому старая номенклатура постаралась взять реванш и очередным «хозяином» страны стал К. У.

Черненко.

Отношение к Андропову в различных слоях общества остается неоднозначным. В массовом сознании он остался руководителем, который активно начал борьбу с хищениями, за укрепление законности и порядка. Правоохранительные органы с ностальгией вспоминают этот период, так как он дал возможность добраться до коррумпированной части партийно-государственного аппарата. Прокурор уже мог независимо от партийного секретаря решать вопросы о привлечении номенклатуры к ответственности.

Но беда Андропова заключается в том, что все эти преобразования не могли обновить систему, скорее всего она победила бы Андропова или он сорвался бы на сталинский террор.

Константин Устинович Черненко (1911 – 1985 гг.)

К.У. Черненко на посту Генерального секретаря ЦК КПСС пробыл всего 13 месяцев. Он, в отличие от своих предшественников, не оставил в памяти никаких воспоминаний, кроме того, что это был физически и духовно старый человек, что ассоциировалось с последними днями всей системы.

К тому же вся предшествующая его карьера была карьерой чиновника, о котором практически не знали. По характеру скрытный и осторожный, с посредственным умственным развитием, торопливой и невнятной речью, он был плодом протекционизма Брежнева, его боевым другом и соратником. Так почему выбрали его, а не молодого и энергичного Горбачева?

Ответить можно по-разному. Но главная причина в том, что на самой вершине власти уже с «брежневской эпохи» изменились критерии ценностей - превалировали не интересы страны, а соблюдение традиций, партийных норм. Ни у кого не хватило мужества сказать правду о немощи старца, не смог отказаться от власти и он.

Черненко ничего не создал и не разрушил, у него не было ни врагов, ни друзей. За те 13 месяцев, что он провел в кресле Генерального секретаря, ничего не изменилось, но углубилось чув-

ство апатии, полного равнодушия.

Страна продолжала вести необъявленную войну в Афганистане, помогая новому ставленнику Наджибуле. И в социалистическом содружестве все шло как прежде: роптала «Солидарность» в Польше; диссидентство в Чехословакии, Венгрии, Болгарии все громче заявляло о свободе и соблюдении прав человека; советские и кубинские солдаты сражались за просоветский режим в Африке; Китай продолжал настаивать на соблюдении «трех условий»; Ким Ир Сен все больше отходил от социалистических стран; в арабском мире увеличивались арсеналы оружия, закупаемого в СССР.

В США и странах НАТО все чаще говорили об СССР как об «империи зла», а его лидер не проявил ни малейшего желания это опровергнуть ни словом, ни действием. Черненко только дважды выезжал в Европу еще при Брежневе, поэтому чувствовал себя неуверенно в дипломатической среде.

Черненко был консерватором сталинской школы. Поэтому естественным стало восстановление в партии старого соратника Сталина В.М. Молотова, который обратился в ЦК с этой просьбой. В апреле было принято решение о строительстве новых памятников В.И. Ленину в населенных пунктах. В «Избранных речах» и статьях основная тема - рассуждение о В.И. Ленине.

Сохранение брежневских традиций сказалось и в том потоке наград, который направлен был во все республики. При этом не был забыт и сам инициатор, который получил три звезды Героя Социалистического Труда.

Канцелярский стиль руководства проявлялся в некоторых постановлениях ЦК. Так, в директивах указывалось на то, что в аппарате ЦК могли работать только те, кого избирали секретарем районного, областного и городского комитетов партии; указывалось, какой ширины должны быть поля в партийных документах и количество страниц в них. Но Черненко был чиновник - «особист», в его кабинете находился аппарат, с помощью которого можно было прослушивать разговоры самых высоких сановников. Но это не было его выдумкой, он только довел до совершенства дела своего предшественника. Он старался

повторять, копировать, следовать опыту Сталина - Брежнева.

К.У. Черненко был неизлечимо болен. Сердечная и легочная недостаточность усугублялась циррозом печени. По стране поползли слухи о его болезни. Поэтому его дважды показали по телевидению: на избирательном участке и в момент вручения мандата депутата Верховного Совета РСФСР. Зрелище было постыдное и негуманное по отношению к больному человеку. С 7 февраля Черненко не появлялся в Кремле. 10 марта К.У. Черненко скончался, не оставив после себя ни воспоминаний, ни завещания.

К пульту управления страной встал М.С. Горбачев.

М ихаил С ергеевич Горбачев (р.1931 г.)

Последним лидером тоталитарной эпохи стал М.С. Горбачев, получивший пост Генерального секретаря ЦК КПСС в марте 1985 года. С его именем связаны кардинальные и необратимые перемены, которые во всем мире получили название «перестройка».

Однако не следует думать, что Горбачев, придя к власти, имел четкий план преобразований и попытался его осуществить. Нет. Скорее всего, он сердцем чувствовал и первый сказал: «Так жить нельзя». При этом он совсем не имел в виду изменение основ социалистической системы. Он хотел ее усовершенствовать. Именно поэтому на апрельском 1985 года Пленуме ЦК и на XXVII съезде КПСС он выдвинул лозунг - ускорение социально-экономических процессов. Но после того, как обнаружилось, что ускорять по сути нечего, на XIX партийной конференции придет понимание необходимости реформ. Итак, Горбачев - реформатор. И в этом его главное историческое значение для судьбы нашей страны.

Но почему именно Горбачев? Что подготовило реформаторство?

Детство и юность М.С. Горбачева прошли на Ставрополье. «Родители и родители моих родителей - крестьяне», - говорил сам Михаил Сергеевич. Трудовая жизнь началась рано - шла война. После

окончания школы Горбачев поступил в Московский университет на юридический факультет. К этому времени он уже орденосец, так как награжден орденом Трудового Красного Знамени за работу комбайнером в МТС, образцовый комсомолец, а затем и молодой коммунист. После окончания университета выбирает работу комсомольского вожака, а затем прочно связывает свою судьбу с партийной деятельностью. Одновременно заочно окончил сельскохозяйственный институт, так как работа в партийном аппарате требовала знания производства.

В 35 лет Горбачев становится секретарем крайкома партии. Это и большая ответственность, но и хорошая позиция для дальнейшей карьеры, так как почти автоматически он становится депутатом Верховного Совета и делегатом партийных съездов. Дальнейший путь Михаила Сергеевича проходил в Москве в качестве номенклатуры ЦК КПСС. При дряхлевших лидерах иногда появлялись и молодые кадры: М.С. Горбачев с 1978 г. - секретарь ЦК, а затем - член Политбюро.

Как видим, казалось бы обычный путь, но ... В формировании Горбачева значительную роль сыграли и хорошее университетское образование и знание истории многострадального народа (гражданская война, коллективизация, Великая Отечественная война и последующее восстановление прошли перед ним в рассказах старших и при участии его самого). И еще необходимо учесть, что приходу к власти Михаила Сергеевича предшествовали годы не просто застоя, как при Брежнев, а маразма, который воплощал К.У. Черненко.

В истории России всегда периоды омертвления сменяются годами бурных преобразований, когда страна пытается навстречу упущенное.

Идея перестройки была выдвинута партией в 1987 году, тогда и определилась ее цель. В докладе «Октябрь и перестройка: революция продолжается» читаем: «Цель перестройки -восстановить в теории и на практике ленинскую концепцию социализма.» В этом суть всей деятельности Горбачева, для которого ленинский социализм был идеалом, он, как и Хрущев, хотел убрать те деформации, которые возникли в системе при Сталине и Бреж-

неве. В этом половинчатость его реформ. Но прежде чем давать оценку деятельности Михаила Сергеевича, посмотрим, что удалось сделать, что не получилось и почему.

Обвинители Горбачева говорят о том, что он способствовал развалу СССР, а следовательно, и тому, что мир перестал быть биполярным (СССР - США); защитники Горбачева видят в исчезновении «империи зла» огромное благо для человечества, особенно, если учесть, что именно Горбачеву удалось перейти от слов к делу, т.е. к практическим шагам по разоружению и установить длительный мораторий на испытание ядерного оружия. При нем завершилась Афганская война, унесшая тысячи жизней. Обвиняют Горбачева в том, что он испортил отношения со странами «третьего мира», «предал» Палестину и Ирак, особенно в момент американской операции «Буря в пустыне». Защитники считают, что Горбачев сыграл роль посредника и удержался на краю серьезного международного конфликта.

Горбачева упрекают в непоследовательности проведения экономических преобразований в стране. Его призыв возвратиться к нэпу не был реализован, т.к. главный вопрос о собственности не был решен, а дальнейшее развитие только общественной формы собственности было невозможным. Но на признание частной собственности Горбачев не мог согласиться. Защитники считают, что через нэп можно было прийти к значительным изменениям (пример - КНР), но осуществить это Горбачеву помешали радикалы, стремившиеся к уничтожению общественной собственности (Ельцин, Гайдар, Чубайс), как и в 20-е годы радикал Сталин «отбросил нэп к черту», но с другой целью - быстрыми темпами создать общественную собственность.

Защитники Горбачева говорят о том, что в условиях перестройки началось изменение политической системы, делались первые шаги к разделению ветвей власти, созданию условий для многопартийности (отмена 6 и 7 статей Конституции 1977 года), состоялась передача всей власти на местах выборным органам - Советам.

Обвиняют Горбачева в том, что он не разрешил главного конфликта того времени - национального вопроса. Его нерешительность, затягивание принятия нового союзного договора, кото-

рый мог закрепить конфедеративное устройство СССР, привели к развалу мощного государства.

Обвиняли Горбачева и в том, что он был инициатором гласности, которая принесла много отрицательных последствий: поток низкопробной книжной продукции; свобода слова и печати привела к появлению порнофильмов и порнолитературы. Защитники Горбачева считают, что только благодаря гласности, завершившей процесс десталинизации общества, был дан критический анализ развития страны за все годы Советской власти, подверглась пересмотру идея построения социализма и коммунизма, вскрыты негативные стороны деятельности Ленина, Сталина и их ближайшего окружения, появилась возможность обсуждения альтернатив развития России в 1917 году и т.д. Но и те, и другие видят действенную роль гласности: с одной стороны, слово партии перестало быть истиной и последней инстанцией (и это хорошо!), но, с другой стороны, безудержное разоблачение всех и вся привело к негативному отношению широких народных масс к власти вообще, что и проявилось в событиях августа 1991 года, а затем и октября-декабря 1993 года, что отражается и сейчас в низком проценте участия избирателей в любых видах голосования.

Сейчас трудно объективно определить роль Горбачева в истории нашего государства. Это сделает будущее. Можно, однако, найти аналог Горбачеву. Многие сравнивают его с А.Ф. Керенским и Александром II. Действительно, здесь все приходится рассматривать «с одной стороны» и «с другой стороны». Главное содержание парадокса Горбачева заключается в том, что «это человек большого политического ума, но слабого характера». (Д. Волкогонов).

Горбачев как бы завершает плеяду лидеров тоталитарной системы и одновременно является первым руководителем нового, демократического, периода.

Естественно, Горбачев не бог, не пророк, не мессия. Он плоть от плоти старой системы, но в том-то и ценность, что он не только понял необходимость реформ, но и попытался начать их осуществление. Первым всегда труднее. Их подстерегают две главные

опасности: радикализм масс, которые хотят видеть быстрые результаты реформ, и консерватизм определенной части общества, которой трудно согласиться с переменами. А если добавить к этому, что Горбачев стремился осуществить преобразования либеральными методами (есть, правда, исключение в решении национального вопроса), то нам станет ясно, что судьба либералов в такой стране, как наша, всегда трагична. Это правило подтверждает и судьба М.С. Горбачева.

Источники и литература

- Болдин В.* Крушение пьедестала. - М., 1995.
- Бондарев В.* Керенский и Горбачев: Две эпохи и две драмы // Родина. - 1992. - № 8 - 9.
- Бурлацкий Ф.* Вожди и советники. - М., 1990.
- Волкогонов Д.* Семь вождей. - М., 1995. - Т.2.
- Горбачев М.С.* Жизнь и реформы. - М., 1995.
- Демократия и гласность воскресили нечисть // Источник. -1995. - № 3.
- Зиновьев А.* Я против оголтелого антикоммунизма // Воскресенье. - 1993. - № 1.
- Илюхин В.* Дело Горбачева (речь главы обвинения). - М., 1993.
- Медведев В.* В команде Горбачева: Взгляд изнутри. - М., 1994.
- Мы противоречивы? И это хорошо! // Родина. - 1996. - № 1.
- Хрущев Н.С. Материалы конференции, к 100-летию. - М., 1994.
- Хрущев вспоминает. - М., 1991.
- Шахназаров Т.* Цена свободы. - М., 1993.
- Яковлев А.* Горькая чаша. - Ярославль, 1994.

Содержание

От авторов	3
Раздел I. Проблемы истории феодальной России	5
1. Поиски в области методологии	5
2. «Да знаете ли Вы, что такое Россия?»	9
3. Крестьяне средневековья. Особенности положения и менталитета	25
4. Вопросы изучения народных движений	31
5. Вечный интерес, вечные споры: Иван Грозный и Петр Великий	43
6. Новое в археологическом изучении древнерусского города	66
Раздел II. Проблемы истории России XIX века	96
1. Национальный характер	96
2. Самодержавие и самодержцы	107
3. Об ошибках, пробелах и искажениях в освещении истории Отечественной войны 1812 года	137
4. Содержание, движущие силы и этапы освободительного движения в XIX веке	145
5. Декабристы	152
6. Крестьянский или пролетарский социализм? (Идеи, организации, деятели)	160
7. Из истории российского либерализма	173
8. Русский консерватизм второй половины XIX в.	178
9. Реформы и контрреформы в XIX веке	196
Раздел III. Проблемы истории России конца XIX-начала XX вв.	204
1. Экономика и социальная структура	204
2. Революция 1905-1907 гг.	226
3. Начало II русской революции. Февраль 1917 г.	244
4. Октябрь 1917 г. (вопросы методологии)	259
5. Гражданская война. Политика «военного коммунизма» (1917-1921 гг.) 284	446

Раздел IV. Проблемы отечественной истории 1920-30-х гг.	315
1. Сущность и уроки НЭПа	315
2. Индустриализация: достижения и издержки	322
3. Драма «раскрестьянивания»	330
5. Окружение И. В. Сталина	351
6. Архипелаг ГУЛАГ	359
7. Советская власть и церковь	367
8 .О характере общественного строя в СССР в конце 1930-х гг.	375

Раздел V. Проблемы отечественной истории 1940-1990-х годов	382
1. Великая Отечественная война	382
2. Проблемы науки и культуры	410
3. Лидеры тоталитарной системы	424

Научно-популярное издание

**История Отечества
проблемы, взгляды, люди**

Составитель и научный редактор
академик Академии гуманитарных наук,
заслуженный работник высшей школы РФ,
доктор исторических наук, профессор
Евгений Павлович Иванов

Л Б ЯН ГДХ Ц ББТ•Н ЦГ ЦМ ХТ

БГ БФБ НБЦТЪБ ФБ Т НГБ

Изд. Лицензия **ИД 06024** от 09.10.2001 г.

Подписано в печать 05.01.04; формат 60х90/16, объем издания в у.п.л.28;
тираж 300 экз.; заказ № **.

Псковский государственный педагогический институт им. С.М. Кирова.
180760, г. Псков, площадь Ленина, 2.

Редакционно-издательский отдел ПГПИ им. С.М.Кирова.
180760, г. Псков, ул. Советская, 21. Тел. 2-86-18.